

Анна Ивановна
Волкова

ВОСПОМИНАНИЯ
И ДНЕВНИК

Государственная публичная историческая
библиотека России

Вглядываясь в прошлое

**Анна Ивановна Волкова
(урожд. Вишнякова)**

Воспоминания ════════════════════ ═══════════════════ **Дневник**

*Под редакцией
В. Е. Чешихина-Ветринского*

Москва
2015

УДК 94(47) (093)
ББК 63.3(2)51-7
В 67

Печатается по изданию: Волкова А. И. Воспоминания, дневник и статьи: с прил. биогр. очерка, двух фототип. портр. и трех указ./А. И. Волкова; предисл. и ред. Ветринского (В. Е. Чешихина).— Нижний Новгород: Типолитография «Нижегор. печатное дело», 1913.—XXVIII, 300 с., [2 отд. л. ил.].

Волкова А. И.

В 67 Воспоминания. Дневник/А. И. Волкова; предисл. и ред. В. Е. Чешихина-Ветринского; предисл., коммент., указ. Л.В. Беловинского; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2015.—393 с.: портр.— *(Вглядываясь в прошлое)*.
ISBN 978-5-85209-348-6

Анна Ивановна Волкова (урожд. Вишнякова; 1847—1910), публицист, переводчица, благотворительница. Издавала журнал «Друг женщин», посвященный вопросам обучения и проблемам женщин в обществе. В отличие от многих последовательниц феминизма видела необходимость женского образования не в обретении независимости, а, наоборот, рассматривала просвещение как средство укрепления семьи, способствующее более ответственному материнскому воспитанию. Эти темы она подробно исследует в своем дневнике, сравнивая уровень государственной поддержки образования в Российской империи 80-х и 90-х гг. XIX в. и за рубежом. Биографическая часть воспоминаний содержит интересные факты из жизни московской купеческой семьи середины позапрошлого века, упоминаются многие исторические события и лица того времени.

УДК 94(47) (093)
ББК 63.3(2)51-7

ISBN 978-5-85209-348-6 © Государственная публичная историческая библиотека России, 2015
© Беловинский Л. В., предисловие, комментарии, указатель собственных имен, 2015
© ЗАО «Репроникс», оформление, 2015

РЕБЕНОК И ЖЕНЩИНА В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИК АННЫ ИВАНОВНЫ ВОЛКОВОЙ

Предлагаемым читателю воспоминаниям и дневниковым записям А. И. Волковой предпослан великолепный биографический очерк В. Е. Чешихина-Ветринского. Это был специалист высокого класса, и созданное им жизнеописание Волковой не вызывает претензий. Более того, работу Ветринского необходимо прочесть, поскольку в нее включены интересные фрагменты записок Волковой, в основной текст книги не вошедшие.

Тем не менее представляется необходимым предварительно поговорить о некоторых сюжетах книги. Под пером и Чешихина-Ветринского, и самой Волковой ее жизнь предстает чистой юдолью: безрадостное детство без ласки, зато с обильно расточаемыми розгами, случайное в общем-то замужество, безрадостная жизнь с мужем-купцом, бесконечные тернии на литературном поприще... Но, исходя только из текстов и Ветринского, и самой Волковой, читатель может решить, что все это было свойственно только «темному царству» замоскворецкого купечества. Поэтому представляется необходимым разубедить его, читателя, в таком скороспелом решении.

Несмотря на все реформы Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, несмотря на все радикальные полуторавековые преобразования, психологически русское общество оставалось традиционалистским и во многом продолжало жить по канонам «Домостроя». Сменился только антураж, изменилась внешность, да и то лишь частично. Обычай был сильнее закона, формировавшееся веками обычное право сильнее нового писаного права.

И в соответствии с канонами этого обычного права мужчина, отец, муж оставался полным господином своих домашних, а жена, сыновья и дочери — его рабами, которых,

разве что нельзя было убить или продать. И это не только в жившем в соответствии с традициями и обычаем крестьянстве, но и в городской среде; не только среди мещанства и даже купечества, но и в дворянской среде. Можно вспомнить страницы «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» С. Т. Аксакова: как «дедушка» Багров таскал за волосы жену и уже взрослых дочерей, как домочадцы убегали от разбушевавшегося господина и повелителя в рощу и прятались по хлевам. А ведь это уже «екатерининское» дворянство, под пером наших новоявленных поклонников «блестящей» дворянской культуры, просвещенное, образованное и воспитанное, якобы читавшее Вольтера и Руссо. Впрочем, что говорить о провинциальном степном помещике Багрове. Современники даже в первой половине XIX в. нередко упоминают «фонарь» под глазом какой-нибудь графини или княгини, поставленный строгим, но справедливым супругом.

Впрочем, полной и непререкаемой властью над домочадцами обладали не только мужья и отцы, но и матери, если они оставались в семействе «большухами». В крестьянской семье и отец-большак, и мать-большуха могли бить неотделенного сына, взрослого бородатого мужика, отца семейства (о дочерях или снохах, невестках и речи нет) чем попало и по чему попало, а он не только не мог сопротивляться или отводить удары поленом, коромыслом, ухватом, но даже и уклоняться от ударов. В противном случае следовала жалоба сходу, а сход непременно посек бы ослушника «за непочтение к родителям». Посек бы розгами, даже если бы все понимали, что старик или старуха «чудят».

Разумеется, в городе, а тем паче по дворянству все это смягчалось, но... По жалобе родителей-мещан или купцов непокорного сына могли бы посечь розгами на съезжей по решению частного пристава или заключить на некоторый срок в тюрьму: для того и существовали «смирительные дома».

Мы, люди XX—XXI вв., часто воспринимаем все существующее при нас как существовавшее всегда. Брезгливость как отвращение к отправлениям чужого тела. Пользу свежего воздуха и форточки в окнах (а скоро так будем воспринимать и кондиционеры). Медицину как науку. Детскую педагогику как нечто непреложное. Воспитание как поощрение, а не как наказание. Детские игрушки как абсолют-

ную необходимость. Все лучшее — детям: и внимание, и самые лучшие комнаты, и самый сладкий кусок, и ласку.

Между тем все это, в исторических масштабах, появилось лишь вчера. В. И. Даль писал о брезгливости только как отвращении к непривычной пище, и офицер в походе мог хлебать кулеш или кашницу из одного котла со своими солдатами, а помещик в поле — со своими крепостными. Вот дворянин, помещик, писатель, видный чиновник и секретарь посольства в Японии, И. А. Гончаров, прогуливаясь по палубе фрегата «Паллада», полюбопытствовал, как кормят матросов. «Хлеб да соль,— сказал я. Один из матросов, из учтивости, чисто облизал свою деревянную ложку и подал мне. — Щи превкусные, с сильной приправой лука». Свежий воздух... У детей, и именно в образованном и материально обеспеченном дворянском и чиновничьем обществе, часто не было зимней одежды, и их зимой не выпускали из дома гулять, чтобы не простудились (с крестьянством и мещанством все было намного проще — дети должны были работать, помогать взрослым).

Все это, как нельзя лучше, нашло отражение в «Воспоминаниях детства» Волковой. Отпрыска не крестьянской, не мещанской семьи — семьи богатого столичного купца, не чуждого просвещения; по крайней мере немецкий язык, как язык делового общения, и романы на французском языке воспринимались там как нечто необходимое и нормальное. Уже описание детской комнаты, темной и неудобной, может вызвать удивление нашего современника. Но так это и было. Под детские комнаты отводились самые худшие помещения. Достаточно пройти по Москве и внимательно посмотреть на особняки конца XVIII — первой половины XIX в. По переднему фасаду высокие, даже величественные окна. А со двора, и большей частью с боков, окна бельэтажа пониже, а над ними, иногда даже врезанные в широкий карниз — крохотные оконца. Это оконца антресолей. По переднему фасаду — парадные комнаты. Сзади, по дворовому фасаду, в бельэтаже — окна комнат, где обитают взрослые — отец и мать семейства, их взрослые «выезжающие» дети. А на антресолях ютятся вместе с няньками и дядьками, гувернантками и гувернерами, в небольших комнатах, где рослый мужчина достанет потолок вытянутой рукой, — маленькие дети. Здесь под кроватками стоят ночные горшки, здесь, вповалку на полу, на подстеленных кошмах, на каких-то случайных ложах (у Вишняковых — на гладиль-

ной доске!) спят няньки. Спертый воздух, духота, теснота, грязь, насекомые всех пород...

Дети — помеха во взрослой жизни. Так сказать, отходы семейной жизни. Утром их сводят вниз: поцеловать ручки маменьке и папеньке, сказать «Здравствуйте, маменька, здравствуйте, папенька!» В ответ — вопрос к няньке или дядьке: «Как спал (спала)?» Могут взъерошить волосы на головенке (и это — счастье! ласка!). «Ну, иди, играй (или — учись)!» В семействах попроще и отношения поближе. Детей даже усаживают обедать за один стол с взрослыми. А в семействах аристократических — только с определенного возраста, только на «нижнем» конце стола, и упаси Бог! — выбирать куски с подносимого лакеем блюда: раз копается, значит, не голоден! Марш из-за стола! Оставить без ужина!..

Детей просто как бы не замечают. Это парии. Их главная задача — не мешать взрослым. Их главное назначение — служить для взрослых мишенью обидных шуток и объектом нравоучений. Если кто-то не верит, пусть заглянет в мемуары барона Врангеля, отца знаменитого историка искусства и еще более знаменитого вождя Белого движения. Небольшая детская, окно которой выходит во двор доходного дома, на вонючую помойную яму, загромождена отслужившей срок мебелью, и ребенок делает уроки, стоя на коленях перед сундуком! А за помарки и ошибки — розги! М. Е. Салтыков-Щедрин, описавший свое детство в «Пошехонской старине», писал, как жутко он завидовал С. Т. Аксакову, когда читал «Детские годы Багрова-внука»: ведь у ребенка была духовная близость и с образованной матерью, и с добрым отцом, и жил он, окруженный любовью. Той любовью и вниманием, которых так не хватало большинству детей той эпохи и очень многим мемуаристам.

В таких условиях как не зародиться в ребенке и лживости, стремления скрыть свои проступки или свалить их на других и озлобленности. Так оно и получалось. Вот надоедает маленькой девочке считать петли вязания, поднимать спустившиеся петли, и она ломает и выбрасывает спицы, а потом с невинным видом утверждает, что не знает, куда они пропали. Привели ребенка к новой подружке, та нечаянно сломала что-то и свалила вину на новую подружку. А ту — в очередной раз высекли. За ложь, за упрямство, строптивость — строгое наказание. Ведь это-то и считалось самым большим недостатком ребенка, и этот недостаток следовало

искоренять доступными сильными средствами. Недаром прописи, по которым учились писать, заканчивались сентенцией: «Не лги, послушней старшим, помни день субботний»: по субботам пороли за накопившиеся в течение недели проступки. Страх перед розгой, перед поркой никогда не оставляет Волкову. И недаром — секут ее часто. И это при том, что ее отец, производивший экзекуции, считал, что те наказания, которым подвергали его самого, были жестокими. А он сечет так, слегка, любя.

И это — не только в «темном царстве». Детей пороли всюду — от крестьянской избы до царского дворца. Маленького великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, отличавшегося как раз строптивостью, его воспитатель, вспыльчивый генерал Ламздорф, порол ежедневно, а однажды, вспылив, схватил его за шиворот и так ударил головой об стену, что тот потерял сознание: пороки нужно было выбить из ребенка. При такой «педагогике» удивительно не то, что вырастали суровые и жестокие цари, генералы, офицеры, помещики, купцы, а то, что среди них бывали добрые, мягкие, гуманные люди. В тех семьях, где детям нанимали учителей и все на тех же антресолях были классные комнаты, на шкафу со скудными учебными книгами непременно лежала розга. Были даже выработаны специальные приемы наказания за те или иные провинности. Например, за плохо выученный урок, а паче того, за помарки в тетрадях и неряшливый почерк (страшный грех: ценился ясный и четкий почерк) били по ладоням тяжелой дубовой линейкой, висевшей тут же на гвозде. Опять же можно адресовать читателя к воспоминаниям А. В. Левицкой, урожденной графини Олсуфьевой: папенька ее дружил с Л. Н. Толстым и запросто хаживал к тому в гости (московские усадьбы были смежны), а для детей (девочки и психически больной мальчик) розги и стояние в углу на коленях на мешочке с сухим горохом были обычным педагогическим приемом.

Какие уж тут лакомства. Какие игрушки. Не было игрушек и в семье Вишняковых — богатых столичных купцов, где, казалось бы, расход на копеечные игрушки был бы просто незаметен. Нет. Дети здесь «...играли в куклы, сделанные из тряпок. Подобие кукол из холстины мы делали с ней сами...» (С. 70). Вспомним, чем играл маленький Сережа Багров: подобранными на берегу реки камешками и простыми чурочками. Это парадоксально: игрушки были у

крестьянских детей, а у дворянских или купеческих — не было. Пусть это были примитивные крестьянские игрушки — лошадки, выстроганные ножом, деревянные, только намеченные куколки, игрушечные санки или телеги, мельнички... Крестьянский ребенок, играя, исподволь привыкал хозяйствовать, работать: запрягать лошадь, погонять ее кнутиком, «отправляться в извоз», пахать... Впрочем, дворянский ребенок тоже исподволь привыкал к взрослой жизни, выстраивая дворцы из «отыгранных» игральных карт (многие карточные игры требовали свежих, нераспечатанных колод, и, после очередного роббера или промётки талии карты сбрасывали под стол). Ведь карточная игра — важнейшее занятие, занимающее досуг, а то и служебное время. Ну, у мальчиков из дворянских семейств можно было найти еще и барабан, трубу, даже деревянную саблю или ружье: следовало приучаться к военной службе, единственно достойной дворянина. Недаром незабвенный Павел Иванович Чичиков посулил привезти сыновьям Манилова трубу и барабан. А куклы... Нет, куклы были. Для взрослых. В XVIII в. это были заменявшие модные журналы «Пандоры» — привезенные из Парижа большие куклы, одетые в наимоднейшие наряды. Либо это были стоявшие на комодах севрские или саксонские раскрашенные фарфоровые пастухи и пастушки, забавные китайские мандарины, качавшие головами при малейшем сотрясении пола, недоступные детям. Не было только детских кукол.

Но вот ребенок вырос и вошел в брачный возраст. И его начали «вывозить» для обзаведения нужными знакомствами и подбора пары. Ведь брак — не цель. Брак — только средство. Нужен наследник владений, богатств или «дела». Нужна хозяйка в доме — без хозяйки неприлично. Нужно округлить владения или преумножить богатства. Так что брак — важное дело. При чем тут какая-то любовь, личная склонность или просто знакомство молодых. Стерпится — слюбится. И с лица воду не пить. Брак, подбор пары — серьезное дело. И начинать следует с того, чтобы подобрать ровню жениху или невесте. А не так, как мечталось простоватому Мише Бальзамину из пьесы А. Н. Островского: «Богатый женится на бедной, бедный на богатой».

Как средством был брак, так средством была и супруга. Современные культурологи сказали бы, что она должна обладать репрезентативностью. Хорошо одетая, воспитанная, в меру образованная, желательна — миловидная и доста-

точно здоровая, она должна была представлять особу супруга. Своего рода вывеска, свидетельство его деловой успешности. Все прочее — от лукавого.

Справедливости ради отметим, что, в отличие от Западной Европы, русская женщина обладала имущественной независимостью. Как в крестьянском семействе большак (не муж) не мог залезть в бабий сундук, где лежали ее **собственные**, заработанные в свободное от семейных обязанностей время наряды, холсты, даже деньги, так в помещичьем семействе муж не имел право въезда (т. е. распоряжения) в ее приданные деревни. Конечно, муж крестьянин еще мог бы залезть в женин сундук, да и то, по ее жалобе сходу, если сход мужика недолюбливал и не уважал, его могли выпороть за самоуправство. Но для распоряжения деревнями жены муж должен был получить от нее доверенность. И женино приданое, если брак был бездетным, возвращалось в ее прежнее семейство. Потому-то оставшаяся вдовой крестьянка, мещанка, купчиха и становилась в доме «большухой», распоряжаясь всем имуществом, а сыновья не смели выйти из ее власти (в мемуарах, хотя бы у «бабушки» Янковой, встречаются описания порки взрослых сыновей-офицеров их родительницами).

Но во всех остальных отношениях женщина не была объектом права. Она вписывалась в паспорт отца или мужа. А если ей требовался собственный паспорт, то выдать его могли только с разрешения отца или мужа. И при этом все равно отец или муж мог вытребовать женщину до окончания срока действия паспорта, и полиция вернула бы ее по этапу.

Да и откуда же было бы взяться самостоятельной русской женщине, если развод в России был почти невозможен. Расторжение брака допускалось только в крайних, строго оговоренных случаях: длительное безвестное отсутствие одного из супругов, «прилипчивая» болезнь, тяжкое умственное заболевание, неисполнение супружеских обязанностей или доказанная и признанная виновником супружеская измена. И требовались для развода большое время, длительная чиновничья волокита в духовной консистории и огромные деньги (консисторские чиновники славились алчностью: сущие пауки). И дети при этом должны были остаться с отцом, в крайнем случае матери суд мог оставить дочерей. Правда, зато бывший муж должен был материально обеспечить жену, выделяя ей необходимое содержание.

Единственным средством для женщины получить ограниченную независимость был разъезд — явление частое, но законом не признаваемое настолько, что семейные отношения с другим человеком считались наказуемым «незаконным сожителеством».

Естественно, что в таких условиях женщине не требовалось образование: ведь ее не брали на государственную службу. Читатель тут, может быть, воскликнет: «А как же институты благородных девиц!»

Слова в любом языке со временем меняют свое значение. И тогдашние институты, женские, разумеется, не были **образовательными** учреждениями. Это были учреждения **воспитательные**. Недаром в институтах благородных девиц были такие «дисциплины», как благонравие, прилежание и послушание, за которые даже выставлялись баллы. Осанка, манеры, рисование, изящное рукоделие, французский язык — все, кроме подлинного образования, которое сводилось к весьма ограниченному чтению и столь же ограниченному зазубриванию расхожих исторических фактов. Конечно, в этих институтах и пансионах нередко обучались девицы из не слишком богатых семейств (богатые могли нанимать домашних учителей), которые затем вынуждены были подвизаться на поприще гувернанток и домашних учительниц. Но и занимались они впоследствии таким же воспитанием и ограниченным обучением точно таких же будущих жен.

Недаром в многочисленных руководствах по основам светской жизни категорически не рекомендовалось трактовать в дамском обществе о вопросах ученых: они были бы непонятны дамам и скучны. А в гостиной нужно развлекать дам легкой беседой о доступных им предметах. Обучение наукам для дамы было чем-то вроде пуколек в прическе, рюшек и бантиков на пеньюаре или пышного руло на бальном платье. Оно должно было украшать женщину, а не портить ее. Дороговато, конечно, но ведь и какой-нибудь фермуарчик не дешевле стоит.

Подлинное женское образование — это было чем-то чудовищным в глазах тогдашнего общества. Даже среднее, не говоря уж о высшем. Это только вольнодумцы, подрывая устои государственности, могли говорить о нем, и только стриженные шершавые нигилистки с грязными ногтями могли получить в результате образования. Не слишком-то высок был уровень образования и в дворянских пансио-

нах для мальчиков, да и в кадетских корпусах. Профессиональное образование требовалось только тем мужчинам, которые сами должны были зарабатывать средства, а вовсе не служить и не блистать в обществе. Вот для них и открывались ремесленные школы, коммерческие и технические училища, инженерные институты и тому подобное. Ну, а уж что касается женского образования...

С огромным трудом и в довольно ограниченном количестве лишь во второй половине столетия стали появляться женские гимназии, в которых кое-где даже были специальные седьмые классы, дававшие право преподавания в школе. Полноценное же высшее женское образование в стране появилось только после 1917 г. Так называемые высшие женские курсы, готовившие все тех же учительниц и даже женщин-врачей (в основном по детским и женским болезням) влачили жалкое существование на частные и общественные средства, то открываясь, то закрываясь ввиду их подозрительности по части нигилизма и революционности. Только с 1910 г. их свидетельства (не дипломы!) стали постепенно приравниваться к университетским дипломам. А женские университеты... Правда, ненадолго, на волне либерализма, в 60-х гг. в университеты стали допускать женщин-вольнослушательниц (но без права получения дипломов), но затем спохватились: совместное обучение взрослых девиц с мужчинами непременно должно развратить их, лишить приличной невинности.

Образованная женщина долго в русском обществе была какой-то диковинкой, вроде говорящей обезьяны, а уж образованная купчиха — тем паче. Независимая, самостоятельная и образованная русская женщина — явление второй половины, даже конца XIX в. В это время мы и видим появление женщин-писательниц, женщин-журналисток, женщин-учительниц, женщин-ученых, женщин-служащих.

Вот такую женщину мы и видим в Анне Ивановне Волковой, чьи воспоминания и размышления предоставляем на суд читателей.

*Л. В. Беловинский,
доктор исторических наук*

Анна Ивановна Волкова
(в молодых годах)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1913 г.

В предлагаемой книге читатель найдет очерк жизни Анны Ивановны Волковой, ее воспоминания детства, извлечения из дневников и некоторые ее статьи*.

А.И. Волкова, редактор и издательница в 1883—1884 гг. московского журнала «Друг женщин», не играла в литературе видной, руководящей роли. Ее знавали только имевшие дело с ее журналом или с теми журналами и газетами, большей частью малораспространенными, где она усердно сотрудничала. Она не принимала никакого заметного участия и в общественной жизни. Наконец, личная жизнь ее не представляет ничего внешне эффектного.

Тем не менее ее жизнь и деятельность заслуживают и внимания, и уважения. Родом из замоскворецкого купечества 50-х годов, то есть из среды, столь известной, по произведениям Островского, своею косностью, А.И. Волкова не получила сколько-нибудь законченного и цельного образования, и вдобавок личная жизнь ее была вконец испорчена и изломана. Но под влиянием жестоких уроков жизни, неутомимым трудом, неустанною работой самообразования она становится в ряды горячих поборниц женских самостоятельности и равноправия и занимает в этих рядах не последнее место изданием видного журнала, посвященного вопросам самостоятельности и образования женщин. Позднее, участием во многих изданиях, она посильно служит делу народного образования и распространению разумных взглядов на задачи воспитания и благотворительности. Во всем этом и в ее личной жизни немало типического для русской женщины вообще. Многим, как ей, тяжело давались и даются и самостоятельность, и знания, приходится вести ту же борьбу за свое человеческое достоинство и право. В

* В настоящее издание статьи А. И. Волковой не включены. (Примеч. изд-ва)

дневниках А.И. Волковой затронуты также многие любопытные моменты и настроения литературно-общественной жизни недавнего прошлого.

Средства на издание настоящей книги завещаны были самой А.И. Волковой, справедливо считавшей, что история ее жизни и стремлений к усиленной общественно полезной работе, как бы скромны ни были результаты этих стремлений, достойна некоторого внимания и сочувствия общества. Весь сбор от продажи книги, согласно воле покойной, полностью поступает в пользу Московского общества распространения коммерческого образования.

АННА ИВАНОВНА ВОЛКОВА

Биографический очерк*

I

Анна Ивановна Волкова происходила из старинного московского купеческого рода Вишняковых. В книге Н.П. Вишнякова «Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762—1847 гг.). Три части М., 1903, 1905 и 1911 гг.» любопытствующий читатель найдет многие подробности, освещающие быт старого купечества, лишь медленно, шаг за шагом поддававшегося новшествам и скупое делавшее уступки требованиям времени.

В первой четверти XIX века во главе рода был Петр Михайлович Вишняков, человек труда и дела, степенный, строго соблюдавший заветы патриархальной се-

* Кроме ближайших родственников А.И. Волковой, сведения и указания для настоящего очерка дали также следующие лица, которым составитель приносит сим искреннюю признательность: М.С. Богуславская, Е.Д. Влайкова, Ю.А. Веселовский, М.К. Каблукова (Горбунова), Н.А. Каблуков, Н.И. Тимковский и А.Н. Филиппов. Кроме того, Н.П. Огановский составил оказавшийся весьма полезным при редактировании книги общий указатель архива А.И. К сожалению, нам не удалось разыскать особо отобранных самою А. И. писем к ней женщин-писательниц по поводу издания журнала «Друг женщин». Как видно из записи в одной из тетрадей А.И., эти письма были ею переданы на хранение в библиотеку бывшего Библиографического кружка в Москве. Где письма находятся теперь, нам не могли сообщить ни бывший председатель кружка А.Д. Торопов, ни правление Библиографического общества при Московском университете, в которое передано было имущество кружка.

мейной власти и богомольный. Брат его, Михаил Михайлович Вишняков, уже считался фармазоном: он вел антикварную торговлю, стремился к самообразованию, и по его смерти Петр Михайлович даже счел нужным уничтожить множество его книг.

В 1820 году у П.М. Вишнякова от первого брака родился сын Иван Петрович, отец Анны Ивановны Волковой.

С точки зрения Петра Михайловича, для его сыновей «требовалось,— пишет его младший сын, историк рода,— чтобы они вышли хорошими купцами, поддержкой ему на старость и продолжателями его дела, которое кормило его семью (золотокружевное производство) и давало хороший барыш. А что для этого нужно? Нужно уметь писать по-русски не столько правильно, сколько красиво по-конторски, затем уметь считать, то есть знать четыре арифметических правила с выкладкой на счетах и учитывать векселя; наконец, так как, очевидно, завязывались отношения с немцами, полезно было знать немножко по-немецки. Наука плохо кормит, а в чиновники им идти не к лицу: если сыновей образовывать дальше, то сделаешь из них только «ученых», которые будут брезговать отцовским делом, и оно, значит, рано или поздно обречено будет на гибель, а сами молодые люди под конец пойдут по миру... наука была страшилищем, враждебным как семейным, так и торговым интересам».

К детям, в том числе к Ивану, приглашены для русской грамоты приходский священник, а также немецкий учитель и гувернантка немка: немцы вообще по традиции и позднее были в доме Вишняковых. По-видимому, тогда ценилась выправка молодых людей в хороших немецких семьях торгового мира по сравнению с русскими. Как бы ни было, Иван Петрович получил весьма скудное домашнее образование. Пятнадцати лет он уже ездит с отцом на Нижегородскую ярмарку. 10 ноября 1843 г. отец женил его на Александре Николаевне Лухмановой. Брак этот не мог

назваться выгодным, Лухмановы не были богаты, но через них Вишняковы породнились с Шестовыми: дед новой невестки был в сороковых годах московским градским головою.

«Я слыхала,— рассказывала Анна Ивановна Волкова дяде,— что мамаше (Александре Николаевне) очень было тяжело при жизни дедушки. Так как папаша (Иван Петрович) не был отделен при особом капитале и всецело зависел во всем от дедушки, то приходилось ходить к нему выпрашивать деньги на всякую мелочь, а дедушка был скуп и выдавать их не любил. Бывало, из-за какой-нибудь шляпки мамаша стоит-стоит перед дедушкиным кабинетом, не решаясь войти. Дядю Семена Петровича это очень возмущало, и он высказывал, что при жизни Петра Михайловича ни за что не женится, чтобы не подвергать такому унижению свою будущую жену» (Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч. 2. М., 1905. С. 197—198).

23 сентября 1845 г. у Ивана Петровича Вишнякова родился сын Петр, а 1 января 1847 г. дочь Анна, в доме Вишняковых на Малой Якиманке.

24 декабря 1847 г. скончался Петр Михайлович Вишняков, и Иван Петрович в возрасте 26 лет становится главою семьи и торгового дома. По сведениям из того же источника, он отличался добросердечностью, но был простоват; хороший работник в своем деле, он не обладал большою инициативой и уступал второму брату Семену. Вместе с Анною Сергеевной, второю женою П.М., им принадлежал решающий голос во всех делах. На шесть лет общий порядок нераздельного житья и торгового дела был определен завещанием Петра Михайловича.

Первые годы жизни Анны Ивановны и были заполнены впечатлениями этого старого порядка жизни в доме.

От природы недурной человек, Иван Петрович, по семейным воспоминаниям, однако, был очень несдержан, и отсутствие воспитания сказывалось у него в

большой вспыльчивости, от которой прежде всего страдали его собственные беззащитные дети. Легкость перехода от неудовольствия к расправе и какой-то необузданный характер шуток с детьми отпугивали от него детей: он сажал их, например, на высокий буфет и грозил там оставить, «показывал Петербург», подымая за голову, и не велел плакать от этих шуток.

Не парой Ивану Петровичу была его жена. «Не будучи красавицей^{*}, она была очень интересна: Лухмановы все вообще были недурны собой. Ее бледное, нежное лицо, выразительные карие глаза, мягкие, сдержанные манеры и тихая речь носили отпечаток редкого изящества и придавали ей томный и аристократический оттенок. В ней чувствовалась какая-то затаенная грусть, бессильная жалоба, усталая покорность судьбе, с которой бороться ей было не по силам. Глядя на нее, нельзя было не догадаться, что жизнь для нее — не игрушка, а тяжелая, непосильная ноша. Утешением ее были только дети, которых она горячо любила» («Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1903—1911»).

Насколько выделялась эта женщина в купеческой среде той поры, свидетельствует рассказ Н.П. Вишнякова о дружбе между нею и младшим братом ее мужа, Михаилом, семнадцатилетним юношей. «Они читали вместе сочинения Вольтера, между прочим его комментариев на Библию, и эта книга наложила определенный отпечаток на религиозные убеждения брата на всю его остальную жизнь. Долгое время у него хранилась, как реликвия, статья по истории философии Эдуарда Губера^{**}, переписанная рукою Александры Николаевны» («Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1911. Ч. 3. С. 37—38»).

Но матери не суждено было нести заботы о детях в жизни: она скончалась от страшной болезни, рака, на 30-м году жизни.

^{*} Дочь вспоминает ее как красавицу.

^{**} Поэт сороковых годов XIX в., переводчик «Фауста».

В воспоминаниях раннего детства Анны Ивановны образ матери проходит как нечто неизъяснимо прекрасное, но несколько далекое от нее. К ней тянулось ее сердечко, мучительно сжималось от страха за нее (см. трогательную сцену гаданья в день Благовещения). Перед нами в этих отрывках автобиографии (см. Воспоминания) живо рисуется вся обстановка старинного купеческого дома, где к детям относятся без тени того внимания и заботливости, какими стараются теперь окружать их. В этом отношении воспоминания А.И.— довольно любопытный, живой документ эпохи.

Мы видим, например, из ее рассказа, что детям отведена полутемная комната; нет и мысли о достаточном просторе в ней и чистом воздухе, даже тогда, когда он явно заражен ближайшим соседством с больной раком. Старшие относятся к детям со строгостью и требованиями чисто механического послушания, действуя окриками и как последним аргументом — розгою. Анна Ивановна с грустью вспоминает о том далеко не педагогическом предпочтении, какое отдавалось ее брату, в том числе и со стороны матери. Так поселялось в сердце ребенка раннее отчуждение от других.

Живой и резвый ребенок, она навлекает на себя легко своими проказами гнев старших, вплоть до колотушек и розог. Мы видим далее сцену непонимания между матерью и девочкой, когда между ними стал чужой человек, сухая гувернантка, требующая от ребенка показных чувств любви к матери. А этою невысказанной любовью дрожит и мучится ее сердце, как в грустной сцене гадания с птичками (см. с. 91—92).

Неуместная к девочке строгость оттолкнула ее маленькое сердце от родителей. Ближе и роднее ей кажутся старушка няня и крестьянка-кормилица. Жажда ласки и боязнь приласкаться, горькое чувство ранней обиды непонятно за что — вот что с ранних пор залегает в сердце Анны Ивановны, как вечно живото-

чащая кровью ранка. Ей не хватает и сверстниц, и она растет, пугливо дичась и сосредоточиваясь в мечтах.

Картины домашнего воспитания, муштра и бестолковый надзор плохих гувернанток, живо обрисованные в воспоминаниях детства Анны Ивановны, обрываются на рассказе о смерти матери и о второй женитьбе Ивана Петровича.

II

Это было тяжелым переломом в жизни сирот, так как мачеха, тем более при отце, настроенном к дочери как к девочке озорной, менее всего могла заменить им мать. А.И. отдана в пансион¹ сначала Ринг, потом Каспари, чем и окончилось ее образование, более чем недостаточное. Но в ней возбуждена была живая охота к чтению, которое в доме, по смерти матери, не только не поощрялось, но и преследовалось. В училище А.И., по рассказу брата, с которым ее соединила теперь нежная дружба, пользовалась любовью своих подруг, для которых с большою легкостью писала школьные сочинения. Но в родном доме, где ее зарождавшиеся стремления делил только брат, тяжело давались и крохи образования. Читать им приходилось украдкой, и ей готовилась отцовскими руками не радостная судьба.

Книга и мечты, как бы ни было, становятся отрадой жизни бедной замоскворецкой Сандрильоны² в богатом купеческом доме, как называет себя А.И. в одном из отрывочных воспоминаний, рассеянных в ее дневниках. Девочка-подросток лишь летом на даче, в Сокольниках и т.п., чувствует себя свободнее от домашнего гнета, оставаясь чуждою той временами шумной и веселой жизни, которая развертывалась в доме Ивана Петровича при новой хозяйке.

Анна Ивановна написала несколько автобиографических «картинок из жизни», в виде стихотворений в прозе. Приводим полностью одну из этих картинок.

Она рисует памятный Анне Ивановне момент отрочества, показывающий отчуждение девочки от общей жизни дома и то, чем жила ее бедная голова.

Август, 1856

«Выгорела трава на полях. Листья облетают, землю покрывая. Вечер. Солнце заходит, шаром спускаясь по небу. Плавно течет река в своих берегах. Розовый отблеск солнца отражается в воде. Низко склонились ивы над водою, омывая свои ветви.

Звуки голосов несутся по реке в тенистом саду. Хором песни веселые поют. Хохот, визг и крик. В воздухе пробки летят: пенится шипучее вино.

Дом охвачен мраком. Тихо, все в саду.

Лишь девочка-подросток смотрит задумчиво в окно.

Немка-старушка рядом: занавес, булавки в руках. Свечку поспешно зажигает она, окно закрывая.

— Светло! — шепчет дитя.

— Много книг, конфет! — ласково старушка говорит.

Девочка смеется, немку целует и кружит.

— Будет, будет! — ворчит старушка, улыбаясь.

Ночь наступила. Звезды дождем серебристым рассыпались по небу. В избах мерцают огни. Колокол сторожевой заунывно звонит. Лес стоит неподвижно. Спит природа, в ожидании зари.

Ярко пылает свеча, затлелась бумага.

Девочка над книгой голову склонила. Жадно читает страницу за страницей.

Мир другой грезится ей, другие страны, редкие цветы, деревья.

Море расстилается вдали. Люди иные обитают там: приветливы, добры. Нежность, ласка в их устах. Жить с ними хочет дитя.

Громче раздается говор, крик в тиши ночной. Двигаются по дорожкам тени. Римские свечи, ракеты, шутихи, хлопушки трещат.

Люди веселятся, жизнью пользуясь широко...»

Трогательная тоска ребенка по ласке проводит Анну Ивановну через всю жизнь.

В одном из отрывков воспоминаний А.И. мы читаем, что было потом:

«...прожила я до 16 лет, а тут и замуж пора. За кого идти замуж? Это все равно. Лишь бы имел средства. Ну, такой нашелся: в октябре встретились, в ноябре были муж и жена. Как сейчас помню тот день, когда меня вывели в гостиную показать жениху, который явился смотреть на меня со своей матерью и братьями. Эти смотрины я часто сравнивала, впоследствии, с выводкой лошадей... Прежде всего осмотр происходит со стороны физической, так же и меня смотрели, а потом касаются уже и норова лошади или мягкости: нужен ли ей кнут или ласка? Одним словом, второе — между прочим, а главное — это красота статей и «кусочку мяса», как говорит одна моя знакомая немка. Осмотрели: оказалась годна. Спросили для виду и меня: нравится ли жених? Сказала: нравится. Он был недурен собою. Да, впрочем, мне было безразлично, дурен ли он или хорош. Я знала только одно, что когда я буду замужем, то на меня будут смотреть как на взрослую, а главное, не будут бить за что попало, не будут оскорблять; последнее мне было особенно больно; я, по всей вероятности, бессознательно, в силу, быть может, чувства самосохранения, желала избавиться от неприятного, кидаясь так же бессознательно в туманное приятное, которого так и не знала. Очень может быть, что под словом приятное я подразумевала что-нибудь неосуществимое, несбыточное в то время...»

В упомянутых «картинках жизни» следующая сцена изображает один любопытный момент накануне свадебного торжества; А.И. позволила себе проявить едва ли не в первый раз серьезное отступление от традиции, устроив своего рода демонстрацию:

Ноябрь, 1863

«Снег ложится хлопьями на землю. Мокро. В воздухе тепло.

Двор окутан покровом белым. Длинные дороги и сани снегом занесло. Снег хвостами сметают кучера.

Завтра свадьба, барышню замуж отдаем,— товарищам хозяйский кучер сказал.

В доме суета. В комнатах сундуки, стулья, диваны покрыты платьями, мехами. Шелк, бархат, кружева. Розовые, голубые ленты тянутся по полу. Брат, невеста, подруги завязывают лентами белье: кладут по старинному поверью в сундуки рубли и крендели.

Все готово.

— В ноги кланяйся отцу, благодари!— шепчет мачеха невесте.

— В ноги, в ноги,— вторит мачехе родня.

— Нет!— невеста со слезами говорит.

— Книг начиталась, гордыня!— отец сурово дочери сказал.

Брань, упреки полились. Плачет невеста. Мачеха злобно на девушку смотрит.

Звон колокольчика раздался: приехал жених».

Мужем наивной девушки стал, волею отца и мачехи, Гаврила Гаврилович Волков, представитель влиятельной и авторитетной в коммерческих кругах банкирской конторы Волковых. Свадьба состоялась 10 ноября 1863 г. Муж был старше Анны Ивановны на десять лет, но при неравенстве лет это было также полное неравенство и в духовном отношении.

Радуюсь освобождению от мачехи, А.И., как можно было ожидать при полной ее наивности, неведении жизни и развитой книгами мечтательности, сначала, конечно, идеализировала человека, открывшего ей новую жизнь. Но день за днем, год за годом несли немолчимое разочарование и, наконец, полное сознание, что вся личная жизнь ее погибла и безнадежно испорчена.

III

Снова обращаемся к отрывкам из воспоминаний Анны Ивановны.

«Я помню, как меня, неопытную, глупую девочку поражало противоречие действительности с тем, что я читала, а читала я много и читала тайком. Спросить об этом противоречии было невозможно. Мужа спросить было нельзя, так как он и составлял это противоречие, это несходство с тем идеалом, который создавался и вырос, через посредство чтения, в голове девчонки. Наивному удивлению от такого противоречия не было конца. Вопросы толпились в голове, сменяя один другой, и все были без ответа.

Надо было искать ответа в книгах, разговорах. Заговорила с мужем о книгах, о библиотеке, о желании читать, воображая, что и он, мой идеал, думает так же, как и я, и стремится к тому же. И вдруг разочарование! Муж обругал меня дурую, что меня очень удивило. Денег на книги не дал, а приказал купить подушку и вышивать ему к ангелу. Я повиновалась, хотя никак не могла понять, почему вышивать подушку можно, а книги читать нельзя...

Все его поступки, противоречившие моему идеалу, я приписывала себе, моему неумению обращаться с ним. «Как я глупа! — повторяла я мысленно, не раз: — Он старше меня на десять лет, он умнее меня, почему и не находит слов говорить со мной, с такой глупой». Боже! Как мне хотелось быть умной, чтобы понять его и заставить любить себя! Я силилась найти, что именно интересуется его; я хотела жить его интересами и мыслями. Я видела, что он любит лошадей и говорит о них непонятными для меня терминами. Я начала изучать эти термины; породы лошадей; их родословную, которая упоминается в аттестатах чуть не в пяти поколениях. Я знала наизусть до 40 имен прародителей чуть не каждой лошади, которая принадлежала мужу.

И все это было бесполезно. Ему было скучно со мной: мы не понимали друг друга. Я мучилась, стра-

дала, и все страдания мои сводились к сознанию, что я очень глупа... Любовь моя была так сильна, что я гнала от себя дурные мысли, мысленно извиняя его во всех дурных поступках...

Да, теперь (1888—1889 гг.), вспоминая прошлое, смеешься на свою наивность, а тогда было тяжело. Точно завеса спала с глаз моих!.. Мой пьедестал с воображаемым божком рассыпался: я цеплялась за этот пьедестал, я искала что-нибудь, чтобы остановить это разрушение, а время делало свое дело, и пьедестал, не имея прочных основ, разрушался, разрушался и, наконец, рухнул, рассыпался, и не стало божка, не стало человека, в котором я искала друга, мужа, поддержки, ума; остался только формальный муж, с которым судьба, обстоятельства связали меня навеки...»

Годы материнства, тяжелые болезни (в одном месте дневников А.И. упоминает, что с 18 и до 30 лет была больна непрерывно), подрастающие дети,— и в то же время этот постепенный нараставший разрыв с мужем,— вот та школа, которую пришлось пройти Анне Ивановне Волковой, прежде чем она попыталась создать себе свою, новую жизнь. Многие женщины проходят через подобные же испытания. Положение женщины вообще и доныне, а тем более в те времена и в той среде, к которой принадлежала Анна Ивановна, менее всего благоприятствует развитию в женщине самостоятельности, способности отстаивать свою человеческую личность и достоинство. Может быть, в Анне Ивановне впервые в истории рода в женском поколении выразились задатки упорной и настойчивой воли, какая выражалась, например, в деде, Петре Михайловиче.

Из завязавшейся борьбы А.И. вышла победительницей, добившись себе возможности вести жизнь так, как она хотела, заниматься тем, что влекло ее самое. Но победа стоила очень дорого: утраты здоровья и без счета потраченных душевных сил...

Муж Анны Ивановны скончался в 1905 г. Ряд лет перед смертью он доживал свою бурную жизнь в доме А.И. парализованный.

К сожалению, мы не располагаем определенными данными, как шло умственное пробуждение Анны Ивановны и как складывалось ее развитие. Мы знаем только по намекам в ее отрывочных воспоминаниях, по рассказам ее близких, общие черты суровых уроков жизни и общие указания на роль книги в жажде и стремлениях к новой жизни.

Первое время полудетства и замужества это были, вероятно, больше романы, скорее переводные, случайные книжки журналов, может быть... В одном из дневников она вспоминает, что читала в 60-х годах романы Авдеева («Тамарин»), в которых ставился в свое время и женский вопрос. Свойственная ей мечтательная идеализация интеллигентной жизни, тоска по каким-то особым людям, не похожим на окружающих, могла быть определена именно старинными посредственными романами, со страдающими героинями и идеально прекрасными героями, с их всегдашней борьбой против судьбы и злых интриг бесчестных людей, но и с конечной победой добра и благородных стремлений и взаимной верной любви.

И позднее одной из отличительных черт А.И. остается ее слабость идеализировать людей, с которыми она входит в общение, и, по рассказам, не раз приходилось ей терпеть в этом отношении тяжелые разочарования.

Но больше всего — сама жизнь натолкнула Анну Ивановну, сурово и грубо, на мысли о зависимом положении женщины не только в среде купечества, но и в обществе вообще. Силясь разобраться во всем этом, она, конечно, не могла не наброситься с жадностью на книги и журналы, трактовавшие в 60-е и 70-е годы немало о женском вопросе. Она, упорно и много читая, делает обширные выписки из книг. Книга Милля «Подчиненность женщины», в свое время бывшая у

нас одним из боевых знамен женской самостоятельности, тем же была и для Анны Ивановны. Но то, что она встретила в ней с первой страницы, лишь формулировало то, что она сама уже выстрадала и до чего сама додумалась: «Принцип, которым управляются общественные отношения между обоими полами, то есть легальная подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей, *ложен* и составляет ныне одно из главных препятствий к прогрессу человечества, и его следует заменить принципом полного равенства, не допускающим власти, ни преимущества с одной стороны, ни воспреещения с другой».

Материнство поставило А.И. лицом к лицу и с вопросами воспитания. Вся потребность любви в ее душе, естественно, обращалась на первенца, на других детей. Но здесь на каждом шагу, при ее рано развившейся сосредоточенности и способности к самонаблюдению, она должна была несчетное число раз сознать свою беспомощность, полную свою неподготовленность к делу воспитания даже родных детей... Здесь ждали ее также новые тяжелые для нее разочарования: так, например, не осуществились ее пламенные мечты видеть сына, подававшего в ранней юности блестящие надежды, то профессором, человеком науки, то музыкантом-художником... Позднее, в своих тетрадях, уже тогда, когда дети давно стали на ноги, она пишет о своих ошибках с душевной мукой и горечью разочарования и винит себя тяжело за неизбежные в жизни беды и неудачи детей.

«Воспитание начинается с колыбели ребенка, а я в то время была слишком мало развита, чтобы понимать это слово (воспитание): все пришло позднее и приходило постепенно упорным трудом, опытом и наблюдением. Но время летело вперед и делало то, что было нежелательно. Много я работала впоследствии над воспитанием моих детей, с надеждой на успех, но... чем больше живешь, тем отчетливее видишь те промахи, ошибки, промахи, которые вытекали в то время

от неумения приняться за дело, недостатка развития и образования, а главное от недостатка систематической последовательности в чтении и неимения надлежащего общества, которое могло руководить меня и направлять своим примером по трудному пути...»

Нечто глубоко личное и тяжелое чувствуется, например, и в такой черновой заметке, под заглавием: «Что мешает правильному и осмысленному воспитанию детей со стороны женщин». «Недостаток образования, умственного развития и воспитания женщины не настолько еще влияют на недостатки в воспитании матерями детей, как их нравственное состояние, их борьба, их бессилие в этой борьбе. Так что в настоящее время причиной неумелого воспитания детей являются два элемента. Во-первых, недостаток образования, неразвитость женщины, смешанная иногда с дурным характером, упрямством и т.д., мешают этому великому делу. Во-вторых, если мы возьмем тех женщин, которые, вследствие различных причин, успели пополнить сами те пробелы, которые служили тормозом к правильному исполнению своих обязанностей относительно детей, то мы видим, что тут является борьба с противоположным полом, в лице мужа, брата и т.д. Эта борьба обессиливает женщину, и нередко приходится ей этим постоянным лавированием между двух огней портить своих детей. Спокойный дух, развитый ум способны только благотворно влиять, и, не ограничиваясь своим домашним очагом, она идет далее, она старается применить свою энергию на пользу других людей. Подобное явление такого спокойствия, в соединении с развитостью женщины — есть редкое явление».

Иными словами, А.И. очень остро и болезненно чувствовала, как ложится на детей полное отсутствие какой бы ни было гармонии в ее семейном и душевном кругу. Слишком много сил поглощала тяжело переживаемая личная драма, законное стремление отстоять свои права, свою личность, найти плодотворную рабо-

ту своим умственным силам и приложить приобретенное к жизни. Как ей по крайней мере казалось, от этого страдали не менее законные интересы и права детей, что тяжело ее мучило.

Так естественно определился круг особых умственных интересов Анны Ивановны, когда в книгах и у более знающих она решается искать ответов на жестокие, беспощадно жизнью поставленные ей, вопросы. Этот круг — судьбы женщины, ее права и обязанности, вопрос об образовании женщин, и затем вопросы воспитания и образования, сначала семейного воспитания, потом все расширяющиеся вопросы все-народного образования.

Попутно пришлось разрешать и многие иные вопросы. Много из того, что занимало и волновало А.И. в долгие одинокие годы, нам остается неясным и скрытым. Но, раз пробужденная, и так грубо, мысль естественно направилась тогда по общему руслу, в которое в это время уже начинала вливаться мысль в среде крупного московского купечества. По-видимому, решающее влияние на склад новых воззрений А.И., резко разошедшихся со всеми традициями замоскворецкого купечества, имели влияние, помимо книг, встречи с более образованными представителями московского купечества, и в особенности с некоторыми лицами, близкими к ученым и учащимся кругам Московского университета. Это тяготение московского купечества, в наиболее просвещенной его части, к людям науки, к университету было крупным культурным явлением московской жизни еще с сороковых годов прошлого века. С годами эта непрерывная связь, как известно, усиливалась и росла. А.И. тяготеет к этой же сфере московской интеллигенции. Так естественно и незаметно, под особым ли влиянием отдельных лиц, в связи ли с литературными влияниями, или просто потому, что это носилось тогда в воздухе, к началу восьмидесятых годов в Анне Ивановне сложился человек определенного либерального образа мыслей, с

горячими симпатиями к деятельной и живой умственной жизни, с особым высоким представлением о людях интеллигентного круга, с трогательным по своей чистоте и некоторой наивности высоким представлением о значении литературной и всякой иной просветительной работы.

IV

Первым литературным шагом А.И. был перевод романа Эрнеста Доде «Баронесса Мироель» (Угнетенная)*. Книга была переведена, вероятно, в 1879 г. (цензурное разрешение дано 16 октября этого года) и напечатана без имени переводчицы.

Этот роман или рассказ, как и все произведения Эрнеста Доде, не имеет особого литературного значения. Он написан в приподнятом тоне; имеется в нем и мелодраматический «злодей», и необыкновенно благородный возлюбленный «угнетенной» баронессы. Эта баронесса выдана опекуном за совершенного негодяя, который бросает ее в первый день брака для какой-то певицы; баронесса убивает мужа, когда, после всяких грязных проделок, он возвращается к ней и хочет овладеть женою насильно. Но для А.И., конечно, характерен самый выбор для перевода этого слабого произведения: ведь она тоже была выдана замуж насильно, и муж оказался, в конце концов, очень далеким от идеала...

В 1880 г. А.И. переводит статью Эмиля Жиардена «Равная мужчине» (письмо к Александру Дюма-сыну). Этот перевод остался в рукописи.

Позднее А.И. больше не переводит беллетристики и сама за нее не берется. Она отмежевывает себе исключительно область переводов и компиляций с французского языка, по вопросам о положении женщин и

* Эрнест Доде. Баронесса Мироель: (Угнетенная): роман в 3 ч., пер. с фр. Цена 60 коп. М., 1880. В 8-ю д. л. С. 93. Книга была издана двоюродным братом А.И. Волковой — А.С. Вишняковым.

по разнообразнейшим вопросам воспитания и образования. Она выписывает много книг по этим предметам и несколько журналов, а также абонируется в бюро вырезок, которое аккуратно шлет ей множество материала по интересующим ее текущим вопросам.

Так составила ее библиотека. При жизни А.И. этою библиотекою и книгами ее часто пользовалась учащаяся молодежь, с которой она, когда стали подрастать дети, и через детей же, заводит много знакомств.

Издание журнала «Друг женщин», на который Анна Ивановна истратила довольно много личных средств и душевных сил, на два года поглотило ее всецело. Журнал выходил с 1882 г. Он принадлежал сотруднице московской газеты «Русский курьер», Марии Савельевне Богуславской, которая и подписывалась до конца издания редактором-издательницей. В 1882 г. вышло 10 книжек, с марта месяца. Подписная цена объявлена 6 р. (без пересылки). Цель журнала, как читаем в первой книжке, была «предоставление женщинам возможности высказывать свои суждения обо всем, что их касается, о своих нуждах и потребностях, и в особенности о воспитании детей, так как огромное большинство женщин — воспитательницы своих или чужих детей».

Программу журнала составляли: 1) Романы и повести оригинальные и переводные. 2) Описание жизни писательниц, женщин замечательных в истории и причисленных к лику святых. 3) Дневник женщины. 4) Статьи о воспитании детей. 5) Письма в редакцию и ответы на них. 6) Сообщения собственных корреспондентов и выдержки из других изданий о деятельности женщин на разных поприщах. 7) Хозяйственные заметки. 8) Статистические сведения о труде женщин. 9) Объявления.

«С большим знанием жизни, нежели науки, приступаем мы к изданию журнала,— писала издательница в первой книжке (ценз. разр. 9 марта 1882),— но

нас ободряют слова Смайльса, что нередко недостаток научных познаний восполняется опытностью житейскою». Журнал сначала наполнялся, преимущественно, трудами самой г-жи Богуславской (подписывавшейся М. Сковронская), мало-мальски известных авторов в нем не участвовало. Несколько странное впечатление производило сочетание таких статей в одной книжке, как: «Последние минуты жизни Жорж Санд» и «Житие св. Анастасии узорешительницы».

В «Дневнике женщины» (самой издательницы) в № 2 журнала в пояснение программы его говорилось:

«Друг женщины», горячо сочувствуя давнишнему желанию женщин приобретать большие научные сведения и более широкое поприще для деятельности, желает женщинам, сомневающимся до сих пор, приобрести более веры в Провидение и обновиться, так как уже двадцать лет господствовало маловерие. Ибо истинно просвещенными женщинами могут назваться те, у которых высокое образование, большие научные познания соединены с сознательною твердою верою в бытие Высшего Духа. Если мы взглянем с точки зрения веков на людей, населявших землю, то увидим, что ученые сыны века были часто атеисты, сыны же света, открывавшие людям новые истины, были люди верующие».

В таком первоначальном виде журнал встретил очень мало сочувствия. В конце 1882 г. с издательницею, через А. Н. Филиппова, работавшего в «Русском курьере», познакомилась А.И. Волкова и поместила в «Друге женщин» несколько заметок и переводов с французского. Затем, уже с конца 1882 г., журнал перешел в руки А.И. Волковой. Номинально редактором-издательницею журнала оставалась М. С. Богуславская, так как официальная перемена редакции требовала по тому времени не малых хлопот. Ввиду малого успеха «Друга женщин» за первый год издания, может быть, было бы благоразумнее начать дело с самого начала. Но ходатайства о новых изданиях

удовлетворялись в то время с большими затруднениями.

Программа журнала с 1883 г. была объявлена следующая: 1) Беллетристика оригинальная и переводная. 2) Биографии писательниц и женщин замечательных в истории. 3) Сведения о деятельности женщин на разных поприщах. 4) Статистические данные о труде женщин. 5) Педагогические статьи. 6) Библиография, критика и рецензии, касающиеся женщин-писательниц и сочинений о женщинах. 7) Судебный отдел, куда входят гражданские права женщин по русскому законодательству и уголовные процессы, в которых потерпевшими и подсудимыми являются женщины.

Переход журнала в новые руки был встречен в среде знавших А.И. надеждою на обновление журнала, на то, что явится хороший орган женского дела.

Одна из сотрудниц Анны Ивановны просила, например, принять участие в новом женском журнале известного публициста В.О. Португалова, в следующих выражениях: «Как человек искренно преданный делу развития умственного и нравственного среди русских женщин, Вы, вероятно, не откажете в моей просьбе: журнал этот был очень плох прежде. Теперь нашлась милая женская личность, хороший человек, мать и развитое существо вообще, которая взяла на себя материальные хлопоты по изданию. Ввиду обещанного сотрудничества Успенского, Горбуновой, Гольцева и со временем многих известных литературных женских и мужских имен, надо надеяться, что единственный пока женский русский журнал пойдет недурно, несмотря на трудное время, переживаемое как прессой, так и обществом».

Журнал быстро приобрел определенную физиономию, чему был обязан как сотрудничеству более или менее видных литературных сил, так и в особенности настойчивой работе самой А.И. Последняя вела деятельные сношения с довольно разнообразным кругом сотрудников и составляла постоянные отделы, хрони-

ку женского движения и образования по русским и иностранным газетам. Из просмотра журнала за то время, когда им заведовала А.И., легко убедиться, что на призыв ее откликнулось значительное число женщин-писательниц. Виднейшая из них, В. Крестовский (псевдоним) поместила переводный роман с итальянского. Кроме того, даны беллетристические вещи — В.И. Дмитриевой, Р.М. Фельдштейн (Хин), Е.О. Дубровиной и др. Ряд статей о женском труде поместила М.К. Горбунова (Каблукова); работали также Раиса Гарднер, Е. Леткова, З. Иванова-Мирович и другие писательницы. Кроме того, в журнале видим имена Н.Н. Златовратского, В.А. Гольцева, д-ра Португалова, Н.А. Каблукова, А.Н. Филиппова и др.*

В то время, как огромное большинство изданий, имевших или имеющих в виду женщин, было всегда у нас посвящено модам, хозяйству или носило специфический «дамский» характер салонно-светской литературы, «Друг женщин» продолжал собою традицию лучших журналов 60-х и 70-х годов, посвященных разработке и освещению женского вопроса, каковы были «Женский вестник» (1866—1868) и «Женское образование» (журнал собственно педагогический, выходивший с 1876 г. в СПб.). Эта традиция сводится к двум течениям, которые мы и ныне замечаем в женском вопросе. Это — во-первых, отстаивание равноправности, права женщин на самостоятельное, равное с мужчиной положение и деятельность в семье и гражданском обществе. Во-вторых — борьба за равенство в области образовательных средств, расширение и углубление образования женщин, которое явится, в свою очередь, могучим орудием для завоевания жен-

* В приложениях к книге (Изд. 1913 г. (ред.) читатель найдет полное содержание «Друга женщин» за время издания его А.И. Волковой. В настоящее время он уже составляет библиографическую редкость. Его совсем не имеется в библиотеке Исторического музея имени Александра III, вообще весьма богатой по отделу журналистики, а экземпляр библиотеки Румянцевского музея — разрознен. Мы пользовались полным экземпляром журнала за 1883 и 1884 гг. из библиотеки Коммерческого института в Москве.

щинами равноправности. «Друг женщин» отнюдь не был, однако, узким «феминистским» журналом. В иных статьях сквозит вполне ясное понимание того, что «женский» вопрос зависит и от «мужского», от общего экономического, социального положения вещей.

Все это разносторонне представлено в «Друге женщин», как в отделе беллетристики, так и в остальных отделах журнала. Беллетристика журнала давала разнообразные, всем доступные картины жизни, русской и чужеземной (повести Альф. Доде, Эмиля Зола, Ги де Мопассана, Э. Ожешко), в которых так или иначе затрагивалось положение женщины с бытовой стороны, со стороны ее подчиненности, со стороны стремлений ее к образованию и т.д. Серьезные статьи говорили о положении женщины в разных странах и в разное время, о завоеваниях ее в области самостоятельности, в области образования, и в целом; серые, тонкие книжки журнала, меньше всего претендовавшие на внешнее изящество, были симпатичным и цельным явлением публицистики. Журнал был подцензурный и, как вспоминает одна из ближайших его сотрудниц, М.К. Горбунова-Каблукова, находился под цензурой, очень мнительной и капризно-придирчивой. Цензор, читавший журнал, смотрел на него как на лишнюю себе обузу, и с пренебрежением, как к совершенно праздной и досадной затее какой-то «купчихи». Г-же Горбуновой приходилось упорно отстаивать свои статьи, из которых, например, вымарывалось самое имя К. Маркса (в статье о женском труде), вероятно, как неподобающее, по представлению г-на цензора, для «женского» органа печати. Вследствие этого давления цензуры статьи журнала иногда бывали излишне сухи. Но некоторая сухость была, видимо, тоже следствием сознательного желания редактора журнала: А.И. очень дорожила деловитостью статей, богатством в них голых фактов, которые могли бы сами по себе, без излишнего, по ее мнению, многоречия, будить

мысль читательницы и давать ей материал для выводов, какие напрашивались бы невольно у думающей читательницы.

Приводим несколько выдержек из писем к А.И., показывающих сочувствие, какое завоевывал шаг за шагом «Друг женщин».

А. Валуева о новом журнале писала А.И. Волковой из Петербурга:

«За последнее время мне много пришлось толковать о Вашем журнале в знакомых мне литературных и педагогических кружках, и всюду я встречала самый живой интерес к нему. Особенно горячо отнесся к «Другу женщин» Виктор Петрович Острогорский. Он просит передать вам, что даже прежде, когда журнал этот велся неудовлетворительно, основная мысль его, как органа женского вопроса, была ему донельзя симпатична и что он с радостью слышит о переходе в новые руки этого дела, которому он желает полнейшего успеха».

На приглашение сотрудничества писал Н.Н. Златовратский от 4 февраля 1884 г.: «С живейшим удовольствием спешу ответить на Ваше письмо. «Друг женщин» даже при кратковременном знакомстве с ним, которое имею я, производит настолько приятное впечатление, что остается только пожелать о возможном улучшении условий, которые бы дозволили ему расширить свою программу и увеличить объем. По моему мнению, это будет значительно способствовать желаемому его распространению. Что касается моего участия, то я буду считать за честь, если «Друг женщин» зачислит меня в число своих сотрудников». Н.Н. Златовратский поместил в «Друге женщин» рассказ «Надо торопиться» в майской и июньской книжках 1884 г.

Через посредство деятельного сотрудника «Друга женщин» А.Н. Филиппова, лично хорошо знавшего А.И., журналом заинтересовалась известная германская деятельница по женскому движению, Лина Мор-

генштерн, цитировавшая «Друга женщин» в своей «Deutsche Hausfrauenzeitung».

Моральный успех у «Друга женщин» был несомненный, но далеко не таков был материальный. С трудом налаживалось прежде всего его распространение. В одном из писем в редакцию заинтересованный журналом сообщает, что, несмотря на все старания, не мог найти в петербургских библиотеках ни одного экземпляра «Друга женщин». О том же пишут из Харькова и т.п.

В издании А.И. Волковой журнал выходил в течение 1883 г. и восьми месяцев 1884 г., и прекратился за истощением тех средств, какие она могла тогда лично пожертвовать на это дело, далеко не окупавшееся. Очень уж тогда было вообще неблагоприятное время для журналов, тем более для журнала, имевшего в виду женское дело и образование: это был период прекращения целого ряда журналов и газет, под давлением административных преследований, время закрытия женских медицинских и других высших женских курсов и т.д.

После «Друга женщин» А.И. не выступала более в качестве издательницы, если не считать трех ее брошюр, изданных с благотворительной целью*.

Последующая литературная деятельность А.И. Волковой — это целая огромная туча мелких статей и заметок, которые она дает, иногда десятками каждый месяц, в очень разнообразных изданиях. Мало кто из широкой публики и слышал о большинстве этих изданий, по их относительно малой распространенности и специальному интересу. В списке печатных трудов А.И., приложенном в конце книги, читатель найдет и общие газеты: «Русские ведомости» и «Курьер» и др.

* Призрение покинутых детей. М., 1894. В пользу «Первых Московских яслей»; Женское движение в разных странах. СПб., 1900. В пользу Общества для доставления средств Высшим женским курсам; Коммерческое образование в Дании, Швеции и Норвегии. М., 1902. В пользу Общества распространения коммерческого образования.

и ряд педагогических изданий — «Вестник воспитания», «Рус. нач. учитель», «Педагогический листок» и проч., и проч., издания по вопросам благотворительности: «Детская помощь», «Вестник благотворительности», «Слепец» и многие иные, и наконец, чисто профессиональные: «Ремесленная газета», «Земледелец» и др.

С удивительной скромностью А.И. как будто раз навсегда отказалась от мысли сказать что-нибудь свое: она только усердный переводчик и компилятор, посредник между читателями и иностранными журналами и авторами, у которых она почерпает и мысли, какие нужно постоянно напоминать, и значительные, по ее мнению, факты, главное факты, как можно больше фактов. Можно подивиться ее терпению и этой совершенно бескорыстной ее работе (гонораров она себе не брала), утомительной сама по себе и крайне однообразной, в конце концов: но это было как бы поэзией ее жизни, а также и отвлечением от личных горестей и невзгод, и редкий хроникер, профессионально занятый подобным делом, работал бы с такою же добросовестностью и упорством.

По объему ни одна заметка А.И., не считая упомянутых брошюр, не достигает и печатного листа, чаще всего странички 2—3—4. Но, всматриваясь ближе в эти отрывочные и коротенькие писания, легко улавливаешь то общее, что было во всем этом и что двигало автором этих заметок. Ее личность и интересы чувствуются в выборе большинства ее компиляций, в том, что она считает особо нужным и важным для общества. В области общих педагогических вопросов она горячий поборник идеалистических начал в воспитании детей и юношества. Она противник всякой репрессии в воспитательном деле, неустанно напоминает, что лучший педагог только тот, кто сам себя умеет воспитать, кто любит и умеет обойтись с детьми лаской, кто сумеет воспитать в них стойкую, хорошо направленную на дело общепольного труда волю. Ря-

дом с этим она с особенным вниманием отмечает каждый новый шаг в деле постановки образования и воспитания масс (в частности, конечно, и женщин): от ее бдительного внимания не ускользают ни «новая школа», ни «народные университеты», ни организация детских экскурсий (о которых она говорит — по новизне в свое время этого дела — под неуклюжим названием — школьные караваны), ни успехи народных библиотек и т.д. и т.п. Ясно замечен подбор только положительных фактов, говорящих о победе над людской косностью и самоотверженных единичных порывов, и дружных объединенных усилий друзей просвещения.

Все это ведь так нужно нам, русским. А.И. сама прошла ужасную школу домашнего воспитания. Она страдала от того, что далека от какого бы то ни было идеала собственная ее семья. В окружавшей среде она видела жадную погоню за своекорыстными интересами, бесплодную гибель слабых волею юношей в омуте прожигания жизни, тяжелую нудную косность и равнодушие рядовой массы людей к каким бы ни было духовным интересам. А кругом — необъятное море нужды и горя, и гибнущих и страдающих, особенно детей, несчастных детей... Нужно же указывать, что не везде так, что там-то — за границей, о которой она вычитывает из своих французских журналов — уже люди устраиваются так-то и так-то, думают те же несложные и добрые думы, там «новая школа», там экскурсия, там ясли, и читатель «Ремесленной газеты» рядом с описанием новых изобретений и приборов может читать об успехах образования у ремесленника во Франции, захолустный учитель, не трогавшийся десяток лет с места, о странствовании такого же учителя-француза во главе «школьного каравана» и т.п.

Это был очень неблагодарный «труд, засевающих робко, крупницами...», но во всяком случае нужное, культурное дело. Оно было почти никому неизвестно.

Не все ли равно, кому принадлежат мелкие, чуть не репортерские отметки ежедневно меняющейся хроники просветительной жизни? Но немногие, видевшие эту сторону А.И. Волковой, отзываются о ней с чувством и симпатии, и уважения.

V

Своим характером, живым и не сломившимся в житейской борьбе, своею настойчивостью и горячею преданностью миру общественных и нравственных интересов, особенно тем, сколько пришлось ей поработать над своим развитием и самообразованием, а также всегдашней готовностью прийти на помощь нуждающимся, ищущим образования и знаний, Анна Ивановна осталась очень памятна ряду известных лиц, имевших случай ближе сойтись или работать вместе с нею.

Лично знавший Анну Ивановну в период издания «Друга женщин», Н. И. Тимковский, ныне известный писатель, с благодарностью вспоминает ее готовность служить своей библиотекой (он пользовался из нее книгами по философии, которою тогда увлекался), ее участие пожертвованиями в кружке по снабжению книгами сельских библиотек. Он знал Анну Ивановну ярою поборницею женской равноправности, в чем чувствовалась личная острота для нее этого вопроса. Личное впечатление, производимое ею в те годы, по словам г-на Тимковского, «это — очень неудовлетворенная женщина, очень живая, одаренная и чувствительная». Полная и нервная, задыхающаяся в быстром разговоре, она была полна какой-то глубокой внутренней тревоги и жадного и в то же время робкого ожидания отклика на какие-то глубокие запросы своей души.

Проф. А.Н. Филиппов, как и другие, пишет нам, что помнит ее «всегда чрезвычайно отзывчивой на все доброе и стремившеюся всеми доступными ей средствами пополнить свое образование и служить делу

эмансипации женщин в России. Я всегда видел ее за работою по собиранию надлежащих материалов и отдающей не только свое время, но, насколько возможно, и средства на служение делу; в особенности это сказалось в те годы, когда она издавала журнал «Друг женщин», не встретивший, к сожалению, большого к себе сочувствия общества. Но это обстоятельство, хотя и было ей неприятно, не остановило ее последующих литературных занятий по любимому делу».

Врач-публицист В.О. Португалов 16 июля 1883 г. писал Анне Ивановне: «Как дела Вашего журнала, долго ли Вы выдержите борьбу с гнетом печати и с тупостью публики?» После личного знакомства с А.И. он писал: «Я вполне сохранил воспоминание о приятном знакомстве с Вами и от души желал бы попасть в число Ваших хороших знакомых. Время переживаем тяжелое. Литература едва держится, почти упразднена. Но все-таки не следует совсем уж налагать на себя руки...» (23 августа 1884 г.).

Весьма тепло вспоминает Анну Ивановну и проф. Н.А. Каблуков, также сотрудник «Друга женщин». Он особо отмечает одну черту, которая, в связи с прогрессивными стремлениями А.И., руководила ее литературной деятельностью и ее завещательным распоряжением относительно ее биографии. «Она была очень преисполнена чувства купеческого достоинства, в лучшем смысле этого выражения. Иначе, то есть иными словами, не могу определить того, что хочу. Она всегда обижалась и негодовала, когда встречала презрительное отношение к «купечеству» (как таковому)*; ей казалось несправедливым всякое отрицание за купечеством какого-либо иного значения, нежели торгошеского. И вот своею литературной деятельностью она хотела доказать, что «купчиха» может так же мыслить, чувствовать, понимать и обладать просветительными стремлениями и проявлять их на деле и

* См. также в «Дневнике» с. 235, 241, содержащие протест против статей в «Новостях» под названием «Коленкорова литература».

уметь то же, что «интеллигенция». Характеризуется это между прочим и тем, что когда появились рассказы Н.Д. Телешева, она, не имея с ним личного знакомства, выражала большое удовольствие по поводу того, что автор таких хороших произведений — купец. На эту тему она говорила лично со мной — и это свое стремление доказать несправедливость сложившегося у нас представления о купечестве выражалось у нее в нередких разговорах на эту тему. Не имея, однако, в окружающем материала, чтобы доказать это, она своей личной деятельностью стремилась достигнуть этого и дать материал к тому».

В частности, к этой черте Анны Ивановны должно добавить еще, что она очень дорожила, несмотря на тяжелое довольно детство, своим происхождением, именно из купеческого рода Вишняковых. Богатую библиотеку свою она завещала не другому какому-либо учреждению, а Коммерческому институту, возникновению и организации которого чрезвычайно сочувствовала, зная о нем от близкого ей человека, двоюродного брата А. С. Вишнякова.

В оценке своих сил А.И., как сказано, отличалась большою скромностью. Не получив систематического образования, она была склонна смотреть с совершенно излишним благоговением на людей школы, пера... В сношениях с ними она, как видно из ее дневников, часто сдерживалась и не высказывалась, ее преследовала боязнь, свойственная очень одиноким душам, самолюбивый страх «осрамиться». Она так и не решилась откликнуться на симпатичный ей призыв Льва Толстого, относительно переработки лубочных народных изданий. Она отказывается от секретарства на съезде деятелей по техническому образованию из боязни, что не справится с этою обязанностью: «Страх за неумелость с ума сводит!» — пишет она в дневнике.

Напрасно близкие ей люди старались поколебать эти сомнения в себе. В 1890-х годах, по настоянию Е.О. Дубровиной, А.И., как бывшая издательница

«Друга женщин», приняла участие в альбоме, посвященном идее мира и поднесенном русскими писательницами и общественными деятельницами французским женщинам. Во главе этого дела были тогда О.А. Шапир и Н.В. Стасова. А.И. дала такой автограф: «L' instruction et l' education de tous partout seront les premiers envoyes de la paix» (т.е. образование и воспитание всех всюду — будут первыми вестниками мира). Дубровина настаивала, чтобы А.И. написала что-нибудь более эффектное и красноречивое. «Мне хочется, чтобы вы отличились, хочется, чтобы вас знали больше, чем вы сами желаете этого»... Вообще внешний блеск и успех никогда и нисколько ее не тянули к себе. Даже у себя, когда в доме у нее собиралось много и приятных ей людей, она очень редко заводила общий разговор, а всегда предпочитала долгую беседу с одним-двумя симпатичными ей людьми, поверяя с ними себя и свои мысли, вычитанное и надуманное в одиночестве, умея и собеседника вовлечь в живой разговор «по душам», при случае поддразнить и шутливо уколоть и посмеяться над своим «словоизвержением»; об этих приступах «словоизвержения» она упоминает и в своих дневниках.

VI

Эти дневники и записи, какие обычно ведут люди преимущественно душевно одинокие, А.И. стала вести с 1884 г. (более ранних записей, если они были, не сохранилось), т.е. с прекращения «Друга женщин».

Очевидно, прекращение журнала оставило по себе большую пустоту и сильно обесцветило ее жизнь. Дневники А. И., из которых мы приводим в книге довольно много отрывков, расположив их в хронологическом порядке, открывают нам, с одной стороны, ее жизненные интересы, слитые с писательской скромной работой, с другой — ее интимные настроения.

Собственно, название дневника не совсем идет к десятку слишком объемистых тетрадей, оставленных А.И. Они велись то изо дня в день, то на месяцы забрасывались. В этих тетрадях, а иногда просто на отдельных листочках, иногда в одно время в разных тетрадях, она заносит свои *«заметки и впечатления»*. Мы не находим здесь почти никаких подробностей о делах и мелочах семейных, о мучивших ее тяжелых моментах жизни. Чаще всего А.И. берет за перо, чтобы отметить для себя, для памяти, занявшую ее прочитанную статью или книгу. Делает выписки, иногда обширные, иногда в несколько строк. Вклеивает в тетради огромные газетные статьи или в несколько строк вырезки. Во всем этом видна не столько писательница, сколько читательница, такая, какой только может пожелать любой писатель. А.И. переживает свои книги. Из каждой хочет извлечь себе все, что только книга может дать: она должна ей выразить ее собственное настроение и тем дать форму смутному, что томит ее, или дать толчок подавленным стремлениям к деятельности. Именно последним она особенно дорожит в книге и писателе, от которого всегда ждет указующей товарищеской руки, какой она не находила в жизни. Записи по поводу прочитанного часто только материал для будущих заметок или компиляций. Но часто вырезки, выписки или изложение прочитанного сопровождаются более или менее обширными спешными заметками по поводу этого материала, выражениями протеста, скорби и негодования от одного, радости от другого. Нередко она выписывает длинные стихотворения, ей особенно понравившиеся. Наконец, очень часто тетрадь служит для чисто интимных излияний, средством утишить волнение после каких-то деловых или семейных неприятностей, и тогда в дневнике находим отрывочные воспоминания и горькие тихие жалобы на душевное одиночество и неудачную личную жизнь.

Пишет А.И. Волкова свой дневник небрежно, не думая о выражениях. Язык ее тяжел и книжен, изобилует без надобности длинными оборотами, и мысль ее путается в готовых формулах, в напыщенных, избитых иногда метафорах. Она, не стесняясь, говорит, что несет «знамя женского вопроса», возмущается тем, что «кумир золотой есть идол всех людей», что вокруг — «ложь и поклонение Ваалу». Учащаяся молодежь для нее только и полна возвышенных честных стремлений. Она без нужды ссылается на авторитеты, среди которых не последнее место занимает даже второстепенный критик Скабичевский. Заметна склонность и к резонерству, и излишек самоанализа, так отличающий вообще тип одиноких «лишних людей», склонность к «grübeleien», как назвал Герцен раздумье своей жены над собственными страданиями. Много из мыслей, рассеянных в дневниках, принадлежит к числу трюизмов, истин, давно бесспорных для людей с мало-мальски развитым общественным сознанием.

Но при оценке этих внешних грубых черт дневника не должно забывать, что пишет дневник человек, которому все это досталось не даром, не внушением со стороны, но долгим мучительным процессом самостоятельного учения жизни и жизнью. Всюду чувствуется искренность тяжело страдающего сердца.

Как сказано, в дневнике она временами начинала вспоминать свое прошлое, личную жизнь. Ей хотелось написать свою автобиографию, но воспоминания связано не пошли дальше смерти матери. Только раннее детство успела она передать со всеми живыми подробностями. Попытки продолжить воспоминания, которые она делала в конце своей жизни, кончались, говорят, только неудержимыми слезами... «Жила, состарилась и отрадного нечего вспомнить!» — говорила она. «Всю жизнь — из одной ямы в другую!» — пишет она в дневнике, когда раз нахлынули эти горькие воспоминания.

Личная жизнь не удалась ей, смерть — порою желанный исход, который когда-нибудь прекратит ее внутреннюю борьбу и тоску одиночества, она называет себя пессимисткой, и пессимизм этот дался ей не легко: он — итог тяжелых жизненных испытаний и борьбы с жизнью. Но по темпераменту, живому и деятельному, она идеалистка чистой воды, с оттенком мечтательности.

В литературе ее особенной симпатией пользуется Надсон, смерть которого она горько оплакала. Несколько раз в дневниках она возвращается к маркизу Позе, гордому и прекрасному носителю великой идеи, и в жизни она собственно такая же искательница маркиза Позы. Откровений идеализма она требует и от литературы, и высокое мнение об облагораживающем, воспитывающем значении литературы сделало ведь и ее одною из скромных служительниц храма науки и слова. Сквозь жизнь ее проводит идеалистическое чувство нравственного долга, которое твердит ей: «забывай, что сделано, а помни, что надо сделать». Вслед за охватывающим ее чувством бессилия создать жизнь, более отвечающую ее смутному идеалу, над горьким порою сознанием, что она бесполезно вертится, как белка в колесе (одно из любимых ее сравнений для себя), неустанно возникает вечно юная надежда, что если и не для нее, то все же возможна иная, бодрая, деятельная, героическая и плодотворная для широких кругов жизнь, трогательная мечта одной из чеховских героинь.

В дневниках там и сям рассеяны страницы, в которых А.И. передает свои ощущения перед лицом природы. Вечно юная, вечно творящая новые формы жизни природа была ей душевным прибежищем в пору всякого рода передрыг и тяжелых личных переживаний. Она с одинаковым упоением отдается созерцанию и величественных видов Кавказа, и сравнительно скучной подмосковной природы, и итог покоя, который дает ей чувство природы, умиротворение, прими-

рение с теми самыми людьми, от которых она спасается к природе. Очень характерно, как кончает она свои воспоминания о Кавказе, природа его — грозное величие царства гор и тихий скат Кайшаурской долины — навевают на нее думы о тщете мирской борьбы, о слепо борющихся людях, и исхода она ищет в завете Христа о нуждающихся и обремененных.

Кстати сказать, это окончание воспоминаний о Кавказе едва ли не единственное место всех писаний А.И., где она касается интимных своих религиозно-мистических настроений. Она не была религиозна, давно рассталась с традиционными догматическими верованиями, но по складу своей идеалистически настроенной натуры перенесла присущую людям потребность веры на чисто моральные ценности человеческого духа, на бесконечную способность человеческой натуры, под влиянием воспитания и образования, к развитию заложенных в ней изначально благих чувств и стремлений.

А.И. и в дневнике, как и в своих печатных заметках, пристально следит за явлениями, в которых можно уловить зарождение новой жизни. Особенное внимание ее привлекает движение к народному образованию, как известно, развернувшееся именно в 90-х годах, в земствах, городах, что выразилось усиленным открытием школ, библиотек, чтений, работою Московского и Петербургского комитетов грамотности и проч.

Когда с конца 1890-х годов стало ярче определяться освободительное и революционное брожение, Анна Ивановна в своих записях все больше уделяет внимания именно проявлениям этого движения, начиная особенно со студенческих беспорядков 1899 г. Записи ведутся большею частью по газетным сообщениям, частью по доходившим до А.И. слухам. Порою эти записи разрастаются до размеров почти ежедневной хроники событий, порою обрываются на несколько месяцев. А.И., чем дальше, тем больше захвачена висящею в воздухе грозой и незаметно все более признает

законность и неизбежность грозных событий. Мы в наших извлечениях оставили, однако, в стороне эту часть тетрадей Анны Ив.: как хроника, это все недостаточно полно и не имеет значения свидетельства очевидца, с другой стороны — многое здесь неудобно для печати до того времени, когда явится возможность писать объективную историю грозного десятилетия 1899—1909 гг.

VII

Человек пробужденной мысли, чувства своего достоинства, Анна Ивановна была, как видно из многочисленных рассказов, также и человеком пробужденной чуткой совести. Она жила для своих средств сравнительно очень скромно, тратила на себя немного, не позволяла себе никаких экстренных расходов вроде чисто увеселительных поездок за границу или на воды; лишь по настоящему требованию врачей ездила лечиться в 1874 г. за границу, позднее — в Крым и на Кавказ, и в Финляндию. Однако она умудрялась проживать много тысяч в год: значительная часть их уходила на разнообразные виды и формы благотворительности. Не помогать, отказывать просящим было ей невозможно. Она участник множества благотворительных обществ, в особенности же считает своим долгом поддерживать всех, кого узнает, кто просит, за кого другие просят, стремящихся к образованию, всех учащихся. Мотивом к участию ее в ряде журналов, посвященных вопросам благотворительности, была та же самая природная доброта, готовность помочь другим в хорошем деле. Этою добротою, как водится, многие злоупотребляли, но она не знала отказа, а торопилась делать добро, если ей казалось, что ее помощь поможет человеку стать на ноги, стать лучше, подняться на лишнюю ступеньку к свету знания.

Долгие годы Анна Ивановна тяжело болела пороком сердца. Три-четыре года перед смертью она почти не

покидала дома Волковых на Волхонке, что против Ленинки, выходящей на Каменный мост. Отсюда она наблюдала и те сцены народного смятения, которыми были так богаты 1904—1906 годы в Москве. Между прочим ее тяжело поразила и потрясла почти на глазах ее разыгравшаяся сцена известного убийства озверевшею толпою на Каменном мосту студента Лопатина.

Чтение газет с ежедневными подробностями о кровавых столкновениях, о казнях, о множестве подростков, увлеченных водоворотом революции и в нем гибнувших, было ей тягостно и мучительно.

Вдвойне тяжелое время для человека, утомленного жизнью и личной борьбою, больного и телом, болевшего и душою за гибель молодых жизней, за тяжкое испытание, пережитое и родным городом, и всею родиною.

Она скончалась в Крыму, куда выехала по предложению врачей, 5 декабря 1910 г., и погребена в Москве на кладбище Донского монастыря, близ семейной могилы Вишняковых. По ее желанию в надгробной надписи упомянуто, что А.И. Волкова — урожденная Вишнякова.

Глубокие личные страдания и жажда найти из них выход сделали А.И. Волкову отщепенцем ее среды в интеллектуальном смысле. Не разрывая с нею материальных связей и зависимости от нее, она подвергалась опасности пройти жизнь бесполезным, тоскующим только о себе «лишним человеком». Она остро чувствовала свое духовное одиночество и тяжело от него порою страдала, как мы видим по ее дневнику. Но она действительно нашла в себе огромную силу духа, чтобы наполнить жизнь посильным полезным делом, сосредоточиваться в определенном круге. Нужно помнить, как все это трудно давалось в то время и в той среде едва тронутого мыслью сословия, какое мы помним по созданиям Островского. Анна Ивановна Волкова — типическая средняя женщина недавнего про-

шлого, а для более широкой массы — и в настоящее время.

Отстаивая свое право в роду и семье на самостоятельность, на свой собственный интерес жизни, созданный ею *самою*, она действительно несла «знамя женского вопроса», что было святое святых ее жизни. Ее дневники займут некоторое место в литературе этого рода за последние десятилетия XIX века и представляют известный психологический интерес. Мы не богаты культурными работниками, и жизнь и деятельность А.И. Волковой во всяком случае поучительное и не последнее явление культурной жизни русского общества.

Ч. Ветринский

ВОСПОМИНАНИЯ
И ДНЕВНИК
АННЫ ИВАНОВНЫ
ВОЛКОВОЙ

Анна Ивановна Волкова
(в последние годы жизни)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

...Близ ворот во дворе ставилась для собаки конура; на цепи привязана была собака; при шуме за воротами она выскакивала из своего жилища и металась около калитки с громким лаем и звоном тяжелой цепи. Другие собаки вторили ей и бросались к калитке и под ворота, где находилась тяжелая доска с небольшим отверстием в середине, куда могла пройти морда собаки, почему прохожие рисковали быть укушенными или схваченными собаками за ноги. Собачья тревога вызывала из сторожки или из кухни дворника, или «молодца»³, как называли их в старину. Молодец выходил из калитки после продолжительного глухого звонка. Ленивым шагом приближался молодец к калитке и громко кричал: «Кто здесь?» В окнах встревоженного звонком дома появлялись тени, которые быстро исчезали. Наконец, замок снимался, и калитка отворялась.

Ночью к воротам никто не подходил, почему в доме все мирно покоились глубоким сном. С девяти часов вечера в жилых комнатах гасился огонь, а парадные освещались только при приеме гостей. Проезжая по улицам за Москвой-рекой, всегда можно было видеть в угловой комнате бельэтажа⁴ почти каждого дома тусклый огонь лампадки, висевшей перед образницей в спальне хозяев. Тишина и покой царствовали на улицах, освещенных фонарями, в которые наливалось в лампочки масло под названием олеин⁵. Керосин и газ еще нигде не употреблялись.

Дед мой, Петр Михайлович, фабрикант позументов⁶, был женат два раза, имел большую семью, состоявшую из шести сыновей и двух дочерей. Старший сын, Иван Петрович, мой отец, женился еще при жизни деда. Второй сын, Семен Петрович, не хотел жениться при отце, чтобы не подвергать неприятностям жену в доме, где жила большая семья Вишняковых. Надежда и Людмила, сестры моего отца, были отданы замуж, когда меня не было еще на свете. Та и другая были выданы за купцов; одна за Протопоповым, другая за Пашенковым-Тряпкиным. От второй жены у деда родились четыре сына: Сергей, Владимир, Михаил и Николай Петровичи.

Я осталась после смерти деда одного года. Вторая жена его, Анна Сергеевна, ее четыре сына, мой отец с матерью и двоими детьми, дядя Семен Петрович жили все вместе в одном доме, по завещанию деда, пять лет. Дом был очень большой; в нем было более 20 комнат. Отец, как женатый человек, имел несколько комнат в своем распоряжении и даже отдельный вход. Помещение, занимаемое отцом, состояло из залы, отделенной от гостиной 4 колоннами, спальни, кабинета, девичьей и детской. Темная комната с одним окном, выходящим на лестницу парадного входа, узкая, длинная, с двумя дверями,— такова была детская, в которой жили брат Петя и я. По стенам стояли две кровати, а между дверями в углублении спала наша няня, маленькая старушка в белом чепчике. Отдельной кровати для няни не полагалось: каждый вечер она приносила стулья, гладильную доску и все принадлежности для постели; все это устраивалось в известном порядке, и няня ложилась вместе с нами. В углу горела лампадка перед образом. Воздух в комнате был всегда спертый и насыщенный особым спиртом, которым няня натирала свои ноги.

Первые годы жизни пролетают в моей памяти отдельными эпизодами. Брат мой Петя, старше меня на полтора года, маленьким был болезненным ребенком,

почему мать моя его особенно любила. Я, наоборот, была слишком жива и шаловлива. Мать моя, Александра Николаевна, урожденная Лухманова, считалась очень красивой женщиной. Маленькая, худенькая, с большими кроткими глазами, она производила впечатление чего-то неземного. Изящная, нежная, добрая, она была любима всей семьей Вишняковых. Ее вкусы, занятия резко отличались от всей обстановки, которая ее окружала. Мать знала хорошо французский язык, любила читать по-французски и вышивать, что было особенно в моде в то время. Изящество матери, ее эстетический вкус выражались во всем: она любила хорошо одеваться, играла на фортепьяно, изобретала различные работы, которые наполняли ее досуг. С раннего детства помню я различные французские журналы, которые получала мать, так что первые детские воспоминания мои сливаются с книгой, картинками, французским языком, французскими баснями, роялью. Почему мать так отличалась от семьи Вишняковых, я хорошо не знаю. Смутно помню рассказ ее о своем воспитании; оно было поручено гувернантке, жившей раньше в аристократических домах и принадлежавшей к очень образованной семье. Моя мать, ее три сестры и три брата лишились матери и отца, которые умерли в 30-х годах от холеры, в один месяц. Сирот взял дед матери, а мой прадед Андрей Петрович Шестов. При каких условиях шло их воспитание, мне неизвестно. Андрей Петрович Шестов и его жена Ульяна Ивановна жили очень долго и умерли в один год. Кто-то говорил мне, что когда я родилась, то прадед Шестов и его жена были приглашены отцом моим и матерью крестить меня. Отец, желая потешить стариков, предложил матери назвать меня Ульяной, в честь прабабушки, но мать сказала, что это имя слишком вульгарно и что я могу сердиться в будущем на родителей, если мое имя будет Ульяна. Отец согласился и меня называли Анной, в честь мачехи отца, второй жены деда Петра Михайловича Вишнякова.

После смерти деда Вишнякова жена его Анна Сергеевна являлась главою всей семьи, согласно завещанию мужа. Комнаты, где она жила, находились на другом конце дома, где я жила с родителями. Зал, гостиная и маленькая стеклянная комната, представлявшая фонарь, были отделены от жилых комнат бабушки Анны Сергеевны большой столовой, куда сходились все члены семьи обедать и ужинать. Чай позволялось пить всем в своих комнатах. Из столовой ход с одной стороны был наверх, где жили в 3 комнатах четыре сына бабушки. Старший, Сергей, вскоре женившийся, уехал в соседний дом, принадлежавший также Вишняковым. Рассказывают, что бабушка была очень недовольна этим поступком дяди, видя в нем нарушение воли своего мужа, но так как поместить невестку не было комнат, то пришлось согласиться.

Второй сын, Владимир, был не старше 17 лет, как я его помню; третий, Михаил, 16-ти и меньшей, Николай, старше моего брата на один год, почему я, брат и Николай, меньшей брат моего отца, росли вместе. Часто, бывало, по вечерам Николя зазывал нас с братом в темные пустые парадные комнаты, освещенные всегда двумя большими серебряными лампадами, висевшими на большом крючке на тяжелых серебряно-вызолоченных цепочках. Образа, помещавшиеся в углах комнат, были очень велики. Лики святых освещались настолько лампадой, что резко выделялись на темном фоне комнат. Я особенно любила эти комнаты с тусклым светом тихо теплившихся лампад. Николя и Петя изображали из себя разбойников, а я путешественника, едущего по большой дороге. Экипажем для моего путешествия служил мне стул, который помещался всегда посреди комнаты. Разбойники налетали на меня и начинали бить, что мне, конечно, не нравилось, и я бежала от них в стеклянную комнату, которая была заставлена цветами. От стремительного бега цветы с горшками падали на пол и разбивались, а я, измученная разбойниками, начинала кричать и пла-

коть. Со всех сторон сбегались горничные, а во главе их бабушка, защищавшая меня от нападения мальчиков.

Бабушка Анна Сергеевна любила меня, говорят; эта привязанность объяснялась памятью мужа; он, по словам отца и матери, очень любил меня, как живую девочку и веселую. Около года, незадолго до смерти деда, я ходила и кое-что говорила, в виде односложных слов: папа, мама, деда и проч. Любовь деда ко мне объясняли и тем, что между мною и братом моим была слишком резкая противоположность. Он был смирный, вялый и болезненный мальчик, не умевший ходить до двух лет и плохо говоривший. Сам дед был очень деятельный и живой человек, державший семью очень строго. Отец часто вспоминал деда, как он его сек, завязав рубашку на голове. Но отец считал это жестоким, сравнительно с тем, как он впоследствии воспитывал своих детей. Но бабушка Анна Сергеевна свою любовь ко мне показывала очень своеобразно: я не замечала и не ощущала этой любви. Она никогда не ласкала меня, не целовала, когда я была маленькая; единственная ее забота обо мне выражалась в защите во время нашей детской игры в разбойники.

По моим воспоминаниям, бабушка была небольшого роста, с проседью, и довольно некрасивая собою; носила она темное платье, большой платок на плечах и неизменный белый чепчик с гофрированной оборкой. Приближение ее можно было всегда слышать по шуму от ключей в ее кармане. Если кто из сыновей говорил бабушке о шуме ключей в кармане, она не верила и сердито отвечала, что это все вздор и никаких ключей у нее в кармане нет. Дело в том, что бабушка была глуха с юношеских лет. Сначала эта глухота не была так заметна, но с годами усиливалась и впоследствии приняла такие размеры, что с ней разговаривали жестами и движениями губ.

Бабушка очень часто брала меня на свое попечение после обеда и сажала за работу у большого окна в сто-

ловой, выходящего во двор. Работа заключалась в вязании чулка. Каждый сеанс работы сопровождался назиданием — сидеть смирно и вязать правильно, не ломая спиц. Но дело шло очень плохо. Лишь бабушка отходила от меня, я спутывала петли и тотчас же решала своим детским умом, что во всем виноваты спицы, которые и наказывались за непослушание моим рукам тем, что ломались и кидались в окно. Бабушка возвращалась в столовую и находила меня смиренно сидящую у окна без дела. «Где спицы?» — ворчливо спрашивала бабушка. Я отвечала незнанием, на что старушка сердилась и снабжала меня новыми спицами, удивляясь, куда деваются спицы. «Да что ты — глотаешь их, что ли?» — говорила бабушка. Наконец, в скором времени тайна исчезновения спиц открылась одним из дворников, увидевшим, как я, серьезно стоя у окна, ломала спицы с детским ожесточением и кидала в окно (наши сеансы происходили летом). Дворник передал свои наблюдения горничной, а та бабушке; последняя начала укорять меня за мою хитрость, лень. С этих пор уроки вязанья окончились, и я была свободна от скучной, надоедавшей мне работы снятия и надевания петель на спицы.

Ужинать вся семья собиралась в той же столовой под председательством бабушки, разливавшей суп и накладывавшей кушанья каждому члену семьи на тарелку. Особенно памятен мне один из ужинов в постный день. Я едва сидела за столом от страха, что отец меня будет сечь за какую-то детскую шалость. На тарелки бабушка положила всем тельное⁷ с луком, сделанное из судака, и между прочим и мне. Я со страхом взяла тарелку и, глотая сквозь слезы это жареное, взглядывала на окружающих. Нечаянно взгляд мой упал на одну из горничных, и я подумала: «Счастливая, ее не будут сечь!» По всей вероятности, это было первое мое наказание розгами, почему оно так сильно и запечатлелось в моей памяти. Самый процесс сечения я не помню, но этот страх и ужас ожидания остал-

ся в памяти, соединившись с постным жареным за ужином. По расчету времени, мне было тогда не более 4 или 5 лет.

По рассказам старших, я была очень капризна, шаловлива в раннем детстве и упряма. При резком окрике старших или прислуги, когда была очень маленькая, я начинала плакать, кричать. Вообще при грубом обращении и впоследствии во мне появлялось всегда бессознательное желание выражать протест упрямством и настойчивостью, за что меня наказывали, ставили в угол и секли. Ласковых слов, нежности от матери или отца я не помню.

Вспоминается случай, как я лежала у матери на кровати в ее спальне, и она, наклонившись надо мной, прикладывала к моей голове черный хлеб с уксусом, давала нюхать спирт из маленького пузырька. Отец стоял рядом и держал тарелки с мороженой клюквой, которая предназначалась для моих ушей. Эти средства в то время считались вполне целебными от угара. Помню я и няню, присутствовавшую при этом лечении.

Образ няни остался в моей памяти в самом привлекательном виде; она ласкала меня, и эта ласка мне незабвенно памятна. По вечерам брат был с матерью, когда она была дома, а я сидела с няней в детской и слушала сказки про Ивана-царевича, воображая себя царицей. Сказка рассказывалась ежедневно, и больше одна и та же; по окончании рассказа няня целовала меня и укладывала спать. Впоследствии эта любимая моя няня заболела и ее свезли в Голицынскую больницу⁸, куда мы ходили, брат и я, навещать больную. Доктором при больнице состоял Тихомиров, который лечил весь дом Вишняковых, начиная с членов семьи и кончая прислугой. У доктора было три сына и дочь; эти дети познакомились с нами, и каждый раз, когда мы приходили в больницу, нас приглашали потом к доктору на квартиру. Окна комнат, где жил доктор, выходили в большой сад, который особенно и привле-

кал меня. Няня захворала на Святой неделе и умерла летом, что от нас, детей, скрыли, сказав нам, что няню увезли родные в деревню.

Помню я ту ночь, когда няня была в больнице. С нами, детьми, положили спать горничную, которая легла на полу, почему не было обычной суетни с гладильной доской и со стульями для няни. Я долго не могла уснуть; мне очень было жаль няню; в этот вечер никто не рассказал мне сказки и никто не целовал меня. Я уткнулась в подушку и горько заплакала, стараясь крепче прижаться ртом к подушке, чтобы не слышала горничная, но она спала. Убедившись, что она спит, я приподнялась на кровати, стала на колени и начала молиться за няню Богу, чтобы она скорее выздоровела и пришла ко мне. С течением времени я утешилась и перестала плакать и скучать о няне, тем более что я видела ее в больнице очень часто. Новые впечатления заменили старые, но присутствие нашей няни с нами, ее ласки не могли исчезнуть без следа в моей жизни.

В то же приблизительно время я любила еще свою кормилицу⁹. Она часто приходила к нам из деревни и приносила деревенские гостинцы, в виде яиц, лепешек из ржаной муки, орехов и проч. В особенности, что меня привлекало к кормилице, ее доброе лицо; мне казалось, что она была похожа на ангела. Лучшими днями для меня были те, когда я видела свою кормилицу. Я стремительно кидалась к ней на шею и крепко, крепко целовала ее. Никого я никогда не обнимала и не целовала в то время, кроме кормилицы и няни. Что-то особенно приятное чувствовала я, когда слышала, что приехала из деревни кормилица. Тотчас же я бежала в девичью¹⁰ и усаживалась на кровати горничной вместе с кормилицей; стульев в комнате не было: стояли две кровати и стол. Над одной кроватью был шкаф, врезанный в стене; в этот шкаф складывались съедобные принадлежности прислуги или остатки от хозяйского стола, предоставленные в их распоряжение.

Вскочив на кровать, я отворяла шкаф и вынимала оттуда все, что мне казалось лучшим, чтобы накормить кормилицу. Понятно, что потом мне доставалось за самовольное распоряжение, но я каждый раз забывала эти наказания и, при следующем приезде кормилицы, снова отправлялась в шкаф за съедобным. Чем объяснялась эта привязанность к кормилице, теми ли гостинцами, которые она приносила из деревни или бессознательной потребностью любить кого-нибудь и испытывать ласку, трудно определить. Быть может, то и другое вместе.

Из многих детских шалостей одна особенно памятна мне по последствиям, которые произошли потом. Брат Петя заявил мне, что у нас темно в комнате, почему надо сделать светло, а как это сделать, он не знал. Наконец, как-то раз зимою в сумерки, воспользовавшись отсутствием няни, мы взяли с ним сальную свечу, зажгли ее фосфорными спичками¹¹ и поставили под кровать, и стали наблюдать, что будет дальше. Тот и другой легли на пол и зорко смотрели, что свечка — зажжет кровать или нет. Постепенно, сначала затлелась доска кровати, а потом и вспыхнуло висевшее ваточное одеяло с другого конца кровати, примыкавшего к стене, а затем начали загораться и подушки. По комнате распространился запах гари. Цель была достигнута — в комнате сделалось светло. Брат остался очень доволен и пошел поделиться с матерью своими впечатлениями. Мать с ужасом прибежала в комнату, позвала людей; все засуетились. Горничная и няня метались по комнате с водою. Мать тряслась от испуга и громко звала дворников и кучера. Наконец загасили начавшийся пожар, от которого погибла одна из наших кроватей, одеяло, некоторые подушки. Стены в детской покрылись копотью, и вся квартира наполнилась гарью и удушливым дымом. Отворили окна, дверь и со страхом ждали отца, который должен был приехать из города, т.е. из городских рядов¹², где у него была лавка с золотокружежным товаром. Мать

бранила нас и говорила, что мы могли сгореть и сами. Я и брат не могли понять страха матери, так как незадолго перед тем мы видели дядей: Владимира и Михаила Петровичей, с привязанными к спине подушками, которые горели, и никто не пугался. По всей вероятности, и желание осветить нашу детскую явилось у брата вследствие впечатления, произведенного горевшими подушками за спинами дядей. Что сделали дяди для этого опыта с огнем, мы не знали, но видели, что это очень красиво, светло и совсем не страшно. Старшие видели этот опыт горевших подушек и не проявляли особого ужаса. Очень может быть, что дяди зажгли свои подушки просто, чтобы напугать своего гувернера Карла Ивановича, погасили огонь водою и упросили старика не говорить их матери. Должно быть, это так и было. Но дети видели и пожелали подражать старшим. Когда приехал отец, то мать уговаривала его не сердиться на нас и не наказывать. Вечером они уехали в театр, а мы, оставаясь с няней, устраивали свою детскую, суетсяь и мешая ей и горничной в приготовлении нам постелей после пожара.

Многие другие шалости мои и брата были менее опасны, а некоторые даже и совсем безвредны. Но преимущество во всех детских проказах было всегда за мной, как в инициативе, так и в исполнении, почему и наказания испытывала больше я. Фантазии одна за другой появлялись в моей голове и тотчас же приводились в исполнение.

Раз на Святой неделе меня одели в шелковое, зеленое с белым, клетчатое платье, а голову завили, но, по всей вероятности, плохо расчесали, почему волосы растрепались. Мать, увидев меня с растрепанными волосами, послала к няне помадить голову. Няни в детской не оказалось, и я распорядилась сама. Думая угодить матери, я взяла помады чуть не всеми пальцами и все это поместила на голову, потом немного пригладила волосы и явилась к матери. Мать ужаснулась при виде большого количества сала на моей голо-

ве и послала снова к няне вытереть голову, но я нашла, что так много сала нельзя вытереть полотенцем, а надо вымыть голову. Поискав воды в детской, я сочла удобным отправиться в комнаты бабушки, а оттуда наверх, где жил дядя Никола. Как раз наверху никого не было и воды в умывальнике, стоявшем в белом тазе, было много. Недолго думая, я встала на стул, налила воды в таз и намылила голову мылом, но смыть все это я не могла. Сало помады смешалось с мылом, и на голове произошло что-то невообразимое. Видя такую неудачу своего предприятия, я налила таз полнее и, опустившись на колени на стуле, принялась опускать всю голову в таз. С головы полились потоки грязной и жирной воды и потекли по платью. Я схватила полотенце и начала вытирать платье, размазывая грязь по всему костюму. Наступил критический момент моей шалости, и в это время кто-то вошел в комнату и застал меня на месте преступления. Привели в таком виде к матери, которая, рассердившись, велела няне вымыть мне голову надлежащим образом и надеть новое платье, а затем привести к ней. Няня все это исполнила, и мать поставила меня в угол и сказала, что мне на другой день не дадут ни кулича, ни пасхи, что доставило мне большое горе, так как я любила и то и другое.

В Прощёное воскресенье¹³ вся семья должна была отправляться к вечерне. Затем все собирались к чаю, по окончании которого к бабушке сходилась вся прислуга и кланялась ей в ноги по очереди и просила прощения за все свои прегрешения вольные и невольные. Единоновременно приходили к отцу все рабочие с фабрики, приказчики, фабричные и конторские, и также кланялись в ноги и оставались в комнате; после окончания этих поклонов отец вставал и делал общий поклон головой, с просьбой простить и его. Фабричные и приказчики хором отвечали: «Бог вас простит!»

Наконец, часам к восьми вечера, незадолго перед ужином, все пасынки, невестки, сыновья и падчерицы

с детьми, последние нарочно для этого приезжали, собирались в гостиной, где сидела бабушка, и поочередно кланялись ей в ноги. Она каждого целовала и говорила: «Бог вас простит, простите и меня!» Такая же процедура устраивалась и между членами семьи: меньшие братья кланялись старшему, жена — мужу, то есть моя мать — моему отцу, мы, дети — отцу с матерью, бабушке, дядям и теткам. Когда прощальный обряд кончался, бабушка приглашала всех в столовую ужинать, и затем все шли спать по своим комнатам, а дочери разъезжались по домам. Обряд предписывал замужним дочерям обязательно являться в этот день для поклона родителям. Дочь приезжала непременно с мужем и с детьми всех возрастов, за исключением грудных младенцев.

В Чистый понедельник с раннего утра прислуга начинала чистку полов, окон и проч. Столы деревянные скреблись ножами, чтобы снять всю нечисть от Масленицы. Вся семья вставала рано и отправлялась к заутрене; потом приходили чай пить, но без сахара, а с медом; первый считался скоромным; взамен хлеба белого, который тоже, по мнению стариков, был скоромный, подавали калачи, сайки, бублики, баранки. Обед и ужин в течение всего Великого поста состоял из грибов, в соединении с овощами; на первой, четвертой и Страстной неделях масла к столу не полагалось, то есть все кушанья готовились без масла. В числе кушаньев употреблялись моченые грибы всех сортов и родов, которые покупались пудами на первой неделе поста на грибном рынке. Затем на стол ставились картофель тертый, печеный, вареный; горох тертый, редька ломтями, редька тертая; кисели гороховый, клюквенный, неизменная капуста, большими кочнами и рубленая кислая. Горячее заменили грибные щи из сухих грибов, похлебка картофельная, гороховый суп и тому подобные яства, которые в большинстве случаев заготавливались раз в год громадными количествами и сохранялись в хорошо устроенных погребах и под-

валах. Обед в старинные времена назначался в 1 час дня, в 4 часа чай, в 9 часов вечера ужин.

Церковная служба на первой, четвертой и Страстной неделях посещалась всеми членами семьи, в особенности мефимоны¹⁴ на первой неделе, преждеосвященные обедни¹⁵ по средам и пятницам и все почти службы на Страстной неделе. Кто говел¹⁶, тот ходил к заутрене в 7 часов утра, к часам или обедне в 10 часов и в 4 часа к вечерне или к мефимонам. Говельщикам запрещалось пить чай до обедни в среду и пятницу, и все обязаны были подчиняться этому правилу, за исключением детей и младенцев. Последние тоже ели постную пищу. Скоромная пища, олицетворенная в молоке матери или кормилицы, допускалась только три поста, как рождается ребенок, то есть Великий, Петровский, Успенский и Рождественский: главными считались в числе трех все, кроме Петровского. По окончании этого срока младенцев питали постным одинаково со взрослыми.

Пасха справлялась в нашем доме с большой торжественностью. В ночь на первый день Святой недели, после заутрени и обедни, все члены семьи, не исключая и детей, которых будили, если они не ходили в церковь, сходились разговляться в комнатах отца, как старшего в роде. В зале накрывались столы; приготовлялись разного рода кушанья в различных причудливых формах. Приготовления к Светлому празднику начинались с первых дней Страстной недели. Из сливочного масла, например, делали форму барашка, лежащего на тарелке. Рога заменялись восковой свечой, разрезанной пополам и загнутой в виде рогов, глаза делали из корицы, а в рот барашку клали немного зелени, которая висела вниз, изображая траву. Пасхи, куличи бабы делали дома, что составляло событие и особенный предмет для разговоров всей семьи, как женского, так и мужского пола. Каждый старался принять участие в приготовлениях к празднику. С 9 часов вечера в страстную субботу ставили разные

закуски на стол; в середине стола, между двумя большими канделябрами, помещался на громадном блюде большой окорок ветчины, украшенный зеленью и завернутый в белую бумагу. После обедни приносили пасху, куличи, яйца, окрашенные в сандале¹⁷, и все садились за стол, предварительно перецеловавшись между собою и со всей прислугой. Детям давали немного всего, и нам казалось каждый раз, что дают мало, почему начинались просьбы о прибавлении порции лакомых блюд, но эти просьбы оставались без внимания. Первыми нашими ходатаями перед матерью в подобных случаях были дяди, Владимир и Михаил Петровичи, которые очень любили нашу мать, видя в ней идеал красоты и изящества.

Дяди были уже взрослыми юношами и не могли не видеть отличия матери от других лиц, их окружающих в семье. Дядя Семен Петрович был также женат в это время и жил с нами в одном доме. Его жена, Ольга Семеновна, была очень красивая женщина, и, как говорят, дядя женился на ней, очаровавшись ее красотой. С красотой соединялся и природный ум; она также была любима в семье Вишняковых, но менее матери. Третья невестка, жена третьего брата, Сергея Петровича Вишнякова, Елизавета Ивановна, представляла совсем иной тип сравнительно с моей матерью и тетушкой Ольгой Семеновной. Это была маленькая, живая, подвижная женщина с миловидным лицом. Все три невестки Вишняковы вышли замуж с очень маленькими денежными средствами или совсем без средств. Невестки жили дружно и не ссорили братьев, своих мужей, между собою. Центром же притягательной силы была во всей семье моя мать, как соединявшая в себе все хорошее и как старшая невестка, жена старшего брата. Между нею и меньшими братьями отца, Владимиром и Михаилом Петровичами, отношения были очень дружеские; тот и другой старались во всем угодить ей, доставить удовольствие, предупредить желания. Нередко мать просила их достать биле-

ты в театр или купить что-либо: все исполнялось с готовностью и с удовольствием. Мать также со своей стороны оказывала им маленькие одолжения, в виде присылки варенья, конфект и прочих сластей, которые молодые люди очень любили. Для удобства быстрой пересылки предметов между собой дяди выдумали на весну и лето устроить род телеграфа, или длинной проволоки, которую они провели из верхних комнат, где жили, в спальню матери. Помню, что часто мать звала меня и брата тащить веревку, которая наматывалась нами на большую катушку. Общий восторг не имел границ, когда вещи, посылаемые таким путем, достигали своего назначения. Этот своеобразный телеграф — шалость — отчасти был устроен и для удобства: добраться до комнат дядей и обратно — надо было пройти весь дом, для чего следовало проходить мимо комнаты бабушки, которая могла увидеть и рассердиться на сыновей за беготню по коридору.

У дяди Владимира была собака Гектор; эта собака выполняла иногда поручения дядей к матери. Прибытие собаки в наши комнаты было для нас, детей, радостным событием. Мы оба с визгом и криком мчались вместе с собакой с докладом к матери, что у собаки во рту есть ноша или письмо. Мать с улыбкой брала у собаки, что она приносила, и в свою очередь отправляла что-нибудь дядям. Этот способ пересылки употреблялся обыкновенно зимою, а весною и летом действовал телеграф. Долго дяди учили собаку, чтобы она носила в зубах узелки и письма, и достигли цели.

Между Гектором и нами была сильная дружба, почему мы всегда старались задержать его у нас в комнатах. Раз я легла на диван в гостиной и начала смотреть собаке в глаза, в которых переливались огоньки, как мне казалось, и это сильно привлекало меня. Гектор не выдержал и разом прекратил мое удовольствие, бросившись на меня с лаем. Я испугалась и закричала. Появились спасители, и дело обошлось благополучно.

Между спасителями был и Карл Иванович, немец, гувернер дядей, живший с незапамятных времен в доме Вишняковых. Карл Иванович был очень добрый старик, но чужак. Одно из его чудачеств сильно занимало нас. После обеда он всегда стремительно бегал кверху и приносил с собою большую кружку, в которую собирал все остатки хлеба со стола, сливал туда же суп, а иногда вино. Все были уверены, что это кушанье готовилось для Гектора, почему я, брат и дядя Николя, питомец Карла Ивановича, принимали деятельное участие в приготовлении этого кушанья. Мы знали, что эту кружку он ставит под кровать для собаки. Но впоследствии оказалось, что мы ошиблись. Дядя Николя спал с Карлом Ивановичем в одной комнате. Как-то раз он проснулся ночью и услышал чавканье в комнате, стал прислушиваться и, поднявшись с кровати, увидел при свете лампы, горевшей перед образами, немца, сидящего на своей постели с кружкой и ложкой... На другой день со всеми подробностями и прикрасами это было передано нам. Тотчас же было решено наливать и класть в кружку Карла Ивановича квас, остатки соуса и тому подобное, но так, чтобы он не видел. Дня через два немец догадался, что над ним смеются, и перестал ходить за кружкой после обеда при детях. Но мы оповестили об этом событии весь дом и сказали матери. Она всегда очень симпатично относилась к Карлу Ивановичу и очень жалела его, как старого и болезненного человека. Мать побранила нас за шалость и велела молчать и не говорить бабушке.

Карл Иванович также очень любил мать. Нередко он являлся к ней с немецкими стихами собственного произведения и чтением их доводил мать до отчаяния: она не любила немецкого языка, но, не желая обидеть немца, терпеливо слушала его произведения. Иногда я прибегала в гостиную и видела мать сидящею против Карла Ивановича, с печальным лицом. Я, конечно,

не понимала причины и, повертевшись около стола, исчезала.

Эти литературные излияния прекращались почти всегда отцом, который приезжал из города около 4—5 часов дня в то время, когда немец был свободен от занятий с дядей Николей. В 5 часов подавался чай, и Карл Иванович оставался у нас до 6—7 часов вечера, разговаривая с отцом по-немецки о событиях дня. Отец очень любил немецкий язык, единственный, который знал из иностранных. Положим, что это знание было очень поверхностно, но говорить он мог, хотя плохо и неправильно. В начале 7-го часа Карл Иванович уходил от нас вместе с Николей, а мать и отец уезжали в гости или в театр. Чаше они ездили по гостям, так как у нас было очень много родных.

Возвращались обыкновенно очень рано домой, и мать всегда являлась с запасом гостинцев в кармане. Мы это знали и, при первом звонке, летели ей навстречу, если не спали, или, лежа в кроватках, кричали и звали ее к себе. Детская находилась рядом с передней, и мать, раздевшись, приходила к нам и наделяла гостинцами. Иногда она стояла перед большим зеркальным трюмо и, снимая с себя платье, вынимала из карманов орехи и другие сласти. Мы прыгали около нее и вертелись, помогая ей раздеваться; в особенности старался брат, который силился надеть на мать его любимый шелковый красновато-коричневый капот с большими и широкими рукавами; один из этих рукавов был любимым пристанищем брата, куда он залезал головой и находил это положение очень удобным и приятным. Поместившись таким образом, брат сообщал матери свои впечатления, касавшиеся главным образом его сверстника, дяди Николи, с которым он был очень дружен, несмотря на противоположность их характеров. Дядя Николя был очень живой и впечатлительный мальчик, а брат Петя тихий, робкий и кроткий.

У меня подруг в доме не было, кроме Усти, дочери одного из приказчиков на фабрике отца.

Очень часто Устя приходила ко мне, и мы вместе с ней играли в детской, но более я предпочитала, когда меня пускали к ней. Помню я длинную комнату, в углу которой стоял сундук, а за ним мы с Устей располагались на полу и играли в куклы, сделанные из тряпок. Подобие кукол из холстины мы делали с ней сами, а старших просили нарисовать глаза, нос и рот. Волосы делались из черных ниток. С течением времени наше производство кукол из тряпок совершенствовалось, и, наконец, мы уже не прибегали к старшим за помощью изображать лица. Кроме кукол, мне нравились у Усти катушки, которые ей давал отец; из-за них случались иногда у нас и ссоры. В катушках привлекала нас различная их величина и контраст больших и маленьких.

Кроме Усти, была у меня и другая подруга детства, но она бывала у нас не часто; ее звали Ольгой Поповой. Девочка эта была внучка священника нашего прихода о. Алексея. Воспоминания о ней, в период раннего детского возраста, остались очень слабые. Помню только красивую и курчавую Ольгу с черными, как смоль, волосами; ее все очень любили и называли будущей красавицей и невестой моего брата; брат мой Петя, по словам старших, был также очень красив, почему их и прозвали жених и невеста. Отец Ольги, мелкий чиновник, сын о. Алексея, имел громадную семью; она помещалась в доме священника, содержавшего и кормившего всю семью своего пьяного сына. Из многочисленного потомства о. Алексея к нам ходила одна Ольга, общая любимица семьи Вишняковых. Но потом посещения Ольги прекратились: началась болезнь матери, не выносившей шума и крика детей, а также и беготни, которая возникала всегда с приходом посторонних малолетних в наш дом.

Постоянно хворая, мать мало выезжала в то время. Часто по вечерам она сидела на большом кресле в своей спальне, а мы были у ног ее на ковре. Я или брат

говорили наизусть молитвы или выученные французские басни; мать слушала нас и поправляла.

Читать и писать по-русски мы учились с матерью, которая применяла, для обучения нас азбуке, названия букв а, бе, ве и т.д. Это было новостью в конце 50-х годов и применялось еще очень мало, а обучали — аз, буки, веде, глаголь и проч. Вообще выучиться скоро читать и писать, как это делается в настоящее время по звуковой системе, считалось прямо тогда невозможным даже и по новому, облегченному методу. Французская азбука преподавалась так же, как и русская. Я и брат читали и писали по-русски и по-французски под руководством матери уже в 5—6 лет, так как мать начала учить нас в очень раннем возрасте.

По утрам после молитвы мы принимались за чтение и письмо. Мать задавала нам несколько строк французской басни. Мне все давалось очень легко, но я капризничала и не хотела учиться. Я видела, что мать ласкала, поощряла и гладила по голове брата, а мне только приказывала учиться. Брат был менее восприимчив, чем я, и не обладал такою памятью, почему ему труднее было запоминать басни, но он, несмотря на это, старался и достигал цели. Я этого не могла понять в то время и понимала только одно, что брата ласкали, а меня нет, и это мне инстинктивно было неприятно и досадно. Раз мать обещала дать яблоко тому, кто скорее выучит басню. Я принялась учить с большим усердием и очень скоро с радостью подбежала к матери с книгой и просьбой спросить меня урок. Мать недоверчиво посмотрела на меня, но взяла книгу и, убедившись, что я выучила басню, дала мне большое яблоко. С этого времени мне доставалось еще более, когда я капризничала и не училась. Таким образом, я и брат знали много русских и французских басен, которые мы говорили наизусть родственникам отца и сестрам и братьям матери.

Из родных отца его замужние сестры бывали у нас не особенно часто; мать не сходилась с ними. Старшая, Надежда Петровна Протопопова, жила в одном переулке с нами. У нее был очень обширный дом и сад. Из трех дочерей тетки наша сверстница по годам была меньшая, Юлия, любимица и баловница своей матери, другие две, Анна и Софья, были значительно старше нас. По воскресеньям мы приходили к ним играть с Юлией, и нашим шалостям и играм не было конца. Ежегодно на второй день праздника Рождества Христова у Надежды Петровны устраивалась елка; этот день был для нас большим весельем. На третий день праздника делала елку другая тетка, сестра матери, Анна Николаевна Блохина, имевшая дочь Катю и сына Сережу.

У нас елок не бывало; я по крайней мере не помню ни одной. Должно быть, потому мать не устраивала детского праздника на Рождестве, что все хворала, когда мы были старше и могли бы помнить приготовления и свою елку. Нам дарили игрушки и книги с картинками. Раз отец привез большую книгу, в виде альбома, с картинками внутри и в красивом переплете из белой с золотом бумаги. Книга эта была подарена брату, а мне дали меньше, в черном переплете с большими золотыми буквами, составлявшими слово «Зверинец». Не понравилась мне моя книга. Я с завистью смотрела на книгу брата и долго потом любовалась на картинки, не замечая своего «Зверинца».

Вторая сестра матери, Любовь Николаевна Борисовская, как и Анна Николаевна, баловала нас, привозила то игрушки, то картинки, то еще что-нибудь. Третья, Екатерина Николаевна, снабжала часто меня лоскутками для кукол из магазина готового дамского платья, который имел ее муж, а брата картинками, изображающими лошадей. Когда тетки приезжали к нам, то, если было тепло, нас выводили на двор и сажали в экипаж приехавшей тетки и шагом катали кругом двора. Делалось это с двойной целью: дать

вздохнуть уставшей лошади и доставить удовольствие детям. Братья матери, Николай, Дмитрий и Сергей Николаевичи, часто бывали в нашем доме и всегда бегали, играли с нами, рассказывали сказки; одним словом, я и брат были членами семьи; нами интересовались, с нами шутили и обращали на нас внимание.

Летом мы жили несколько лет подряд в Сокольниках, где у нас было очень много знакомых. Миловидность и изящество матери всех привлекали к ней, а рядом интересны были и дети, всегда нарядно и даже роскошно одетые, тем более что брат был очень красив. В Сокольниках устраивались тогда детские балы, на которых мы всегда присутствовали и участвовали даже в танцах.

Мать постоянно бывала с нами на этих балах, пока ее болезнь не усилилась и она уже не могла присутствовать на них, а без нее и мы не ходили. Болезнь матери увеличивалась с каждым годом; нервы ее расстроились; появилась общая слабость. Малейший шум, испуг действовали на нее очень дурно.

Раз отец приехал неожиданно домой и со страхом рассказывал, что горит Большой театр¹⁸. Это было на Масленице. Загорелось утром во время репетиции и горело несколько дней. Вечером в тот же день все небо осветилось ярким заревом, которое достигало и нашего захолустья. Мать очень испугалась и расстроилась от этого пожара. Мы приставали к ней с расспросами, почему небо красное, отчего горит, где горит и т.д. Она объясняла, как могла, удовлетворяя наше детское любопытство. Несколько дней только и говорили об этом пожаре со всеми подробностями. Помню я, много было рассказов о крестьянине, который с опасностью жизни спас несколько человек¹⁹. Старшие читали газеты о пожаре, мы слушали с ужасом, представляя себе по-своему эту картину, соединяя в своем воображении и зарево, которое стояло перед нашими глазами, освещая наш сад и двор. Крестьянин, который спас погибающих, представлялся

мне, по описанию газет, высокого роста, с курчавыми волосами, в красной рубашке и весь объятый огнем. Он стоит на лестнице у окна, и к нему бросаются на руки девушки и дети, которых он спускает вниз, на землю. Картина пожара и спасения детей преследовала меня и во сне.

Мать после пожара театра заболела сильнее обыкновенного, почему пригласили докторов, которые беспрестанно переменялись, так как матери делалось все хуже и хуже. Заниматься с нами сама она уже не могла. Пригласили гувернантку.

Это была молодая девушка, Мария Давыдовна Тизенгаузен, немка по происхождению. Ее мать, Татьяна Ивановна, содержала меблированные комнаты для студентов в том доме, где жила тетка, Екатерина Николаевна Кашаева, которая и рекомендовала дочь Татьяны Ивановны в наш дом. Мария Давыдовна окончила курс в пансионе г-жи Брок, одном из лучших женских учебных заведений того времени. При приглашении в дом наставницы к детям возник вопрос о помещении ее. Наша темная детская не годилась, почему пришлось занять одну из комнат наверху, где жил дядя Семен Петрович с женой Ольгой Семеновной; те охотно уступили ближайшую комнату к холодной лестнице, ведущей в помещение, занимаемое отцом внизу.

С поселением у нас гувернантки наше учение началось более правильно и систематично. В это время мы начали изучать немецкий язык, рисование и музыку. Учились мы по целым дням. Относительно системы преподавания я ничего не помню в этот период нашего детства. Помню только, что брат очень скоро выказал свои способности к рисованию, а главное к музыке, что особенно радовало мать. Я, по обыкновению, капризничала и плохо училась, когда мне приказывали, и сразу выучивала все, при малейшем ласковом взгляде или мягком тоне голоса гувернантки, но последнее бывало очень редко. Мария Давыдовна

была слишком молода, невыдержанна и неопытна, чтобы подметить эту черту ребенка и действовать в этом направлении. Напротив, она действовала криком, строгостью при малейшем сопротивлении с моей стороны или послушании ее приказаний. Нередко она жаловалась на меня матери, наказывала меня сама и водила к отцу, который знал только один педагогический прием, это — наказание физическое, т.е. розги. Я очень боялась розог, но эта боязнь не прекращала моих капризов, и тайное озлобление постепенно распространялось против старших и Марии Давыдовны в особенности.

Брат своей кротостью, усидчивостью и послушанием привлекал к себе всех окружающих, тем более что он был любимцем матери, и эта привязанность отражалась на всех. Моя резвость, живость, восприимчивость, капризы и настойчивость никому не нравились; все видели в этом что-то ужасное и предрекали мне непривлекательную будущность, не стесняясь моим присутствием.

С переездом наверх, где я жила в одной комнате с гувернанткой, моя жизнь некоторым образом изменилась. Я реже видела мать, тогда как брат остался в темной детской, находящейся рядом с кабинетом отца. Он приходил к нам наверх учиться, а свободное время проводил внизу близ матери. Живя в новом помещении, я чаще встречала тетюшку Ольгу Семеновну, которая мне очень нравилась, и мне так хотелось всегда приласкаться к ней, но я боялась. Комната моя с Марией Давыдовной была рядом с комнатами тетюшки. Я любила заходить к ней, бегая по коридору. Гувернантка ловила меня и водворяла на место.

Вскоре, после моего поселения наверху, у нас случилось событие. Вдруг я услышала крик ребенка и тотчас же побежала в коридор узнать, кто принес ребенка. Оказалось, что у тетюшки Ольги Семеновны родилась дочь, Катя, которую поместили напротив моей комнаты. Проходя по коридору, я обязательно пово-

рачивала в эту комнату, чтобы посмотреть Катю. Старшие все были озабочены различными хлопотами, почему моих частых посещений детской не замечали. Я радовалась, что могу ходить к Кате и смотреть, как ее пеленают, моют и проч. Но недолго пришлось мне радоваться. Ребенок захворал и вскоре скончался. Говорили, что акушерка простудила ее во время «цвeта»²⁰, который обратился в нарывы, и эти нарывы она вздумала прокалывать булавкой, почему сделался антонов огонь²¹ и Кати не стало. Меня это очень огорчило, а рассказы, со всевозможными прибавлениями о нарывах, оставили сильное впечатление.

Коридор, который примыкал к моей комнате и комнатам Ольги Семеновны и дяди Семена Петровича, проходил по всему дому и граничил с помещением бабушки, ее столовой и входами к дядям Владимиру, Михаилу и Николе. Старшие дяди, желая видеть моего отца или мать, должны были пройти весь коридор, на конце которого находилась моя комната. Дядя Владимир, проходя мимо нас, заходил к нам, сначала реже, а потом все чаще и чаще, и, наконец, он просиживал с Марией Давыдовной целые вечера. Комната была длинная, с одной дверью в коридор и двумя окнами. Почти у двери стоял большой кожаный диван, а перед ним стол. Здесь и сидели всегда дядя Владимир и Мария Давыдовна. На противоположном конце комнаты, у окна за кроватью, помещались мои куклы на полу. Гувернантка заставляла каждый вечер мой угол большими креслами, приказывая мне сидеть смирно на полу и заниматься куклами. Я, живой ребенок, скоро уставала сидеть на полу и начинала приподниматься на колени, так как находиться долгое время в одном положении было невыносимо для меня, но на меня кричали и помещали обратно в мое кукольное царство. Соскучившись сидеть таким образом и истощив все разговоры кукол между собою, я нашла, как-то раз, новое положение для своих ног и туловища: я легла на пол и увидела в просвете между ножками стульев дя-

дю Владимира и Марию Давыдовну, целовавшихся между собою. С этого дня я каждый вечер, наигравшись в куклы, ложилась и наблюдала. Понять разговоров я, конечно, не могла, но я видела, что они дружны между собою и хотят жениться. Свои наблюдения я передавала брату; он очень вяло относился к этому, да и я не придавала особенного значения, как ребенок ничего не понимавший. Единственно, какие мысли бегали в моей детской голове на основании этого факта дружбы дяди с гувернанткой, это — забота об их дальнейшей судьбе, о том, где они будут жить, если женятся; неужели, думала я, дядя Владимир переедет в нашу комнату и будет жить с нами. Иногда я, лежа на полу за креслами, решала, что Мария Давыдовна уедет от нас потому, что кто женится, как папаша, мамаша, дядя Семен и тетка Ольга — те живут отдельно и в нескольких комнатах, а не в одной комнате. Такая мысль повергала меня в тайный восторг, что Мария Давыдовна скоро уедет от нас и не будет терзать меня и жаловаться отцу, чтобы меня секли.

Эти дружеские вечера вдвоем, с присутствием третьего молчаливого маленького свидетеля, были прерваны на некоторое время матерью. Находясь под влиянием ужасов Севастопольской войны, она приглашала всех членов семьи Вишняковых щипать с ней вместе корпию²² для раненых. Каждый вечер мы все сходились у матери в гостиной и дергали нитки из тряпок. Для корпии предназначалось старое белье, которое мать собирала у себя в доме, у родных, у знакомых. Но всего этого оказывалось слишком мало, почему приходилось и покупать тряпки. Во время этого занятия кто-нибудь читал газету о войне, о страданиях, претерпеваемых пленными русскими от турок; все ужасались и усерднее щипали корпию для несчастных. Отец и дяди рассуждали о полководцах; спорили, доказывая один другому — кто лучше, кто хуже; в общем все это было мне совсем непонятно. Много говорили о подвигах солдата Кошки, который отличался в

военных действиях, но потом оказался шпионом, и его расстреляли. О войне, о полководцах, о солдатах, об их подвигах говорили только мужчины, а женщины интересовались ранеными и страдали за них. Мы, дети, слушая все эти рассказы, старались как можно больше нащипать корпии, запасы которой были очень велики. Богатые и бедные, все щипали корпию и отправляли на войну пудами этот необходимый тогда предмет для больных. Но впоследствии оказалось, что и часть всего посланного не доходила до места назначения. Корпию продавали, как тогда говорили старшие, врагам-англичанам, за что брали большие деньги. Быть может, это была неправда, но об этом говорили и возмущались. Помню я, что эти слухи особенно волновали мою больную мать, которая с негодованием рассказывала, что русским раны закрывали соломой, а англичанам корпией, сделанной руками русских женщин. Доктор Осиповский, лечивший мать, негодовал на нее, что она волнуется, что ей это очень вредно, но она не внимала и чуть не плакала, говоря об этом.

Мать моя вообще была очень добрая и отзывчивая женщина. Всякое горе других людей тревожило и беспокоило ее. Многие приходили к ней за помощью в своих нуждах; мать всем помогала, чем могла. Мы, дети, всегда участвовали в хлопотах матери, помогая ей искать наши башмаки или детские платья для бедных или исполняя другие приказания ее в этом отношении. Очень часто к нам приходили бедные невесты²³, которых мать оделяла приданым и деньгами. С ранних лет мать приучала нас своим примером жалеть несчастных, больных и бедных и помогать им. На дачах в Сокольниках и в Кунцеве, где мы жили последние два года перед смертью матери, к ней приходили крестьянки ближайших деревень, и она всем оказывала помощь; кого хоронила на свой счет, у кого крестила, кому свадьбу справляла; все ее знали и любили, и в особенности, как я помню, в Кунцеве, так как мне в это время было 7 и 8 лет.

Кунцево принадлежало тогда Нарышкину, но он там не жил. В большом доме летом помещение отдавалось графу и графине Строгановым, которые имели взрослого сына Николая Сергеевича. Этот молодой белокурый граф, с тонким женским голосом, познакомился с матерью и часто заменял ей кума при крестинах детей крестьян деревни Мазилово. Он бывал у нас очень часто и всегда ласкал нас, детей, и гладил по голове, и мы его любили. В скором времени молодой граф попросил позволения матери познакомить нас с его племянником Петей Толстым и племянницей Мери Голицыной. Мать позволила, и мы очень любили ходить к своим новым сверстникам. В дурную погоду мы играли в больших светлых комнатах с широкими окнами, выходящими на реку. Мать следила за нашими костюмами, когда мы собирались в главный дом: нас оглядывали с ног до головы и тогда только отпускали в гости. Вообще мать одевала нас довольно роскошно и сообразуясь с модой. У брата в это время был костюм ратника-ополченца²⁴: это было в Севастопольскую войну, и костюм ратника, принятый для взрослых, употреблялся и для детей. Костюм состоял из серого казакина на сборках с красным кушаком и серой шапки с красным сукном; при этом надевались шаровары и высокие сапоги.

Наша дача находилась близ самого главного дома в саду парка. Дача была очень велика, почему мы жили на две половины с дядей Семеном Петровичем и его женой. Тетка Ольга Семеновна, урожденная Грачева, имела очень много родных. Между ними мне особенно памятна ее бабушка, которая была очень стара. Ее привозили к нам на дачу раз в неделю. Эта бабушка была общая любимица, и в особенности мы, дети, любили эту добрую старушку, ходившую с ридикюлем, наполненным всевозможными сладостями, и с целым неисчерпаемым источником сказок. День приезда старушки был праздником для детей. Целый день мы проводили с ней со своими сестрами.

Лето в Кунцеве прошло в прогулках и играх и посещениях главного дома. Мать мало пользовалась летним временем; она больше сидела на балконе и ходить не могла. С наступлением осени здоровье ее ухудшилось, и, наконец, доктора решили сделать ей операцию, так как, по словам взрослых, у нее был рак, который надо было вырезать. Я часто слышала название этой болезни, но не понимала ее значения.

День операции был назначен 27 ноября 1854 г. Никто из детей не знал, что матери будут делать операцию, но мы слышали разговор о приготовлениях, которые заключались в том, что отец, недели за две или больше, ездил к докторам и приглашал их к себе в назначенный день. Приглашения производились по инициативе известного в то время доктора Овера. Приезжая домой, отец за обедом говорил матери фамилию приглашенного доктора и рассказывал о своих впечатлениях. Мать не показывала вида, что она боится операции; напротив, она старалась бодриться и даже заказала себе красивую сорочку и вышитую длинную белую кофту. За несколько дней до операции наша гувернантка, Мария Давыдовна, пришивала к кофте розовые банты из лент и кружева, а я помогала, имея в руках нитки. Мать моя была тогда 27 лет, не более. Болезнь ее в общем продолжалась, как говорили, 6 лет и, наконец, свела ее в могилу, когда ей не было еще 30 лет.

27 ноября отец ходил к обедне и служил молебен, молясь о здоровье матери. К 10 часам утра начали съезжаться доктора. Нас с братом отправили кверху и запретили спускаться вниз. Гувернантка наша, Мария Давыдовна, находилась с нами. Я и брат сидели у окна и считали экипажи на дворе. Эти экипажи принадлежали докторам и их помощникам. Мы, дети, смутно сознавали, что делается что-то страшное, но не понимали, что именно. Вдруг раздался пронзительный крик. Мы заплакали. Этот крик и сейчас раздается в моих ушах. Комната, где мы находились вверху, была

затворена; лестница вниз была также заперта двумя дверями, но крик проник и дошел через пол, так как зала, где матери делали операцию, была как раз под нашей комнатой. Крик матери отразился и на Марии Давыдовне; она сидела, как убитая, и молчала. Через несколько времени после этого отец вошел к нам в комнату и, не стесняясь присутствием детей, показал Марии Давыдовне вырезанный кусок мяса, принесенный им на чайном блюде. Мы, дети, остолбенели от страха, увидев кусок чего-то студенистого, розового, покрытого кровью. Отец с Марией Давыдовой говорил о том, что рак весь вырезан и мать будет здорова, а мы стояли с испуганными лицами, не понимая ничего, что отец говорит. Какой рак? Где рак? Как вырезали его? Мысли мелькали в моей голове, путались, мешались, и я ничего не понимала.

Вечером нам позволили сойти вниз. Некоторые доктора оставались еще с матерью, укладывали ее на кровать и делали все необходимое. У отца в кабинете был накрыт стол для обеда. В 6 часов за стол сели: отец, доктора Овер и Попов, а также и мы с Марией Давыдовой. Попов обратился ко мне и сказал: «Учитесь, дитя, терпению у вашей матери. Будьте такой же, как она, это — чудная женщина». Операция была очень трудная, по словам докторов, и она вынесла все, наша мать. Овер добавил потом: «Лишь один крик вырвался у этой страдальцы в течение долгого времени». Я слушала и думала, что я всегда буду терпелива, как мать. Впечатление дня и слова докторов, произнесенные ласково и с нежностью, сильно запечатлелись в моей памяти. Слова доктора Попова в особенности проникали в мою душу. Он нагнулся и поцеловал меня в голову, сказав, что я похожа лицом на мать. Эта ласка подействовала на меня так сильно, что я тотчас же решила, что я всегда буду все терпеть, что бы ни было, а потом, когда вырасту большая, то поеду к доктору Попову и скажу ему, что я исполнила, что он приказал, и много терпела. В моем воображении носились

разные картины, одна ужаснее другой, и везде представлялся тот кусок мяса, который я видела в этот день.

После обеда нам позволили пойти к матери в спальню. В ней было темно, только в углу горела лампада перед большим образом Спасителя. Мать несколько раз просила отца позвать к ней детей, но тот не решился, пока доктора не повели нас к ней сами. Меня взял за руку доктор Попов, а брат пошел с отцом и доктором Овером. Спальня матери была покрыта мягкими коврами, чтобы не слышно было шума шагов. В комнате был полумрак, а за перегородкой, где лежала мать на большой кровати, и совсем темно. Мать была очень слаба и лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Когда мы подошли, она взглянула на нас, улыбнулась, погладила брата по голове и опять закрыла глаза. В комнате был такой сильный, удушливый запах какого-то спирта, что у меня закружилась голова. Мой спутник, доктор Попов, взял меня за руку и повел в кабинет отца. Мария Давыдовна отправила нас кверху в мою комнату, где мы долго с братом сидели молча, подавленные целым рядом новых и ужасных впечатлений. Игры не клеились, говорить мы тоже не могли, не сознавая, конечно, причины; сидели и молчали.

К празднику Рождества мать встала с постели и начала ходить по комнатам, но силы ее восстанавливались очень плохо, почему она больше лежала.

Наши занятия с братом под руководством Марии Давыдовны продолжались по-прежнему. Брат отличался прилежанием и усидчивостью, а я шалостями и ленью, как говорили старшие. Мария Давыдовна часто ходила к отцу жаловаться на меня. Расправа за все мои детские вольные и невольные прегрешения была одна — розги. Как я боялась этого наказания! Какое болезненное чувство ощущала я! Я кричала, но не всегда от боли, а прямо от обиды. Какой сильный прилив злобы охватывал меня после этого позорного на-

казания! Я сжимала свои маленькие кулаки, оставшись одна, и, сверкая глазами, бранилась, топала ногами и, наконец, заливалась горькими слезами. Приготовления к этому наказанию наводили на меня такой ужас. Я дрожала так, что зубы стучали. Но этого никто не замечал. Я была ленива, не учила уроков, меня надо было исправить. Эта операция сечения производилась отцом. В это время розги были таким обыкновенным явлением в воспитании детей, что никто им не удивлялся и не придавал никакого значения таким пустякам, как озлобление ребенка. Во всех казенных учебных учреждениях, семинариях розги заготавливались «впрок», как говорили тогда. Били крестьян и секли помещики за всякую шалость и изприхоти, секли и непокорных в «частном»²⁵ доме, причем не щадили никого: молодые, подростки, старики — все подвергались сечению. Исправительная мера эта употреблялась и для неразумных существ, к которым принадлежали и дети.

Брат мой в этот период своего детства менее меня подвергался сечению; он находился всегда под покровительством матери, которая сильно любила его. Да и немудрено! Петя был малорослый, красивый, тонкий и ласковый мальчик и чрезвычайно грациозный. Меня называли красивой девочкой до 5 лет, но потом я стала дурнеть и, должно быть, была сильно непривлекательна, с огромными глазами, с маленьким носом, с пухлыми губами и большим лбом. Очень худенькая, живая, резвая, я всюду и везде все задевала, разбивала, шумела и во всем была виновата. Защитников у меня и покровителей не было, почему и наказания обрушивались на меня со всей силой. Быть может, моя некрасивость в этом возрасте отталкивала мою мать от меня или резвость, подвижность, я не знаю, но я бессознательно чувствовала что-то, почему и озлоблялась. Появилось желание не слушаться и поступать наперекор желанию старших, которые желали переломить мое своеволие, непокорность насилием, а

этого не нужно было: мне нужна была ласка и только одна ласка, а в ней мне отказывали; старшие не понимали, чем можно было смирить и покорить меня.

С течением времени мать принялась за свои обычные занятия: чтение и различные работы, но полулежа. Сидела она мало. Здоровье ее было плохо, почему доктора посещали нас ежедневно.

25 февраля 1855 г. мы все сошлись к обеду, к 5 часам вечера, кроме отца, которого ждали, но он долго не приезжал. Наконец, подали к жаркому соленые вишни, которые я очень любила. Только что я принялась за свое любимое кушанье, как вошел в комнату отец, взволнованный и озабоченный. «Государь Николай Павлович скончался», — сказал он. Мать перекрестилась и испуганно взглянула на отца. Мы, дети, переглянулись и смутно представляли себе, что случилось нечто ужасное, но в чем этот ужас, мы не сознавали. Отец сел за стол с нами и начал рассказывать, что в Кремле во время присяги императору Александру Николаевичу случилось несчастье. Колокол, висевший на колокольне Ивана Великого, оборвался и упал, продавив своей тяжестью пол нескольких этажей, и достиг церкви, находившейся в среднем этаже, где шла в то время служба. Народу в церкви было очень много, по случаю смерти государя и воцарения Александра II, многие были убиты, многие искалечены. Отец с ужасом рассказывал об этом, рядом со всевозможными подробностями о последних днях и часах государя Николая I. Брат и я со вниманием слушали отца, боясь проронить слово. Мать очень волновалась, что, конечно, повлияло на общее состояние ее здоровья.

Смерть государя Николая I произошла в первых неделях Великого поста. Припоминаю позднейшие рассказы старших о смерти государя: говорили, что Николай I видел печальные результаты Севастопольской войны, почему и приказал своему доктору отра-

вить себя²⁶; он не хотел принять позора на свою голову, как ответственное лицо за свою страну.

На 4-й или 5-й неделе Великого поста в нашем доме случилась история, которая вызвала перемену в нашей детской жизни. Наша гувернантка, Мария Давыдовна Тизенгаузен, уходила из нашего семейства. Помню я, что отец сердился, кричал на нее и дядю Владимира Петровича; последний был очень расстроен. Впоследствии оказалось, что он сделал предложение Марии Давыдовне, и она дала свое согласие на вступление в брак с ним, о чем и известила своих и его родных и между прочим моего отца. Родственники дяди были против этого брака и запрещали ему на ней жениться, но он не обращал никакого внимания на запрещение. Неприятности по этому поводу длились в нашей семье очень долго; в особенности против брака протестовала мать дяди, наша бабушка Анна Сергеевна.

Вскоре после ухода Марии Давыдовны у нас появилась новая наставница, Александра Ивановна Струнина. Небольшого роста, уже не первой молодости, брюнетка, с острым носом, тонкими губами, маленькими черными глазами, она производила на нас недоброе впечатление: мы, дети, боялись ее и не любили. С первых дней своего пребывания у нас она завоевала расположение матери и отца. Какие чары она употребляла для этого с матерью, я не знаю, но отцу она постоянно жаловалась на нас, в особенности на меня как на беззащитную. Брат находился под покровительством матери, почему Александра Ивановна не слишком злоупотребляла своим правом, боясь раздражить больную. Зато все свои кляузные способности она перенесла на меня; каждая моя детская шалость наказывалась без снисхождения; но строгость не слишком останавливала меня.

На Страстной неделе Великого поста я видела, что гувернантка варила варенье из клюквы и поставила его в небольшой шкаф в нашей с нею комнате. Мне

очень хотелось попробовать этого варенья; я попросила, мне не дали, тогда я придумала целую комбинацию. С утра на следующий день я притворилась больной; меня уложили в постель и оставили в комнате одну. Я, конечно, воспользовалась этим и тотчас же, по уходе Александры Ивановны из комнаты, босиком бросилась к шкафу, влезла на стул, достала варенье и принялась его есть руками, прямо из банки, за неимением ложки. Накушавшись как следует, я отправилась на кровать и в этот момент услышала шаги по лестнице, что меня и заставило скорей лечь и спрятать руки, выпачканные вареньем, под одеяло. Александра Ивановна подошла ко мне и хотела посмотреть, нет ли у меня жара. Она откинула одеяло и прямо увидела на одеяле и белье следы моего преступления. Обман открылся, и я понесла кару, тем более жестокую, что исполнения ее надлежало ждать до вечера, пока приедет из города отец. Мне было велено вымыть руки, одеться и терпеливо стоять в углу до приезда отца. Наконец последний приехал, и меня высекли.

После Святой недели начались сборы на дачу в Кунцево за Драгомиловской заставой. Мать едва двигалась и, конечно, никуда не выезжала из дома. В первых числах мая отец нанял для матери удобную большую карету, и нас всех перевезли на дачу. Мое житье на даче было очень невеселое: постоянные угрозы отца, недовольство матери и жалобы на меня Александры Ивановны — вот общее впечатление, которое осталось у меня в памяти от этого года. Мать все хворала и хворала, почему Александра Ивановна всецело овладела нами, наказывая за все того и другого. Изобретательность ее в наказаниях была изумительна. Например, она выдумала сшить из затрапезной клетчатой белой с синей бумажной материи род длинной тальмы²⁷ с мешком; последний предназначался для головы, взамен дурацкого колпака. За всякую детскую шалость на меня надевали этот костюм и ставили на стул на балкон, который выходил в общий парк, где

всегда проходило много дачников, разносчиков и проч. Но и этого казалось мало нашей наставнице; на грудь мне прикалывали бумажку с названием крупными буквами моей шалости или другой провинности, так что все проходящие могли видеть меня в дурацком костюме и с позорной надписью на груди. Это наказание производило на меня ужасное впечатление: я озлобленно плакала и хрипела, стоя на стуле, тщательно скрывая слезы от Александры Ивановны.

Все эти меры вызывали во мне не раскаяние, а затаенное озлобление против наставницы и старших вообще. Мне казалось, что все надо мной смеются и что я существо скверное. Я хотела ласкового слова, нежности, а меня гнали и наказывали. Помнится мне, как я горько плакала в своей маленькой светелке наверху, лежа в своей кроватке, и молилась за мать, чтобы она выздоровела скорей и полюбила бы меня, не сердилась и поцеловала бы, как брата Петю.

В это время как раз у нас в доме начались разговоры о какой-то знахарке, умеющей вылечивать всякие болезни. О чудесах этого лечения рассказывалось очень много. Я очень желала, чтобы позвали эту лекарку: мне казалось, что она непременно вылечит мать, и тогда мне будет легче жить. В один летний жаркий день отец вернулся из Москвы со знахаркой. Это была простая деревенская баба в возрасте 50 или более лет. Знахарка поселилась у нас на даче и начала варить какие-то снадобья, которыми лечила мать. Мы, дети, присутствовали при этой варке в кухне и с интересом смотрели на знахарку, как она таинственно шептала, наклонившись над горшком, в котором находилась желтая густая смесь. Лечение знахарки продолжалось около месяца, если не более. После отъезда знахарки снова обратились к докторам, которые и ездили к нам ежедневно.

В августе месяце, в одну из темных ночей, наступила сильная гроза с вихрем, градом и дождем. Отец спал вместе с братом в комнате, выходящей на балкон.

Во время грозы несколько воров, пользуясь шумом от грозы, незаметно отворили дверь на балкон, вошли в комнату и украли все, что было возможно, начиная с ценных вещей и денег отца и кончая одеждой последнего и брата. Проснувшись, отец увидел дверь отворенной и комнату опустошенной. Мать очень испугалась этого случая и попросила отца перевезти ее с детьми, до его отъезда в Нижний на ярмарку, в Москву.

В это время дом, в котором мы жили на Якиманке, отделялся заново, почему отец нанял квартиру в той же местности. Квартира находилась в одном из переулков, прилегающих к Полянскому рынку за Москвой-рекой. Помещение было очень большое, с огромными парадными комнатами и маленькими, низенькими помещениями для спален. В те времена такого рода постройки были обыкновенным явлением, ни для кого не удивительным. Отец перевез нас в Москву и уехал в Нижний на ярмарку. Мы остались с матерью и наставницей, с которой и начались наши обычные занятия музыкой и языками, а вместе с занятиями усилились и наказания во всех видах с постоянной угрозой жаловаться отцу, когда он вернется.

Так продолжалось до ноября месяца; я училась, ленилась, ждала ласки, шалила и проч., а брат преуспевал в игре на фортепьяно и в рисовании. Дни текли однообразно; по временам нас водили гулять по замоскворецким переулкам. Однообразие нашей детской жизни нарушалось шумом и криком во время сечения меня розгами. Отца мы редко видели дома. В моей памяти, в этот период моего детства, отец представляется мне не иначе, как с розгой.

В ноябре с матерью произошел от ее болезни, как говорили доктора, временный паралич; у нее отнялись рука и нога. Доктора тотчас же перенесли мать в гостиную и положили на большую, двуспальную кровать и предупредили отца, что положение больной очень опасно. В доме поднялась суматоха, и в тот же

вечер пригласили священников для соборования и причащения. По окончании соборования и причащения отец принес два образа довольно больших размеров и попросил мать благословить детей. Брат Петя подошел к матери первым, и она с поддержкой отца благословила его здоровой рукой, а меня мать благословила больше взглядом, так как ей трудно было поднять еще раз руку.

Но во время моего благословения случилось маленькое недоразумение. После соборования мы, по приказанию старших, должны были лечь в постель, и когда нас позвали к матери, мы были раздеты. Я начала спешить и в темноте надела туфли Александры Ивановны; дорогой к матери в гостиную одна туфля с ноги свалилась; меня это, конечно, насмешило, и я засмеялась. Меня очень заняло мое шлепанье по комнате в больших туфлях. Этот смех был замечен старшими, в особенности отцом и Александрой Ивановной; начались укоры и брань. Меня обвиняли в бесчувственности, в нелюбви к матери, в жестокости и бог знает еще в каких прегрешениях, о которых я и понятия не имела.

Как помнится, я в это время была уже озлобленным ребенком. Не помню, чтобы я чувствовала к кому-нибудь особенную привязанность. Отца, матери, гувернантки я боялась, брату я бессознательно завидовала. Чувства жалости и скорби к матери, во время ее болезни в ноябре, я не ощущала; меня интересовала новизна положения, обстановка и обряды. Очень может быть, что многое, совершившееся в это время, изгладилось из моей памяти; сгладились и те впечатления и ощущения, которые охватывали меня. В воспоминаниях памяти остались лишь резкие факты...

Паралич с матерью случился ровно через год со дня операции.

Через месяц матери стало лучше, а к Рождеству она поправилась настолько, что могла ходить по комнатам. За три дня до праздника Рождества мать при-

казала перенести свою кровать и все принадлежности в свою спальню, которая находилась рядом с комнатой, где я спала и училась с Александрой Ивановной; последняя имела в это время большое влияние на отца и пользовалась расположением матери, которая очень доверяла ей.

Мать была больна раком; запах в ее комнате был очень тяжелый, удушливый. Дверь в мою комнату была всегда открыта, и никто из старших не понимал, насколько вредна была для ребенка такая ужасная атмосфера. Через мою комнату выносились из спальни матери грязное белье, тряпки и проч.; другого хода, более грязного, не было. В спальне матери было две двери, одна дверь выходила ко мне, другая в залу, которая считалась парадной комнатой. Нередко ночью горничная матери проходила по нашей комнате со всеми принадлежностями, употребление которых было непонятно моему детскому уму. Любопытство охватывало меня при виде этих таинственных инструментов. Я подсматривала, подслушивала разговоры, чтобы удовлетворить любопытство; меня, конечно, ловили на месте преступления, наказывали, я не внимала и продолжала наблюдать.

За неважные преступления и шалости наказание полагалось в виде лишения пирожного во время обеда или стояния во время стола. Александра Ивановна приказывала стоять и есть; меня это озлобляло, и я решала своим детским умом, что лучше буду голодная, но есть стоя не буду. От меня ждали, чтобы я просила прощения, но я молчала. По всей вероятности, это молчание объясняли детской злобой и желанием причинить неприятность старшим. Раз за вечерним чаем мать рассказала свой сон Александре Ивановне; сон заключался в том, что я бросилась целовать ее. Я и брат сидели в это время за столом и пили чай. Я, по обыкновению, слушала, что говорят старшие. Ал. Ив. переглядывалась с матерью, ожидая, что я, действительно, брошусь целовать мать, но я не двигалась и

упорно молчала. Почему я молчала, я и сама не знала, но броситься я не могла к матери. Быть может, во мне развилась одичалость, отчуждение от матери, я определить не могу. Подождав некоторое время, гувернантка не выдержала и начала укорять меня в нелюбви к матери, которая грустно улыбалась. Я молчала и стояла, как истукан, не двигалась. Такие факты собирались Александрой Ивановной перед матерью, и я являлась в глазах ее ужасною девочкою, испорченною, злой, порочной.

За несколько дней до Масленицы к нам приехал дядя Владимир Петрович со своей женой Марией Давыдовой, моей бывшей наставницей, с визитом после свадьбы. Она была с нами очень ласкова и звала к себе. Мне эта мимолетная ласка очень понравилась, и я стала с нетерпением ждать, когда нас повезут к новой тете. Мария Давыдовна была одета в платье из зеленого бархата, на голове была надета белая шляпка. Я с детским любопытством рассматривала Марию Давыдовну. Мать моя и Александра Ивановна обращались с ней полуснисходительно, ласково, но с удивлением и недоумением²⁸. В дверях стояла прислуга, прячась и показываясь на минуту в комнате. Вечером после этого визита я слышала в девичьей, как горничные разговаривали между собою и смеялись, называя Марию Давыдовну вороной в павлиньих перьях, голдой, нищей и прочими эпитетами.

Наступил пост, и дни потекли своим чередом. В Благовещение 25 марта был день теплый и ясный. Мать послала купить птиц и вышла с нами на крыльцо, чтобы выпустить их²⁹. Мы жили в доме Сердобинских во втором этаже, где крыльцо заменялось большой широкой лестницей, с огромною площадкой и большой величины окнами; одно из этих окон мать отворила и, взяв двух птичек, назвала их по имени; одну Александрой, как ее звали, а другую Иваном, как звали отца. «Кто из нас больше проживет?— сказала она.— Смотрите, дети, которая птичка полетит вниз и

которая кверху». Птичка с именем отца высоко поднялась кверху, а другая, названная Александрой, бросилась вниз и ударилась о землю. Мать грустно вздохнула и, опустив голову, пошла в комнаты, и мы за ней. Падение птички вниз произвело сильное впечатление на мать и на нас. Мне казалось, что это летит не птичка, а мать. В моем воображении птичка представлялась мне с лицом матери, страдающим и умоляющим о помощи. Мне было очень жаль птичку-маму, и я чувствовала, что я заплачу, но я сдерживалась, чтобы не заметили. За столом мать с грустью рассказывала об этом отцу и Александре Ивановне, последняя начала ее успокаивать, но грусть не оставляла ее.

Во время этого разговора я снова почувствовала, как слезы подступают к горлу, но я опять удержалась.

1 апреля, в день именин Марии Давыдовны, нас повезли к ней на вечер. Она так ласково встретила нас и повела в комнаты, где нам с братом дали в наше распоряжение небольшой стол, заставленный всевозможными сладостями, орехами и пряниками. Восторгам нашим не было пределов, в особенности когда нам позволили бегать и резвиться по комнатам. Долго я вспоминала этот чудный вечер, разбирая все подробности, наслаждаясь ими. В тот же день, 1 апреля, дядя Сергей Петрович сказал нам с братом, что он попросит отца пустить нас к нему, когда у него будет домашний театр.

Я с нетерпением ждала этого желанного дня, и, наконец, нас одели, завели и повезли. Несомненно, что мы ничего не поняли, что видели, но нас интересовала обстановка театра, устроенного в зале, подмости, суфлер, музыка. Все это было так ново, неожиданно. По окончании спектакля быстро разобрали подмости и начались танцы. Многие дети танцевали характерные танцы³⁰. В особенности отличались в танцах два брата и сестра Тихомировы, дети главного доктора Голыцынской больницы. В антрактах танцевали и большие. Из всех гостей, которые присутствовали на этом

вечере, я особенно помню Ребристовых, братьев известной актрисы Малого театра в Москве Акимовой, инженера Николая Ивановича Кушнерева и Вас. Степ. Цирульников; последний был студентом юридического факультета. Все эти лица со знаменитым Ленским во главе играли на домашней сцене у дяди Сергея в этот вечер. Старший брат Ребристов, Григорий Павлович, и Николай Ив. Кушнерев брали меня на руки, ласкали, гладили по голове, и мне было так тепло, приятно. Надо предполагать, что потому я и помню этих лиц, что они ласкали меня. Я, брат Петя и дядя Николя, меньшей брат отца, находились всегда вместе. Этот вечер длился, конечно, очень долго; нас, детей, отправили раньше, и тетка, жена дяди Сергея, Елизавета Ивановна вручила нам по красивой бонбоньерке³¹ с конфетами. Тетя Елизавета была очень внимательная и предупредительная женщина, ласковая и добрая. Так кончилось наше веселье. На следующий день все пошло по-старому; остались только воспоминания после интересно и весело проведенного вечера.

На Святой неделе у меня оказалась совершенно неожиданно новая подруга. У тетки Ольги Семеновны, жены дяди Семена Петровича, умерли скоропостижно дядя и тетка Макаровы, оставив сиротою 7-летнюю девочку Ольгу, которую дядя и тетка взяли к себе на воспитание, так как они были бездетны: все родившиеся их дети умирали в первых днях своего рождения. Эта маленькая девочка, Ольга, имела небольшое состояние, оставленное ей родителями, и грубую неразвитую бабушку, которая сначала не отдавала девочку тете Оле, но потом ее уговорили, и она решилась. Дядя и тетка, как говорят, когда принимали девочку на воспитание, руководствовались не только жалостью к ней и желанием принести ей пользу, вырвав ее из рук бабушки,— серой и самодурной купчихи, но и поверьем: супруги, не имеющие детей, должны были взять на воспитание чужого ребенка, и тогда у них рождал-

ся свой ребенок. Это поверье сильно было распространено в купеческой среде.

На Святой неделе тетя Ольга прислала к моей матери письмо с просьбой — отпустить меня к ней на несколько часов для знакомства с ее воспитанницей. Дядя и тетка жили в это время в большом доме в мезонине, пока переделывался весь дом, назначенный для помещения двух братьев Вишняковых, Ивана и Семена Петровичей, с семействами. Меня пустили одну, без Александры Ивановны, но в сопровождении горничной. Я с восторгом бросилась бегом по Полянской площади. В квартире тетки я увидела маленькую смуглую девочку с русыми волосами, довольно большими серыми глазами и полными губами. Начались игры, разговоры, шалости и прочие детские радости. В пылу разгара наших игр моя новая подруга нечаянно отломила игрушечного поросенка от деревянной тарелки и заявила мне, что это не она сломала, а я. Конечно, я начала спорить с ней и отрицать свою виновность. Потом мы помирились и спокойно возобновили наши игры, но это маленькое недоразумение не прошло бесследно. Вскоре после моего визита к Оле тетушка Ольга была у матери и сказала ей при мне, что я сломала поросенка и перенесла свою вину на маленькую Олю. Я вспыхнула и чуть не заплакала от такой несправедливости, но оправдываться не смела из страха навлечь на себя брань и наказание. Я молчала и слушала упреки матери и тетки во лжи, но в душе я чувствовала злобу и ненависть к Ольге. Я так сильно возненавидела ее, что не хотела играть с ней больше. Впоследствии эта ненависть сгладилась и постепенно, с годами, обратилась в любовь, но этот небольшой факт оставался в памяти долгое время, я инстинктивно остерегалась Ольги, зная по опыту, что она пожалуется на меня старшим и меня снова будут упрекать во лжи или, пожалуй, скажут еще отцу, который будет искоренять из меня этот порок розгами.

Пасха была в этом году (1856 г.) поздняя, почему именины матери были вскоре после Святой или на Святой, чего я хорошо не помню. Постом мать заказала себе синее шелковое платье и бархатную синюю кофту, а также и тюлевый чепчик с розовыми лентами. Перед весной матери кто-то сказал, что у нее вырастут длинные волосы, если она обреет все волосы; она согласилась, почему и была принуждена ходить в чепчике. В день своих именин, 21 апреля, мать оделась в новый костюм и вышла в зал к чаю. Днем приезжали ее сестры, братья отца и их жены; одним словом, все родные. Мать сильно утомилась; она последние месяцы жизни больше лежала на диване.

Наконец, наступил май месяц. Отец, по совету докторов, спешил переезжать на дачу. Мать и Александра Ивановна говорили о переезде и о том, что мать там поправится. На этот раз дача была снята в Сокольниках, в сосновой Оленьей роще.

Отца, за последнюю зиму нашего житья с матерью, мы видели очень редко. Родные матери и Александры Ивановны, приезжая к нам, часто тихонько шептались с последней, чтобы мать не слыхала. Детей не стеснялись. Иногда я слышала замечания Александры Ивановны: «Его никогда нет дома; он приезжает на рассвете, играет у родных и знакомых в карты. Нередко и пьяный является домой». Собеседники уныло покачивали головой и тяжело вздыхали. Иногда эти разговоры принимали и другой оборот: говорили, что отцу давно доктора сказали, что мать скоро умрет и что надежды на ее выздоровление нет никакой, и что операция была неудачна, почему ее болезнь и приняла дальнейшее развитие. «Он еще молодой человек,— толковали кумушки в гостиных и девичьих,— должен же он иметь какое-нибудь развлечение; не может же он сидеть постоянно с больной женой и смотреть на ее страдания». Все эти разговоры я слышала и тайно негодовала на отца, что он оставляет мать, что ей скучно одной...

Наступило 9 мая. В этот день празднуется в церкви память Св. Николая Чудотворца. Отец обедал с нами в час дня и потом лег после обеда спать. За обедом было решено, что мы переезжаем на дачу на другой день, 10 мая. Я и брат были очень довольны этим решением. На дворе было так тепло, солнце светило; мы, дети, мечтали побегать, порезвиться на даче. Мать чувствовала себя особенно хорошо в этот день. К обеду она заказала себе любимые кушанья, которые велела оставить к пяти часам к чаю или ужину. Отец встал после обеденного сна около 5 часов. Заранее, по его приказанию, у подъезда стоял шарабан, запряженный лошастью под названием «Буян». Отец сошел уже с лестницы и сел в шарабан, как послышался необычайный шум в доме и крик из открытых окон спальни матери. Отец, не понимая, в чем дело, бросился на лестницу, где встретился с Александрой Ивановной, которая с испуганным видом сказала ему, что матери дурно. Отец взял брата и меня за руки и повел в спальню матери. Когда мы вошли, мать сказала: «Что со мной случилось, я не понимаю, но что-то новое, чего никогда не было»... При этих словах ее голова склонилась на подушку; изо рта показалась белая пена, и мать скончалась. Отец поставил меня с братом на колени и велел молиться. Мы оцепенели от испуга и беспрекословно встали на колени, и начали шептать молитвы, путая и сбиваясь на каждом слове.

Поднялась в доме суматоха; появились родные, знакомые, какие-то неведомые женщины, мужчины; все что-то говорили, суетились, кричали, бегали, выносили из комнат мебель. Женщины ходили с тазами и с огромными простынями; появились лестницы: мужики вскакивали на них и закрывали простынями зеркала. Кто-то кричал, плакал, с кем-то была истерика. Мы, дети, суетились вместе с большими и удивленно смотрели на неожиданную суматоху в доме. Наконец, мать вынесли из спальни и положили на стол в зале. К вечеру пришли священники и началась пани-

хида. Все три сестры матери, тетка Ольга Семеновна, Елизавета Ивановна горько плакали. С теткой Борисовской, Любовью Николаевной, сделался сильный припадок, и ее вынесли на крыльцо. Братья отца также плакали, в особенности Владимир и Михаил. Я не плакала, а только удивленно смотрела на всех и интересовалась новизною обстановки, не сознавая, что произошло, не понимая даже значения смерти. Мать лежит в гробу и ни с кем ничего не говорит. Я видела, что с ней произошло что-то ужасное, что она умерла, но что с ней дальше будет, я не могла себе представить.

Поздно вечером, почти ночью на мать надели розовое шелковое платье и белые атласные туфли и положили в белый гроб, который поставили на стол. Я и брат вертелись около гроба во все время, пока одевали мать; затем все огни были погашены в комнате; оставались лишь одни свечи кругом гроба и несколько свечей у монахини, читавшей Псалтырь. Монотонно и однообразно раздавались звуки голоса монахини, монотонно произносившей слова, без всякой интонации и вполне спокойно и равнодушно. Брат Петя вышел, а я стояла в недоумении около гроба и смотрела на розовое платье матери, на ее ноги и волны тюля, окутавшего ее тело, и душа моя была совершенно безучастна ко всему совершившемуся: недоумение, удивление и подавленность — вот те ощущения, которые наполняли меня в первый и последующий день смерти моей матери.

Слез отца, отчаяния, грусти, тоски, как это должно было быть у любящего мужа, я не видела; может быть, я не обращала внимания, занятая новизной положения, а может быть, их не было и действительно; последнее вероятнее, что показали последующие факты.

Наконец, настал день похорон матери. С раннего утра начали стекаться разные люди, одни входили в дом, другие оставались на лестнице, третьи входили во двор и останавливались у крыльца, четвертые тол-

пились у ворот: все говорили между собой, спорили, вздыхали, ахали, строили различные предположения о покойнице, ее муже и детях. Несомненно, что весь этот пришлый люд, пришедший сюда, руководился лишь праздным любопытством, новизной, шумом в глухом замоскворецком переулке, непривычным для мирных обывателей; между ними было очень много нищих по профессии, жаждавших щедрой подачки. К 9 часам начали приезжать священники из нескольких приходов; сначала прибыли из своего прихода; затем приехали приглашенные из других церквей, а последними явились: архиерей и законоучитель матери, занимавший место в одном из московских соборов. Родные и знакомые один за другим приезжали в своих экипажах, запряженных великолепными лошадьми. Из экипажей выходили дамы, барышни, кавалеры, старые и молодые, все одетые в подобающие случаю костюмы; женщины придерживали свои длинные вуали, ниспадающие с головы и покрывающие их черные суконные платья с тальмами, обшитыми плерезами (плерез состоял из белой коленкоровой полосы в 2—3 в. шир., обтянутой черным крепом; этой полосой обшивались траурные платья); мужчины, ближайшие родственники, имели сюртуки, обшитые у отворотов сюртука также плерезами, другие были просто в черном костюме. Нас, детей, одели также в глубокий траур: на меня надели длинное до земли черное суконное платье, тальму такую же ниже колен, обшитую плерезами, и белый батистовый чепчик с оборкою и перекладами по всему чепцу из черного крепа. Брат одет был в черный сюртуке, обшитом у отворотов и пол белым плерезом.

Началось богослужение, и все засуетились; комната переполнилась народом; в воздухе запахло ладаном. По знаку одного из священнослужителей из дверей показались фабричные с нашей фабрики и главные мастера, заведующие фабрикой; все были перепоясаны коленкоровыми кушаками³². В церкви прихода Ио-

акима и Анны³³ давно уже раздавался мерный благовест, возвещающий о начале богослужения. Фабричные приблизились к гробу и остановились. Отец махнул им рукой и подошел к гробу; за ним его братья: Семен, Сергей, Владимир и Михаил; к ним присоединились братья матери: Николай, Сергей и Дмитрий; на смену им приблизились и зятья отца: Протопопов и Пашенков, и зятья матери — мужья ее сестер: Блохин, Борисовский и Кашаев. Привязали к гробу холсты и понесли гроб к выходу. Между всеми этими лицами шли мой брат 10 лет и меньшей брат отца 11-летний Николай. Во время выноса гроба сестра матери Борисовская громко зарыдала и упала. Услыхав этот крик, я вздрогнула. Затем все постепенно спустились с высокой лестницы на двор и потом вышли на улицу. День был солнечный, теплый, веяло весной; она, милая весна, пришла к нам радостная и ликующая, а мы хоронили мать и не сознавали, как маленькие зверьки, кого и чего мы лишились. Певчие заунывно пели во время шествия. Улица, или скорее переулок, выходящий на Полянский рынок, весь был запружен народом; рынок, так же как и Малая Якиманка, по которым мы медленно двигались. Церковный двор был тоже переполнен любопытными. Когда поставили гроб на возвышение, все разместились по местам; нас, детей, поставили на места с перилами близ гроба. Началась обедня, затем отпевание и речи священников; законоучитель матери сказал хорошее слово, как говорили старшие; я не помню содержания и не могу рассказать его. Некоторые фразы долетали до меня; общее впечатление получилось то, что мать хвалили, но как, за что, почему, я ничего не знаю. Многие присутствующие громко рыдали, другие тихо утирались платками. Я все время стояла безучастно, как истукан, ровно ничего не ощущая. Наконец, началось последнее прощание: все поочередно подходили к гробу и целовали руки матери; некоторые сильно плакали, в особенности братья отца и братья и сестры матери;

подвели и нас, и мы исполнили все, что делали старшие. Затем все встали на свои места и начался обряд посыпания землей на труп и обливания маслом или елеем; в руки матери дали бумагу, которая меня очень интересовала, но я не могла рассмотреть, что на ней написано. В это время у гроба стояли фабричные и гробовщики; двое держали крышку гроба; в руках у них были молотки и гвозди. Я с большим вниманием следила, не понимая, что они будут делать, и ожидая чего-то необыкновенного. Вдруг я вижу, что мать накрывают крышкой и трое гробовщиков берут гвозди и начинают заколачивать гроб. Необыкновенное ощущение моментально охватило меня; я почувствовала, что я никогда больше не увижу матери; я хотела крикнуть: «Не смейте, оставьте, не заколачивайте мамашу!» Но гробовщики исполняли свою работу, и по церкви раздавались только мерные звуки трех молотков. Что было со мной потом, я не знаю. Говорят, что я зашаталась и упала на пол.

Как меня подняли, привели в чувство, я ничего не помню. Полное сознание уже вернулось тогда, когда я шла за гробом по Большой Якиманке. Впереди меня шел брат, который держал край холста, лежавшего на плече у дяди Дмитрия. Порывалась и я взять этот холст, но мне не давали. Рядом со мной шла Александра Ивановна, которая, по приказанию тетушки Ольги Семеновны, жены дяди, давала мне всю дорогу нюхать какой-то спирт, от которого я чихала и кашляла. Дорога до кладбища в Донском монастыре не длинная, почему все провожатые шли пешком и гроб матери несли на руках, поочередно, все родные, которые несли его и из дома в церковь.

На кладбище, расположенном вне города и отделенном от него широким лугом, показались монахи в ризах; поднесли гроб к монастырской ограде, монахи пошли вперед, за ними несли гроб и шла вся толпа провожатых. Когда опускали гроб в могилу, снова раздались рыдания, но кто это рыдал, я не видела. Отец

стоял около меня и не плакал; я и брат стояли неподвижными около могилы, зиявшей, как пасть, посреди светло-зеленой свежей травы. Птички так и порхали кругом с ветки на ветку едва распустившихся деревьев. Солнце пекло, жгло, распространяя свои лучи и нагревая проснувшуюся землю. После литии³⁴ над могилой вышел громогласный диакон с распущенными волосами, в виде львиной гривы, и возгласил трубным голосом: «Вечная память». Певчие подхватили, и понеслись эти звуки по монастырскому кладбищу. Все родные и знакомые подходили к могиле и кидали пригоршнями землю. Какой ужасный обычай, это кидание земли в могилу; можно думать, что окружающие словно отрекаются от умершего, смешивая его труп с землей. Вслед за этим появились могильщики и быстро принялись за свое дело, и многие из нас еще не успели разойтись, как могила уже была наполовину засыпана землей.

Все кончилось; все обряды исполнили, и все разъехались. Назад отправлялись все в экипажах. В нашем доме в двух больших комнатах были накрыты столы, в виде буквы П, чтобы больше народу поместилось. Как только приехали священники, последовало так называемое освящение трапезы, и все уселись за стол. Общее впечатление этого мрачного пира с выпивками и закусками стерлось в моей памяти. Вообще вечер этого памятного дня изгладился из памяти.

Со следующего дня после похорон я, брат, гувернантка Александра Ивановна и отец ежедневно ходили пешком к обедне в Донской монастырь; по вечерам отец ходил с нами тоже пешком за Каменный мост, на Моховую, против Манежа, в кондитерскую, что была на углу Воздвижения и Моховой; в этом же доме помещался и г-на Циммермана пансион, славившийся в то время в Москве. Каждый день нам покупалось что-нибудь вроде бонбоньерок, шоколада и проч. Так продолжалось до 9 дней, когда снова все собрались на кладбище и затем обедали у нас в доме Сердобинских,

где мы жили до конца мая, и потом переехали в Сокольники на дачу.

Взамен матери с нами жил дядя, Семен Петрович, с теткой, Ольгой Семеновной, и отец. Это лето прошло для нас спокойно; мы много гуляли, нами занимались, нас баловали разными сладостями. Дача наша помещалась близ Оленьей рощи и так, что сараи и конюшни выходили в рощу. Я с братом и Александрой Ивановной жили вверху, и с нами была еще няня Ольги Марковой, жившей также с нами вверху. Самый дом стоял на улице, которая упиралась в рощу, а выше нас были еще дачи и затем фабрика Медынцева.

Я не могу не упомянуть об этой фабрике, так как с ней много связано хороших ощущений. По вечерам, когда нас укладывали спать, я нередко слышала пение певших хорошо фабричных. Я поднимала голову и с удовольствием слушала это пение. Нередко, дождавшись, когда Александра Ивановна спустится вниз к старшим, я быстро отворяла окно, взбиралась на подоконник и с жадностью слушала грустные мотивы рабочих. Песни их лились одна за другой, и я сидела в рубашке, поджавши ноги, и глядела на небо и собирала, если так можно выразиться, эти звуки. И так продолжалось почти все лето, пока в один прекрасный день меня не накрыли на месте преступления и не запретили отворять окно. Но все наказание только этим и ограничилось; других строгостей никаких употреблено не было, так как мы были, так сказать, герои дня — сироты, и нас надо было баловать и не очень запугивать.

В середине лета, приблизительно в июле месяце, когда вечера не были так продолжительны и когда наступили темные ночи, мы с братом заметили, что ежедневно приезжал какой-то субъект верхом и останавливался в роще против нашей дачи. Затем он соскакивал с лошади, которую привязывал к дереву, а сам отправлялся ходить около дачи, заглядывал в окна с улицы; иногда он входил во двор, как будто ко-

го искал. После 4—5 дней посещений этого господина к нам забрались воры в окно к дяде и тетке (Сем. Петр. и Ол. Сем.) и выкрали у них все, что было возможно. Конечно, этот факт, совершенно для всех неожиданный, вызвал страх и стремление поскорей перебраться на зимнюю квартиру. В первых числах августа мы уехали все на Якиманку.

Ранний переезд в город не был особенно замечен для нас, детей, а также и для больших. Мы, конечно, бегали в саду, находящемся в нашем дворе близ дома, а большие приготавливались к празднованию коронации Александра II, которая состоялась 26 августа. Увлечения по этому случаю были очень разнообразны, и мы, дети, с удовольствием слушали разговоры старших и мечтали посмотреть что-либо из всех предполагаемых празднеств. Очень много говорили тогда о въезде императора в Москву. Все хотели видеть этот въезд и стремились покупать окна на Тверской улице. Каждое окно в жилых квартирах продавалось очень дорого. В некоторых домах в окнах делались особые места, в виде скамеек, или род лестниц, на которых и помещались желающие посмотреть церемониал въезда. Отец тоже купил окно вместе с дядей Семеном. В день въезда нас, детей, нарядили и повезли смотреть невиданное для нас зрелище. Общее впечатление получилось для меня очень смутное. Помнится, что ехали в золоченых каретах; из окон выглядывали головы женщин и детей. Кругом, на всем протяжении процессии, скакали верховые в мундирах, лентах, орденах. Масса народа, военный блеск, всевозможные цвета мелькали перед глазами, но в памяти не осталось ничего определенного: все смешалось в общей массе.

Почти весь август месяц шли толки и разговоры о предстоящих праздниках, балах, иллюминации, коронации, народном празднике. Последний особенно интересовал нас, детей, так как мы слышали, что на Ходынском поле накрывают столы и ставят всевозможные яства для народа. Эти яства, в виде громадных кусков

мяса, разных сортов хлеба и проч., привозились на место за день до праздника и находились под влиянием солнца и дождя долгое время. Народ говорил, что все тухнет постепенно или привозится испорченным. Но это не помешало тому, что в день праздника кормления похватали все, что кому попадалось, и не только протухлые яства, но и столы и скамейки. На Ходынском поле был устроен павильон для царя, всех его родственников и двора. Помнится мне, что все возмущались дикостью и невежеством народа, который не умел даже покушать в присутствии царя, а хватал и тащил домой. Многие ничего не захватили и были очень рассержены. Некоторые кричали, бранились, как рассказывали старшие. Меня и брата очень удивляло, как же народ будет есть тухлое, когда некоторые окорока покрылись червями, по рассказам очевидцев.

26 августа, 27-го и 28-го была назначена иллюминация, на которую нас также возили, и мы были очень довольны. Иллюминация состояла из массы разноцветных стаканчиков на проволоке, которые были прикреплены к домам, в виде больших щитов, вензелей царских и проч. Эти стаканчики наливались салом, в которое вкладывались фитили, и зажигались. К стаканчикам добавлялись и глиняные плошки с салом. Запах от такой иллюминации был удручающий. Голова кружилась от гари. Я помню, как мы шагом в коляске двигались по улицам и доехали до Варварской площади, где в то время складывались яблоки в особо устроенных сараях. Запах яблок был так силен, что заглушал запах сала близ этой местности. Катание по улицам шагом было скучно и монотонно, наше внимание постепенно утомилось от однообразия, и мы мысленно желали ехать домой, но сказать не смели об этом. С нами ездила все три дня наша гувернантка.

Кончились празднества по случаю коронации, и снова все вошло в свою колею.

Я не упомянула, что с дачи мы переехали во вновь отделанный дом деда. Этот дом разделялся на две совершенно отдельные половины; одну занимал отец мой, другую дядя Семен. Помещение, как наше, так и дяди, было очень велико и состояло из бесчисленного количества комнат и главным образом парадных, а жилые комнаты были маленькие с низкими потолками и небольшими окнами. Квартира дяди выходила фасадом в переулок, а наша во двор: обе квартиры соединялись узким и маленьким холодным коридором, в котором находились дрова для той и другой половины. Обе квартиры были совершенно отделены, так же, как и кухни, людские и все другие принадлежности, как например сарай, конюшни, погреба, подвалы и проч. Отец и дядя хлопотали об убранстве своих квартир: тот и другой покупали мебель, зеркала, люстры и даже картины. Целый день братья были в разъездах и спешили с покупками, чтобы к зиме устроиться окончательно.

По вечерам отец часто сзывал гостей и играл в карты.

В сентябре месяце мы, дети, часто слышали разговоры нашей гувернантки с прислугой или с нашей экономкой о том, что отец еще молод и ему необходимо жениться. Нередко горничные и экономка, не стесняясь присутствием детей, сообщали друг другу разнообразные факты, касающиеся поползновения нашей гувернантки выйти замуж за отца. Все это сопровождалось насмешками, улыбочками и проч. Кто-то сказал, что подарок отца Александре Ивановне, беличий мех, вызвал в последней несокрушимую надежду на победу. Действительно, А.И. была очень весела и даже ласкова с нами. Иногда, по вечерам за чайным столом, отец и Александра Ивановна подолгу разговаривали. Наши детские умы плохо понимали некоторые события. От этих разговоров в моей памяти остались лишь смутные отрывки о царе Николае I, о его суровости и жене его, Александре Федоровне, которая жила боль-

ше за границей и не любила русских, почему сыпала, по выражению отца, деньгами на свою родину, а эти деньги были русские.

Так тянулась наша жизнь до первых чисел октября месяца, когда отец вошел в мою комнату, в которой я жила с Александрой Ивановной, и сказал, что он женится. Александра Ивановна вскочила, как ужаленная, и сильно покраснела, но затем спохватилась и начала поздравлять отца. Затем схватила меня за плечи и довольно грубо подвела к отцу и велела его поздравить. Я поздравляла, хотя не понимала, с чем и зачем надо поздравлять, но послушание было так сильно внушено нам, детям, что мы нередко исполняли все бессознательно. Отец вскоре уехал куда-то, а Александра Ивановна, взволнованная, красная, со слезами на глазах ушла в девичью, где громко говорила, жестикулируя. Смысл разговора я не могла понять, но некоторые слова ясно доносились до моего слуха, и я поняла только одно, что Александра Ивановна скоро уедет от нас. И, действительно, через несколько дней после объявления женитьбы отца экономка А. Ив. Парашина оживленно говорила с нашей гувернанткой, что прошло только полгода, и то не полных, после смерти матери и отец женится. «Несчастные дети!» — повторяли они.

Все интересовались узнать, кто эта избранница. Оказалось, что избранница принадлежала к купеческой семье; она была дочь одного богатого фабриканта Какушкина, который имел 4 дочери и 2 сыновей. Две дочери его были замужем, Анна за Колокольниковым, богатым купцом, и Мария за Боткиным, тоже богатым чайным торговцем. Третья, Вера, выходила замуж за моего отца, и четвертая, Екатерина, училась в известном тогда в Москве.....

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Из дневников А.И. Волковой

1884

Сентябрь

«Русские ведомости». Из Уржума, Вятской губернии. Сентября 21, 1884.

Характеристика бедственного положения окончивших курс бедных учениц различных женских учебных заведений, жаждущих занять место сельских учительниц. «Окончившие семиклассный курс вятской женской гимназии³⁵, не говоря о воспитанницах епархиального духовного училища³⁶ и уездных прогимназий³⁷, нередко ищут места только помощницы сельской учительницы, не мечтая уже без особой протекции попасть прямо в наставницы, и таких счастливиц, надо сказать, немного, которые получают и эти скудно вознаграждаемые места».

Женский труд — тяжелый труд! Сколько женщин мечтают найти удовлетворение в заработанном ими самими куске хлеба, и какие муки и горькое разочарование ждут их на пути по этой тернистой дороге, где нет ни сочувствия, ни искреннего отношения к положению бедных несчастных тружениц в отдаленных селах и деревушках.

Как смешно и странно суждение наших охранителей, наших мужей, отцов, которые видят в женщине только мать, забывая, что большинство женщин не выходят замуж, что они должны существовать, иметь заработок, кормить мать, отца и нередко поддерживать всю семью своими трудами!

Честные стремления женщин жить своим трудом следует поддерживать, а не уничтожать и не преграждать им путь различными баррикадами, воздвигаемыми самим обществом.

Ноябрь и декабрь

Афоризмы Тургенева (письмо к Полонскому в 1882 г.):

«а) Никогда ничего неожиданного не случается — ибо даже глупости имеют свою логику.

в) Предчувствия *никогда* не сбываются.

с) Сообщенные за вернейшие известия *всегда* ложны.

d) следует:

размышлять о прошедшем;
удовлетворять требованиям настоящего,
и *никогда* не думать о будущем.

И наконец, самый важный афоризм:

Человек, желающий жить спокойно, ничего не предпринимай, ничего не предполагай, ничему не доверяйся и ничего не опасайся».

— «Кто не боится смерти, тот боится жизни».

— Стихотворение Плещеева:

Перед тобой лежит широкий, новый путь!
Прими же мой привет, не громкий, но сердечный;
Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к ближнему, любовью к правде вечной;
Да не утратишь ты в борьбе со злом упорной
Всего, чем ныне так душа твоя полна,
И веры, и любви светильник животворный
Да не зальет в тебе житейская волна.
Подъяв чело, иди бестрепетной стопою;
Иди, храня в душе свой чистый идеал,
На слезы страждущих ответствуя слезою
И ободряя тех, в борьбе кто духом пал.
И если в старости, в раздумья час печальный
Ты скажешь: «В мире я оставил добрый след,
И встретить я могу спокойно миг прощальный»...
Ты будешь счастлив, друг: иного счастья нет!*

* Настоящее стихотворение А.Н. Плещеева, печатаемое в Собрании сочинений под заглавием «С...у», т.е. М.Е. Салтыкову, появилось в печати в 1855 г. в «Рус. вестнике», где имело подзаголовок: «При вступлении на поприще».

— Слова г-на Плевако в речи в деле Рыкова* (Плевако состоял в этом деле в качестве гражданского истца): «Печальна та страна, разлагается тот народ, где люди не могут не красть, если около каждого имущества не посажен пес на цепи. Истинно развитое общество живет не приказаниями... Не на стенах должны быть начертаны скрижали, а в сердцах людей» (Русские ведомости, 4 дек. 1884).

1885

Январь

Заказ торговой фирмы в Иркутске г-ну Хлебникову: «В конце декабря на московской фабрике золотых и серебряных вещей г. Хлебникова, по заказу одной известной торговой фирмы в Иркутске, сделан полный серебряный столовый сервиз на 10 персон, весом в 53 пуда, который включает в себе более тысячи предметов: этажерок, канделябров, фруктовниц, тарелок и т.п. Сервиз весь гладко чеканный, частью вызолоченный, стоит более 100 000 рублей» («Русские ведомости»).

Почему этой известной торговой фирме в Иркутске не явилась мысль построить на эти 100 000 рублей дом для бедных или для воспитания детей? Целесообразность употребления денег была бы очевидна, при основании полезных учреждений. Зачем нужен этот сервиз в 53 пуда известной фирме? На вопрос возможен и ответ: сервиз нужен для того, чтобы пускать пыль в глаза обыкновенным смертным, не обладающим такими капиталами.

— «Вестник Европы», январь. «Бабье лето». Повесть О. Шاپир.

В этой повести изображена 38-летняя женщина, которая полюбила человека моложе своих лет и доверилась этой любви, забыла детей своих и обожглась.

* Дело о расхищении Скопинского банка, в свое время прогремевшее на всю Россию.

Молодой человек, которому она доверилась «на склоне лет своих», едва ли полюбил ее искренно. Молодость и красота ее племянницы произвели на него более чарующее впечатление, и первая любовь оказалась ошибкою...

Что за глупости эти «любви» в 38 лет! Привязывайся к людям, люби их, прощай, страдай, а о личной любви забудь; она возможна только в 16—20 лет. В этом возрасте нет ни сомнения, ни заглядывания вперед; все так гладко, красиво в жизни, а там жизнь начнет показывать себя и пойдет уже бесконечная борьба, и все иллюзии молодости исчезают навсегда.

И зачем позволять дурачить себя? Зачем радоваться и благодарить за любовную подачку мужчине, который в женщине всегда видел и видит только красоту и молодость? Толкуют о душе, об образовании, об уме женщины; все это вздор, ничего им не нужно! Вот когда женщины будут образованны в большинстве, тогда и мужчины будут смотреть на них иначе, да и сами будут лучше: животные инстинкты дадут преимущество духовной жизни и в мужчине будет проглядывать больше человек, чем самец.

— Корреспонденция из Казани. Брак поневоле.

«Необыкновенные похороны происходили у нас 23 января. Около 12 часов дня, по направлению к кладбищу, тянулся длинный обоз с народом, ехавшим на легковых и так называемых здесь «барабасах» (грузовых извозчиках). Вслед за обозом везли на катафалке гроб, а за ним на полверсты тянулась густая черная масса народа всех классов и состояний. По улицам, где проходила процессия, также стояли большие толпы народа... Хоронили не выдающееся какое-либо лицо в городе или губернии, не заслуженного какого-нибудь общественного деятеля,— хоронили молодую девятнадцатилетнюю дочь одного из крупных казанских купцов, Латышеву. В прошлом году она окончила курс в казанской Мариинской гимназии. 21 января текущего года венчалась с лицом из купеческого сословия, 21-го же и скончалась. Покойная

Латышева умерла в брачной спальне. В 5 часов утра, по окончании брачного пира, молодые вошли в спальню. Полураздевшись, г-жа Латышева попросила своего мужа на минутку оставить ее одну. В это время она написала три кратких записочки и, вынув из кармана венчального платья небольшой револьвер, выстрелила себе в правый висок. Смерть была мгновенная. Найденные записочки были предназначены отцу, мужу и сестре. Отца просит она простить ее и не поминать худом; мужу объясняла, что он ей не люб и она не может с ним жить; а сестру просила передать последнее «прости» тому, кого она любит. Отец покойной, как говорят, на все заявления ее о нежелании идти замуж за «нелюбимого ею человека» постоянно указывал на законность и непоколебимость своей отцовской воли. «Любишь — не любишь, да я так хочу», — говорил он. Мачеха поскорее старалась выжить ее из семейства... Смерть Латышевой взволновала всю Казань. В полдень, 21 января, когда тело покойной везли в анатомический театр университета, кортеж сопровождали большие толпы народа. Масса любопытных толпилась около университета и 22 января, ожидая выноса покойницы. Медицинское вскрытие заставило умолкнуть стоустую молву, успевшую уже запятнать покойную нелепыми слухами о потере невинности и беременности, — Латышева умерла девственницей. Похороны были совершены торжественно. Гроб несли студенты университета; их же хор пел панихиду и сопровождал гроб... Все жалеют несчастную Латышеву («Новости», январь).

Тит Титыч существует и царствует и поныне в России.

Обязательные жертвы этим самодурам бывают преимущественно жены, дочери, матери и сестры. Самоубийство Латышевой заставило встрепнуться многих самодуров. По крайней мере другие будут осторожнее и не позволят себе насиловать своих дочерей вступать в брак с нелюбимым человеком!

1885

27 февраля

Как хорошо эти стихи подходят к состоянию души моей:

Еще один потухший день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тень,
Как гостя скучного, встречаю.
Увы, не принесет мне сна ее немая тишина!
Весь день душа болела тайно
И за себя, и за других...
От пошлых встреч, от сплетен злых,
От жизни грязной и печальной.
Покой пора бы ей узнать!
Да где он? Где его искать?
Едва на землю утро взглянет,
Едва пройдет ночная тень,—
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанет,—
Опять начнется боль души,
На злые пытки осужденной,
Опять наплачешься в тиши,
Измученный и оскорбленный!*

Несчастный автор, сколько он страдал и мучился!

Какая дерзость с моей стороны помышлять даже о своих печалях! Взгляни кругом, везде темно, горько, тяжело, а ты ноешь еще тут. Гадко даже делается на себя.

Вот еще стихотворение Никитина:

Похороны

Парчой покрытая гробница,
Над нею пышный балдахин,
Вокруг задумчивые лица
И факелов огонь и дым,
Святых молитв напев печальный,—
Вот все, чем жизнь заключена!

* Стихотворение Никитина.

И эта жизнь покрыта тайной:
Завеса смертью спущена...
Теперь скажи мне, сын свободы,
Зачем страдал, зачем ты жил?
Отведена царю природы
Сажень земли между могил.
Молчат в тебе любовь и злоба,
Надежды гордые молчат...
Зачем ты жил, усопший брат?
Стучит земля по крышке гроба,
И чуждый горя и забот
Глядит бессмысленно народ.

Да, смерть прекращает все мучения жизни. В ней, только в ней желанный, радостный исход земных страданий, сомнений; исход мучительной борьбы со злом и с совестью своей. Да, смерть — это чудный, вечный покой! Сгниет лишняя, никому ненужная, песчинка, и через месяц эта песчинка уже затеряется в общем жизненном круговороте. Зачем — жила ты? Кому пользу принесла? Зачем суежилась вечно, боролась, волновалась? «Один в поле не воин». И тебя не стало, а кругом все то же, то же и то же...

Опять расхныкалась я! Нехорошо, довольно! Надо вызвать разум скорее на сцену; пусть он заставит умолкнуть эти печальные звуки, раздающиеся в душе моей. Пусть он потушит это вечное пламя, которое нет-нет да и вспыхнет снова.

1886

Осень

Газеты наполнены корреспонденциями из средней России, которые повествуют почти одно и то же: бездорожье, вследствие непрерывных дождей, невозможность подвоза продуктов в города; в некоторых местностях сообщение между городами и селениями прекратилось окончательно. Вообще времена плохие: везде жалуются на полнейший застой в торговле и промышленности, фабрики закрываются совсем или

сокращают производство и, следовательно, отпускают рабочих, которые за недостатком заработка рискуют умереть с голода.

— Как нравится мне это восклицание из лермонтовского «Демона»: «Опять, опять, опять один!»* Только слово «опять», пожалуй, и лишнее для меня, я всегда была одна в духовном смысле, хотя видимо гораздо счастливее многих других: окружена детьми и даже внучатами (положим, только пока еще один), и как все это далеко от меня!.. Стоим мы все на противоположных берегах реки, именуемой жизнью; стоим и удивляемся друг на друга. Чудеса!

А река разливается все шире и шире: сближение уже невозможно. Дети об этом не тоскуют: им этого сближения и понимания друг друга, пожалуй, и не нужно, а я, мама, страдаю и «в минуту жизни трудную» надеждою себя утешаю, что, быть может, настанет то блаженное время, когда мои «бренные останки превратятся уже в прах», произойдет сближение, основанное только на памяти прошлого. Какое печальное утешение, а все — утешение!

— Недавно два коммерческих человека, вполне достойные и уважаемые только в коммерческом мире, разбирали степень и количество моего ума. И что же? Какие результаты? Очень печальные, друзья мои! Я оказалась не умна...

Вопрос разрешен окончательно, чему я, конечно, очень рада.

— Говорят, говорят о женском вопросе, а все толку мало! Куда ни взглянешь, и в низшие и в высшие слои общества, везде — одно и то же: везде женщины — существа подчиненные, и только. Конечно, в интеллигентных кружках общества эта подчиненность более замаскирована, нежели в других сословиях, но и тут

* Неточная цитата. У Лермонтова:
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной,
Без упования и любви!..

все равно: снисходительность и снисходительность и ничего более. Всякий поступок женщины объясняется всегда различными мотивами не в пользу ее, а иногда даже и совсем грязными. Везде ищут недомыслие, неумелость, неловкость: случается, что даже очень хорошие, благородные поступки женщины втаптываются в грязь и опошливаются в глазах общества. Да, много нужно еще времени, чтобы женщину признали человеком.

Недавно мне пришлось познакомиться с одним господином, довольно образованным и неглупым, который, услышав от кого-то, что я издавала журнал, был так удивлен, что не раз переспросил меня: «Вас это занимало, вы интересовались этим делом и занимались им с любовью?» Не знаю, по моему мнению, следовало гораздо более удивляться тому, что я «не в свои сани села» по своему непоследовательному образованию, а уже никак не тому, что я могла интересоваться журнальным делом.

Женщина должна интересоваться нарядами, пирогами, соленьями, вареньями и проч.; пожалуй, вышиваньями, и только; если же, презренная, задумает поинтересоваться чем-нибудь другим, то конец — погибла; обидные насмешки, улыбочки, приправленные сарказмом, вот — рука помощи от общества. И далеко не одни только мужчины топчут в женщинах всякое проявление мысли, нет, женщины, сами женщины беспощаднее мужчин в этом случае. Отупев в своей женственности, женственные женщины, как принято называть женщин, занимающихся нарядами и кухнею, озлобляются против тех мучениц, которые несут, спотыкаясь, тяжелое знамя женского вопроса.

20 ноября

У каждого человека должны быть светлые минуты в его жизни. Есть ли и были ли у меня когда эти минуты? Нет, нет, сто раз нет, если только не называть светлыми минутами тот промежуток времени, когда

острые печали не чередуются одна за другими, заменяя собою одна другую. Именно, нет острых только, а тупые печали грызут постоянно. И вечный этот безотчетный страх, это ожидание чего-нибудь еще нового так тяготят меня и мучат, что, право, жить не стоит. Разве это не счастье для человека в жизни, если он волен лишиться себя жизни, и тем самым избавиться от всех мук и разрешить все вопросы? Да, смерть разрешает все.

Есть в жизни еще утешение, присущее всем горе-мыкам, это — утешение в том, что масса людей живут хуже меня. Быть может, это и может доставить утешение или скорее успокоение, но какое жалкое...

— Опять тоска, опять мучения! Когда же наступит всему конец? Когда вздохну я от всех обстоятельств, которые так сплелись, что и исхода нет? То самолюбие оскорбляют, то глупости возмущают, то еще какие-нибудь гадости открываются.

И так всю жизнь: из одной ямы — в другую!

6 декабря

Странное состояние ощущается мною сегодня. Не то пустота, не то апатия, и сама не пойму. С утра чувствовала себя сносно и даже увлеклась, прочитав объяснение девятой симфонии Бетховена, а кстати и биографию его. Как страдал он в жизни, и все из-за идеи. Жаль, что мне не удалось слышать эту симфонию: наверное я бы успокоилась духом, услышав заключительные звуки симфонии, выражающие радость жизни: «точно из миллиона грудей вырывается единый душный крик:

Обнимитесь, миллионы,
Поцелуй сей, мир, тебе!»

Воображаю, какие это были бы звуки! Как хороша была бы жизнь, если бы люди, эти гадкие люди, могли искренно любить других людей, без различия наций, сословий, званий и состояний. Нет, это невозможно, кумир золотой есть идол всех людей: ему поклоняются,

его обожают, для него забывают все на свете, а любовь к ближнему — это пока еще в большинстве случаев только фраза, которой прикрываются для гадких целей.

6 декабря, вечер

Работать что-то не хочется, читать тоже, ехать также никуда бы не поехала. Тянет сидеть на одном месте, смотреть в одну точку, ни о чем не думать, не говорить, так вроде истукана быть. Хорошо и покойно!

7 декабря

Звали на поминки: не поехала, не могу. Противно! Кого только там не будет: «праздно-ликующие» приедут с радостными физиономиями от вечной праздности; умные подлецы важно войдут в гостиную, снисходительно улыбаясь направо и налево; альфонсы³⁸ придут рука об руку с патронессами в преклонном возрасте, а там потянутся и «всяческие» старики и старушки: кто покушать сладко придет, кто посплетничать, кто выпить... Иногда, при известном состоянии духа, такая смесь может доставить богатый материал для наблюдения, но именно только при известном состоянии духа, а не во всякое время. Сегодня, например, я не была бы в состоянии наблюдать: мне кажется, что я стала бы злиться, а эта бессильная и молчаливая злоба совсем бы измучила меня. Сейчас же я одна во всем доме: как тихо, спокойно...

16 декабря

Вчера видела в театре новую пьесу под названием «Звезда Севильи» Лопе де Вега (перевод Юрьева). Содержание этой трагедии следующее: король Севильи влюбляется в одну из своих подданных и, желая обладать ею, осыпает своими милостями брата девушки, который, подозревая что-то недоброе, гордо и сдержанно отвергает их, хотя, вместе с тем, он высоко чтит короля и его власть и почему-то не смеет отказаться

от этих милостей прямо. Один из приближенных короля раздувает страсть его к девушке и всеми силами способствует их соединению, пускаясь даже на подкуп служанки, невольницы-девушки, которая, увлеченная обещанием получить свободу от короля, впускает его ночью в комнаты своих господ, где король совершенно неожиданно встречается с братом девушки. Король сконфужен, брат требует поединка, защищая честь своей сестры, не подозревая сначала, что он имеет дело с королем, который закрывает свое лицо плащом; когда же брат догадывается, что перед ним король, и тот объявляет ему об этом, брат обзывает его клеветником и смело заявляет, что король не может быть таким низким и грубым эгоистом, чтобы воспользоваться таким способом обмануть его сестру. Возвеличивая личность короля, он вместе с тем высказывает свои подозрения против него и порицает его поступок. Король возмущен и снова повторяет, что он король. Брат продолжает свое порицание, показывая вид, что он не верит ему. Король бросается на него, но в это время появляются слуги и король бежит из дома, боясь быть узнанным...*

Песня маньяка

Песня старинная, песня не новая,
Песня унылая, песня суровая,
Песня холодная, песня голодная.
Бедность ты горькая, тьма непроходная...
Тощие нивы, селенья убогие,
Нищие-дети и старцы безногие;
Все вы, судьбой обойденные,
Все оскорбленные, все униженные!
Время пройдет запустения,
Нивы распустятся вновь...
Боже! Пошли им терпения,
Боже! Пошли им любовь!..

Отрини эгоизм и самодовольство сытых и довольных.

* Заметка на этом обрывается. В то время пьеса имела большой успех.

Стихотворение И. С. Аксакова:

Ликуй же, ложь, и нас, безумцев,
Уроком горьким испытай!
Гони со света вольнодумцев,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабейте ж, силы, вы не нужны!
Засни ты, дух! Давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!*

Черствеите все, борцы, тупейте без конца. Царство лжи и подлости царит над всем прекрасным и святым. Златой телец — он бог, он один всесилен в наш XIX век!

1887

Февраль

Поэт Надсон, безвременно умерший от чахотки**, утешает скорбящих и падающих под гнетом лжи: он вещает мир любви, счастья:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат!
Кто б ты ни был, не падай душой!
.....
.....

Стихи Надсона

Терпи!.. Пусть взор горит слезой,
Пусть в сердце жгучие сомненья...
Не жди людского сожаленья
И, затаив в груди мученья,
Борись один с своей судьбой...
Пусть устаешь ты с каждым днем,
Пусть с каждым днем все меньше силы...
Что ж, радуйся: таким путем

* Окончание стихотворения «Пусть сгибнет все»...

** Надсон скончался 20 янв. 1887 г.

Дойдешь скорей, чем мы дойдем,
До цели жизни — до могилы.

28 февраля

Как мало прожито — как много пережито!
Надежды светлые и юность, и любовь...
И все оплакано... осмеяно... забыто,
Погребено — и не воскреснет вновь!*

Да, оплакано, осмеяно, но не забыто. Забыть мучения души, забыть горькое пережитое невозможно — след остается, и очень глубок. И не воскреснет вновь, это — верно. Не воскреснут юность, любовь и надежды светлые. Осадок горечи остается от прошлых радужных мечтаний, и ничего больше.

— На сделанный из Тифлиса недавно графу Л.Н. Толстому запрос нескольких молодых девушек — какое он бы мог рекомендовать им дело, знаменитый писатель отвечал письмом, напечатанным в «Новом обозрении»:

«Вы спрашиваете дела. Кроме общего всем нам дела — стараться уменьшать те труды, которые употребляются другими на поддержание нашей жизни, сокращая свои потребности и делая своими руками, что можешь сделать для себя и для других,— у приобретающих знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу, который воспитал нас. И вот такое дело есть у меня. Существуют в Москве издатели народных книг: азбук, арифметик, историй, календарей, картин, рассказов. Все это продается в огромных количествах, независимо от достоинства содержания, а только потому, что приучены покупатели и есть искусные продавцы... Дело же, предлагаемое мною Вам, следующее: взять одну или несколько из этих книг — азбуку ли, календарь, роман ли (особенно нужна работа над повестями: они дурны

* Из стихотв. Надсона «Завеса сброшена».

и их много расходится), прочесть и исправить или вообще переделать».

Л. Н. Толстой предлагает дело молодым девушкам, и дело хорошее. Почему бы и другим не заняться таким полезным и осмысленным делом? Как бы и мне хотелось попробовать мои силы, но страх за мою неумелость, неспособность останавливает меня написать Толстому и предложить свои услуги. Впрочем, меня останавливает не один страх только за неумелость и неспособность. Нет, мне страшно, что он назовет меня выскочкой и не ответит на письмо. Кого бы спросить об этом, с кем посоветоваться? Не знаю, дома нет лиц, которые дали бы умный совет.

А если я и в самом деле не сумею? Что тогда? «Не суйся, где тебя не спрашивают». Буду осмеяна, и только, с примесью, конечно, моего купеческого звания. Посыпятся чудные эпитеты по моему адресу. Сегодня решу этот вопрос.

21 мая

Сижу в Пятигорске и сегодня особенно что-то тоскую. О чем грусть эта, и сама не знаю. По всей вероятности, дурная погода располагает к мрачному настроению. Дождик льет без конца, а музыка исполняет в цветнике свои обычные вальсы и проч.

А хорошо здесь! Кругом горы, покрытые зеленью; акация белая в полном цвету. Благоухание в воздухе. Природа ликует и торжествует, а вместе с нею, по временам, и мой дух как будто светлеет. Не так мрачно и тяжело, как всегда.

Вчера прочла Шиллера «Дон Карлос» и увлеклась маркизом де Поза. Какое бескорыстие, какая любовь к Дон Карлосу. Сколько благородства! Приятно и отраднo читать такие произведения в настоящее время, когда царствует только ложь и поклонение Ваалу.

22 мая

Сейчас прочла в «Новостях» о Батюшкове, по поводу издания его сочинений. Статья написана Морозовым, под заглавием: «Забытый поэт». Между прочим рассказывается и биография поэта, в которой описано тяжелое настроение его в последние годы жизни. «Без любви, без упования, без дружбы, без идеалов и жить нельзя», — говорит Батюшков. Часто думает он о смерти, но его спасает религиозное чувство. Читаем мы, простые люди, эти строки, жалеем, скорбим о поэте; а сколько на свете людей, которые также живут без дружбы, без любви, без упования, с скрывающимися идеалами, которые не подходят к окружающим людям; их надо глубже прятать, эти идеалы, иначе их осмеют, надругаются над тем, что дорого человеку, что вымучено им в течение жизни, выношено в груди.

19 июня

Приехала в Пятигорск с намерением заниматься на досуге, а сама ничего не делаю. По утрам читаю газеты, то скорблю, то радуюсь, впрочем, в настоящее время последнее очень редко, т.к. общественный строй не представляет ничего радостного. Застой во всем, уныние общее; ликуют только денежные тузы.

20 июня

Сегодня прочла рассказ Ги де Мопассана: «Одиночество».

«Из всех неразъяснимых тайн человеческой жизни, — говорит Ги де Мопассан, — я разгадал одну; я понял, в чем заключается самое великое страдание в нашем существовании; оно заключается в нашем вечном одиночестве, несмотря на то, что все стремления наши, все наши действия направлены к тому, чтобы избежать этого одиночества».

«Что бы мы ни предпринимали, что бы мы ни делали, каковы бы ни были порывы нашего сердца, при-

зывы лобзаний и горячих объятий,— усилия напрасны: мы всегда одни».

Как это все верно! Прочла и тотчас же списала отрывки. Это так подходит ко мне. Не раз я думала об этом и жестоко страдала и, по обыкновению всех людей на свете, живущих в своем «я», воображала, что на мою долю и долю очень немногих выпало такое одиночество, но это одиночество присуще большинству мыслящих людей и пожилых, когда все мечты на сочувствие других исчезают, как пар. «Никто друг друга не понимает!» Быть может, во время моих повествований, повествований искренних, надо мной глумились, обзывали мысленно разными эпитетами, смеялись и, наконец, просто скучали.

29 июня

Гуляла сегодня целый день, ходила даже на музыку: хотелось видеть людей и слышать голоса людские, а то что-то соскучилась; хотелось смеяться. Достигла цели, смеялась очень много. Типы замечательные здесь; костюмы оригинальные по своему безвкусию и безобразию. Вечером ходила гулять с нашей хозяйкой, ее дочерью и тремя драгунами, знакомыми с NN. На обратном пути одному из них пришлось предложить мне руку. Молодой человек, мой кавалер, долго молчал, потом рассказал, как они живут в полку здесь, в Пятигорске. Библиотека плохая, газет, кроме «Инвалида», не имеют. Чтением почти никто не интересуется, а только винтят и винтят³⁹ все с утра до вечера. Никто не собирает в Пятигорске кружков, цель которых была бы поговорить, поспорить, обменяться мыслями. Сплетня растет, растет, подымается и покрывает собою все живущее в Пятигорске; все оплевано, покрыто грязью, плесенью. В каждом доме здесь знают все то, чего и сам человек не знает про себя.

5 июля

«Мир вам, хорошие честные труженики и хорошие умные книжки,— мысль не умирает, мысль вечна»... (слова, сказанные Маминым, корреспондентом «Новостей», июнь 1887 г.). Да, мысль вечна, она не может умереть; она переходит из поколения в поколение; она изменяется, дополняется, но суть остается в ней одна.

Читала сегодня, перечитывала первый том Тургенева, где он, говоря о Белинском, восклицает: «Кому не вынулся хороший номер — щеголяй с пустым, да не сказывай никому».

Последнее самое главное, но редко кто из нас отрешается или, скорее, может отречься от эгоистического удовольствия поноситься со своим горем, поныть, и является будто даже и облегчение от этого нытья. В сущности же зачем это?..

15 июля

Вчера как будто луч света промелькнул в душу мою, осветил ее, печальную. Да и как не осветить: вечером было так хорошо за пять верст от города. Место открытое в саду Больдта, с одной стороны возвышается Бештау, освещенный луною, с другой Машук глядит в тени на нас. Народу было с нами много: все молодежь; из старых и зрелых были я, хозяйка и N, тоже любитель природы. Рос он одиноким, ласки матери не знал, вот природа и заменила ему все — и отца, и мать, и, кажется, даже и семью... Природа не посмеется, не обманет, не оскорбит, не будет топтать в грязь самолюбие.

19 июля

Опять сердце болит: стреляет, ноет, а я не лечусь, да и незачем; все равно один конец. Опять стон, опять печаль и луч забыт. Борьба и борьба вечная, мелкая, грязная, глухая: кругом дрязги, гадости; так все пусто! Тогда только и блеснет луч, когда природа тихо ласкает мою душу своей красотой; тихо шепчут ли-

стья, все живет, все дышит. Вчера N говорил, что и листья говорят с теми, кто умеет вникнуть в красоту природы. Да, это верно! А простор, этот воздух, насыщенный кислородом, — все это вместе взятое придает бодрости и энергии: хочется жить, бороться. Надо чаще обновлять себя этими чудными картинами, иначе нельзя жить без сочувствия, а кто же так глубоко может молчаливо сочувствовать, как природа?

20 июля

К людям надо быть снисходительнее! Да, это верно. Недаром Гюго сказал: «все понять, все простить». Но достигнуть этой всеобщей снисходительности, никогда не возмущаясь всеми жизненными явлениями, невозможно. Нередко самый темперамент человека не допустит до этого. Разум объясняет все эти явления, а чувство противоречит, возмущается. Скверно и гадко делается, когда видишь, что не ладишь с собою. Разум должен побеждать все.

28 июля

Опять скорбь, опять уныние! Нет, входить в этот душевный мир и самой даже не следует, не только что другим. Не следует оставаться одной и без дела; как только одна, так тотчас же начнется разбор пережитых впечатлений, критическое отношение к ним, и опять скорбь, и опять тщета жизни. Зачем, зачем все это? Зачем жить? Нет, нет, не буду думать, не буду углубляться в себя. Работать надо больше, тогда получается удовлетворение. Положим, что и сознаешь, что эта работа, этот труд ничтожны; но все-таки полезные крохи как будто и есть. Трудиться и трудиться, как чем кто может — вот девиз!

29 июля

Вчера долго лежала я, утомленная от жары. Голова работала сильно. Все пережитое проходило, как во сне, и вдруг передо мною расстилается море, это —

жизнь. Я плыву в волнах этого моря, утомленная, обессиленная от борьбы с волнами; гляжу направо, налево; ищу не только прочного корабля, который мог бы укрыть меня от разбушевавшегося моря, но хотя бы маленького челна или даже доски, которая могла бы дать возможность отдохнуть от борьбы. Нет, лодки нет нигде; нет и доски, а волны бушуют, бушуют без конца: то вдруг чувствую я, что я выплываю на поверхность; волна поднимает меня; является надежда, хотя и неверная, на спасение; спешишь дышать, и вдруг волна опять потопила, залила, и меня нет, и так без конца, без конца, пока не зальет навеки и не опустись в пучину морскую...

Окаменев измученной душой,
Я жажду одного — бесстрастного забвенья,
Я смерть к себе зову, — зову ее покой...*

Как много мыслей у Надсона, сродственных мне! Везде в его стихотворениях проглядывает грустная нотка, а порой даже и отчаяние.

В минуты унынья, борьбы и ненастья
За дружбу и свет ободряющих слов
Всю душу, не знавшую с детства участия,
Отдать, как ребенок, я страстно готов.
Под ласку их сердца смолкает тревога,
И снова в нем вера сияет тепло,
И тернии трудной, тяжелой дороги,
Как свежие розы, ласкают чело.**

В каком-то отчаянии, иногда и в тоске, я жажду «дружбы и света ободряющих слов», а их все нет и нет, и снова уйдешь в себя, прикрываясь насмешкой, сарказмом.

«Ночь медленно плывет... Пора б и отдохнуть
От дня тревог и дум, печали и волнений;

* Из посмертных стихотворений Надсона («Рус. мысль». 1887 г. Май).

** То же.

Пора б, как скучный сон, с больной души стряхнуть
Весь этот хмель и чад недавних впечатлений...
Как было б хорошо услышать над собой
Из братских уст слова участия и приветя,—
Но я за дневником один с моей тоской,
И нет на оклик мой желанного ответа...*

Да, «и нет на оклик мой желанного ответа»: всегда одна и одна!

Да, «чужие стоны, скорбь чужая еще мне близки, как свои», потому и надо жить, а кто же снимет с меня жизненные колодки, жизненные вериги, оковы? Смерть, никто другой.

30 июля

В «Русской мысли» за 1887 г. в майской книжке появилась статья под названием «Значение Суворова для его и нашего времени», соч. Дубровина. Статья эта написана Петрушевским.

«Суворов обладал умом живым и впечатлительным; критика и затем сарказм были его органическими свойствами, жажда знания неизменным спутником всей его жизни. Ум его отличался также многими признаками оригинальности». Кроме того, Суворов был почти самоучкой, стало быть, образовывал свой ум без метода и системы; «не на общем образовании выросло его специальное, а наоборот — общее на специальном». Вообще Суворов был гениальный человек, а так как обстановка и среда, в которой сложилось это лицо, представили ему путь по военному поприщу, то и гений его вылился в военном деле; если бы Суворову пришлось жить в другой жизни, при других условиях, то и гений его проявился бы в других формах. Такая жажда знания, которая была у него в те времена, могла бы образовать замечательного общественного деятеля, если бы он жил в текущем веке...

* Из посмертных стихотворений Надсона («Рус. мысль». 1887 г. Май).

Прочитавши эту статью и сделав выписку, я как будто почувствовала крылья для новой борьбы с обстоятельствами, меня окружающими.

На самом деле, всмотревшись глубже, разве нельзя увидеть, что я меняюсь на мелкую монету, погружаясь в эти жизненные дразги. Да, «il faut savoir vouloir»⁴⁰, а главное — не падать духом под бременем дразг! Энергия еще не побеждена, почему надо забыть все, и за работу, которую, положим, я и не оставляла за время зимы, но временами руки опускались от тяжести ноши. Во всяком случае я мало работаю; необходимо без устали... Заглушить все скорби за себя и за других можно только трудом, трудом и ничем более.

31 июля

Как верно Кавелин говорит: «Нравственность и безнравственность мотивов ставятся ни во что: нравственная гадливость (щепетильность), отвращение, сдержанность, скромность, нерешительность, вызываемые нравственными мотивами, — считаются тупостью; успех и удача, достигнутые какими бы то ни было средствами и путями, возводятся в добродетель, и крик — горе побежденным — обратился в правило мудрости».

В «Русской мысли» за июнь и июль месяцы 1887 г. помещена повесть Вербицкой под заглавием «Разлад». Содержание повести можно выразить в двух словах: женщина ради идеи жить не на чужой счет, а собственным трудом, жертвует любовью, голодает и мучится, содержит литературным трудом троих детей своих от умершего мужа, но на содержание к любимому женатому человеку не идет, уверенная, что он потеряет к ней всякое уважение, если она это сделает. Борьба в труде была слишком не по силам ее, и она умирает от скоротечной чахотки, но не побежденная, а победителем. Вот это сила! Так и должно быть. Женщина должна показать, наконец, что не для одной любви создана она, не игрушка она для мужчины, а

должна и может трудиться, забывая все невзгоды, в особенности если она имеет средства и обеспечена. Как жалки мои печали...

Славное было время женских курсов⁴¹, когда женщине и бедной, и богатой было доступно учиться*; для бедной открывались пути жить своим трудом; для богатой возможность с пользой употребить досужее время и, кроме того, воспитать разумно детей своих. Теперь же, конечно, и мечты многих хороших честных девушек учиться, хотя бы терпя лишения, чтобы зарабатывать честным трудом кусок хлеба, остались только мечтами.

2 августа

Сейчас прочла в библиографическом отделе «Русской мысли» критическую статью по поводу книги Скабичевского «Граф Л. Н. Толстой как художник и мыслитель». Прочитала и порадовалась, что нашла критика, согласного с моим мнением. Я глубоко уважаю Скабичевского и постоянно проверяю свои мнения и взгляды в его критике, но в полном отрицании идеализации в искусстве я (с ним) не могу согласиться так же, как и тот критик, который написал статью по поводу вышесказанной книги. Скабичевский восстает против «искусственного воплощения различных идеальных качеств в изображаемом лице, про которое можно бы было сказать: «хорошо было бы встретить в жизни такого господина или такую госпожу». Но, говорит критик, если бы хорошо было встретить такого господина или госпожу в жизни, отчего же не хорошо встретить их в искусстве. «Маркиз Поза (из «Дон Карлоса» Шиллера), продолжает критик, не уйдет из области искусства, несмотря на строгий запрет г. Скабичевского».

Искусство облагораживает людей, почему и необходимо в беллетристике и идеализировать некоторых,

* Ряд высших женских курсов, врачебных и др., был в это время закрыт.

не отступая вместе с тем и от действительности. Нельзя же вообразить в самом деле, что в действительности нет людей, которых нельзя было бы выставить и с хорошей стороны, отмечая вместе с тем и их недостатки настолько, насколько они влияют на общий склад души человека. Вообще мое мнение, что реальная школа, в смысле Зола, не может облагораживать читающую публику; такая литература не возбуждает людей стремиться достигнуть идеалов, а спускает их вниз к покатости (и к шаткой покатости) низменных страстей.

Москва, 8 августа

Прочла в газетах, что с 1887—88 уч. года решено набавить плату за учение в женских гимназиях до 100 руб. в год. Значит, еще меньше будет доступа для учения бедным девушкам. По новым взглядам высших мира сего, ученье — роскошь, которая только доступна богатым... Детей в гимназию тоже нельзя отдавать без того, чтобы директор не осведомился о состоянии, звании отца будущего ученика⁴². Отец должен все рассказывать директору, чем он живет, где учился и проч., проч. Если его состояние и звание не подходят под уровень требований правительства, то ему укажут другие места образовательные, куда он может с пользой для ребенка поместить его. А какие это места, я не знаю. Реальные гимназии наперечет во всей России, технических очень мало высших, а низших еще меньше, ремесленных также. Воображаю, сколько эти новые распоряжения создали недовольных отцов, матерей и воспитателей! Сколько скорби, слез по России в настоящее время! Многие родители отказывали себе во всем, а детей воспитывали, а теперь нельзя. Многие ученые и общественные деятели вышли из бедного состояния. Что вырабатывает силу воли и энергию, как не вечная борьба с препятствиями?

Были люди, а теперь будут титулы.

Интересно, как отнеслись газеты к смерти Каткова*. «Русские ведомости» только напечатали в отделе «Московские вести», что Катков умер, и больше ничего. «Новости» напечатали в хронологическом порядке сухой перечень деятельности Каткова: «родился тогда-то, кончил там-то, был профессором, издавал газету, журнал», и больше ничего. «Новое время» разразилось гимном. «Одесский вестник» посвятил Каткову целый фельетон, в котором под похвалою скользит между строк упрек Каткову во многих его действиях. «Московский листок», как грязная газета с кабатчиком во главе, расхваливая Каткова, не мог не бросить массы грязи в другие издания, упрекая их в том, что они пользовались у Каткова политическими известиями. Что же тут дурного и за что упрекать? Катков имел связи в высших сферах и все знал скорее другого смертного, потому у него и заимствовали. Жаль, что мне не удалось видеть других газет. Интересно было бы знать их взгляды после смерти Каткова на него как на человека. Французские газеты, по отзывам русских, отнеслись к смерти Каткова с большим сочувствием. Генерал Буланже прислал даже телеграмму жене Каткова.

9 августа

Из Фламариона, описание солнечного затмения:

«Быстро гаснет последний луч дня. Мрак воцаряется круто и властно. Все кажется тем более темным, что исчезновение лучей наступает мгновенно. Безмолвие и страх как бы нисходят на землю. Человеческие лица делаются мертвенно-бледными, и все живое цепенеет**.

Эта картина астронома подходит к настоящему времени, когда светочи добра и мысли гаснут и цар-

* М. Н. Катков скончался 20 июля 1887 г. Это было время начала франко-русских политических симпатий и соглашений.

** 7 августа происходило полное солнечное затмение.

ствуют только жажда наслаждений, порок и дух на-
живы.

9 августа

Борьба началась снова и молчаливое страдание
вслед за ней. Все кругом меня и думает, и чувствует
совсем не так, как я. Отчего, почему так, не знаю, но
мне очень тяжело: хочется плакать, и я не могу пла-
кать. Одна мысль только наполняет мою голову — не
поддаваться этим впечатлениям, отрешиться от всего,
закрыть на все глаза и жить своим собственным ми-
ром душевным и молчать, молчать и молчать.

Сиюю во всем доме одна: все уехали к С. Я не поеха-
ла, потому что не совсем здорова. Хотела заняться
чем-нибудь серьезным и не могла. Взяла первую по-
павшуюся книжку и начала просматривать. Заглавие
книжки очень оригинальное: «Самцы и самки». Напи-
сан под этим заглавием роман г. Анисимовым. Кто та-
кой А. и что он такое из себя изображает в смысле
литературном, не знаю, но роман его есть не что иное,
как масса фраз в беспорядке. Интересен очень эпи-
граф в начале книги: «Невозможное — невозможно».
И что же оказывается это невозможное? Невозможно
в кругу общества настоящего времени найти женщи-
ну, не погрязшую в пороках. Странно, почему же
именно женщину найти нельзя, а не мужчину? Ка-
жется, и сам автор на этот вопрос не ответит.

10 августа

В «Московских ведомостях» от 10 августа помеще-
на библиографическая заметка о недавно вышедшей
книге, под заглавием: «Отношение ислама к науке и
иноверцам» с.-петербургского мухамеданского ахуна
имана Мударриса Атауллы Баязитова. В этой книге,
между другими вопросами, затронут и женский во-
прос. Главное назначение женщины, по мнению Бая-
зитова, — «брак, в котором на нее возлагаются святы
обязанности матери, хозяйки, подруги мужа, воспита-

тельницы своих детей». А разве эти святы обязанности мало требуют образования? Разве необразованная женщина может одним только сердцем своим исполнить эти святы обязанности, наконец, разве все девушки выходят замуж? Конечно, толкование ислама относится только к восточным женщинам, но помещение этой заметки в «Московских ведомостях» сделано преднамеренно, чтобы доказать больше справедливость и своих взглядов на этот вопрос. Что же касается прав женщин на Востоке, то, по исследованию Баязитова, они пользуются ими несравненно больше во многих отношениях, чем у нас, как например в разводе, который легко допускается, и проч. У нас этого нет. Наш брак нередко вынуждает женщину входить в вечную кабалу, от которой освобождает только смерть.

Сегодня в «Русских ведомостях» помещен рассказ очевидца о подвиге профессора Петербургского университета, г-на Менделеева, который в день затмения солнца 7 августа отважился в Клину сесть на воздушный шар один. Не зная способов управления шаром, он решился на этот подвиг ради науки или научных исследований, которые и удались ему, но не вполне, так как небо было облачно. Вернулся он из своего воздушного путешествия только через два часа после подъема, спустившись на землю около г. Калязина.

11 августа

В «Русских ведомостях» от 11 августа 1887 г. появилась статья Глеба Успенского, под заглавием «Мы». Эта статья представляет меткую характеристику русской идеи в болгарском вопросе. Сущность этой идеи, по мнению автора, это — освобождение от крепостной, от панской, от баронской, от иноверной и иноплеменной зависимости.

«Идея эта сильна, и практически осуществима, встречаясь со злом порабощения и стремясь искоренить его в ущерб поработителю. Честь и слава! Но там,

где зла налицо (как в освобожденной Болгарии) не оказывается,— там русской идее делать нечего, размеры ее не так велики, чтобы искорененное зло продолжалось распространением добра; благосостояние болгарского быдла оказывается переступившим пределы, в которых требуется «искоренение» чего бы то ни было, и представитель русской идеи оказывается в неловком положении.

Представителям этой идеи много дела у себя дома. В русской жизни никогда не было недостатка в людях, открыто и смело вступавших в борьбу со злом; но перед нами, кроме зла и неправды, есть еще почти нетронутая область добра... Не убавим ли мы зло, направив все наши силы на подъем в русской жизни всего, что стремится к добру, к свету и правде? Поднимем благосостояние народа, исправив многочисленные ошибки в земельных порядках; устроим народный кредит, распространим грамотность, дадим доступ к науке в таких широких размерах, чтобы у нас все прикасающиеся с народом учреждения были со временем полны людей высшего образования, усмирим заблуждающуюся молодежь, возложив на нее множество обязанностей перед ходящим во тьме народом; высвободим его из рук кулаков и хищников, расточителей его достояния... Облагородим и возвысим наше культурное общество, воскресив из праха забытые им общественные обязанности, воскресив святость этих обязанностей в думах, в земствах, в судах... Словом, станем призывать общество к добру, станем ободрять его добрые стремления, станем всячески поддерживать их,— и быть может, в нем само собой угаснет то стремление ко злу, которое стало казаться почти неистребимым и в борьбе с которым преждевременно гибнут крупные силы и гениальные дарования.

Слишком продолжительное сосредоточение русской общественной мысли на борьбе со злом, только со злом, слишком тщательный анализ только зла, слишком упорное напряжение мысли на искоренении все

того же зла и зла — значительно сузило размеры духовной жизни русского человека, омрачило его мысль, обеспощило его сердце, — а ведь из таких элементов мудрено родиться способности привлекать сердца, пробуждать пламенную любовь и покорять людей силой нравственного влияния.

Не пора ли дать русскому омраченному сердцу возможность жить и другими его сторонами, не пора ли ему отдохнуть в ощущениях добра и доброго дела? Ведь еще не пробовали узнать, как велико стремление русского человека к добру! Пора попробовать»^{*}.

11 августа

В «Новостях» от 9 августа напечатана статья, в которой переименованы все те земства, деятельность которых направлена для блага народа. Автор этой статьи, под названием «Отрадные итоги», начиная с описания деятельности московского губернского земства, указывает на земства Курской губернии, Пермской, Вятской, Псковской, Херсонской, Екатеринославской, Казанской и других губерний; они заботятся, которое о развитии сельского и ремесленного образования, которое об удобрении земли, о разведении скота, приобретении земледельческих машин крестьянами и проч., и проч. Многие из этих земств ассигнуют порядочную сумму на покупку семян и проч.

Эта статья производит, на самом деле, отрадное впечатление. Жаль только, что средства земства недостаточно велики, чтобы оказывать помощь местному населению в больших размерах.

12 августа

Газета «Новости», от 10 августа, снова доказывает необходимость земских учреждений, представляя при этом веские факты заслуг земств. По всей вероятности, земские учреждения слишком близки к уничто-

^{*} Эта статья Г. Успенского, в свое время вызвавшая много толков в печати и обществе, не вошла в Собрание сочинений Успенского.

жению или ломке*. Не ломать, а подкреплять надо земства; уничтожить те промахи и ошибки, которые закрались в эти учреждения. Вот в чем сила!

Невежество лезет из всех нор. В «Нижегородском листке», в № 160, за 1887 г. напечатана передовая статья, которая объявляет войну всей русской «книжной письменности» вообще и обрекает ее на совершенное упразднение. Г-н Жуков** ведет свою речь как бы по нотариальной доверенности от лица всего русского народа. Между прочим он говорит: «Добродушный русский народ верит в сказание, что «ученье свет, а неученье тьма», но он под этим словом понимает ученье духовное, а не гражданское, книжную же грамотность инстинктивно ненавидит и противится ей по простому случаю, именно, что всякий грамотный книжник забывается в среде малограмотной или совершенно безграмотной семьи своей настолько, что теряет уважение к родителям своим, братьям и сестрам, отказывается от тяжелой работы в крестьянском хозяйстве, даже уходит от семьи своей на заработку, которую редко доставляет родителям, но всего чаще проедает и пропивает ее в среде подобных себе праздношатающихся бродяг».

— Катков умер, а ополчение на новые суды продолжается, а также и движение вспять⁴⁸. Кто последователь Каткова, хорошо не знаю. Интересно, кто принял на себя эту роль проповедника и неубежденного человека? Что Катков никогда не был убежденным, это — несомненно. Жаль, если эта роль принята Петровским***; в сущности, он человек не дурной, но твердить и вдалбливать в чужие головы то, чему сам не веришь или что шатко в голове укладывается, должно

* Подготавливалось преобразование земств, осуществленное в земском положении 1890 г.

** И.А. Жуков — редактор-издатель «Нижегородского биржевого листка», переименованного позднее в «Волгарь».

*** Заместитель Каткова по редакции «Московских ведомостей», Петровский, был в родстве с А.И. Волковой.

быть ужасно. И все это делается только из честолюбия и духа наживы! В конце концов человек портится и начинает не уважать себя и сам. Я хорошо помню статьи Каткова о пользе новых судов и о злоупотреблениях в старых. Да, это все говорилось тогда, когда началось обновление России, когда император Александр II насаждал на русскую почву одну реформу за другой⁴⁴. Был ли убежден Катков и тогда? Не думаю! Вопрос не в консерватизме или в либерализме, а в справедливости и честности убеждений и взглядов, высказываемых публично. Зачем сохранять консерватизм в учреждениях, и сохранять его фанатически там, где опыт доказал его вред в том или другом случае? Зачем? А затем, чтобы приспособиться к данной эпохе и царствовать.

В том же № «Московских ведомостей», от 12 августа, помещен разбор новой книги Перфильева, под названием «Очерки фабрично-заводского дела в России». Вначале автор находит этот труд очень интересным, так как он представляет характеристику быта несчастных рабочих, но потом, когда дело коснулось деяний фабрикантов, их отношения к рабочим, то автор, именуя себя «Г.», проповедует следующее: «В труде г. Перфильева проглядывает явное пристрастие к дурным сторонам фабричной жизни, и книга оставляет впечатление тенденциозности»...

13 августа

Новый циркуляр Министерства народного просвещения, клонящийся к ограничению образования, продолжает волновать печать и общество...

Все эти протесты едва ли произведут надлежащее действие. Хорошо, если бы эти протесты вызвали больше энергии в самом обществе, которое частной инициативой и дружной помощью хотя основало бы несколько профессиональных школ, куда могли бы поместиться дети, признанные негодными для получения образования в гимназиях.

— Сегодня, 13 августа, в «Московских ведомостях» обнародован циркуляр Министерства народного просвещения, который ограничивает число учащихся евреев во всех среднеучебных заведениях. Для столицы полагается 3% из всех учащихся, а для городов, в которых живут преимущественно евреи — 10%. Ну что же остается делать теперь евреям для того, чтобы иметь возможность в России учиться? Креститься или выселяться, если не хочешь переходить в православие. Я думаю, что они, по мере возможности, начнут выселяться...

— «Учреждение Крестьянского банка — великое дело», — говорит А.Н. Энгельгардт в статье «Из деревни», помещенной в майской книжке «Вестника Европы». Автор статьи не иначе называет Крестьянский банк⁴⁵, как благотворительным учреждением, благотворительным для крестьян и для землевладельцев. Первым он дал возможность прикупить к своим наделам недостающее количество земли, иногда же и с «лишечками»; вторые получили возможность, при посредстве банка, продать «пустоши и ляды», не приносявшие почти никакого дохода, неудобные для хозяйственной обработки. При заключении покупных сделок выигрывают обе стороны, а, стало быть, выигрывает государство тем, что подымается экономическое довольство нередко голодавших масс населения тем, что некультивированные помещичьи земли превращаются в культурные и производительные». «С покупкою земель улучшается и обработка их, преимущественно же обработка купленных участков». «Заботятся крестьяне о своевременной уплате в банк очень, боясь опоздать с уплатой; зорко смотрят в этом отношении друг за другом и имеют огромное влияние один на другого, побуждая зарабатывать деньги и не упускать случая, когда представляется какая-нибудь работа»*.

* Как известно, первоначальная деятельность Крестьянского банка была весьма оптимистически встречена и идеализировалась в печати, в том числе даже Г.И. Успенским.

13 августа, ночь

Приехала я из Пятигорска 7 августа и эти 7 дней прожила относительно спокойно. И то хорошо. За все 7 дней писала, читала, увлекалась и мыслила, не думая ни о чем. Сегодня снова потревожили мой покой душевный...

14 августа

В «Новостях», от 12 августа, помещена переводная статья с французского, в которой ученики Эмиля Зола отрекаются от него по поводу его последнего романа «Власть земли». Цинизм и натурализм в этом романе достигли у Зола крайних размеров, что и заставило учеников его прийти к такому убеждению, что Зола не может быть их учителем, как представитель натуралистической школы, и что он не пойдет дальше.

15 августа

В «Новостях», от 13 августа, помещена очень интересная статья Стасова. Коснувшись художества за несколько десятилетий, он, Стасов, указывает, какое влияние должны оказать новые, только что опубликованные правила для приема детей в гимназии, на состав воспитанников Академии художеств, и констатирует интересный факт: это происхождение громадного большинства лучших русских художников из низших сословий нашего народа.

Аксиома, доказываемая «в миллионный раз, что люди все могут быть равны, как и где ни родись, и высокие качества — всем доступны», не всем известна, иначе не было бы такого стеснения в образовании.

16 августа

В Париже появилась недавно новая интересная книга Лезана, под названием «Буржуазная анархия». Цель книги — подвести итог 17-летнему существованию республики и вообще всему, что сделано до сих

пор буржуазией как правящим сословием французского общества.

Рядом с Барду и другими буржуазными писателями Лезан лишний раз констатирует тот факт безотрадный, что французская буржуазия была прогрессивным фактором общественной жизни только до тех пор, пока она сама страдала от несправедливостей старого режима и стремилась занять в обществе место первых двух сословий⁴⁶. Но, выплывши на поверхность, она сейчас же успокоилась на лаврах и употребила все усилия, чтобы удержать выгоды нового строя жизни только для себя одной («Русские ведомости»).

Отдельные индивидуумы иногда также только тогда и стремятся к прогрессу, к умственному развитию, когда им приходится страдать и выносить массу обид и несправедливостей от людей и общества. Достигнув цели так или иначе, они, в большинстве случаев, успокаиваются.

16 августа

После отречения пяти учеников Зола, один из сотрудников «Gil Blas» ездил к Зола узнать о его взгляде на этот предмет. Зола заявил, что он этих господ за своих учеников не признает и что все то, что он написал в романе «La terre» — «Власть земли», не есть его выдумка, а чистая реальная правда. Положим, что все это так, но из этого не следует, чтобы нужно было описывать в романе животные отправления человека.

— Наши симпатии политические к французам вызывают и их симпатии. Эти симпатии выражаются и в литературе. Так, в скором времени новое общество любителей литературы, состоящее из знаменитых писателей и ученых, намерено издавать ежемесячный журнал под названием: «Revue de Paris et-de Petersburg».

17 августа

В «Русской мысли» за июль 1887 г. помещена интересная статья С.В. Максимова, под названием: «Лев Александрович Мей (Из личных воспоминаний)».

Вот отрывок из одного его экспромта, сказанного Курочкину, брату известного переводчика Беранже:

Я люблю в вас смелость дум,
Руку дружественно-твердую,
И пытливо-гордый ум,
И борьбу с невзгодой гордую...

Как была бы я счастлива, если я могла бы кому-нибудь в продолжение всей моей жизни, хоть одному человеку, повторить этот экспромт. Встречались на моем пути и «смелость дум», и «пытливо-гордый ум», и «борьба с невзгодой гордая», но «руки дружественно-твердой» я не знала никогда.

Писать записки совсем лишнее. Зачем? Кому они нужны? Но такого рода записки являются облегчением для людей, которые силой обстоятельств должны молчать в своей семье и быть у себя дома в гостях. Записывая свои впечатления ежедневно, я тем самым облегчаю себя, выливая все на бумагу. По крайней мере это молчание не произведет болезненного состояния в моем организме...

19 августа

Говорят, что «Русская мысль» запрещена в библиотеках. Это ужасно. И так в распоряжении русского общества осталось мало журналов и издается так мало книг, касающихся животрепещущих вопросов...

В августовской книжке «Русской мысли» за 1887 г. помещены следующие прекрасные стихи Фруга:

Как унылы наши песни,
Как бессилен крик: «Воскресни!»—
В душном склепе, средь могил!
Наши скорби, наше горе

Не родят огня во взоре,
Светлых дум и светлых сил...

— Вчера я слышала от классной дамы IV женской гимназии, что предписано от высшего начальства не принимать новых учениц в гимназию свыше того общего числа всех учениц, которое было в прошлом учебном году. Вот конец и женскому вопросу, который прежде всего должен быть построен на образовании... Какой там женский вопрос в нынешние времена, когда мужской вопрос затормозился. Только и читаешь в газетах, что там число учеников ограничено, в другом месте тоже, вследствие чего масса учеников остаются чуть не на улице. Куда их девать и чему учить? Вот вопросы дня, которые мучат общество в данный момент.

— Один из известных современных французских литераторов, Поль Бурже, издал книгу под названием: «*Essais de psychologie contemporaine*» (Очерки современной психологии). Содержание этой книги изложено в «Русской мысли». В июльской книжке 1887 г. идет характеристика Тэна. В этой статье между прочим есть много интересных мыслей, как например: «При постоянном ослаблении традиционных и местных влияний,— говорит Бурже,— в наши дни книга становится великим инициатором. Нет ни одного человека между нами, который, заглянув в глубину своей собственной души, не вынужден бы был сознаться, что он был бы несколько иным человеком, если бы не прочел ту или другую книгу».

Совершенно верно и неоспоримо! Вот на этом-то простом основании и необходимы идеалы; необходимы для молодых людей, даже и для пожилых, маркиза де Поза. Откуда же и черпать идеальные примеры, как не из книги? Если все в жизни со стороны реальной так грязно, пошло, то где же свет? Если в каждом человеке есть искра Божия, хотя в самом маленьком количестве, то покажите вместе с реальной стороной и эту искру, которая не есть вымысел: она — тоже дей-

ствительность. Что же вдохновляет молодое поколение, как не прекрасное в искусстве? Что дает отдых и успокоение зрелым? Опять то же прекрасное в искусстве и природе. Какой вызывается подъем духа, когда видишь хороших и честных людей! Если их нет или мало в природе, то дайте хотя эту малость, со всеми недостатками, но не мучьте общество и не показывайте только одни недостатки и неизменную сторону человеческого организма.

— На днях вычитала интересные слова Гёте: «Старайся понять самого себя и окружающее». Как, однако, плохо дается это понимание, если только оно возможно!

«Понять самого себя!» Воображаю, как многие «поймут самих себя» и непременно понимают, если вы их об этом спросите, понимают, что они люди прекрасные! Редко, редко у кого в душе шевелится сознание дурных поступков, совокупность их и вред от них для других.

20 августа

Циркуляр Министерства народного просвещения в провинции производит панику: «Детей некуда девать!» В Москве родители из недостаточных классов бросились в городские училища. И что же? Число желающих поступить в городские училища Москвы оказалось столь великим, что во многих из них пришлось отказывать просителям за недостатком мест не только в утренние, но даже и в вечерние классы. Другой циркуляр Министерства народного просвещения о закрытии подготовительных классов отсрочен для некоторых гимназий. Почему бы не отсрочить и первый циркуляр до тех пор, пока организуют другие училища, которые заменят для желающих классические гимназии?

21 августа

В «Русских ведомостях», от 21 августа, помещена заметка Гольцева о новых правах, данных Обществу попечения о неимущих детях. Заметка написана по поводу разрешения этому московскому обществу расширить область своей деятельности и стать также и обществом попечения о детях, нуждающихся в защите, т.е. в защите от эксплуатации и жестокости как нанимателей, так и родителей. К этой заметке следует присоединить и статью в августовской книжке «Русской мысли» под названием «Беспризорные дети», Крандиевского. Пора, давно пора обратить внимание на несчастных детей, эксплуатируемых всеми: и родителями, и лавочниками, и сидельцами⁴⁷ в городе, и ремесленниками и проч., людьми бессердечными, которые смотрят на чужих детей как на рабочую силу.

21 августа

В последнюю четверть XIX столетия и вдруг розги! Вот атавизм-то настоящий!

Энергичный приказ нижегородского губернатора, генерала Баранова⁴⁸, которым доведено до всеобщего сведения о «сильном наказании» розгами виновников случившегося беспорядка*, вызвал на страницах «Современных известий» обсуждение вопроса о целесообразности розог вообще («Новости», от 19 августа)**.

— Сегодня прочла письма Шиллера о «Дон Карлосе». В этих письмах он разъясняет личность маркиза де Поза и его дружбу к Дон Карлосу, которая была не личным чувством только к принцу, а олицетворением его любви к человечеству. Поза имел целью освобождение Фландрии, и эту цель он хотел осуществить через царского сына, будущего короля. Да, эта идея велика и прекрасна! Несомненно, что идея самопожертвования ради личной дружбы достойна похвалы,

* Погром евреев летом 1887 г. в г. Нижнем Новгороде.

** Вопрос о телесных наказаниях неоднократно обсуждался тогда в печати и обществе.

но когда дело идет о целом народе, то великая душа маркиза де Поза еще более возвышается в глазах наших. Да, это сила!

22 августа

Вопрос о переутомлении учащихся в современных школах занимает в настоящее время всю Европу. Масса докторов и педагогов констатируют статистическими сведениями факты возникновения многих болезней у школьников, как физических, так и мозговых, действующих непосредственно на умственную деятельность человека («Русские ведомости», 22 августа, вырезка из корреспонденции Д-ча из Парижа).

22 августа

В Петербурге городское управление оказало большую услугу открытием бесплатных воскресных школ для многих детей. У нас в России все крайности: с одной стороны царит безграмотность, с другой — переутомление учащихся в гимназиях, которое соединено с бесцельным забиванием мозга классическими языками⁴⁹, введенными не для ознакомления с жизнью, литературой и искусством древнего народа, а просто для изучения грамматических правил мертвых языков.

Давно, давно я не чувствовала так сильно свое одиночество в большой семье, как за это время после возвращения с Кавказа в Москву. Занимаюсь, пишу, читаю, и это еще больше отдаляет меня от окружающих. Никто не интересуется моими интересами. Все прочитанное остается во мне: поделиться не с кем. Потребность же делиться мыслями берет свое иногда, и вот, если приходится встречаться с людьми одномыслящими, то словоизвержению моему и пределов не бывает.

23 августа

Погода чудная наступила. Встанешь рано утром и пойдешь ходить по саду, одна со своими думами и

всем запасом впечатлений вчерашнего дня. Думаешь и передумываешь все без конца, а природа так светла, так радостна, так приветлива, и думы мои точно по-светлеют. Ходишь, ходишь по своему тенистому маленькому садику, или ящичку, как я его называю, и засмеешься над глупостью людской, над хитростью. А в природе так все просто, безыскусственно. Вот стоят сосны в ряд, стоят, как будто стражи вековые, стоят и наблюдают за людьми. Внизу кустики раскинулись, покрытые росой, которая блестит на солнце, переливаясь радужными огоньками. Трава свежая, красивая, как бархат, покрыта также росой, а небо чистое, чудное, голубое. Вдали, на Ходынском поле, играет солдат на трубе⁵⁰, но не отбой играет он, а что-то грустное, заунывное: слезы так и подступают; хочется плакать, плакать и этими слезами вылить все накопившееся в душе моей.

— «Русские ведомости», от 23 августа, в фельетоне обсуждают педагогический вопрос нынешнего учебного злополучного года. А рядом с этими обсуждениями газеты оповещают о следующем печальном явлении: в германские учебные заведения уже поступило немало просьб от русских подданных, кончивших курс средних учебных заведений.

24 августа

Частные училища торжествуют благодаря новому циркуляру Министерства народного просвещения. Немецкие училища тоже в выигрыше. «Новости» сообщают, что в нынешнем году наплыв учеников в наши петербургские немецкие училища, Петропавловское, Реформатское, Анненское и Екатерининское, до такой степени значителен, что превышает в два-три раза число вакансий. И то, слава богу, что эти училища известны с хорошей стороны, а то положение родителей среднего класса слишком тяжело в данный момент. Ужасно себе даже представить, у какой массы из среднего и низшего класса людей этот циркуляр

отнял надежду (чуть не жизнь) оставить детям положение, основанное на образовании! Все эти люди живут личным, чуть не дневным трудом; кормят на эти деньги себя и семью; многие во всем отказывают себе и семье, для того только, чтобы в будущем дети встали на ноги и проявили свои способности.

Венской газете «Neues Tageblatt» сообщают из Берлина, что там предполагается вскоре открыть женскую медицинскую академию. Супруга германского принца, принцесса Виктория, недавно заявила, что положительно не понимает замечающегося в некоторых государствах враждебного отношения к медицинскому женскому образованию, так как образование это дало уже столь благодетельные результаты в Североамериканских Соединенных Штатах и в Англии («Новости», 22 авг.).

Давно ли наши русские женщины, рука об руку с Америкой, стояли в смысле стремления к образованию выше других стран, а теперь мы, в силу движения вспять, отойдем на задний план. Удел русских женщин, по Каткову и Толстому⁵¹, выходить замуж, родить детей, воспитывать этих детей только сердцем, но не развитым умом, который в жизни женщины считается излишеством. Быть содержанкой, игрушкой мужчины, торговать своим телом дозволяется, но развивать образованием разум, извлекать пользу другим людям из этого образования возбраняется. Воротимся же мы, русские женщины, в наши терема и будем услаждать наших властелинов, во власти которых и будем находиться. Как будут счастливы наши самобытники, народолюбцы!

24 августа

Из стихотворений Я. П. Полонского.

Следующие стихи напомнили мне мать мою и чувство скорби, которое я испытываю по ней с тех пор, как поняла, что значит быть сиротою, а это было с наступлением юношеского возраста (14 лет)...

Когда твой гроб исчез, заброшенный землею,
Увы! Мой все еще насмешливо сиял —
И озирался я, покинутый тобою,
Душа души моей, и смутно сознавал,
Как нелегко в моем громадно-пышном гробе.

.....
И порывался я очнуться, встрепенуться,
Подняться,— вечную мою гробницу изломать —
Как саван, сбросить это небо,
На солнце наступить и звезды разметать,—
И ринуться по этому кладбищу,
Покрытому обломками светил,
Туда, где ты, где нет воспоминаний,
Прикованных к ничтожеству могил.

— А эти стихи хорошо изображают нашу учащуюся молодежь до настоящего года, когда циркуляром запрещено беднякам учиться.

Судя по бледности, по выраженью глаз,
И по его ланитам впалым,
Он много бедствовал и голодал не раз,
Ожесточился, но... остался честным малым.
Порой у нас таких ребят
И понимать-то не хотят... (Поэма «Мими»).

Не только понимать; их бранят, поносят всякими прозвищами.

«Посреди чужих — ненужный,
Посреди своих — забытый».

Это я, ненужная никому чужим и забытая среди своих, стою одиноко, поодаль, и созерцаю все окружающее, унылая и печальная!

— Взгляд Полонского на женщину-труженицу:

Я помню блеск и сухость глаз,
И бледность твоего чела,
Когда с дворовыми простясь,
К отцу проститься ты вошла...
Когда с крыльца в последний раз
Сошла ты, словно торопясь.

.....

Если б даже в этот миг
Предстал тебе сам Дон Жуан,
Чтоб за улыбку уст твоих
Отдать и сердце, и карман,
Ты б на него, как на шута,
Взглянула, — так была свята,
Так детски наслаждалась ты
Зарей свободы; так была
Полна возвышенной мечты
И целомудренно-смела,
Так верила, что жизнь и труд
Для всех рай Божий создадут.

— Из статьи Гольцева о Вундте («Рус. мысль», 1887, авг.), мысли Вундта:

«Источником света и силы в нравственном мире является личная радость при совершении нравственных поступков».

«Лучшая государственная форма есть та, которая наиболее содействует личному развитию и достижению нравственных целей в разнообразных ассоциациях, общинах и т.п.».

«Без знания, без науки, которая все более и более проникает в основу общежития, невозможна высокая и полная нравственная жизнь. Наука освобождает нас от предрассудков, от ложных страхов, усиливает любовь и уважение к истине. Наука есть произведение нравственного развития и сама является его могучим деятелем. Без науки, без философской мысли было бы невозможно образование нравственного идеала, а без последнего нет нравственной жизни».

26 августа

Газеты только последствиями циркуляра Министерства народного просвещения и полны...

«Новости» сообщают, что у русского общества появилось стремление воспитывать детей за границей.

(Из статьи: «Женщины-врачи за границей», в которой дан обзор женского медицинского образования): «В настоящее время всюду слышатся жалобы на ос-

лабление и ухудшение человеческой расы. Одним из самых действительных средств пособить горю было бы — снабдить женщину всеми знаниями, которые научили бы ее жить сообразно основным требованиям гигиены, охранять собственное здоровье и воспитывать здоровых, крепких детей. Если бы каждая женщина была хотя отчасти женщиной-врачом, громадная смертность между детьми наверное бы значительно уменьшилась, а вместе с тем ослабел бы и ропот на физическое измельчание человеческого рода! Стоит только открыть женщинам путь к образованию, и они создадут из себя силу несравненно более полезную для национального благосостояния, чем те узкие рамки, которыми теперь стесняют деятельность женщин» («Новости», 24 августа, 1887 г.).

Все эти доказательства лишь проповедь в пустыне!

27 августа

В «Новостях», от 25 августа, напечатана интересная статья Португалова относительно той среды, из которой выходили великие люди всех стран. 1) «Большинство великих людей не принадлежит к привилегированным сословиям, а, наоборот, происходит прямо из народа; 2) природа не любит наследственных привилегий, и 3) никакими привилегиями и искусственными перегородками не создать гения; убить же его этим путем вполне возможно».

28 августа

Сегодня в «Русских ведомостях» помещен циркуляр попечителя Московского учебного округа, обращенный к директорам гимназий, которым рекомендуется не злоупотреблять данным им правом относительно приема и исключения учеников⁵². При этом добавляется, что циркуляр министерства вовсе не имеет намерения лишать детей менее состоятельных лиц классического образования или образования вообще. Директорам же вменяется в обязанность помещать детей, не годящихся для гимназии, в заведения,

соответствующие их званию и состоянию. Да где же, наконец, взять таких соответствующих заведений, если их нет налицо? (Циркуляр гр. П. А. Капниста, от 19 августа).

Начальники гимназий и прогимназий «с разумною осторожностью, полной добросовестностью и беспристрастием будут между прочим пользоваться предоставленным им правом для того, чтобы удалять из вверенного им учебного заведения таких учеников, относительно которых они *несомненно* удостоверились, что их домашняя обстановка оказывает вредное влияние на их товарищей». Интересно очень это «несомненно», написанное курсивом! По этому курсиву следует предполагать, что бывали случаи, когда учеников не принимали, потому что были сомнения и неуверенность в их негодности. Бедные дети, бедные родители!

— В своей книге о Толстом Скабичевский представляет объяснение пессимизма индивидуального лица и общества. «Человек до тех пор только и верит в целесообразность вселенной, пока в своей личной жизни он видит разумное и целесообразное содержание. Но лишь только в душу человека закрадывается сомнение в разумности содержания его личной жизни, он тотчас же переносит свои сомнения и на всю вселенную: ему начинает казаться, что и все существующее не имеет ни смысла, ни цели». И вот человек делается пессимистом; в общественной жизни появляются такие идеи и учения, как в поэмах Байрона, в сочинениях Шопенгауэра и Гартмана.

Всегда, когда мне приходится читать Скабичевского, я чувствую бодрость духа, которая вызывается той полнотой жизни, ее целесообразностью, которые просвечивают у него в каждой строке. Этот человек верит в разумное; он верит в то, что он творит своим пером, и этим живет как нравственно, так и материально, и жизнь его разумна.

— В своем сочинении «Из воспоминаний о переписи 1882 г.» Толстой говорит, что «большинство наших дам так же, как и проститутки, живут не только без рож-

дения детей и без работы, служа только удовлетворению чувственности, но и сознательно воспитывают своих девочек для этой самой жизни: одна мать ведет дочь в трактир, другая на бал. Но у той и другой матери мирозерцание одно и то же, а именно: что женщина должна удовлетворять похоть мужчины и за то ее должны кормить, одевать и жалеть».

А таких ведь женщин, сам автор говорит, что большинство, следовательно, как же можно при этих условиях отрицать образование женщин!? Умная, образованная и развитая женщина волей-неволей должна будет отрешиться от такой позорной мысли, что назначение женщины — служить мужчине удовлетворением его похоти.

— «Усиленный труд так нравственно дисциплинирует, подтягивает человека, что у него является неудержимая потребность и во все мелочи своего обихода вносить ту гармонию, ту порядочность, которые он ощущает в своем нравственном мире. И наоборот, — праздность, расслабляя нервы, приводит людей к особому рода душевному недугу, называемому распушенностью, а раз этот недуг завязался у человека, он проявляется, опять-таки, во всех мелочах его жизни: подобно тому, как лень приняться за дело, так же точно лень ему и убрать за собою» (Скабичевский).

Это замечание очень верно. Мне кажется даже, что если является общая слабость у человека не вследствие распушенности, а вследствие нравственной усталости от житейских передраг, подтачивающих как физические, так и нравственные силы, то и тогда необходимо не падать духом, а подтягивать себя, а главное — не проникаться страшным словом: «мне все равно».

— Из стихотворения Н. Познякова («Русская мысль», август, 1887 г.):

Каменьями людей при жизни побивая,
По смерти их венками мы дарим.

Да еще как камнями-то бьют: едва люди живы остаются!

29 августа

Я помню, когда я прочитала драму Толстого «Власть тьмы», то нашла, что весь этот ряд преступлений, содеянных героями драмы, зависит только от невежества, от той вечной тьмы, которая их окружает. То же самое говорит и Скабичевский. Толстой, конечно, не в этом духе хотел написать эту драму, так как он отрицает просвещение. Смысл его драмы должен был быть мистическим, но поняли его так, как Скабичевский, по всей вероятности, очень многие.

31 августа

За последнее время появились в иностранных газетах (немецких и французских) сообщения о том, что необходимо, по мнению правительства, прекратить доступ молодым людям к либеральным профессиям⁵³, так как предложения гораздо больше, чем спроса. Ограничение доступа будет выражаться в сокращении государственных стипендий чуть не более половины той суммы, которая ассигновалась до сего времени. Эту же сумму предлагается употребить на стипендии в ремесленных и технических училищах. Это предлагается во Франции; то же самое и в Германии. Наши газеты подхватили эту новость и применили ее тотчас к России: масса образованных людей остается без дела, почему и надо сократить образование...

«В теории,— говорят по этому поводу «Новости»,— всякий образованный человек является ценным приобретением для общества, на практике он может умереть с голода. И чем беднее, чем невежественнее страна, тем резче выступает это противоречие». В Америке никаких ограничений в образовании не только не существует, а, напротив, все стремятся к расширению образования. В статье Мак-Гахана «Деловые люди»

(«Вестник Европы», июнь 1887 г.) выведено множество богачей, которые благодаря честному труду и энергии превратились из бедняков в богачей. И все эти богачи жертвуют громадные суммы прежде всего на распространение образования; некоторые из них учреждают на собственные средства даже университеты. И таких примеров в Америке очень много. Вообще благотворительность в Соединенных Штатах не призревает только нуждающихся в призрении, а предупреждает в будущем, чтобы не было субъектов, которых нужно было бы призрывать; причем свобода образования допущена в полном смысле; всякий развивает свои силы и направляет свою энергию и труд, согласно своим способностям и влечению. Вот отчего и страна богата, и никто не жалуется, что много образованных!

31 августа

Определение Брандеса: «Современная критика не судит, а объясняет».

Английский мыслитель Карлейль говорит: «Человек, не имеющий цели в жизни — то же, что корабль без руля: это не человек, а затерянная вещь, полнейшая ничтожность. Имейте цель в жизни, а наметив эту цель, прикладывайте к делу всю силу ума и мышц, которыми наделил вас Господь».

Все истины и истины! Прочитала, выписала и невольно подумала о себе. Какая же у меня цель жизни в данный момент? О прошлом я не говорю. В данный момент цель есть, но она широка и не определена: жажда знания. Будет ли она применяема когда-либо к чему-нибудь или нет, я не знаю, но я хочу знать больше, больше, так как мне вечно кажется, что я, говоря словами Сократа: «Я знаю только одно, что я ничего не знаю».

Есть и другие цели в моей жизни, но все эти цели есть не что иное, как цели долга, которые не лично и не непосредственно от меня зависят, а только косвенно.

1 сентября

Из стихотворения автора, подписавшегося
Ф. Ч-ский («Вестник Европы», июнь).

Куда ни бросишь взгляд — все лживо и ничтожно
В мирке презренных дрязг, разврата и цепей,
И сердце все болит, и рвется в даль тревожно,
И просит воздуха и солнечных лучей...
Природа вечная! Раскрой свои объятия,
Дай сил мне на борьбу и влей мне в сердце вновь
 Не бесполезные проклятья,
 А животворную любовь!
Теплотою живого участия
Согревай исстрадавшийся люд,
Где, не зная спокойного счастья,
Непомерное иго несут.

3 сентября

Новый циркуляр: студенты, отвечая лекции, должны стоять. Везде подчинение почему-то необходимо, дисциплина. Чудеса, да и только. А образование все сокращают и сокращают. В «Новостях» от 1 сентября была статья Модестова, который, трактуя о новой книге Кареева, говорит между прочим о том, что людей, получивших высшее образование в России, по общему числу жителей, насчитывается очень немного. Студентов у нас считается всего 12 000 человек, тогда как в Германии на значительно меньшее количество жителей 25 000.

4 сентября

Говоря о своей цели в жизни, я указала на жажду знания. Нет, это уже что-то вышло фразисто: надо выразиться иначе и проще. Вдумываясь в этот вопрос, я пришла к тому, что, собственно говоря, у меня нет никакой определенной цели в жизни. Под целью следует подразумевать стремление к чему-то намеченному, хотя бы идеальному, а у меня вот этого именно нет. Настоящее все заслонено моими занятиями, которые

дают мне покой от душевных мук и удовлетворяют мой душевный мир. Я не имею цели и не думаю вперед, что из этого выйдет; я увлекаюсь той или другой книгою, тем или другим вопросом и относительно спокойна от жизненных дрызг. Так что сказать, чтобы жажда знания была бы целью в моей жизни, нельзя. Я нашла эту цель, если она может назваться только целью, это — жажда умственного и нравственного покоя, в котором могли бы проявиться и моя воля, и мои стремления, и желания. Вот тогда, быть может, я нашла бы настоящую цель моей жизни, которую я бы наметила и шла бы к ней твердо и неуклонно.

5 сентября

В «Новостях» от 3 сентября 1887 г. помещена статья Скабичевского о покойном молодом поэте Надсоне. В статье, написанной по поводу вышедшего издания его стихотворений, Скабичевский причину необыкновенной популярности Надсона находит в его душевной красоте. Его чудные стихотворения выходят в настоящее время в свет уже шестым изданием. Первое издание вышло в 1885 г., следовательно, в два года разошлось уже пять изданий. Надсон «лично всем своим существом, своею теплою, нежною душою, своею прозрачною искренностью, неподдельным, горячим молодым пылом в стремлении к правде, свету и благу, всеми фактами своей жизни и, наконец, чарующею музыкою своих стихов непроизвольно воплотил в себе самом идеал красоты и показал нам действительно, какую страшную, всепокоряющую силу и имеет красота душевная».

Я помню, когда я читала о смерти Надсона в начале текущего года, как я горько плакала. Когда же узнала о клевете, возводимой на него «Новым временем»*, то моей печали не было пределов. И грусть, и бессильная злоба, и воспоминание стихотворений Надсона, кото-

* В одном фельетоне Буренина больной чахоткою поэт был обвиняем в корыстном выманивании помощи у Литературного фонда.

рые успокаивали, поддерживали меня в трудные минуты, — все вместе взятое как бы наполнило меня. Во всех его стихотворениях я слышала отклик душе моей. Я не знала этого человека лично, но я чувствовала, что его душа сродни моей, что я понимаю его, а он бы понял меня. Этот отклик пробуждал во мне надежду и веру в людей. Я видела, что существует же в жизни хорошее, доброе, и стремление к нему не бесплодно. А сколько стихотворений, в которых я прочла мои глубокие думы, мои страдания. Вот отчего я плачу каждый раз, когда читаю его стихотворения. И наверное этот отклик получили многие, многие, живущие одиноко, т.е. в нравственном одиночестве, и так же страдающие, как страдал молодой несчастный поэт.

11 сентября

Стихотворение Д. Мережковского («Вестник Европы», июль 1887 г.).

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
Тоску и желанья,
Уснуть — и не видеть, не думать, не жить,
Уйти от сознанья!..
Но тихо ползут беспокойной чредой
Пустые мгновенья,
И маятник мерно стучит надо мной...
Ни сна, ни забвенья!..

Стихотворения грустные так всегда сильно влияют на меня, что я не в силах бываю, чтобы не занести их в мою книгу, которую я частенько открываю и читаю, и перечитываю все, что мне нравится.

Сегодня читала «Литературные очерки» за 1883—1886 гг. С.Я. Надсона. И критические статьи его, помещенные в газете «Заря», «Отечественных записках» и «Еженедельном обозрении», так же теплы, душевны, как и его стихотворения. Кой-где проскальзывает тон молодости, желание блеснуть своим талантом, как, например, в разборе стихотворений Алексиса Жасминова, который написал балладу «Олаф и

Эстрильда». Цитируя эту балладу, Надсон перекладывает ее сам, и, несомненно, баллада в его художественном изложении выигрывает, и настолько, что можно увлечься, читая ее. Конечно, это желание блеснуть можно назвать недостатком, который между прочим так извинителен в таком молодом поэте, что его можно забыть.

12 сентября

Смотришь, смотришь на молодежь и невольно скажешь стихами Лермонтова:

Печально я гляжу на наше поколение,
Его грядущее иль пусто, иль темно.

Образования развивающего не дают молодому поколению, а забивают голову латинскими грамматиками, это — в среднем заведении, а в высших и еще хуже: составили патриотический кодекс правил для обучения и подводят всех под эту мерку.

— Вчера прочла две биографии: Жорж Занд и Генриха Гейне, проф. Кирпичникова. Как много прекрасных мыслей у Жорж Занд! «Жорж Занд вместе с В. Гюго и Диккенсом, вместе с великими русскими писателями, Достоевским и Львом Толстым, является апостолом величайшей нравственной идеи нашего столетия — безграничной гуманности, милости к падшим, к униженным и оскорбленным, не снисходительной, брезгливой милости дамы-патронессы, а беззаветной евангельской любви сестры милосердия». — «Миссия искусства, — говорит Жорж Занд, — есть миссия любви. Цель поэта — вселить любовь к тому, что ему кажется хорошим. Искусство не изучение действительности, а стремление к идеалу».

13 сентября

«Новое время», в лице Буренина, принялось травить в настоящее время Антокольского, знаменитого скульптора, и за то, что он осмелился на страницах «Вестника Европы» написать свою автобиографию, и

очень симпатичную. Травит Антокольского Буренин за то, что он еврей, так же, как травил Надсона за его еврейское происхождение. Автобиография Антокольского («Вестник Европы», сентябрь) написана очень хорошо и возбуждает такое хорошее чувство. Когда я прочла эту автобиографию, во мне как будто просветлело (если бы это выражение прочел бы Буренин, как бы мне досталось), почувствовала простое и искреннее в словах его. И все подтасовки Буренина для глумления вовсе не остроумны и неубедительны: Антокольский-художник всегда останется художником, и г-н Буренин, написав свой пасквиль на него, заставит многих прочесть в подлиннике эту автобиографию, и все получат впечатление, совершенно противоположное тому, которое желал вызвать Буренин.

28 сентября

Давно ничего не писала, да и читала мало: все было недосуг. Предварительно переезд с дачи мешал, а потом... Положим, я удалялась от всего этого безобразия, но все же меня все тревожит и мутит мой душевный покой. Никогда не проходит дня, чтобы я могла быть гарантирована от неожиданного скандала: разговоры, заявления, протесты...

30 сентября

По временам в газетах появляются протесты против последнего циркуляра министра народного просвещения. Эти протесты бывают в разных формах: то подбирают имена великих людей, объясняя их происхождение, то, по отчету министра народного просвещения, констатируют факт бедности образования в России. Так, в «Современных известиях» появился недавно перечень имен великих людей, родившихся от простых людей. Колумб был сын ткача; Коперник — сын простого мещанина; Кеплер — бедного трактирщика; Шекспир — перчаточника; Ньютон — сын очень бедных родителей; Галилей — музыканта;

д'Аламбер — подкидыш; Гершель — сын музыканта; Гей Рене Жюст — сын бедного ткача; Вениамин Франклин — сын мыловара; Жан Жак Руссо — часового мастера; Кювье — сын бедного офицера; Сократ — сын ваятеля; Спиноза — простого еврея, шлифовальщика стекол; Кант — седельного мастера; Беранже — портного; Берне — простого еврея; папа Григорий VII Гильдебранд — кузнеца; Иоанн Гус — бедного поселянина; Лютер — рудокопа; Джордано Бруно — солдата; Стефенсон — угольщика; Фультон, изобретатель парохода, — сын простолюдина; Жаккар, изобретатель ткацкого станка, — фабричного рабочего; Мурильо — чернорабочего; Доминикино (живописец) — башмачника; Дюрер, живописец, — ремесленника; Дарвин — внук гончара и т.п.

А «Неделя», резюмируя отчет министра народного просвещения, приходит к заключению, что не излишком образования — специального или общего — страдаем мы, а совершенно противными результатами: бедностью образования и бедностью образовательных средств, рельефно выступающими из этого отчета.

Все эти протесты пока остаются гласом вопиющего в пустыне. Общество прекрасно сознает, что образование в России слишком незначительно сравнительно с другими европейскими государствами, но оно бессильно протестовать против этого более энергично. Люди с достаточными средствами, но не привилегированные, богачи, будут отдавать своих детей за границу, где уже, как например в Бреславле и в Яссах, открыты гимназии с курсом русских классических гимназий и с преподаванием на русском языке. Вот замечательное явление совершилось в России в XIX веке: дети русских должны получать образование за границей. Вот так национальность! Зато наши охранители только и толкуют о национальности, патриотизме и проч., проч. Масса фраз и мало дела!

1 октября

Давно собиралась записать в мою книгу шутку, написанную одним знакомым, Н. Полушиным. В печати эта шутка не появится*.

Боборыкин враг. (Урок из новой географии).

В области «Словесности»
Есть село «Печать»,
Но об этой местности
Лучше помолчать...
Дознано, указано,
Втайне лишь хранят,
(Будь не к ночи сказано) —
В том селе «шалют»!..
Есть там, к сожалению,
Всем внушая страх,
На пути к селению,
«Боборыкин враг».
Из него со стонами
Чья-то злая тень
Мечет «фельетонами»
Чуть не каждый день!..
Ночью, в темень самую,
Не ходи уж тут:
Из оврага «драмою»
Голову сшибут!..
В силу сей известности,
Ощущая страх,
Будешь знать в словесности «Боборыкин враг».

Н. Полушин. 4 сентября 1887 г.
Москва.

2 ноября

Как давно я ничего не писала; а почему я не писала, и сама не знаю. Иногда казалось, что все мои писания так глупы и бесцельны, да и кому все это нужно. Иной

* Шутка — по адресу П.Д. Боборыкина. А.И. относилась к его писательской деятельности с большим предубеждением, считая его изображения торговой и промышленной Москвы слишком односторонними.

раз думаешь: если для себя, то тоже, пожалуй, лишнее, а потомкам моим вся моя дребедень и словоизвержение покажутся даже смешными. Между тем все пишешь и пишешь, утешая себя тем, что перед смертью завещаю уничтожить мои письма в пламени горящем, как сделал это Тургенев, завещая сжечь свой дневник г-же Виардо. Наверное в дневнике Тургенева было много интересного. Сожгла ли г-жа Виардо этот дневник или нет? Я бы не сожгла, если бы была на ее месте.

Как сон пройдут дела и помыслы людей —
Забудется герой, истлеет мавзолей,
И вместе в общий прах сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся.

...Душа моя ноет, а вопрос: «зачем, зачем?» не оставляет меня. Каких невероятных усилий нужно для того, чтобы голова моя не размышляла и не останавливалась на этих вопросах!

Любить людей — за что? Любить слепцов, как я,
Случайных узников, в случайном этом мире...
И стоит ли любить, и можно ли скорбеть,
Когда любовь, и скорбь, и все — лишь сон бесцельный?

Вспоминаю стихи и думаю, что и Минский, написавши это стихотворение, а я, запомнив его, — оба мы несчастные люди, каких очень много на белом свете.

3 ноября

Г-жа Ламбер, одна из образованнейших женщин XVII столетия, говорит, что для нравственного усовершенствования необходимы: беседа в обществе, чтение и уединение. Беседу в обществе г-жа Ламбер ставит на первом месте средств, ведущих к самообразованию. «Беседа, — говорит г-жа Ламбер, — производит то, что у нас разворачивается ум, оттеняются

понятия, просвещаются чувства, возбуждается и питается мысль».

Как это давно известно и верно, но недостижимо для многих, как, например, для меня. Мои семейные условия и самая обстановка купеческая не позволяют мне пользоваться этим средством для самообразования. Люди, с которыми я могла бы говорить, (к нам) не ходят, стесняясь (теми, кто) вовсе не желают, чтобы у нас «развертывался ум, оттенялись понятия, просвещались чувства, возбуждалась и питалась мысль»; с другими же и говорить не о чем... И так изо дня в день, а мысль рвется: хочется делиться мыслями, говорить. Есть, положим, знакомства вне дома, но мне кажется, что там на меня смотрят сверху вниз. Конечно, может быть, это моя фантазия! Иногда я и не чувствую этой тягости с этими лицами, но порою мне бывает так тяжело, так горько, что уста мои смыкаются, и я начинаю конфузиться. Скверно все это, гадко! О сословие мое, сословие купеческое! (Далее приписка более поздняя, сделанная другими чернилами): Какое глупое восклицание! Глупо-то оно, положим, очень глупо, а тяжесть сословия лежит на мне тяжелым гнетом, и я чувствую, что именно это так. При муже, интеллигенте, мое положение не было бы так оторвано, изолировано.

6 ноября

Что со мной делается? Ною и ною без конца. Работаю мало. Серьезных книг читаю мало. Куда-то тянет меня. Душа рвется куда-то. Тоска, тоска совсем меня измучила.

Зачем?.. Зачем живу? Кому нужны
Мои печали, радости, стремленья,
Мои надежды, скорби и мученья,
И жар души, и свет пытливых дум,
.....
Зачем живу, терзаясь и страдая?

(Из стихотворения Фруга: «Зачем?»)

29 ноября

В прошлое воскресенье (22 ноября) началось волнение в Московском университете, которое возникло вследствие давно затаенного недовольства студентов против их инспектора⁵⁴ Брызгалова. Это недовольство, даже ненависть, не принадлежит только нынешнему поколению учащихся, а и студентам прежних поколений, но при уставе императора Александра II сила Брызгалова не могла проявиться во всем своем величии. Говорят, в прошлом учебном году исчезло без следа около 40 студентов, исчезновение коих приписывается шпионству г-на Брызгалова, ради выслуги. Не может быть, чтобы все эти юноши «подрывали основу политических порядков». Оговорить легко кого угодно. Вот эти оговоры, наговоры, подозрения и доносы возмутили до того юношей, что они, кинув между собой жребий, решили дать г-ну Брызгалову публичную оплеуху, что и сделали 22 ноября в Благородном собрании на студенческом вечере. Молодежь рассчитывала, что публичное оскорбление побудит г-на Брызгалова покинуть свой пост инспектора. Оплеух, данных этому господину tête-à-tête, неисчисленное количество, но он никогда и не придавал им особенного значения. Но оказалось, что и эта публичная оплеуха не очень сильно задела Брызгалова, хотя он подал в отставку, что, впрочем, производилось им для виду после каждой оплеухи и прежде. Отставка, по слухам, не была принята и поговаривали даже, что за «его страдания» ему пришлют орден Св. Владимира, к которому он давно стремился, посылая сам себе динамитные письма, ссылаясь на студентов, которые хотят убить его. Эти письма он очень осторожно открывал и всегда оставался цел и невредим. Студент Сенявский, давший оплеуху Брызгалову в Благородном собрании, был, как говорят, тотчас же взят и водворен в тюрьму. Рассказывают, что оплеуха была так сильна, что многие думали, что лопнула газовая труба, и приготовились уже очутиться в темноте, как услы-

хали шум. Некоторые говорят, что будто бы другие студенты бросились бить Брызгалова, но были вовремя остановлены. Но этим дело не кончилось. На другой день студенты собрались в аудиториях и рассуждали о случившемся, уверенные, быть может, что Брызгалов уйдет из университета. Начальство, почуяв сходку, распорядилось призвать в укромное убежище (манеж) казаков и полицию, а попечитель учебного округа Капнист явился к студентам с просьбою собраться в актовую залу: последние стали протестовать, заявляя, что они хорошо понимают, что значит собраться в актовую залу, где их обыкновенно всех переписывают, считая за участников бунта, и потом исключают из университета. Капнист заявил им на это, что раз приглашает их попечитель, они не должны бояться. Студенты согласились. Не успела молодежь войти в зал, как многие увидели из окон, что университет окружен полицией и казаками; некоторые заявили протест, но Капнист их снова успокоил и, обращаясь к студентам, сказал: Брызгалов хороший человек, и что они не должны бунтовать и проч., проч. Говорилось все это в дерзкой форме, что особенно и возмутило студентов. Когда в зале раздалось восклицание: «Ага! Ого! Вот как!» — Капнист обозвал молодежь дураками, а многие утверждают, что и подлецами. Этим же эпитетом студенты обозвали и Капниста, которого подхватили толпою и вынесли из зала вон. Тут, конечно, подоспели казаки и начали бить студентов, выходящих из университета, нагайками. Студенты озлобились и в течение целой недели, невзирая ни на какие препятствия, собирали в различных частях города сходки. Рассказы очевидцев очень многочисленны и интересны. Очень может быть, что многое прибавлено, но во всяком эпизоде есть очевидная доля правды. Рассказывают, например, что при выходе из университета несколько студентов столкнулись с казачьим безбородым офицериком, который начал поносить их и крикнул казакам знаменитое приказание:

«В нагайки!» В это время уведомленный об этом казачий полковник прискакал на место происшествия и, обращаясь к студентам, сказал: «Господа, успокойтесь, этот офицер, дозволивший себе грубо обойтись с вами, будет наказан; что же касается меня, то я вполне сочувствую вашему протесту и если я здесь, то только потому, что должен подчиниться дисциплине».

В университете же, по рассказам некоторых, многие из профессоров в тот же день были биты, как например, известный профессор Чупров и Бредихин. Того и другого били нагайками; первого ударил жандармский офицер за то, что он сказал некоторым студентам-негодяям, чтобы они не выдавали спрятавшихся от полиции товарищей, другой же был избит на дворе, когда он выходил из университета, так как казаки приняли его за студента. Полицеймейстер⁵⁵ Огарев во всю эту неделю вел себя очень гуманно по отношению к студентам и даже, как говорят, в одном из побоищ посадил в свою коляску студента с изломанной ногою и избил собственноручно нескольких мясников⁵⁶, которые пришли с ножами и топорами бить студентов за «царя, веру и отечество». Юрковский, обер-полицеймейстер, также, говорят, бил казаков за грубое насилие со студентами. Участие мясников из Охотного Ряда было вызвано одним из «пуделей»⁵⁷ (пуделей), который был будто бы послан кем-то из университета, а приказание бить студентов нагайками было дано, как говорят, Капнистом и помощником Огарева, Полем. Эти побоища, в цивилизованной стране и XIX веке, продолжались несколько дней, т.е. до субботы 28-го; одним словом, до тех пор, пока убили двух студентов, Быкова и Семенова, и ранили 18 человек. Говорят, что одному студенту оторвали нагайкой ухо, которое было тотчас же взято другими товарищами и послано с одним из студентов в С.-Петербург, в Министерство народного просвещения. Насколько это верно, сказать трудно.

Губернатор В.А. Долгоруков⁵⁸ также был очень гуманен во всей этой истории. С субботы 28 ноября казаки, по телеграмме из Петербурга, были удалены, сходки же продолжались и продолжают поныне. Студенты заявили, что не уйдут до тех пор, пока не будут уверены, что их избавят от Брызгалова навсегда. В настоящее время, для успокоения студентов, Брызгалова заменили на время Добровым, но студенты этому не доверяют, видя только паллиатив в его удалении, почему и добиваются аудиенции у великого князя Николая Николаевича, который находится в Москве (по случаю открытия памятника в память павших воинов при взятии Плевны в 1877 г.).

Общественное мнение сильно возбуждено всей этой возмутительной историей: везде говорят и осуждают администрацию за то, что в усмирении были приняты грубые меры. Впрочем, некоторые говорят, что многие из начальствующих, как например ректор Иванов, усмиряли студентов словом, и последний достиг уже цели, если бы не Капнист и не казаки.

— Еще рассказы очевидцев. Недалеко от университета стоял в толпе сермяжников-мужиков студент. Вдруг к нему подлетает казак и наступая к нему довольно близко. Студент взял лошадь под уздцы и отвел от себя. Казак рассердился и начал бить студента. Мужики вступились за студента, бросившись на казака, который был сильно избит ими. Другие казаки подступить не смели, так как мужиков было не мало. Наконец, явилась полиция и мужиков, в количестве 20 человек, повели, в сопровождении 5 буточников⁵⁹, в участок⁶⁰, но по дороге, как раз на перекрестке, мужики бросаются на буточников, разгоняют их и сами исчезают.

Второй рассказ: К княгине Черкасской на двор вбежал студент, скрываясь от казаков и полиции, которые врываются в дом, наносят массу оскорблений княгине, находят где-то в чулане студента, бьют его в доме же княгини, оскорбляя ее и обвиняя в укрыва-

тельстве. Затем, совершив все эти деяния, скрываются вместе со студентом. Рассказывают, что в течение этой недели многие дворники кидались на мимо проходивших студентов с метлами. Многие из студентов переодевались в статское платье. Кроме студентов, и публика, попадавшаяся между ними, подвергалась побоям казаков. По рассказам видно, что в первые дни возмущения было немного студентов, участвующих в истории, но в последующие дни, после избиения нагайками, поднялись чуть не все. Между другими возмущившимися были слышны имена князей Долгоруких, Бобринских и других титулованных студентов. Об этих лицах слухи разнородны: другие говорят, что они были избиты студентами за сочувствие Брызгалову. Интересно то, что многие из публики вступались за студентов и кидались бить мужиков, как это случилось, например, на днях в Солодовниковском пассаже⁶¹, сторожа которого вздумали бить двоих студентов, за которых и вступился какой-то г-н, привлекая на свою сторону массу интеллигентной публики. Сторожа, конечно, стушевались.

4 декабря

Говорят так много об университетской истории и так противоречиво, что не знаешь, чему верить. Официально известно только одно, что университет на неопределенное время закрыт. 3 декабря появилась в двух газетах официальная статья о студенческой истории. В этой статье студенты, конечно, порицались. По слухам известно, что в Казани, Харькове, Киеве и Одессе студенты также бунтуют, но почему, отчего — неизвестно.

8 декабря

История в Московском университете, хотя и заглохла на некоторое время, но, по слухам, ненадолго, так как ненавистное лицо студентам, г-н Брызгалов, остался на своем посту. Говорят, что около 10 лучших

профессоров университета подали в отставку; из них слышны имена: Чупрова, Боголепова, Столетова, Зверева, Склифосовского и проч. Об убитых студентах говорят, что это была ложь, распущенная возмутителями, но по другим источникам известно, что не только убиты двое и тайком похоронены, но умирают еще трое в московской тюремной больнице.

К этой истории в университете примешаны и другие учащиеся в высших учебных заведениях, как то: ученики Технического училища, Петровской академии и даже кадеты. Арестов масса: высылают многих на родину административным порядком.

1888

22 февраля

Вот уже второй месяц нового года наступил, а я и не думала ничего писать. Впечатлений за это время было много, но разбираться в них не хотелось. Сегодня вдруг что-то поднялось во мне, проснулось, явилось желание писать, читать, работать. Прочла сейчас о чувствовании С. А. Юрьева и возрадовалась, что нашелся такой человек, которому можно поклониться за его идеальные стремления на пользу человечества, за его доброту и теплое сочувствие к людям. В. А. Крылов написал стихи для Юрьева, которые закончил так:

...И потому блажен,
Сто крат блажен, кто любит мир мечтаний,
Кто не теряет светлых упований,
До чьей души и не коснулся тлен
Беспомощной разрозненности века,
Кто верный друг излюбленных дружин,
Кто детски чист остался до седин
И жаждет идеала человека.

5 мая

Зима текущего года была довольно тяжела для меня: семейные неприятности совсем измучили меня.

Ежедневно скандалы, сцены, бессмысленные крики, брань и потом снова затишье, и так без конца. Вечно вздрагиваешь, дрожишь, убегаешь из дома, а вернешься обратно — опять то же. Я никогда не гарантирована от всевозможных неожиданностей. Я живу дома, как в гостях: постоянно стеснена, измучена, взволнована... Ну, довольно!

Июня 12-го

Страшно подумать, что творится на свете! Видишь и понимаешь, что нельзя судить по себе людей, а между прочим не можешь отрешиться от этой общей человеческой слабости или, скорее, свойства людей. Эта вечная борьба, это вечное мучение может окончательно свести с ума.

Пятигорск, июнь

Вот уже скоро месяц, как я на отдыхе от домашних мук. Я в Пятигорске. Знакомых у нас много, даже очень много, но, в сущности, не с кем слова сказать. Все разговоры военных вертятся на местных интересах, сплетнях, шутках, иногда очень плоских, что меня коробит. Иногда сидишь в обществе пятигорской аристократии, драгунов⁶², и невольно сравниваешь времена и провинциальные нравы, описанные Гоголем и Щедриным. Разницы так мало, а времени прошло так много с тех пор, а тина кругом все та же самая. Природа хороша здесь, как и всегда, и будет вечно хороша, а люди так пусты, так мелки. Я никого не виню в этом лично, я сожалею их, но все-таки... Мне не смешно, когда они смеются; меня удивляет их восторг, меня не страшит их ужас; одним словом, мне скучно между ними. Вчера, впрочем, я познакомилась с одним стариком, харьковским купцом, но учившимся в университете. Этот старик оказался вдобавок еще не глупым, как мне показалось, но с первого раза судить трудно. Поживем, увидим! Но первое впечатление было такое,

что я даже обрадовалась: «он всем интересуется, он может говорить», подумала я.

Июнь

Вчера вздумала перечитать снова Лермонтова благодаря Пятигорску, в котором он жил, в котором и мне приходится быть третье лето сряду. В конце 1-го тома нашла стихи, которые мне очень понравились, и я не могу не списать их.

Конец! Как звучно это слово!
Как много, много мыслей в нем!
Последний стон — и все готово,
Без дальних справок... а потом —
Потом вас чинно в гроб положат,
А черви ваш скелет обгложут;
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас;
Простив вам каждую обиду,
Отслужит в церкви панихиду,
Которой (я боюсь сказать) —
Не суждено вам услышать;
И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Название ваше сохранит
С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастью, вы сами
Не прочтаете вовек.

— Все уехали на скачку, и я одна во всем доме: сижу и пишу. Ветер дует и рвет мои окна, я сижу и слушаю этот стон, этот свист и восхищаюсь природою; но временами вскакиваю и подбегаю к окну взглянуть на тучу, которая надвигается с запада: по всей вероятности, пойдет дождь. Сейчас я все думала о местных жителях, и мне невольно пришла мысль: что, меня всосала ли бы эта тина, если бы поселилась в Пятигорске? Мне кажется, нет: я не молода и мое я едва ли бы могло измениться. Мне кажется, я бы скучала или благодаря образу моих мыслей была бы для всех жи-

телей самой скучной женщиной в мире. Многие бы сторонились меня, другие бы бранили, а третьи смотрели бы с сожалением, как на тронутую. Конечно, все бы это было, если бы я была вполне естественной и не притворялась бы интересующеюся болтовнею и слушающею все рассказы и мельчайшие детали всех самых незначительных событий; при последних условиях я наверное носила бы название «приятной дамы». Гадко притворяться, но что делать: *noblesse oblige!*⁶³ Иногда это притворство бывает, положительно, необходимо: жаль бывает показать свое невнимание к лицам, так наивно и подчас глупо увлекающимся рассказами пустого свойства. Зачем показывать это невнимание? Что из этого выйдет? Ничего и ничего! Надо коротко быть знакомым, чтобы иметь право показать смешную сторону всех этих рассказов. А я уеду, и интересы их сольются снова с общими местными интересами. Если бы и была какая-нибудь возможность указать дурную сторону, если бы даже, благодаря здравому смыслу, и поняли бы меня, то и тогда ненадолго: провинциальная тина сильнее меня; они сжились с ней, им хорошо вращаться в этом глупом водовороте, ни о чем не думая, не размышляя.

— Недавно вспомнила я, какую ужасную нравственную пытку вынесла я 11 мая. Это состояние довело меня чуть не до болезни... ..Борьба и борьба, от которой спасение только в смерти, которая и даст мне покой.

15 июня

Вот скоро месяц, как я в Пятигорске, в котором живу покойно: гуляю, сплю и не раздражаюсь ежеминутно. И то слава Богу, что хоть ненадолго, да есть покой! А кругом природа, горы, деревья, зелень; одним словом, все, что радует глаз и наполняет душу непонятной полнотою. Вчера ходили мы на провал, и дорогой один драгунский офицер рассказал мне кавказскую легенду про горы. Машук есть не что иное, как раз-

борчивая невеста, за которую сватались два жениха: Эльбрус и Бештау, и она отказала и тому и другому. Эльбрус с горя поседел, а Бештау развалился. Машук, узнав об этом, заплакала, и вот с тех пор все и плачет, а слезы ее выражаются в массе источников, которые текут из нее в разных направлениях.

(Далее выписаны стихотворения Д. Мережковского: «Там, в глубине задумчивой долины»; «Сердце печальное, робкое сердце людское»; «Покоя забвенья! Уснуть позабыть!»; «К смерти» (отрывок), и «Христос воскрес», — поют во храме»),

Июня 18-го

Прочла в Пятигорске пока две книги: стихотворения Д. Мережковского, изданные в 1888 г. отдельной книгой, и роман псевдонима Крестовского «Обязанности». В последней книге нашла фразу, так близко подходящую ко мне: «Пошлость то же одиночество, но такое одиночество мешает, не дает думать, отупляет: пошлость утомляет до желания физического покоя, а то вдруг, страшным порывом, искушает до желания развлечений, подсказывает какие-то мечтания и в них заставляет забываться».

Странно! Такого рода фраза иногда как-то сразу уяснит положение, откроет глаза.

2 июля

Кружилась, кружилась я все это время, без цели, без занятия: нынче здесь, завтра там и т.д. И так изо дня в день, чуть не полтора месяца. Сегодня увидела стихотворения Розенгейма, единовременника Лермонтова, и увлеклась его произведениями.

Вот отрывок из обращения его к Лермонтову:

Пускай ничтожество, пылая жалким мщеньем,
Всю жизнь твою убьет, отравит, очернит,—
Нет, не плати ему за злобу озлобленьем;
Прости, зане оно не ведает, что творит!..

(Далее выписан ряд стихотворений Розенгейма).

Июля 19-го

Сидишь, сидишь зиму, мучишься в вечных глупых дразгах, мелочах, суете, а придет весна — так и потянет взглянуть на природу и вздохнуть полной грудью и поплакать на свободе (Выписано стих. Розенгейма «Природа»).

Июля 20-го

Петя*, быть может, прав, что он бежит от людей, а я не могу бежать от них, в буквальном смысле этого слова; я приближаюсь к ним и жгусь, как бабочка на огне. Не хочется думать, не хочется верить, и не могу я верить, чтобы не было людей! Пусть будут недостатки, пороки, но пусть будут и светлые стороны! Право, мне иногда кажется, что я какая-то другая: не такая, как те, между которыми я живу. И что на мою долю выпала такая судьба, что мне приходится жить с такими людьми, для которых я представляю закрытую книгу. Я сама имею недостатки; я должна иметь их потому, что я человек, но то, что я чувствую, другие не чувствуют; я это вижу, я это понимаю и глубоко страдаю. Вечное страдание, вечная неудовлетворенность, вечное мучение и метание и вечная борьба доброты, жалости к людям и сочувствия к ним с чувством собственного человеческого достоинства. Хочется сказать слово сочувствия людям, протянуть, истратить хотя восьмую часть того запаса человеческой потребности ласки, симпатии, которыми так полна душа моя, а чувство собственного достоинства, чувство самосохранения и разум удерживают... Вечно одна и одна с своей борьбой. Года идут, а впереди мрак.

28 июля

Сижу в Пятигорске, на высокой горе под Машуком, и наслаждаюсь видами, которые окружают меня. Беседка, где я нахожусь, круглая, и я, пользуясь этим

* Брат А.И. Волковой.

преимуществом, обхожу ее кругом; с одной стороны, у самого подножья Машука, тянется Михайловская галерея с серным источником, а за ней идет первая половина Машука; эта половина скалистая, местами покрытая обгорелой травой от жара. Выше поднимается другая половина горы, покрытая лесом. Вершина Машука снова открытая. Говорят, что на вершине горы предполагают выстроить ресторан для усталых путников, любителей природы. Левее от горы идет лесистый пригорок, на котором возвышается беседка под названием Эоловой арфы; правее виден еще пригорок. Вся эта картина освещается южным солнцем; в воздухе так тепло, покойно. Беседка, в которой я сижу, окружена с одной стороны деревьями, которые лепятся по пригорку, ведущему к шоссе. Покой и тишина в воздухе нарушаются стуком экипажей, в которых больные, жертвы праздной, разгульной жизни, едут купаться в горячих серных источниках.

Обхожу беседку с другой стороны, и глазам моим представляется новая картина. Кругом равнина с бесконечной далью впереди: прежде всего виден весь город Пятигорск, а за ним вьется дорога в Ессентуки, по сторонам которой тянутся лесистые хутора, Константиновская станица и сад Больдта, местного аптекаря. Здесь даль видна, по крайней мере, верст на шесть. Солнце то спрячется за облака, то выплывает снова, освещая равнину, город, станицы и даль. На церквах блестят кресты, играя и переливаясь, как звезды. Левее, в стороне, возвышается гора Юца, а за ней гордо поднимается белый Эльбрус, разветвляясь в верхушке. Снег на Эльбрусе блестит на солнце. Форма Эльбруса напоминает сахарную голову. На горизонте видна в тумане цепь снеговых гор. Около Юцы, ближе к Пятигорску, расположен лагерь: белеются палатки, между которыми видны черные точки — это лошади солдат. С другой стороны от лагеря казармы. Под самым г. Пятигорском вьется, извиваясь и разветвляясь, бурный Подкумок, искрясь на солнце. На противопо-

ложном берегу Подкумка расположена большая станица, называемая Горячеводском. Станица тянется версты на четыре. Масса низеньких домиков, крытых соломой, железом, представляются издали скученными и смешанными с деревьями; в некоторых местах эта масса скученных домиков разделяется дорогами. Среди станицы видна площадь с церковью, а за станицей снова даль, которая сливается с горизонтом. Около станицы тянется дорога в немецкую Константиновскую колонию, которая видна вдали, окруженная пирамидальными тополями. Близ дороги течет серебристый Подкумок, углубляясь в бесконечную даль. Между бесчисленными рукавами Подкумка стоят лошади, телеги, ходят люди, которые кажутся карликами. Около Подкумка расстилаются нивы с сжатым хлебом и зеленые огороды.

Глядишь на все эти картины с наслаждением и отдыхаешь от пошлой, гадкой жизни, полной дразг, беспрерывных мучений и тревог. А мир так хорош!

15 августа

Прочитала рассказ Гнедича «Святочные огни», напечатанный в журнале «Нива» и изданный теперь вместе с другими рассказами этого молодого писателя отдельной книгой. Мне невольно пришло в голову, что и мою сию тетрадку постигнет та же участь, какая постигла тетрадку того несчастного, самолюбивого учителя, который писал потому, что не мог говорить: он выносил жестокие оскорбления от людей и обиду выливал на бумагу, предполагая, что после его смерти люди прочтут его мысли и будут казниться за свои мерзости. Но вот он умер, а тетрадка попала под плиту для растопки, когда жарили гуся... Положим, что я пишу свои заметки, не желая мстить людям после моей смерти: главная цель моих заметок — это желание проверять себя, свои взгляды, свои мысли, перечитывая написанное через известный промежуток времени. А все-таки участь тетрадки печальная!

8 декабря

Как давно я не писала ничего в этой книге; по всей вероятности, большая корреспонденция отвлекла меня от этого... Бумага не выдаст: пиши — что вздумается. При жизни никто не прочтет, а после смерти пусть читают, если кому вздумается. Разве можно вылить душу людям, не опасаясь ежеминутно быть осмеянной или одураченной? Нет, нельзя, говорит разум, а сердце ищет людей, стремится к сочувствию и беспрестанно ошибается и страдает. Чудно, в самом деле! И когда кончится эта борьба разума с сердцем? Когда возможно будет замереть и жить животной жизнью, довольствуясь ею? Должно быть, я этого не дождусь...

31 декабря

Сегодня провожаю старый год со слезами: слезы так и льют. Смешно! Как будто я жалею о прошлом годе, который принес мне столько горя, мучений, нравственных оскорблений! Сегодня последний день этого года; завтра мне минет 42 года. Разве это дурно, что я прожила уже столько лет? Нет, хорошо, и хорошо потому, что осталось жить меньше, чем прожила. Что-то будет дальше! Что еще испытаю я?

(Следует несколько страниц воспоминаний о замужестве, из которых часть приведена в биографическом очерке А.И.).

1889

24 февраля

Сегодня с утра я нахожусь почему-то в более спокойном состоянии, чем обыкновенно. Прочитала после чая «Русские ведомости» и «Московские ведомости». Много промелькнуло всякой всячины перед глазами, между прочим прочла фельетон Немировича-Данченко. Содержание рассказа очень обыкновенное: девушка из порядочной семьи полюбила женатого человека,

бросила семью, отца и мать, и пошла за ним, а он, воспользовавшись ее любовью и узнав, что она скоро будет матерью, бежал от нее, оставив бедную девушку на произвол судьбы. Задумав лишить себя жизни, девушка бродила в одной из крымских деревушек и в минуту чуть не отчаяния она подошла к скале, где увидела паука в паутине; она со злобою разорвала эту паутину и пошла дальше, прощаясь с жизнью, крепко сжимая пистолет. Мысли работали, вспоминалось все прошедшее, обдумывалось настоящее, и исход представлялся ей один: лишить себя жизни и все кончено. С нервной дрожью ходила она по одному и тому же направлению и снова глаза ее упали на паутину, которую разорвала она недавно. И что же? Паук снова цеплялся за свои нитки, протягивая их от стены к ветви дерева, и мысли ее изменились. «Неужели, думалось ей, паук имеет больше силы, чем человек? Я несколько раз разрушала его дом, а он снова работает, не унывая, а я? И я не должна унывать,— решила она.— Нет денег, есть вещи; я продам все и пробьюсь как-нибудь, а там родится ребенок, буду жить для него; буду ткать новую паутину».

Так мысль о самоубийстве и кончилась.

Такой рассказ должен действовать отрезвляющим образом на многих неудачников, выбившихся из сил в борьбе. Прочтешь, и станет как будто бы легче, светлее на душе, хотя и ненадолго.

Весь вечер готовила я материал для «Детской помощи», воображая, что моя монотонная, меланхолическая работа успокоит меня и отвлечет мои думы от действительности. Ничуть не бывало! Думы и мрачные мысли перескакивали через все отчеты, благотворительные спектакли и проч. и делали свое дело: мучили меня.

25 февраля

Как только услышу я слово сочувствия к себе, так и не выдержу: с одной стороны, мне бывает очень при-

ятно слышать это слово, так как я сочувствием людским не избалована, а с другой — является горечь и слезы, которые, отчасти, даже облегчают, хоть и сердят меня. Не надо слез, надо больше силы! Надо отвлекать себя, не надо распускать нервы, а то, пожалуй, и моя богатырская натура не выдержит.

Сегодня утром послала пакет с материалом для «Ремесленной газеты». Надо быть аккуратной и посылать каждый понедельник. Совсем я разленилась за последнее время, и все благодаря нашей истории, которая измучила меня. Единственное спасение для меня — это мои прогулки пешком: ходишь, ходишь до утомления и голове легче: работать перестает; физическая усталость берет свое, а нервы спасены.

Какая чудная погода сегодня! Совсем весна: солнце так ярко светит и воздух другой, чем зимою. Как надоела мне в нынешнем году зима со своими морозами, сухим воздухом, который задерживал мое дыхание, и без того плохое, вследствие моей одышки.

2 марта

Сегодня получила известие о смерти одного молодого человека. Он умер 25 лет от наследственного сифилиса. Сколько лет он гнил чуть не заживо! И во всем виноват отец! Боже, это ужасно! Рядом с этим, он был талантлив: обладал способностью к музыке; учился в музыкальных классах, проявлял большие способности, и теперь все кончено! Вырос он в купеческой среде и, несмотря на все купеческие предрассудки, увлекался музыкой. Несчастный самородок! Услыхав о его смерти, я заплакала и долго, долго неудержимо рыдала, спрятавшись в своей комнате. В этих слезах вылилось и свое горе...

23 марта

Как давно не писала я. Почему? Сама не знаю: не то было лень приняться за перо, не то не хотелось расстраивать нервы, которые никогда не заживают. Как

редко выпадают дни, когда я могу спокойно приняться за работу: то одно, то другое мучит, беспокоит меня. Одно крупное горе пройдет; пойдут мелкие обиды, недоразумения, уколы самолюбия, бессилие... Я изображаю собою человека, имеющего постоянно перед собою стену, в виде преграды, но с небольшим отверстием, которое надо найти. Вот в это отверстие я и пролезаю с большим трудом, очутившись снова перед такой же стеной, и опять снова та же работа, те же измышления, как пройти это препятствие. Если оставить, не проходить, нельзя: за мной идет вся семья: я проводник. Неужели же я никогда не дождусь, когда за этими стенами я увижу равнину, горизонт? Неужели мне не суждено вздохнуть, хотя ненадолго, чистым воздухом? Жизнь — борьба! Я это знаю, но от этого не легче...

Поставлен человек обстоятельствами жить так, а не иначе, и живет он, смотря по силам нравственным и физическим, долгое или короткое время, а там и конец всему: мировой итог! Хорошо бы не сознавать этого, а жить изо дня в день, упиваясь животной жизнью! Так многие и живут и по-своему счастливы. Раньше мне казалось, что я своими литературными работами, исполняя должность репортера, приношу какую-то пользу людям; теперь же и этот мираж рассыпался, как дым, и я снова ощущаю пустоту и мучения, вертюсь, как белка в колесе...

Странное состояние испытываю я сегодня: слезы так и подступают к горлу; быть может, весенний воздух так действует на меня. Скорее всего сказывается зимняя усталость. Сколько было пережито в этом году! Прошел ли один день без волнения?

23 апреля

Весна в полном разгаре: деревья зеленеют, трава тоже; в воздухе чувствуется приятная возбуждающая свежесть, которая оживляет и дает силу на новые мучения. Сегодня так жарко, что можно даже забыть,

что живешь в апреле месяце, а не в июле; в тени 23 градуса по Реомюру⁶⁴. Недалек тот день, когда мы двинемся снова на Кавказ, отдыхать на подножном корму от всех тревог и волнений...

Июль, 1889 г.

Определение моего характера по почерку Н.И.С. (артиллерийский офицер, господин довольно образованный и не глупый, имеет от роду лет 40).

«Здоровая, крепкая женщина, выше среднего роста, шатенка. Характер законченный, сильный, ровный. Умна и энергична. Мало женственности; нет ни кокетства, ни других исключительно женских черт характера, при наличности мужской энергии и сильного ума».

Интересно, что этот человек определяет характеры, не зная человека, руководствуясь только одним почерком. Судить, верно ли определение моего характера или нет, я сама, конечно, не могу, но характеры других можно судить и проверять все определения.

Август, 1889

Путешествие по Военно-Грузинской дороге

Как ничтожен кажется человек рядом с грандиозными картинами природы!

Сколько красоты в природе!

Эта красота пробуждает человека, заставляет его очнуться от мелочной житейской суеты, от обыденной пошлости, которые засасывают его, как в тине; он углубляется в самого себя и отрешается, хотя на время, от бесплодных и непрерывных мучений, выпавших на его долю.

Человек, неудовлетворенный жизнью, неудачник, обиженный, подавленный человеконенавистничеством, людскою злобою, ненавистью, завистью, ищет в природе духовного удовлетворения.

В лета юности, в лета светлых надежд душа человека была, как цветок, который обещал распуститься

пышным цветом. Прошли годы, и надежды сменились отчаянием. Цветок засох, не распустившись: осталась только чахлая зелень. Пропала юность, пропали и надежды на светлое будущее для себя и для других.

Плывет человек в волнах житейского моря, утомленный и обессиленный от борьбы с волнами. Напрасно ищет он спасения: кругом пусто. Волны яростно бушуют и кидают его из стороны в сторону: то выплывет он на поверхность и видит помутившимися глазами свет; у него мелькает надежда на спасение, и вдруг снова волна поглощает его, и так без конца, пока не погрузится он навеки в пучину морскую.

Наболевшая душа неудачника жаждет только забвения, покоя, утешения и обновления. Забвение и покой охватывают его, коль скоро он остается один с природой и ее чудодейственной силою; одна минута нравственного отдыха может успокоить его. Бессознательно простирает он руки к всемогущей природе, умоляя дать ему силы на новую борьбу или вечный покой.

Жизнь — борьба! Борьба тяжелая! Человек это знает, но силы его истощаются, организм слабеет от непосильной, безысходной и бесполезной борьбы. Смерть представляется ему желанным и единственным исходом земных страданий и сомнений, исходом мучительной борьбы со злом и с своей совестью.

Людские отношения сжимают его, как оковы, и он бежит от людей, от их пошлости, глупости, злобы, от духа наживы, который царит между ними, а душа рвется, ищет сочувствия, братской любви, теплого искреннего слова, дружеской ласки.

Вечное одиночество гнетет человека, душит его, и он мечется, не зная, куда преклонить голову от житейских бурь, которые крутят его в своем вечном вихре. Природа же призывает к себе человека, широко открывая свои объятия каждому, кто способен увлечься ею.

При выезде из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге вдали видны горы, которые расстилаются сплошной стеною. По мере приближения горы растут, как гиганты, возвышаясь одна над другою в различных формах.

Между горами извивается Терек, разделяясь на рукава и образуя острова, покрытые камнями; кой-где на островах растут небольшие деревья, между которыми зеленеет травка, перемеживаясь с камнями.

Рукава Терека бегут то тихо, как бы задумчиво, то шумно несутся, переливаясь на больших камнях, белой пеной покрывая и обнажая их серые верхушки.

Дорога между скалами тянется извилинами, при-мыкая местами к берегам Терека.

Некоторые скалы представляются грозными, неприступными крепостями, сложенными из одного громадного камня, с остроконечными верхушками; на других возвышаются, в полукруге, сосны, в виде небольших кустов; иные грозно выступают вперед с нависшими камнями. Камни висят над головами проезжих, угрожая сорваться и задавить их.

Вдали — ряд скал, покрытых облаками, которые плавно и красиво, в причудливых образах, опускаются с вершин. Темный фон других скал резко выделяет облака, которые, обнажив вершины, остановились на склоне гор, покинутые своими товарищами.

Цвет скал меняется сообразно солнечному освещению, которое, заливая их своим светом с разных сторон, придает им всевозможные оттенки: одни кажутся темно-синими и серыми, сотканными словно из воздуха; другие черными, розовато-серыми; скалы, покрытые кустарниками и мелким леском — темно- и ярко-зелеными.

Впереди гордо возвышается Казбек, седая голова которого высоко поднялась над всеми скалами, а над ним висит белое облако, сливаясь со снегом и образуя точно дым, выходящий из горы.

В Дарьяльском ущелье скалы сдвигаются ближе, являясь все неприступнее и мрачнее, нагромождаясь одна на другую.

Кругом нет ни травы, ни деревьев: везде голые камни.

В ущелье врывается Терек и стремительно несется и рвется с оглушительным шумом и свистом, как будто он ищет простора, желая сдвинуть с места камни, которые стоят и лежат на дне реки, как прикованные. Белая пена рассыпается во все стороны: один вал встречается с другим, образуя водопад, брызги которого поднимаются высоко над рекою.

По склону скал бегут ручьи, сливаясь с Тереком, местами стремятся в Терек речки, которые шумно несутся к нему своими серебристыми чистыми волнами, резко отделяясь от него по цвету.

Шумит серый, грязный Терек и клокочет с бешенством, очищая себе путь между скалами, кидаясь то направо, то налево, а скалы стоят неподвижно, как стражи вековые, мрачны и суровы, не внимая его сердитому реву.

За Дарьяльским ущельем скалы как будто отступают назад и равнина между ними постепенно расширяется.

Терек течет здесь тихо и незаметно, словно сберегая свои силы для борьбы со скалами в Дарьяльском ущелье.

По скалам лепится дорога на протяжении нескольких верст.

На склонах гор рассыпаны мелкие и крупные камни разных форм и величин, которые, временами, сыпятся сверху, загромождая дорогу.

Местами в скалах, на красно-темном и серо-зеленоватом фоне, бьют серебристые водопады, представляясь снизу в виде комка снега, а под скалами видны аулы, которые сливаются вместе с серыми камнями скал. Сложенные из дикого камня, с плоскими крыша-

ми и сторожевыми башнями, аулы мрачны и неприступны.

Мрачные жилища людей соответствуют мрачной природе.

На вершинах некоторых гор, скудно покрытых травой, пасутся стада баранов, представляясь движущимися точками, или работают люди, скашивая траву и убирая сено.

Везде так мрачно и уныло!

Изредка встречаются арбы с кладью, с угрюмыми возницами, задумчиво идущими около них. При встрече экипажей по дороге возницы-осетины или грузины послушно и безмолвно отстраняют арбы направо или налево, при первом окрике ямщиков. По крутизнам гор смело и отважно спускаются горцы, цепляясь за камни, вниз к Тереку, за водою или на ближайшую мельницу, куда направляют свой путь и женщины с тяжелыми мешками на плечах, сгибаясь под тяжестью ноши. Скользя по тропинке по прямому склону горы и сбивая камни под ногами, которые рассыпаются с глухим шумом, смело идет грузинка со своею ношею вниз. Другая, с таким же мешком или с кувшином воды, поднимается на вершину в аул к своему властелину.

По дороге за экипажами бегут оборванные, чуть не нагие, маленькие горцы; выпрашивая с танцами и криком милостыню у проезжих, некоторые предлагают горный хрусталь или медную руду; другие полощутся у Терека, который здесь снова зловеще бурлит, кипит, разбрасывая свои волны по берегам и ударяясь о них. Но глухой шум его сдержан и не грозен.

Мерно и однообразно поет Терек свою вечную песнь: то сдержанно-ворчливо, то с грозной яростью несется эта песня из века в век. Чего, чего не слышится только в вечной песне Терека!

Казбек гордо смотрит на вечно шумящий и волнующийся Терек у своего подножья.

На близком расстоянии Казбек еще величественнее, чем вдали. Снеговая шапка его вершины блестит на солнце, отливаясь радужными цветами. Резко выделяются и товарищи Казбека в белых папахах на темно-синем и прозрачном небе, находясь под охраною своего владыки.

В нескольких верстах от Казбека Терек скрывается, оставаясь в стороне от дороги, а взамен него бегут другие реки, то скрываясь, то снова показываясь, до Крестового перевала, за которым появляется Арагва.

Дорога к Крестовому перевалу тянется в гору, расстилаясь красивой лентой по горам. Перед глазами широко открывается горизонт. Воздух свежий и чистый. На вершинах гор лежит снег, струясь по склонам гор белыми змейками. В расщелинах снегом покрыты долины, а под снегом шумят ручьи и речки, прорывая в снегу, силою воды, пещеры.

В иных местах скалы просечены желтовато-розовыми жилами: признак присутствия в них железа; на одной из таких скал по розовому склону бежит с кручи Нарзан, искрясь и пенясь на солнце.

От Крестового перевала дорога спускается над крутым обрывом, извиваясь террасами с крутыми поворотами.

Ближе к Кайшаурскому ущелью картина меняется: там, на Крестовом перевале, в горах снег и вечные льды; здесь проявляется жизнь: природа смягчается. Кругом видна зелень, кустарники, деревья, орешники, цветы; в долине разбросаны нивы с засеянной или сжатой пшеницей.

В глубине ущелья мирно течет Арагва.

По спуску в Кайшаурскую долину, на одном из крутых поворотов, образовалась лесистая горная выемка, по которой стремительно несется сверху сильной струей ручей, изливаясь естественным фонтаном на дорогу, а рядом из этой же воды сделан искусственный фонтан.

Лошади бегут по спуску под гору с невероятной быстротою; экипажи качаются из стороны в сторону; все ближе и ближе к Кайшаурской долине — и, наконец, путешественники перенесены в другой мир.

Кайшаурская долина навевает на душу тишину и спокойствие. Здесь все живет, все дышит: листья шепчут, словно говорят между собою с человеком, который проникается природою. Могущество природы обновляет человека, вызывая в нем надежды и радужные мечты на светлое будущее. Он слышит нежный, ласковый шепот утешения:

«Забудь зло, причиненное тебе людьми, и ищи горьких, несчастных, обремененных непосильными трудами, заботами, нуждою, забитых, униженных людьми, измученных и обездоленных. Трудись для них и вместе с ними. Утешь их словом, ласкою, сочувствием; протяни им руку в скорбную минуту; поплачь с ними; порадуйся их радости, и жизнь твоя не будет тебе в тягость. Крепись, живи и люби людей и этим чувством наполни дух свой: в нем есть сила и смысл жизни».

Этот шепот, который выражается в тихом ветре, в шелесте листьев, в глухом шуме серебристой Арагвы, облегчает душу человека.

Обновляясь духом под влиянием природы, человек чувствует новый прилив энергии: он снова стремится жить, бороться и исполнить призыв природы; у него является невольное желание сказать всему миру словами Христа: *«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы»*.

14 августа

Не писала все лето, находясь в состоянии какого-то полусна, если можно так выразиться: не хотелось ни думать, ни работать, ни читать, ни писать. Появилась реакция, и организм потребовал отдыха и нравственного, и физического. За лето появилось много новых знакомств, я болтала, смеялась, шутила, набираясь как бы сил на новые мучения...

28 августа

Торговка яблоками

Гуляя раз по бульвару по шоссе, близ «Яра»⁶⁵, я увидела женщину, сидящую на лавке; около нее стояло большое лукошко, наполненное грибами, и корзина. Я подошла к ней и спросила, продает ли она грибы. Женщина ответила утвердительно. Спросив цену, мы согласились с ней, и грибы были куплены. Но тут вопрос осложнился. Дело было в том, что появилось затруднение: мы не знали, как донести грибы до дома, который находится в $1\frac{1}{2}$ версты. Женщина взялась сама донести грибы, но с условием прибавки. Я, конечно, согласилась. Дорогой она рассказала мне свою несложную биографию. Муж ее солдат. Служил в Севастопольскую кампанию, а она всю жизнь, чуть не полвека, находилась в услужении. «Семь лет тому назад муж умер; с тех пор я уже по людям не хожу. Не хочу людей обманывать: стара, на услугу не гожусь», — говорила женщина. Я взглянула на нее и нашла, что она моложава, несмотря на свои 62 года. На мой вопрос, чем она занимается, старушка сказала: «Торгую яблоками и подсолнухами зимою, а теперь вот грибы пошли, и я пошла сегодня в лес. Встала в 3 часа, напилась на фатере чайку, да и пошла. Уж дождик полосовал, полосовал меня». — Далеко ли ты ходила? — «Да верст, почитай, 20 будет. Гляди, теперь часов семь есть». Солнце уже заходило; со стороны Всесвятской рощи подымался туман после дождя, и в воздухе было холодно. Старушка шла тихо, рассказывая мне мерным однообразным тоном о своем житье-бытье. «Есть у меня парнишка, в булочной живет, белые хлеба делает; семь рублей жалованья получает, а рублик в месяц мне принесет. Слава богу, что еще не женат, а то бы беда моя! Какой ни есть рубль, а он все несет и несет, мать не забывает. Ему 27-й годок уж пошел. Авось не женится. Говорит, что и охоты нет. Да что же жениться? Нищих добавлять. Где уж ноне жениться! Вот работаем мы, работаем, а все нет у нас ничего!» — Чем

же ты живешь? Яблоками и грибами не прокормишься,— снова перебила я ее. «Бог милостив,— возразила старушка,— копеечку на хлеб все добуду. Где и на яблоках заработаю. Вот, намерюсь, около трактира села и поторговала. Да уж очень ноне торговцев много; вон возы все с яблоками ездят. Кто ж в лукошко-то ко мне полезет; все норовят в воз да в воз: кто осьмушку, кто четверку, а кто и полмеры купит. Около трактира все лучше. Вот теперь грибы пошли. Я уж второй раз хожу за грибами. Живу я на валу, около Бутырской заставы, в церковном доме. За квартиру полтора рубля плачу. Живи, не живи, а все кажиный день пятак заплачу. Да все лучше; свой угол есть. Умаешься, умаешься, вот так-то вот ходишь, а придешь домой и ляжешь. Буду теперь дня два отдыхать: никто-то меня не побеспокоит, а поди-ка, на местах-то, старому-то человеку куда тяжело! Вот завтра праздник Иванов день; пойду помолюсь в Иванов монастырь. Я недавно к Сергию преподобному ходила: голова все болит».

Когда мы подошли к дому, старушка получила деньги и видимо была довольна, что ей завтра не придется идти с грибами на рынок. «Слава Богу,— говорила она,— Господь послал продать грибы. Завтра пойду к обедне». У нас на дворе старушке дали белого хлеба, она очень обрадовалась и тотчас же начала его есть, говоря, что очень хочет есть, так как хлеб, какой взяла с собою, съела еще в полдень.

Весь рассказ старушки дышал такой покорностью, терпением и спокойствием, что нужно было удивляться на нее. Словно так и должно ей жить. «И то хорошо,— несколько раз повторяла она,— что угол есть свой собственный!» С каким удовольствием рассказывала она, что будет отдыхать два дня, и никто не побеспокоит ее в этом углу! Какое необыкновенное умение приспособляться к обстоятельствам и находить и в такой тяжелой жизни радости и утешаться ими. Должно быть, старушке лихо пришлось жить по чужим местам, если она и настоящее свое положение находит сносным.

28 августа

Торговец фруктовыми водами, табаком
и папиросами

Не так давно по шоссе, за Тверской заставой, появились на бульваре будки, где продают воды, квас, табак, папиросы, спички. К одной из таких будок я подошла спросить воды фруктовой, узнав сначала, могли ли я разменять 5 рублей. В лавке стоял мальчик лет 14-ти; около него сидел какой-то парень и будочник. На мой вопрос мальчик ответил, что он деньги разменять не может. Я посоветовала ему пойти куда-нибудь разменять эти 5 рублей; на это он мне ответил, что лавки не оставит. «Будочник может постеречь твое добро,— продолжала я,— да я, наконец, сяду здесь около твоей лавки». — «Вот еще, доверю я вам мою лавку!» Будочник засмеялся и стал искать в своем портмоне денег, думая разменять мою бумажку, но у него не оказалось столько, сколько было нужно. Я села на ближайшую скамейку около лавки, дожидаясь какого-нибудь случая разменять деньги. В это время я нашла у себя в кармане 8 коп., сказав, что у меня есть мелочь, но мало. «Сколько у вас?» — спросил мальчик, довольно дерзко. Я сказала. «Вода стоит 12 коп.». После этого я сидела более получаса, пока не увидела разносчика с фруктами, у которого и разменяла деньги. Мальчик за все это время, оставшись один, что-то чертил, напевая какую-то песню, дерзко поглядывая по временам на меня. Я подивилась такой стойкости. Девиз «нажить» сидит в нем крепко. Вода с заводов продается по 4—5 коп. бутылка, а у меня было 8 коп., следовательно, 3—4 коп. барыша казались ему недостаточными, а остальные 4 коп., которые, по его мнению, я могла не принести, он не хотел потерять. Будущий кулак! Да он немного и знал меня, так как я не раз пила в его будке воду. В таком ребенке и такая недоверчивость! Кулачество, купля и продажа въелись в его плоть и кровь. Будочник, человек уже не-

молодой, и тот смеялся над ним, стараясь в то же время уладить затруднение в размене денег, но он и бровью не моргнул.

23 декабря

Душа моя полна скорби и невообразимых мук, и я теряю голову. Все окружающее, все факты, обстоятельства, разные осложнения — все складывается к тому, чтобы я страдала за себя и за других. Может быть, «так надо», как говорил Пьер в «Войне и мире» Толстого. По всей вероятности, это так. Припомнишь иногда всю свою жизнь, и станет не то смешно, не то грустно. Смешно на себя, на свою необычайную выносливость, покорность, а грустно потому, что вся жизнь прошла без смысла, без пользы, без радости, без любви, без счастья. Неужели же это «так надо»?..

1890

9 августа

Снова возобновился мой дневник, писать который необходимо по многим причинам. Прежде всего следует писать потому, что, написав несколько страниц, будешь чувствовать некоторое облегчение от душевных мук, а их так много, что и разобратся в них мудрено.

Сегодня встала рано и с утра чувствовала себя разбитой: дыхание было очень тяжело. По всей вероятности, перед грозой, которых выпало на сегодня три; в особенности была хороша вечерняя гроза. Молния освещала юг и запад; предварительно свет показывался вдали, а потом ближе и ближе; наконец, раздался гром и пошел дождик; в воздухе почувствовалась прохлада, и мне стало легче. Сейчас 10 часов вечера; все разошлись, а я села писать дневник и пишу, но лениво. Слишком много говорила сегодня: облегчила свою душу и писать не могу! Как давно бы следовало взять на себя терпение и писать ежедневно. Давно я думала об этом и всегда опасалась, что дневник мой выйдет однообразен и даже маловероятен. Трудно себе пред-

ставить, чтобы человек был бы так вынослив, как я и многие мне подобные люди. Часто думаешь, откуда такая выносливость появилась у меня? Мне кажется, мои плечи потому не гнутся от тяжести, выпавшей на мою долю, что я очень общительна. Выскажешься, и вздохнешь легче. Иначе я бы не вынесла и давно бы подхватила какую-нибудь болезнь. А если видишь, что не понимают, то замолчи или засмейся над собою, чем отрежешь путь смеяться другим. Описывать прожитый день сегодня не хочется: утомлена, нет сил.

1892

Октябрь

Речь Вирхова о стремлении к знанию
и о любознательности в детях

3 октября 1892 г. Вирхов прочел речь в Берлинском университете об учении и исследовании. Говоря о молодежи, он коснулся и детей. «Мы родимся уже со стремлением к знанию,— восклицает оратор,— посмотрите на детей, как жадно они слушают новое, как постепенно в них возникает потребность познать причинную связь, что в малом выражает содержание всех наук. А разве старик, пока еще здоровы его органы, не стремится еще к знанию, разве мы не радуемся, когда нам в наши старые годы удастся познать еще один уголок природы, еще один здоровый плод человеческого ума?» Тем изумительнее и прискорбнее, по мнению Вирхова, что среди молодежи замечается несомненный упадок любознательности; ему и его товарищам неоднократно приходится констатировать, что уровень знания падает, что интерес к науке, который для всякого успеха знания дороже положительных сведений, не подымается, а сокращается.

Причины такого ненормального явления оратор видит в условиях воспитания детей и в неправильной постановке среднего образования. В детях мало развивают природный инстинкт, и любознательность за-

меняется любопытством. Народная школа только недавно перешла к наглядному обучению, которое на этой степени воспитания должно быть главным содержанием в школе и семье («Русские ведомости», № 277).

Почему не может развиваться любознательность у детей, которая обращается в любопытство? Причина ясна. Родители и окружающие наставники, наставницы слишком малосведущи! Ребенок обращается с вопросом к старшему, а тот и сам не знает, о чем его спрашивают. Чтобы не потерять авторитета, старший гордо заявляет, что ребенок говорит глупости, что он должен интересоваться и заниматься игрушками, книгами, уроками. Лет 50 назад такие ответы были заурядным явлением в обществе. Да и в настоящее время все то же, за редким исключением. Почему это происходит? От недостатка образования и развития главным образом матерей, которые могли бы при надлежащем образовании и выбирать лучших руководителей для своих детей. Многие матери полагают, что образование и развитие ограничивается окончанием курса в женском среднеучебном заведении. В этом-то и заключается вредная ошибка. Образование, приобретенное женщинами в институтах, гимназиях, есть только дальнейший путь к развитию. Это — почва, на которой сеются семена знания. Это — канва, на которой вышиваются узоры. Среднее образование создает лишь фундамент, на котором впоследствии воздвигается здание. К сожалению, эта истина сознается не многими. Девушка, окончившая курс в гимназии, считается вполне образованной, по мнению ее родителей и общества, за исключением меньшинства. Результаты такого ложного понимания о законченности образования получаются в скором времени. Через год или два поверхностные знания, исторические факты, математические правила и прочие отрывочные сведения улетучиваются из памяти, оставляя лишь смутное воспоминание имен королей, полководцев, городов, рек, геометрических фигур и т.д.

При таких условиях, при таком знании, чему может научиться дитя от матери, как разовьется его любознательность? Тем более, что ребенок в семье только и слышит сплетни, пересуды, а иногда присутствует и при родительских несогласиях и раздорах. Этот семейный центр жизненных мелочей, дразг привлекает и ребенка, который начинает увлекаться всем этим, и в конце концов любопытство обращается, преимущественно, лишь в сторону житейской грязи.

Вирхов говорит, что стремление к знанию уменьшается в молодежи. Совершенно верно. Зато развивается стремление к наслаждениям, к прожиганию жизни.

1893

«Русские ведомости», 1893 г., № 6. Циркуляр г-дам начальникам средних учебных заведений. «Постановка дурных отметок без разбора действует вредно на учеников и имеет иногда неблагоприятные последствия для учителей. Она отбивает охоту учиться, поселяет недовольство против учителя и апатию к предмету. Без любви же к труду и без любознательности ученика нельзя добиться никаких порядочных результатов. А то и другое пробуждается и действует в ученике преимущественно при помощи учителя. Многочисленные неудовлетворительные отметки обыкновенно показывают, что учитель не умеет вести дело преподавания избранного им предмета. От учителя зависит дисциплина и внимание, и прилежание и, наконец, успехи учеников. Следовательно, умеющий вести свое дело учитель всегда сумеет найти надлежащие воспитательные средства к поднятию уровня успешности своих учеников, не прибегая, без всякой надобности, к двойкам и единицам. Двойки и единицы ни в каком случае не должны быть вносимы в журнал десятками,— они вообще могут быть употребляемы в

редких и единичных случаях. Чем реже будут ставиться единицы и двойки, тем большее значение они будут иметь в глазах учеников. Ставить без разбора, чуть не целому классу, двойки и единицы — противно самым элементарным требованиям педагогики».

Этот циркуляр представляет яркую характеристику современных учителей и их отношение к ученикам. Победители и побежденные. Сильные и слабые. Первые гнетут последних, глумятся, ловят, злорадствуют. Это — руководители юношества! Формализм и чиновничество. Ученики — продукт канцелярии, где чиновник, исполняя механически из года в год известную работу, получает известное жалованье, обеспечивающее его существование и его семью. Не работать — не жить, а работа скучна, надоедлива, без любви к малышам, в частности, и к человеку вообще. И так из года в год эти чиновники портят и развращают детей, которые будут когда-нибудь и взрослыми.

7 февраля

Вечное недовольство собою и вечное одиночество — вот мой удел. Люди сменяются перед моими глазами, одни за другими; есть хорошие, есть и дурные, а я как-то в сторонке стою от всех. Все не то, не то, чего жаждет, чего ищет моя душа. Я, как Таня Раевская, героиня Софии Ковалевской, в которой она хотела изобразить себя, стою «с протянутыми вперед пустыми руками и с умоляющим взглядом больших раскрытых глаз». Таня Раевская ждала, чтобы ей дружественная рука дала апельсин, и я ждала всю жизнь этого апельсина, и сейчас все жду. Поздно, жизнь прошла...

17 марта

Гейне написал в 1828 г. следующие строки:

«Только больной становится человеком. Члены его рассказывают целую историю страданий. Страдания одухотворяют. Я полагаю, что путем страдания жи-

вотное может возвыситься до человека». А я была больна с 18 лет и до 30-ти, с небольшими перерывами и всевозможными вариациями.

18 апреля

Курьезный факт: 17 апреля явился на мою дачу околоточный⁶⁶ с приказанием обязать домовладелицу купить 20 новых флагов и развешать их по забору на шоссе. Когда дворник пришел в ужас от такого количества флагов, то околоточный надзиратель затопал ногами и приказал обязательно исполнить его приказание.

12 мая

Сегодня ждут государя в Москву. Первопрестольная украшается арками, цветами и флагами. Дома красятся и поновляются с внешней стороны. Краска, поновление домов, арки, цветы, флаги и украшения города истекают из двух мотивов: по принуждению и по тщеславию. Для принуждения существует полиция, которая более чем за месяц бегает по домам, приказывает, указывает и принуждает. Околоточные ходят по дворам, осматривают флаги, щупают их прочность, оценивают цвет, добротность, назначают количество флагов, а в случае возражения свирепо смотрят на дворников, которые от страха готовы сами повиснуть на палке, взамен флага, «только не кричи, ваше благородие». По всем главным улицам выбелили все дома и покрасили трубы. С одной стороны хорошо, что побелили, почистили город, а с другой, везде и всюду все принуждение и принуждение. Тщеславие, ради которого некоторые украшают дома, относится к богатым и сильным, которые желают получить или чин, или благоволение государя. В Москве новый голова, Рукавишников⁶⁷. Надо показать себя, надо понравиться высшим мира сего. Все измучились, все с ног сбились в хлопотах. Недели за три до приезда государя полиция и кто-то в военных мундирах ходили по

домам и осматривали чердаки, выходящие на улицу. Наш дом выходит на Волхонку. Этот дом выстроен, как говорили в старину, с мезонином на двор и на улицу. Как-то в один из прекрасных дней видим мы, что на нашем дворе стоят 8 человек военных и сердито указывают на три окна, выходящие на двор из мезонина. Я в это время была очень больна бронхитом: жар, кашель и проч., опасались воспаления в легком. Вдруг слышим звонок. Лакей отворил дверь, и все эти господа пошли наверх осматривать эти окна, которые им показались очень подозрительными. Их встретили, повели показать им комнаты. Очень интересно, посторонние люди врываются в чужую квартиру и идут осматривать чердаки и комнаты, которые кажутся им подозрительными. Они знают, кто живет в доме, какая семья, все, конечно, в участке⁶⁸ известно, но это не спасает от насилия. Чердаки на улицу велено заколотить досками или вставить стекла. Вошли эти люди к нам шумно, нахально и дерзко. Интересно встретила их М. Ив.: «О господа, как вас тут много!» Оле они сказали, что нужно в предупреждение пожаров удалить хлам с чердаков. Неловко девочке сказать, что мы ищем злоумышленников в вашем доме против государя. Она бы вытаращила глаза от удивления. Увидев, что у нас нигде ничего опасного нет, эти господа ушли. В 1891 г., когда государь приезжал в Москву, эти осмотры производились, когда мы были уже на даче; эти господа обошли все комнаты и, по уходе, строго приказали во время проезда государя окон не отворять. На этот раз ничего не было сказано, так как мы жили еще на Волхонке. Быть может, было распоряжение тайное дворникам. Что же касается главных улиц, то там уже отдан приказ, чтобы во время проезда государя окошек не отворять, на балкон не выходить и на крыши не лазить.

Продолжаю. Напротив нас на Волхонке находится дом Воейковой, где по крыше сделан каменный обвод с круглыми украшениями. Эти круглые окна приказа-

но заделать стеклами или досками. Недавно кошка гуляла по этому обводу и, подойдя к круглому отверстию, долго удивленно смотрела на баррикаду, которая ей воспрепятствовала прыгнуть на самую крышу. По-нуря головку, пошла кошка дальше по краю крыши около каменного обвода.

Иллюминацию готовят в Москве опять в большинстве по принуждению полиции, которая ходит по домам и приказывает радоваться, что государь приехал, и показывать эту радость вещественными доказательствами в виде флагов и иллюминации. Говорят, что главные празднества будут по случаю 10-летия коронации. По всей Курской дороге от Крыма до Москвы осматривают шпалы, рельсы, речки, пруды. На всем протяжении пути стоит войско, несколько полков, которые разбиты по одному солдату по обеим сторонам полотна на небольшом расстоянии друг от друга. Все служащие на железной дороге, которые должны присутствовать во время проезда государя, описываются с внешней и внутренней сторон. Формулярный список, биографии, все приметы наружные — все нужно и необходимо для безопасности...

1 августа

Отрывок из стихотворения Джакомо Леопарди.

Благороден лишь тот, кто без страха
На печальный наш жребий взирает;
Кто, от горькой не бегая правды,
Сознает, что страдать — наш удел,
И что все мы ничтожны и слабы;
Кто в страданиях душою велик;
Кто к несчастьям своим не прибавит
Озлобления против людей.

1 августа

Читаю «Дневник» профессора и цензора Никитенко, где описывается время с 1825 по 1877 гг. В общем от этого чтения получается горькое чувство.

Благих пожеланий на пользу отечества много, но, при малейшем брожении общества, является трусость и отступление назад. То посыпятся хорошие слова — гуманность, свобода, освобождение рабов, и слова облекаются в действия; одним словом, все идет прекрасно. То вдруг все изменилось, как в калейдоскопе, появились мрачные тени от стеклышек, и картина другая. Зачем свобода слова? Она не нужна! Запереть мысль в ящик и дать ключ от него одному лицу, которое распоряжается по усмотрению. И заперта мысль. Но вопрос в том, можно ли эту, по-видимому, вещь запереть навсегда. Мысль имеет свойство расширяться в ящике, увеличиваться, расти. Выросла, прорвала ящик и полилась во все стороны. Переполох! Суется, мечутся, собирают непокорную и снова прячут в ящик, но пока собирали, следы остались, а на следах опять появились корни. И так борьба идет постоянная. Горько, грустно и смешно!

— Успех в промышленном и ремесленном производствах много зависит от общего образования и развития. Ремесленники, ученики и ученицы, выучиваются в долгие годы тому, что для развитого человека оказывается совершенно доступным без этого обучения. Развитие соображения, наблюдательность, эстетическое чутье не только заменяют ремесленное обучение, но при известном упражнении даже превосходят его. За границей давно поняли, что развитие и успех промышленности и ремесла зависят всецело от развития ремесленника, почему и приняты соответствующие для этого меры. Кроме библиотек, общедоступных лекций, в Англии и во Франции существуют так называемые народные университеты: «Palais du peuple» в Париже и «Toynbee Hall» в Лондоне. В этих учреждениях рабочие и ремесленники могут совершенствоваться и проходить отдельно курсы тех наук, которые их интересуют.

У нас ничего подобного нет, да едва ли скоро и будет. Всякое собрание, учреждение, преследующее

иные цели, кроме танцев, выпивок и карт, у нас преследуется; в собрании между собою нескольких лиц видят уже «потрясение основ», «разрушение государственности» и т.д. А как коснется дело российских успехов в промышленности, неумелости ремесленников, так начнут обвинять мужика, рабочего, ремесленника в пьянстве, лени и тому подобных недостатках, присущих невежественному народу. «Что посеял, то и пожнешь». Пустое место пустым и останется, а то только лебеда вырастет, которая, впрочем, тоже бывает полезна в голодные годы. И наши механические ремесленники бывают полезны, как лебеда, за неимением лучшего. Ремесленники гордятся механическими приемами, переданными им их предками. Если известный прием, рисунок и проч. имел сбыт сто лет назад, то и в данное время должно быть то же; одним словом, творчества, инициативы не существует. «Ремесленная газета» существует уже около 10 лет и держится пока и не тает, как снег, как все специальные журналы в России, но можно быть уверенным, что круг читателей относится более к людям, интересующимся ремеслом, т.е. к более образованным, нежели к настоящим ремесленникам. Недавно одному ремесленнику по слесарному производству было предложено несколько рисунков из «Ремесленной газеты», заимствованных из иностранных журналов. Между ними было много новых рисунков дверных ручек, решеток, ворот и т.д. Ремесленник глубокомысленно взглянул и заявил, что «нам это не пригодно. Мы работаем по своим рисункам, и нам никаких новостей не нужно». Невежественно, очень просто и понятно.

2 августа

Сегодня ночью дворник нашей дачи получил приказание по телефону из участка о явке Оли в участок по поводу ее путешествия в Петербург, где она пробыла недолго и жила у брата Володи. Вся неделя прошла в осматривании города и его окрестностей. Из

Петербурга, следовательно, дали знать в наш участок с целью справки о ней. Странно, что старуху М. Ив. не потребовали. Интересно отношение полиции к гражданам. Ночью присылают по телефону требовать девушку 18 лет в участок. Сначала попросили дворника и начали расспрашивать, когда Ольга ездила в Петербург и зачем она ездила, и когда приехала обратно. Конечно, приказ полиции не был исполнен, и я Ольгу не пустила, а послала для объяснений дворника и лакея с письмом. Пристава⁶⁸ в участке не оказалось. Помощник, увидев письмо к приставу, рассыпался в извинениях и приписал все ошибке и глупости дворника Николая, который не понял, в чем дело. Спрашивали будто бы паспорт Оли, но не просили ее приехать в участок. Одним словом, все свели на недоразумение, когда узнали от дворника, что Оля человек вполне благонадежный и благонамеренный.

Итак, мы дожили до того, что никто из граждан не может ехать в Петербург без того, чтобы полиция не последила за ним, кто он, откуда, почему поехал и т.д., и т.д. Гораздо лучше перед отъездом в Петербург ехать прежде в участок и спроситься: «Permettez moi de sortir»⁶⁹. Если позволят, то поезжай, но прежде расскажи обстоятельно, зачем едешь.

— Есть люди, которые удивляют своим знанием, умом, но они не согревают. Интересные собеседники эти люди; многому можно научиться от них. Логика, логика и логика! Мало того, что они интересны, они необходимы, как живая умная книга, которая вызывает и будит мысль. Если бы с умом связалось бы и сердце! Сколько могли бы эти люди сделать, при условии соединения этих двух элементов, присущих человеку?

4 августа

В России существует много благотворительных учреждений, и много расходуется на них денег, и как мало от них действительной пользы. На днях к нам во двор вошел слепой, молодой 19-летний мальчик с ма-

терью. Слепой 10 лет жил в приюте для слепых на Мещанской улице, в Москве; его там обучили по системе Брайля читать, писать, географии, истории, французскому и немецкому языкам, музыке и пению. Обучали и щеточному и корзиночному ремеслам. Прошло 10 лет, мальчику минуло 17 лет, и его выписали на родину. В тот год было выпущено трое молодых людей, которым дали небольшое вспомоществование для открытия мастерской для выделки щеток, но дело это у них не пошло: без мастера слепые работать не могут, а мастера дороги, не по средствам, так и остались молодые люди без дела. Куда деваться? Взяли к себе родные; кто уехал в деревню, кто в городе живет у родителей. Милостыню просить не могут, стыдно. Вот мать-крестьянка и водит слепого сына по некоторым благотворителям, которые дают по 1 руб. в месяц слепому. Все эти благотворители к учреждению для слепых не относятся. Таким образом, слепой собирает до 7 руб. в месяц и живет на эти деньги. Говорит этот юноша очень разумно и книжным языком. В руках он носит карту Европы, приспособленную для слепых. Горы, речки, долины изображены на карте выпуклостями с различными изменениями. Слепой долго говорил с нами и рассказывал нам, что он совсем не понимает, зачем его учили, на что ему это знание, которое он применить никуда не может. «Протягивать руку я не могу, а если бы я не был в училище, то ходил бы по деревням и пел Лазаря».

Мы тешимся, что помогаем несчастным, думаем, что приносим им пользу, что учим их, а они голодают и не знают, куда применить это знание. Таких убогих нельзя и не следует возвращать в семью; для них должны быть устроены колонии, где под руководством здоровых людей они действительно могли бы применять свои силы и кормиться на общей работе: каждый, работая по своим силам, вносил бы своим трудом в общую кассу известную сумму труда или денег.

Далее, слепых учат читать, а книг нет для них. В Петербурге в прошлом году проектировалось общество для печатания книг для слепых, но осуществится ли этот проект, неизвестно. Быть может, проект остался проектом, как это часто у нас бывает. На все эти благие начинания и их осуществление нужны деньги, скажут многие. Деньги и есть, и они расходуются на благотворения, но все вразброд: там наполовину, там на четверть, там на осьмушку, а в общем выходит все слишком ничтожно и бесполезно: одно сделано, другое недоделано. Составлялись проекты о соединении благотворительных учреждений вместе, но все только пока еще слова и слова, а дела мало.

6 августа

С нынешнего 1893 г. введен квартирный налог. Не подлежат налогу лишь те, кто платит менее 300 руб. в год за помещение. Кто же стонет от налога? Бедняки. Квартирны менее 25 руб. в месяц есть только на окраинах столичных городов, около застав или за ними. Все служащие, трудящиеся, учащиеся ютятся в центре, близ тех учреждений, которые они посещают, а в центре квартиры дороги. На кого же больше падает налог? На всех тех, кто перебивается с семьей изо дня в день. Нам указывают, что за границей больше налогов, чем у нас. Может быть, но там и прав больше, меньше гнета и стеснений, и больше жизненных и гигиенических удобств, приспособлений. Положим, налог на квартиру в 300 руб. равняется лишь 6 рублям, но для бедняка и это много. Всякий лишний рубль идет на пищу, обувь, книгу, газету и проч.

В Москве квартирный налог будет приведен в исполнение с 1 января 1894 г. Домовладельцы набавили уже цену на квартиры еще до введения налога, прикрываясь, по всей вероятности, будущим налогом, хотя многие из них говорят, что набавка зависит главным образом от того, что в Москве, с вступлением нового обер-полицеймейстера Власовского, велят дер-

жать чисто дома, вычищать выгребные ямы, держать дворников для очистки и поливки дворов и улиц. Раньше мы жили в первобытном состоянии и чем грязнее, тем лучше, только бы поменьше расходовать денег.

8 августа

Составила статью для журнала «Детская помощь» о народном образовании во Франции за последние 20 лет (1872—1892). Все эти цифры приводят в грустное настроение, если сопоставить наше российское образование. В 1892 г. во Франции на первоначальное образование было израсходовано 168 000 000 франков, что составит на наши деньги по номинальному курсу около 42 000 000 рублей, считая франк по 25 коп. А у нас на народное просвещение вообще — ассигнуется около 8—9 000 000, не более.

«Новое время» (№ 6262) упоминает в «Маленьких письмах» о пользе, какую принесли бы 100 миллионов рублей, ассигнованных на бюджет Министерства народного просвещения. Князь Мещерский, издатель «Гражданина», отвечает на это следующее: «Сто миллионов руб. на народное образование, excuser du peu!⁷⁰ Воображаю, что бы стало с Россией, если бы проект г-на Суворина осуществился. Минимум эти сто миллионов рублей дали бы 1% нигилистов! А один процент — это было бы 1 миллион нигилистов! Шутка сказать!»

Все органы ежедневной печати с насмешкой относятся к «Гражданину», но все-таки эта газета существует, и, следовательно, ее читают подписчики, которым она приходится подходящей по их воззрениям. Другие подписываются случайно и проникаются этой чепухой, не разбирая, где правда, где ложь, или, скорее, не понимая.

Таких подписчиков больше всего в провинции.

9 августа

Читаешь Никитенко, дневник, веденный им за 50 лет (1826—1877 гг.), и приходишь к тому, что удивляться реакции настоящего времени (1893 г.) нет основания. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, земские учреждения, свобода совести, свобода слова — все это было лишь подражанием Европе. Реформа освобождения была слишком смелым шагом вперед, но возвращение назад уже немыслимо в той же форме, немыслимо перед лицом всей Европы. Но земские учреждения, суды, печать своего настоящего значения не имеют. По дневнику Никитенко видно, что земские учреждения, введенные в 60-х годах, в 1868 г. были уже подчинены администрации, а петербургское земское собрание и совсем закрыто в этом году. Суды, реформа которых последовала в 1866 г., колебались уже в своем основании в 1868 г. Что касается печати, то цензура делала свое дело, поощряя свободу слова предостережениями, сокращениями и урезываниями. Мысль человеческая укладывалась цензурой в особые цензурные рамки. Если все это было тогда, при начале преобразований, то ход событий в наше время вполне естественен и понятен. Не укоренившееся семя, не выращенное правильным его культивированием, не могло и дать плодов.

— Сегодня несли на кладбище по шоссе от Всесвятского умершего офицера-пехотинца. Впереди несли гроб, за гробом шли два военных, а сзади музыка играла похоронный марш. И никого больше! Музыка привлекала по дороге публику всех возрастов и всех сословий. Заунывно раздавался по Ходынскому полю похоронный марш; как будто плакали звуки, призывая оплакивать несчастного защитника отечества, лежавшего в деревянном гробе. Многие плакали и на самом деле, а другие бежали по шоссе посмотреть, в чем дело, в виде развлечения.

— Никитенко в своем «Дневнике» говорит, что с людьми надо быть в хороших отношениях ради своей

безопасности. Совершенно верно! Но так, продолжает Никитенко, чтобы не давать людям возможности опутывать вас самого. И это верно! Хорошими отношениями с людьми обеспечиваешь себе известное спокойствие от их козней.

Потраченное здоровье трудно вернуть; при малейшей неприятности появляется боль в ногах, руках, спине и общее недомогание. Горько вспомнить, зачем, для какой пользы утратилось здоровье. Всю жизнь на пустом дырявом решете переливалась вода, и ничего из этого не вышло, как и следовало ожидать, а здоровья нет.

12 августа

Никогда не следует показывать, что оскорбляешься на людские мнения, толки, пересуды и даже обиды. Из самолюбия и чувства самосохранения следует скрывать впечатления, произведенные на вас действиями людей. Раз люди не имеют данных, чтобы убедиться, что их ядовитые стрелы попали в цель, то и стремление продолжать пускать эти стрелы охлаждается.

Несомненно, что искать утешения в минуты скорби и горя следует в самом себе, но не у людей, но сочувствие их, т.е. людей, уважаемых скорбящим, человеком, облегчает на некоторое время. Ласковое слово, вовремя сказанное, очень дорого ценится. Но это ласковое слово так редко бывает искренно, и где найти его?

14 сентября

Как смешна молодежь, которая, под влиянием налету схваченных мыслей зрелых людей, одевается в тогу пессимизма⁷¹. Тем более смешны в этом случае юноши и девицы, живущие под крылом у родителей и не понимающие и не испытывавшие жизненных шипов...

16 сентября

Либеральные газеты настоящего времени, которых и осталось-то только две: «Русские ведомости» в Мо-

скве и «Новости» в Петербурге, робко отстаивают реформы прошлого царствования Александра II, а реакция делает свое дело, постепенно и настойчиво разрушая все прошлое. Настоящий центр всего зла, по мнению администрации, это реформы Александра II и образование. О последнем, конечно, не говорят, но действуют неукоснительно. Для вида назначаются комиссии и подкомиссии, которые занимаются обсуждением вопросов о просвещении, но главные заботы сводятся втайне к уменьшению числа просвещенных лиц. Бедные не должны учиться; они могут быть профессиональными ремесленниками, земледельцами, но общее образование должно быть им недоступно, и потому только недоступно, что они бедные. Кто не знает, что богатые учиться не любят, а если и поступают в средние и высшие учебные заведения, то не наука влечет, а диплом. Диплом и бедным нужен, но не ради славы, а ради хлеба. Если богатые не будут образованными людьми в настоящем смысле, а бедным учиться не позволено, то из какого элемента будут состоять граждане: из дипломированных, необразованных, богатых дураков и ремесленников; все небогатые интеллигенты должны видеть своих детей ремесленниками, но без общего образования.

Женское образование сводится к тому же. Уездные училища, называемые Мариинскими⁷², с обучением рукоделию, профессиональные училища для ремесленного образования — эти училища предназначаются для бедных без различия звания и образования их родителей; для богатых — гимназии, с правом давать уроки лишь в частных домах; классные дамы будут выпускаться лишь из институтов. Учительницами сельских и городских школ будут лишь ученицы, окончившие в епархиальных училищах. Вот программа реформы женского образования, выработанная недавно особо назначенною комиссиею. «Русские ведомости», говоря об этой реформе, робко соболезнуют о различии бедных и богатых, указывая между прочим

и на то, что правительство в казенных женских учебных заведениях дает от себя стипендии для небогатых, а в настоящее время предполагает ввести это различие овец и козлищ, измеряемое лишь деньгами. Горько и грустно все это.

18 сентября

О люди, люди! Желая выдвинуться, прикрываются стремлением к общественному благу, а в сущности жажда славы руководит ими, и больше ничего. Положим, что они прикладывают к этому не мало труда, но желание блеснуть и греметь все-таки на первом плане. Рядом с трудом нужны (для осуществления планов) и деньги, а их нет у большинства стремящихся к славе. Тогда они обращаются к богатым, показывая им свои благие намерения, и если последние поддаются, то тщеславные люди довольны и счастливы, хотя при случае с насмешкой отзовутся о богачах, как о глупых и необразованных людях, или скажут еще что-либо о них с насмешливыми взглядами и улыбками.

— Мы переживаем время полной реакции. Назад, — назад! — раздается клич сверху, и мы туда двигаемся. Упираемся, но все-таки двигаемся.

Разрешение новых органов печати в настоящее время почти не допускается. Зачем нам газеты и журналы? И так довольно! Энергия, предприимчивость — все заглушается. Много способностей и талантов гибнет таким образом. Зачем нам таланты? Мы и так умны.

21 сентября

Осень вступает в свои права: желтеют листья, дует ветер, ощущается свежий воздух; одним словом, наступает постепенная смерть в природе; между тем осень имеет свою прелесть. Увядавшие и потерявшие свой натуральный цвет листья не менее красивы, чем и зеленые, которые привлекали весною, в момент всеобщего возрождения, своей свежестью и умеряли

жгучие лучи солнца летом. Как солнце при закате озаряет ярким пламенем запад, так и листья перед своим исчезновением поражают осенью яркостью прелестных цветов. Окрашиваясь то в пурпур, то в золото, то принимая зелено-бурый коричневый оттенок, листья летят по ветру, обгоняя друг друга с шелестом и тихим свистом. Мелкие листья смешиваются с крупными и, вертясь в воздухе вихрем, уныло спускаются на землю, падая в ряды своих товарищей и осыпая золотистым или пурпуровым дождем поблекшую траву. Лес осенью представляется волшебным с разнообразными оттенками различных цветов, прозрачностью воздуха и светло-голубым небом.

— Что может быть выше внутреннего мира человека, который принадлежит ему, и только ему одному; в нем каждый, согласно своему развитию, образованию, способностям, находит успокоение и соответствие своему «я», своим стремлениям. Не надо приспособляться ни к кому и ни к чему; не надо лгать, обманывать, да и нельзя лгать.

22 сентября

В «Русских ведомостях» сегодня прочла сообщение, что в Одессе ощущается сильный недостаток учебных заведений. Между прочим рассказывается, что при пятом классе Одесского коммерческого училища⁷⁸ в нынешнем году не открыто параллельного класса, почему 16 человек учеников, выдержавшие переходные экзамены в этот класс, уволены из училища.

Идет борьба администрации и общества. Первая сокращает число учащихся, урезывает права их и проч., второе стремится к образованию. Борьба мысли и власти. Убивают мысль, которую убить никогда нельзя.

Есть трава, которая растет на юге и которую можно сравнить с мыслью. Эта трава называется: «перекати-поле». Растение летит с конца поля на другой, сцепляясь с себе подобными и образуя большой ком: постепенно прибавляется этот ком в окружности и, нако-

нец, достигает больших размеров. Так и мысль: оборвут ее с одного конца, а она летит дальше, в другое поколение, и пускает свои корни, никогда не замирая.

10 октября

Смешное совпадение! Сегодня совершается крестный ход кругом Кремля в память освобождения России от французов в 1812 г. И в то же время все газеты от последних дней и 10 октября, сегодня, переполнены рассказами об овах русским морякам, приехавшим в Тулон к французам⁷⁴; в честь этого события французы устраивают различные празднества для русских, закидывают их подарками, кричат, шумят. В Москве молятся в память спасения от французов как врагов, а французы в тот же день чествуют русских как друзей. Изменчиво время, и меняются отношения между нациями. Что было велико в 1812 г., то смешно и неуместно в 1893 г.

12 октября

Появилось несколько брошюр и книг, трактующих о женском вопросе. Профессор Базельского университета, Феллинг, и профессор Московского университета Безобразов издали две брошюры под одним названием: «О назначении женщины», а Жюль Симон издал довольно объемистую книгу, под названием: «Женщина XX века». Проф. Безобразов видит назначение женщины прежде всего в образовании и развитии ее умственных и нравственных способностей, Феллинг и Жюль Симон — исключительно в семье. Все это прекрасно. Странно между прочим, почему не издают отдельных книг и брошюр о назначении мужчины. Он также член семьи, и его обязанность исполнять свой долг не только в доставлении средств к существованию, но и воспитание детей есть его прямая обязанность. Без нравственного влияния отца на детей нет полной семьи. Да говорить о нем ничего нельзя. Он

гражданин, имеющий полную возможность и доступ учиться и двигаться по пути к прогрессу; для него открыты все двери академий, университетов и других высших учебных заведений. Для женщины все пути к высшему образованию закрыты, и семью замками запечатаны все двери. Женщине назначают место в семье, ей определяют ее обязанности, ей говорят о ее слабости физической, о неспособности к умственному труду по физиологическому строению ее организма. В ее отсталости от мужчины видят предвидение природы, создавшей женщину иначе, чем мужчину. Почему же эту отсталость не приписывают недостаточности образования женщины? Ее второстепенная роль в жизни и вытекает прямо из умственного неразвития, узости мысли, направленной лишь на семью, на кухню и на изощрение нарядов, чтобы нравиться и забавлять мужчин. Феллинг и его последователи находят женщину прямо неспособной к восприятию серьезного образования. Высшее образование женщин Феллинг считает аномалией; «Если они и оканчивают курс медицинских наук,— добавляет Феллинг,— то все равно ценного в науку они внести никогда не могут по своей неспособности». И так далее, далее, без конца...

1894

26 апреля

Как давно ничего не писала. Вот уже третий месяц нового года проходит. Много времени прошло, много появилось новых впечатлений, сомнений и новых знакомств. Все юная светлая молодежь! Хохот, смех и шутки, а мне скучно, тоскливо; не с кем слова сказать. Вечное одиночество! Сколько мыслей, впечатлений, чувств бродят одиноко в моей голове, цепляясь одни за других и теряясь в общем хаосе моей внутренней жизни. Нет, так жить нельзя, нет людей около меня, буду говорить с бумагой. Ей я буду высказывать свои мысли, мнения; она не осудит меня. Быть может, это глупо, но что же делать? Скоро язык мой и рука отвы-

кнут выражать мысли устно и письменно, и я буду повторять рефлексивно слова окружающих меня: «это самое». Этот припев поется ко всякой фразе, ко всякому слову. Сегодня, завтра мыслишь одно и то же, и невольно повторяешь, как попугай. Сколько раз я собиралась писать ежедневно и снова оставляла или забывала, или не имела времени.

Сейчас прочла рассказ Софии Арцимович: «Захолустье» (Русское богатство, 1894 г., № 4). На первом плане положение сельской учительницы, описание произвола над ней. От кого она только не зависит. Все сельские власти, священники, урядник⁷⁵ — все врываются в ее жизнь, мучат, оскорбляют, пишут доносы злые и бессодержательные, но учительница теряет место через это, скитаясь по городам и губерниям в поисках за другим местом. Нужен хлеб, нужен заработок... В общем рассказ производит хорошее впечатление, он возбуждает много мыслей, указывая при скорбные факты текущего времени.

Все эти факты рассказываются очень просто, наглядно и с некоторым юмором.

28 апреля

Бывают дни, когда голова совершенно пуста. Нет ни мыслей, ни дум. Прозабание полное.

— Прочла рассказ Мамина-Сибиряка «Земля не принимает». Предание («Русские ведомости». 1894 г. № 116). Рассказ касается давно прошедшего времени пугачевщины. Один из дворовых, который участвовал в Пугачевском бунте, пришел странником на свою родину через 40 лет покаяться в своем грехе перед матерью, дети которой были убиты по его указанию и только потому, что они были господские дети. Старик думал, что он потому и не умирает, что убил детей, и земля его не принимает, без разрешения и прощения матери. Мучения совести были так велики у странника, что он, 40 лет скитаясь по святым местам, не мог замолить своего греха.

Действительно, что может быть лучшего на свете, как беспокойная совесть во всех отношениях. Исполнение долга, обязанностей умиротворяет человека. Сознание, что никому в жизни не сделал зла, т.е. того, что сознаешь злом, производит удовлетворение. Но много ли существует людей, которые могли бы ощущать это? Компромиссы и софизмы мало помогают в этом случае: сознание делает свое дело.

— Загорелась рогожа в подвале у торговца дичью, мужики пошли тушить и задохлись от смрада. Публиковали в газетах, назвали по имени и фамилии, тем и кончилось. Если бы задохся в подвале кто-нибудь из чиновного люда? Что бы было? Поднялся бы крик в газетах, шум, соболезнование, сочувствие, мельчайшие подробности события. Все пришли бы в ужас от такого несчастья; вся Москва двинулась бы провожать безвременно погибшего чина, деятеля, радетеля, а мужик, — какой он деятель; он — рабочая, черная сила, без воли, без мысли; он должен лезть в подвал, на крышу, в огонь, иначе умрет с голоду. Никаких заседаний по поводу двух задохшихся в подвале мужиков не будет, и никто вставать не будет, в виде коллективного чествования их памяти. Обойдется все очень просто: положат в деревянный гроб и закопают, а семья по миру пойдет.

2 мая

Весна, тепло, зелень распускается, и это бывает ежегодно, а между тем все это веселит и радует. Является надежда на что-то, и сам не знаешь: смутные надежды на что-то лучшее. В чем же может быть лучшее для меня? Не знаю. Побольше трудиться и быть здоровой и продуктивной для этого труда. Другого ничего не надо. Продуктивность этого рода зависит и от материальных средств, а раз они есть, следовательно, надо больше работать и учиться. В этом и заключается вся сила жизни и смысл ее. По моему мнению, работать должны в особенности состоятельные люди на

пользу несостоятельных. Разновидности и разнообразие труда слишком велики и обильны, чтобы, смотря по способностям, по образованию, по обстоятельствам сложившимся, не найти деятельности. Притом слишком мало сделано в общем: поле дела велико; сумеи только приложить руки и приспособиться к делу. Хорошо правило: забывать, что сделал, а помнить, что следует сделать.

— В настоящее время в России нет, по моему мнению, ни либералов, ни консерваторов, а есть приспособляющиеся люди к случаю и обстоятельствам, из которых извлекается ими личная выгода для приобретения презренного металла и тепленького местечка, протекции и тому подобных земных благ. Убежденные действительно консерваторы встречаются между стариками, желающими покоя, отсталыми и напитанными речами покойного Каткова. К этим же убежденным консерваторам принадлежат и обманутые сладкими речами «Московских ведомостей», что все обстоит благополучно в сем наилучшем из миров. Эти последние также желают покоя и отстраняют от себя все беспокоящее, неприятное, ублаживая свое сознание мечтами и грезами. К так называемым либералам относятся все честные, здравомыслящие образованные люди. Но либерализм лежит у них в кармане. Чувство самосохранения себя и своей семьи вызывает осторожность в действиях и в речах.

Но есть между ними, которые действительно страдают от недостатка образования в народе, от косности, невежества последнего. Средства для излечения этого недуга предлагаются осторожно, и кое-что делается, по мере возможности, обходными и косвенными путями, но в таком ничтожном пока еще количестве, что и результатов не видно в осязательной форме. Но в общем эта деятельность напоминает равномерные капли воды, ниспадающие на камень и постепенно просасывающие его. Долго, медленно, но верно. Путь один, к просветлению всеобщего невежества и мрака, это —

образование. Вносятся в сознание общества идеи о необходимости всеобщего обучения и образования, медленно и осторожно, путем публичных речей, печати и проч.

К либералам принадлежит и молодежь, бушующая, волнуемая и погибающая от неудержимых впечатлений зла, охватывающего юные умы железным кольцом.

— В последние годы между образованными людьми появились сильные заботы о сельских библиотеках. Нашли, наконец, спасение от рецидивизма безграмотности в крестьянстве, о котором одно время так много кричали, доказывая, что и грамотность чуть не лишняя, раз она забывается народом. И университетское образование пропадает даром, если оно ограничивается одними лекциями, экзаменами, без интереса и дальнейшего развития и самообразования. Что же можно сказать о крестьянах, которые поучатся читать-писать в течение трех лет с большими перерывами в течение года. Не возбудился интерес к книжке, пропало и обучение грамоте, исчезающей из памяти, как снег от весеннего солнца.

В «Северном вестнике», за май 1894 г., помещена статья Вахтерова о сельских библиотеках. Автор приводит массу фактов о необходимости этих библиотек, указанных различными земствами. Между прочим он указывает и на интерес к книжке у крестьян, на впечатления, произведенные чтением. В общем факты очень отрадные и интересные. Если бы общество прониклось мыслью о необходимости сельских библиотек при школах и жертвовало бы хотя по 1 р. в год с каждого лица или семьи городских жителей, вносило бы эти деньги в комитет грамотности, — вот и средства бы нашлись для уничтожения рецидивизма безграмотности.

— Сегодня 3 мая, а мы еще в Москве; жарко, душно, пыль; одним словом, все прелести городской жизни. Хочется воздуха, простора для глаз, для легких и

полного успокоения от людей на лоне природы, где нет лжи, нет приспособления; там все ясно и просто! Жду не дождусь переезда в Пушкино, где буду смотреть на небо, реку, деревья и туманную даль.

4 мая

Женское образование! Как горько смотреть, с каким трудом приходится женщине добиваться права образовать себя. Жена, мать нам нужна,— кричат гасители; точно мать и жена не должны быть образованы. Несомненно, нет! — по мнению гасителей просвещения; они призывают женщину к физиологической жизни. Иначе нельзя понять этот крик об обязанностях жены и матери. Возьмите все сердцем,— говорят они, т.е. женщины должны воспитывать детей сердцем, и только сердцем; ей не нужны ни знание, ни ум. Но одно сердце, одна материнская любовь еще не много может сделать в физическом и нравственном воспитании. Для первого прежде всего нужно знание строения человеческого организма, гигиены и проч., и проч. А что же знает женщина? Ровно ничего! Воспитывают детей с физической стороны так, как их самих воспитывали. А нравственная сторона еще слабее. В первой (области), хотя понаслышке, путем опыта или случайного прочтения статьи в газете или журнале, кой-что делается, или по врожденной привычке к опрятности и чистоте. Во второй действуют только традиции, давно никуда негодные и не подкрепленные собственным примером. Говорится одно детям, а делается другое. Противоречия слова с делом в глазах смышленного ребенка так и сыпятся ежедневно, во всех мелочах обыденной жизни. Какие же результаты получаются от всего этого? Печальные, очень печальные! Ребенок теряет доверие к матери, как только начнет подрастать. Несомненно, что ласка нужна человеку во всех возрастах его жизни, начиная с колыбели и до гроба, но сердце, ласка бывают разумнее, цельнее, когда они подкрепляются умом и знанием.

Когда чувство развивается в ущерб уму, не может быть благих результатов в воспитании. Нужно равновесие, а для равновесия необходимо развитие того и другого элемента духовных сил человека. В общем воспитание у нас выходит прямо случайным в смысле результатов. А в действительности, что может быть труднее и выше задачи воспитания и образования человека? Задача трудна, и подготовки к ней нет. Да и многие ли понимают трудность задачи? «Мы выросли, не погибли, и детей вырастим, только бы не ушибся да не простудился, а там о чем же беспокоиться?! Вот разве учиться будет, так чтобы кончил хорошо, да место бы занял поприличнее. Это важно!» Такие рассуждения очень популярны во всех слоях общества.

Какая простая истина! Если страна желает (себе) богатства, благосостояния общего и силы, то первая ее забота должна относиться к всеобщему просвещению граждан. На Западе давно это поняли и употребляют все возможное для этой цели. У нас нет. Просвещение есть, но все это в ничтожном количестве, в одной горсти людей, да и то образование, какое есть, сводится больше к полубразованию, к поверхностным взглядам, к идеям и убеждениям неустойчивым, непродуманным, непрочувствованным, почему и твердости быть не может в проведении идей в жизнь. Какие взгляды нужны, в силу сложившихся жизненных обстоятельств, те и проведутся, а высокие идеи, схваченные на лету, поступают в разряд «забытых слов». Над этими «забытыми словами» потом, пожалуй, при случае в хорошей, веселой компании и посмеяться можно. Настоящих, действительно образованных людей, заботящихся не только о собственном благе, но и о благе других, очень мало. Есть они, есть, но «мало нас, голубчики, мало».

— Вчера была у меня N.N. Сколько в ней восторженности, честности, экзальтации и благородства! Эта порывистость и искренность суждений очень привлекательны и симпатичны. Увлекающиеся люди увлека-

ют и трогают других, пробуждают от сна, мертвого, непробудного в общей обыденной жизни, в этих будничных мелочах, которые охватывают человека, как в тине, как в мелкой сетке из тончайших петель.

Одно мне кажется странным и непонятным в ней, что она не разбирает органов печати, где работает. Где напечатают, только бы деньги заплатили. Быть может, это вызывается недостатком средств, да, пожалуй, тем только и объясняется. Она сознает это и говорит, что несимпатичные ей по духу и воззрениям органы печати служат лишь к приобретению средств к существованию. Там, в этих органах, она ремесленница, переводчица с языков, малораспространенных в России, как, например, итальянского. В симпатичных ей органах она другая, настоящая, восторженная, симпатичная натура!

— Недавно я нашла в своих бумагах выдержки из журнала «Образование» (1892 г., № 10) о высших учебных заведениях. Эти же выдержки были перепечатаны в «Новом времени» (1893 г., сентябрь), под названием «Избиение младенцев». И действительно, получается нечто изумительное. Из 2180 лиц, желающих получить высшее образование, может быть принято лишь 360 человек. Осталось, следовательно, избитых 1820 юношей, которым некуда приложить свои молодые силы. Нет сомнения, что из всех желающих получить высшее образование не все руководились стремлением к науке; наверное многие имели в виду в будущем пристроиться к теплоте месту, других вынуждало к поступлению экономическое положение семьи. Допустим даже, что большинство имело корыстные цели, но уже вступление в храм науки и соприкосновение с ней дает большие преимущества для дальнейшего развития и самообразования, возбуждает интерес, и нередко юноша находит отклик своим стремлениям, смутно и неясно им сознанным. Соприкосновение с наукой наталкивает его на многое, о чем бы он не мог себе представить, не зная суще-

ствования той или другой научной отрасли. И вот 1820 молодых людей выбросили на улицу. Что делать, что предпринять?

Смешно иногда читать в некоторых газетах об избытке интеллигенции с высшим образованием, которых некуда девать, почему и учиться не следует: «Зачем же размножать интеллигенцию, пролетариат! Учиться должны люди со средствами, а бедняки пусть остаются при том, как жили их отцы».

— Как хочется сделать и то, и другое, и вечно нет сил, нет времени схватить и исполнить желаемое! Впрочем, это мне всегда нравилось, иметь постоянно в перспективе много дела, т.е. заготовить это дело и чувствовать при окончании каждого дела, что впереди еще много труда и интереса, много неизвестного и увлекательного, точно человек, который, находясь в поле, желает достигнуть горизонта, красиво склонившегося вдали полукругом.

6 мая. Пушкино

Нет ни мыслей, ни дум, все во власти природы. Чудная погода, жарко! Деревья все распустились. Длинные, строгие, высокие и стройные ели стоят около нашей дачи в красивом беспорядке, группами: верхушки стройно качаются и шепчут друг другу тайные мысли и думы. «Стоим века и видим все,— говорят они людям,— ваши деяния, вашу ненависть друг к другу. Учитесь у нас, мы все дружны между собою. Замираем, затем распускаемся, цветем, умножаемся и снова погибаем на время. Неизменно подчиняемся закону природы. Ветер колышет наши ветви, сообщая нам со всех сторон известия о неведомых растениях».

Меня охватывают фантастические грезы, а слух мой поражается колокольным звоном набата в селе Пушкине, по случаю пожара. Ветер раздувает пламя, и дым уже виден с нашего балкона. Все всполошились, бегут, кричат: маляр с соседней дачи взобрался на высокую ель и сообщает оттуда вниз товарищам свои

впечатления. А звон все продолжается и тревожно зовет на помощь.

7 мая

Сейчас получила визитную карточку одного пятигорского знакомого драгуна, который не видел меня 4 года и проездом в Москве заехал ко мне и не застал. При одном его имени сколько всплыло разных мыслей, воспоминаний о местности, о нашей жизни в Пятигорске. Сколько положено было желаний и трудов заставить читать господ военных. И все напрасно! Уехала, и все забыто.

8 мая

Вчера получилось много новых впечатлений. Была у меня М. К. Каблукова, с которой я много говорила. Между прочим она предлагала мне выступить в качестве секретаря на предстоящем съезде по техническому образованию. Съезд состоится в декабре 1895 г. Я, конечно, отказалась из страха за свое неумение и т.д., и т.д. Много дела предлагают на съезде. Я очень рада, готова все делать, что могу, но страх за неумелость с ума сводит.

Поэзия охватывает меня в свои нежные объятия. Лес кругом, птицы поют, вдали кукушка кукует свою вечную песню заунывным напевом. Изредка свистнет и затрещит соловей. По вечерам раздается кваканье лягушек. Утром, днем, вечером воздух напоен ароматом молодой распутившейся зелени. Сидишь на балконе и бессознательно смотришь на небо и высокие ели. Около балкона густая высокая ель прислоняется почти к дому, а рядом группа мелких сосен с темной зеленью. Когда солнце заходит сзади дома, то ель высокая освещена особым колоритом. Тишина везде полная. Хорошо здесь, в особенности для меня. Сколько лет я прожила в Петровском парке в пыли на шоссе.

— В «Северном вестнике» за май 1894 г. помещена статья сына графа Льва Толстого⁷⁶ о впечатлениях,

полученных им на собрании «Армии спасения»⁷⁷ в Париже. В общем идеи братьев «Армии спасения» основаны на любви и помощи ближнему, но их собрания, сопровождаемые музыкой и пением, не лишены битья на картинность и эффект. На эти собрания приглашаются присутствовать все желающие. Говорятся речи в религиозном духе и с некоторым пафосом и не всегда искренно. Граф Толстой очень красиво описывает обстановку помещения для собраний, где все на внешность. За право присутствия собираются деньги с лиц, не принадлежащих к составу «Армии спасения».

— Небо прояснилось, показалось солнце. Голубое лазурное небо надо мной, а по нему мелкие клочки облачков, как разбросанная вата, и рядом облачная как будто пыль. Близ крыльца нашей дачи образовалась группа из 30 мелких сосен, так близко стоящих друг к другу, что можно вообразить, что это одна большая сосна, а между ними по земле пробиваются длинные полосы света от лучей солнца. Красиво это все замечательно! И при каждом взгляде направо или налево картины меняются от различного освещения. Описать прямо невозможно.

Я не только никогда не жила в лесу, но давно и не была в нем; проезжала по железным дорогам и только. Неудивительно, что мое внимание слишком останавливается на окружающих меня картинах: все привлекает меня и тянет к себе.

10 мая

Вчера Н. пробыл у нас целый день. Симпатичный очень человек и неглупый, но малоразвитой. Провинция сказывается на нем вполне. Банальные пустые разговоры, особые приемы болтовни с барышнями; одним словом, офицер, тип военного, хотя он лучший из них во всех отношениях. В общем с ним очень скучно.

Интересно объяснение Брюнетьера о причинах падения драматической литературы (предисловие к 19-му тому «*Annales du théâtre et de la musique*»). Ав-

тор говорит, что процветание драмы совпадает с проявлением воли в народе, нации или человеке. Когда в стране господствует фатализм или детерминизм, тогда воля слабеет и люди подчиняются обстоятельствам, теряя силы для борьбы. В такое время процветает роман. Во время же подъема духа нации или индивидуума появляются стремления к борьбе; это стремление не может быть иначе, как при условиях уверенности свободы воли и желания: уметь хотеть, «Savoir vouloir»⁷⁸.

— Все отстаивают свою свободу, свою независимость, начиная с нации и кончая каждым индивидом. Спускаясь по лестнице животного мира, то же самое видим и у всего живущего на земном шаре. Нации воюют между собою, люди также. На западе борьба партий и рабочих с буржуазией или капитала с трудом, у нас тайно враждуют все против всех, а главная характеристика времени — это борьба интеллигенции с властью. Орудие первой — распространение образования в народе; вторая, т.е. власть, воздвигает всевозможные преграды для осуществления стремлений интеллигенции, употребляя, при случае, и тайные и явные угрозы, в виде шпионства, доносов и вооруженной силы.

11 мая

Ничего не хочется делать! Природа, небо, теплота располагают к лени и к бессознательному прозябанию. Привезена масса книг, и я не знаю, когда примусь за них. Начала Чернышевского читать, его «Критические статьи»*. Между прочим читаю в настоящее время разбор романов Авдеева. Критические статьи Чернышевского помещались в «Современнике» в 1854—1861 гг., почти 35 лет назад. Я тогда еще была юна и,

* В начале 1890-х годов впервые было разрешено издать некоторые сочинения Н. Г. Чернышевского в России, после долгого запрета, но без имени автора, лишь с указанием, что книги — издание М. Н. Чернышевского (сына Н. Г-ча Чернышевского).

конечно, не знала о существовании не только журнала, но и Чернышевского. Романы Авдеева в 60-х гг. я читала и восхищалась, в особенности «Тамариным». Что же оказывается? Роман «Тамарин» есть не что иное, как подражание «Герою нашего времени» Лермонтова.

— Некоторые так называемые любящие матери думают, что они исполняют свое назначение, опекая своего ребенка во всех его мыслях и движениях, не давая ему вздохнуть свободно, без любящего окрика. Все это делается с любовью, но эта опека убивает всякую самостоятельность. Не люди выходят от этого воспитания, а марионетки, если такие дети не обладают пытливым умом и здравым смыслом от природы. При последних условиях они вырываются из такой опеки по достижении известного возраста и проклинаят своих опекунов, убивавших в раннем детстве их самостоятельность. Много говорят об этом все педагогические журналы, но как мало проникают эти издания в общество и как мало интересуются ими родители.

— Читаю Чернышевского и все удивляюсь, что все это давно мне знакомо, т.е. не сочинения Чернышевского, критические статьи которого я не читала, а его мысли, взгляды. Все это так известно мне, как будто я выражаю свои мысли или повторяю их при чтении. Быть может, это потому так, что мысли и взгляды Чернышевского проникли в общество, и в особенности молодежь того времени, и заделали меня. Иногда трудно бывает сказать, откуда взялись те или другие убеждения; настолько все смешивается в общее целое, что нередко многие убеждены, что все это «свое».

— Мысли Чернышевского о влиянии общества на отдельного человека совершенно верны. Те мысли, понятия, традиции, которые бродят в обществе, отражаются и на отдельной личности. Нет общественных интересов, нет общественной деятельности — люди вступают в пошлость, окутываются обыденными мелочами жизни, и общий дух этой пошлости, дразг,

сплетен ложится на них особым отпечатком. Малейшее столкновение с чем-нибудь серьезным и решительным пугает их, и они отступают, поддаваясь трусости и привычке к мелочам. Влияние отдельных личностей на общество всегда бывает исключением, так как влияют в таких случаях только гении, а их немного; тогда как общество всегда затягивает в свою тину индивида. Каждое сословие имеет свои взгляды, традиции, которыми оно живет и которые передает своим потомкам. Вырваться могут, кроме великих людей и гениев, еще люди сильные, смелые, энергичные, но и таких сравнительно немного. Большинство же дюжинных и заурядных людей плывут по течению, как бы ни был грязен поток, влекущий всех по одному направлению.

12 мая

Как прекрасно очерчивает произведения и талант графа Л. Н. Толстого Чернышевский. В то время это были произведения еще молодого, только что начинающего писателя. Его рассказы «Детство и отрочество», «Военные рассказы», «Записки маркера», «Два гусара» возбудили столько мыслей, столько восторга его талантом у Чернышевского. Все эти произведения появились в 50-х годах. Интересно он определяет, в чем именно заключается прелесть его произведений. С одной стороны, он видит необыкновенную способность к психическому анализу графа, который, обладая даром наблюдения, занимается не результатом психических чувств, а особенно самым процессом душевных движений, возникновения мыслей и сцепления их в целом ряде звеньев между собою; такую способность, по мнению Чернышевского, можно приобрести лишь через посредство самонаблюдения, рядом с наблюдениями над другими людьми. С другой стороны, Чернышевский говорит о необыкновенной чистоте нравственного чувства графа Толстого, чисто юношеской, которая ничем не омрачилась, а, напротив, сохрани-

лась и выразилась в его произведениях. Это не та чистота, которая приобретается ценою страданий в жизни, опыта, когда человек или падает, или возвышается, нравственно очищаясь и сознавая тот процесс очищения. Чистота нравственная графа Толстого вполне непосредственная, юношеская, чистая, как мечта.

— В своем имении Ясная Поляна граф Толстой основал школу, при которой издавал педагогический журнал под названием «Ясная Поляна». Издание журнала относится к 1862 г. Разбирая этот журнал и книжки, издающиеся при нем, Чернышевский касается многих статей, авторы которых говорят о противодействии самих крестьян обучению грамоте детей. Чернышевский возмущается этим: противодействие, по его мнению, не может быть возведено в правило, а представляет только исключение. При всяком нововведении всегда и везде возникали споры двух партий, консервативной и прогрессивной. То и другое начало существует в людях на основании психологического свойства человека подчиняться силе привычки или стремиться к желанию улучшений. Все нововведения, реформы законодательства у нас и на Западе, все подвергались спорам и обсуждениям на основании вышеназванных начал: люди, привыкшие к настоящему, не желали изменять его, не зная лучшего в будущем и не доверяя этому будущему. Прогрессисты, наоборот, ждали улучшения от тех или других реформ. Эти начала существуют у всех людей нации и во всех сословиях, выражаясь как в серьезном, так и в мелочах обыденной жизни. Кроме того, прогрессисты и консерваторы могут быть различаемы и по возрасту человеческой жизни; в молодости всегда появляются стремления к лучшему; сила привычки не успела пустить глубоких корней. Жажда нового, лучшего есть особенность молодости. Консерватизм, или сила привычки — принадлежность поживших людей, или старых, жаждущих покоя.

В журнале «Ясная Поляна» описывается и постановка народной школы, основанной графом Толстым. В школе отсутствуют дисциплина, награды, наказания: все построено на интересе к учению и на полной свободе детей в отношениях к учителю и между собою. Это описание относится к 1862 г.

— В том же журнале «Ясная Поляна» помещены статьи о пользе и вреде грамотности в России. Чернышевский, цитируя эти статьи, удивляется, как можно говорить об этом. Никаких даже споров не должно быть по этому вопросу. Польза — основание (существования) народных школ...

Ничего нет удивительного, что в 1862 г. подымались споры о вреде грамотности. Дело народного обучения еще было только в зародыше, и сила привычки (к безграмотности) могла породить такие споры. Но что бы сказал Чернышевский, если бы он знал, что и через 32 года возникают споры о вреде или полезности грамотности. «Московские ведомости» и «Гражданин» не раз поднимали эти вопросы. Чернышевский скончался не более 3—4 лет назад*. Несомненно, он слышал и читал эти прискорбные споры и софизмы против образования вообще, а народного в особенности.

— Печальное явление! Сегодня в «Русских ведомостях» (1894 г., 12 мая, № 129) помещен отчет публичной читальни Островского в Москве 1893 г.⁷⁹ По отчету читальни видно, что число читающих сократилось против 1892 г. на очень значительное количество. Причину сокращения читателей видят в том, что в этом году читальня не выписывала журналы, почему студенты и вообще учащаяся молодежь прекратили посещения читальни. Читальня Островского бесплатная, следовательно, и неимущие студенты лишены возможности пользоваться журналами, вроде «Русской мысли» и тому подобных журналов. Какие бы то ни было комментарии излишни. Печальное явление времени!

* Н.Г. Чернышевский умер 17 октября 1889 г. в Саратове.

— Статья г-на Джаншиева по поводу 20-летия установления всеобщей воинской повинности («Русские ведомости», № 129, 12 мая) указывает на деятельное участие в осуществлении этого закона графа Милютина и на преграды многих влиятельных лиц, не признававших целесообразности этого нововведения и видевших вред соединения сословий в военном деле⁸⁰. Дворяне не желали видеть своих сыновей в одной службе с мужиками, купцы горевали о том, что при их капиталах они не могут освободиться от тяжелой и неприятной для них повинности. Льготы по образованию имели значительную силу в отбывании воинской повинности⁸¹. В настоящее время, через 20 лет, многие льготы уже отменены, и образованию не придается столько значения, как прежде, при обнародовании закона о воинской повинности.

13 мая

Холод, дождик после 30° жары. Изменение температуры слишком резкое: вчера в тени было 21°, сегодня 6°. Неприятно и грустно на душе. Несомненно, что погода влияет на состояние духа человека. Яркий свет солнца, тепло располагают к веселому настроению, дождик и холод — к унынию и тоске.

Влияние музыки на меня всегда грустное, угнетающее. Мысль засыпает, а всплывает чувство, которое держит меня, отстраняя всякую действительность. Чувство это не то приятное, не то безотчетное, трудно определить. Делать что-либо в это время невозможно. Сейчас играет М., а я сижу в бессознательном грустном состоянии и пишу под музыку. И в конце концов чувствую, что я зарыдаю. О чем, почему? Не знаю. Мне кажется, что музыка не может возбуждать к злу. Как бы ни был дурно настроен человек, музыка обязательно навеет на него бодрое, хорошее чувство, мягкое или безотчетную грусть. Веселая музыка настроит на веселье, на радость. И это все будет также безотчетно.

14 мая

— Несомненно, что связь физиологии с психологиею слишком сильна, чтобы можно было бы не заметить ее во всех мелочах обыденной жизни. Малейшее недомогание отражается на психическом мире внутренней жизни нашей. Тяжелое гнетущее настроение духа, потеря энергии, слабость общая, вялость замечаются при малейшей ненормальности общей деятельности организма. С начала веков много было всевозможных предположений, что такое дух. В древние времена дух отделяли от тела, теперь с прогрессом науки подобное предположение теряет всякую почву. Общие наблюдения и самонаблюдение привели к другому предположению, более верному и осязательному, так как оно основано на опыте, хотя и этот опыт гадательный, но все же он менее отвлеченный, чем первый.

— Удивительно хорошее впечатление производят критические статьи Чернышевского. Смягчают сердце и умиротворяют. Доискивайтесь во всем причины; ничто не бывает без причин, ищите историческое начало во всяком факте! Всматривайтесь глубже в человека. Вот что говорит Чернышевский. Найдете причины и будете снисходительнее относиться к людям и больше помогать им и предотвращать их неудачи путем образования, которое, по нашему мнению и по мнению всякого здравомыслящего человека, одно может уничтожить или уменьшить ряды дюжинных людей, которые поступают везде и во всем «как заведено». Вселите в них образованием смелость и способность к личной инициативе. А для этого нужна самоуверенность в действиях, основанная на образовании, на добытых знаниях. Раз я ничего не знаю, то, несомненно, буду поступать, как все, «как заведено». И как часто слышишь это правило, только в других выражениях вроде того, «спокон веку так было». Иногда говорят: «все так делают, иначе неприлично». И кто только избавлен от этого гнета общественного? Никто, решительно никто.

15 мая

Холодно, неуютно на душе. Одиночество совсем истомило меня. Быть может, все люди чувствуют то же, что и я. Ги де Мопассан говорил, что все люди одиноки потому, что нет ни одного человека, похожего один на другого. Может быть, это и так. Пусто на душе! Нет ничего в прошедшем, настоящем и будущем. Что предстоит в будущем? Еще более жестокое одиночество, чем в настоящее время. Теперь вокруг меня раздается веселый смех, шутки, говор. Молодое жизнерадостное веселье оживляет меня. Наступит пора, когда Оля покинет меня, и тогда уже я и фактически буду одна и нравственно. И потекут мои дни уныло и однообразно, пока не наступит полное забвенье...

— Прочла один том сочинений Чернышевского. Хотела приняться для разнообразия за соч. Смайльса «Характер», «Ум и энергия». Боже, как это все мне известно и как скверно переведено. Какие торжественные выражения и фразы! Взяла «Очерки гоголевского периода» Чернышевского. Хотя все его сочинения написаны более 35 лет назад, но в них много интересных мыслей, смелых выводов и сопоставлений и заключений.

— Мелкий осенний дождик моросит на дворе — и вся иллюзия пропала. Нет весны, наступила словно осень. Скучно, небо серое, и на душе сырая мгла. Однообразие во всем: сегодня, как вчера; вчера, как сегодня. Капли дождя мерно падают под окном. Сумрачно после чудной летней погоды, посетившей нас на весь почти апрель и половину мая. Ландыши, сирень зацвели, и вдруг, в ночь на 13 мая, грянул мороз. Температура воздуха ночью была на 1° выше нуля. Это после 30° жары и дивных вечеров.

16 мая

Насколько физиология зависит от психологии в жизни человека и обратно, можно уже видеть из того, что малейшие пустяки, как например мои нарывы, по-

сеещающие два раза в месяц, влияют на мою психику. Вчера вечером был полнейший упадок сил духовных; сегодня снова подъем духа. Ночью разрешился нарыв и мне лучше; нет жара, озноба, и я здорова. Недаром в древние времена мудрецы говорили: «В здоровом теле здоровый дух».

Погода сегодня ужасная: дождик, холод, сумрак, и все-таки на душе не так тяжело, как вчера. Хочется читать, писать и работать. Тянет вперед и вперед!

17 мая

Моросит мелкая дождевая пыль, орошая деревья. Уныло кричат галки. Иногда зальются вдали птички и крикнет кукушка, и снова все смолкнет. Небо серое, сумрачное. Вот уже три дня, как не проглядывало солнце на небосклоне. Солнце — синоним весны; без него осень, сумрак и давящее свинцовое небо. В воздухе тепло и влажно; запах душистой смолы разливается по нашему саду, врывается в комнаты, в открытые окна. Легкий ветерок порхает по листьям, раскачивая ветки ели, сосны и березы. Жаль, что я не художница и никогда не занималась даже фотографией. Сколько можно было бы нарисовать или снять разнообразных картин деревьев, беспорядочно и красиво расположенных вокруг дома! Темная и светлая зелень чередуется в красивых очертаниях и сочетаниях. Запечатлеть в памяти кой-что возможно только на определенное время, а потом и эти картины сгладятся и все исчезнет в общем хаосе впечатлений.

Горько, очень горько — находиться всегда во власти чужих прегрешений. Вычищать, исправлять прегрешения своих детей есть удел любящих матерей, посвятивших свою жизнь детям. Нелюбящие матери этого не испытывают, те живут эгоистично, только для себя. Любящим матерям нет пощады ни в чем; они должны поступаться всем, своим самолюбием, своим личным достоинством; одним словом, всем и материально, и нравственно. Весь мир духовный не спасен от

жертв в пользу детей. А они, эти матери, что должны они делать? Молчать и молчать и терпеливо нести свой крест, чтобы на склоне дней своих ожидать от детей иногда ласки. Ласка, ласка! О, какое чудное магическое слово! Все ли испытывают это чувство? О, нет. Конечно, нет. А как сильна жажда ласки у всех людей. Разница только в том, что одни высказывают и показывают эту жажду, другие тщательно скрывают и гордо с презрением заявляют, что им не нужно ласки людской. Это неправда. Ласка всем нужна. Но нет ее и взять негде! Дети дают ласку любящим матерям, пока не обзаведутся своими семьями и не перенесут туда все, что имеют в душе своей, а любящие матери отживают в стороне свой век. Зачем им ласки, нежность, они стары, а кому нужны старые люди. Никому, ровно никому!

Слезы, слезы, облегчите меня, мою душу, снимите тяжесть, упавшую на грудь мою!

— Льются звуки музыки и плачут, и ропщут, и негодуют, и просят пощады и любви, и шепчут эти звуки сладкие слова примирения... Чего, чего не слышу я в этих звуках, а в саду поют птицы в несколько голосов, стараясь перекричать своим пением звуки фортепиано. Дождь не перестает: моросит, как из решета. Птицы не смолкают. Весна! Они исполняют закон природы: плодятся и множатся, не зная других забот.

Вершина высокой ели, стоящей перед моим окном, гордо держит свою голову над всеми деревьями ниже стоящими. Горделиво качает своими ветвями эта ель, и на каждом сучке остановилась капля дождя, чистая, как кристалл. Капля падает на землю, а другая собирается и останавливается, пока не спадет и эта, и так без конца. Небольшие липы и кустики глядят на высокую ель, думая дорасти до нее, но когда это будет? Долго, долго ждать!

18 мая

Волнение вчерашнего дня отразилось на моем организме. Все болит сегодня: руки, ноги, голова. Общее недомогание так и разливается по всему организму. Скверное состояние! Погода сегодня лучше: не льет дождик беспрерывно, как вчера.

— В. Модестов в статье под заглавием «Значение любимого писателя» («Новости», № 134, 17 мая) советует всем избрать любимого писателя и в минуты уныния и скорби от жизненной гадости искать утешения в чтении этого писателя, заменяя тем общение с ним. Прежде всего эта опора, это утешение всегда будет с лицом, избравшим писателя, и никто не может разлучить с ним, с этим истинным, верным и надежным другом! С этим нельзя не согласиться, и многие, очень многие испытывают это чувство, если не в лице одного писателя, то в беседе вообще с избранными книгами, подходящими и соответствующими направлению ума, характера, существующему складу убеждений. Это молчаливое общение с писателями ободряет подтверждением излюбленных мыслей, идей, и человек успокаивается и избавляется от надоедливого жужжания комара пустой обыденной пошлости жизни.

Модестов указывает на свое общение с любимым писателем, которым был историк Тацит.

21 мая

Чернышевский говорит, что люди, утомленные жизнью и скучающие с людьми, с двойной силой привязываются к природе. Эта мысль очень верна. Душа не находит удовлетворения в окружающем и стремится к наслаждению в отвлеченном. В юности я не умела наслаждаться природой, я не понимала и не испытывала той радости, того удовлетворения, которое нередко наполняет меня в настоящее время. Я забываюсь в эти минуты и получаю духовное удовлетворение и даже счастье. Если что и было в молодости, то толь-

ко в зародыше, бессознательно. Правилась та или другая картина нечаянно, вдруг, и если можно так выразиться, невольно, непременно в соединении с чем-нибудь житейским, связывалась по ассоциации идей с приятным воспоминанием. Теперь не то: привлекают картины природы сами по себе...

— В майской книжке «Русской мысли» 1894 г. помещена публичная лекция В. Гольцева под заглавием «А.П. Чехов. Опыт литературной характеристики». Гольцев приводит в своей лекции несколько мнений критиков настоящего времени о Чехове. В общем все они склоняются к признанию в Чехове талантливое беллетриста и художника-человека, который является защитником сирых, несчастных и обездоленных. В. Гольцев находит, что Чехов слишком мало касается общественных зол в своих произведениях, почему он и изъявляет желание видеть в нем не только художника-человека, но и художника-гражданина.

Не знаю, быть может, лекция Гольцева напечатана с урезками вследствие цензурных условий, но она мало производит впечатления и кажется слишком бледной и слабой. Одно лишь останется в моей голове, это — мнение г-на Гольцева о Чехове и что это мнение не дурное. Это общее, но частности наверное убегут, как бежит вода, налитая в решето. Решето — моя голова, а вода — статья Гольцева.

— Сегодня получила очень приятное письмо от сельского священника Московской губернии В-го о результатах наших дружных с ним усилий заставить читать народ. Успех полный. Книг было куплено достаточное количество в марте месяце и за два месяца эти книжки превратились от усиленного употребления в лапшу. Сначала читали дети-мальчики, потом пришли девочки, наконец, потянулись за ними юноши, девки, бабы, мужики и, наконец, сам кабатчик зачитал, и не один, а стал читать другим в кабаке, т.е. своим посетителям. Дай бог, чтобы это дело продолжа-

лось, и как бы не нахлынули всевозможные запрещения, предупреждения и т. д.

Сколько добра могли бы сделать священники в селах и деревнях, если бы на крестьян они смотрели как на настоящую паству, которую они должны просвещать, учить, а не обирать в свою пользу всем, чем возможно. Оправдание для священников, конечно, есть. У них семьи, нет определенного положения, но из этого ничего еще не следует. И у В-го большая семья, но он развитой человек, достаточно образованный, интересуется общественными делами и желает быть действительно пастырем своих духовных овец. Пребывание В-го в селе считается не более 4—5 месяцев и результаты уже проявились: все зачитали.

22 мая

Полнейшее незнание природы! Вечная городская жизнь зимой. Летом — предместье Москвы, Петровский парк составлял мое местопребывание. Долгие, длинные годы продолжалось таким образом, за исключением поездок в Крым, на Кавказ. Подмосковные дачи и те отошли от меня со времен моего детства и юношества. В настоящее время все удивляет меня. Я радуюсь на густые ели, длинные ветви которых с светло-зелеными кисточками напоминают мне темно-зеленую бахрому, сотканную из синели⁸² с шелковыми светло-зелеными наконечностями, в виде шарика. Словно дерево окутано такой широкой бахромой, которая в красивом беспорядке раскачивается от ветра.

Вчера я писала о значении сельского священника в деревне, сегодня прочла рассказ Мамина-Сибиряка в «Русских ведомостях» (1894 г., № 139), под названием «Ангелочки». Описываются ежедневные похороны массы грудных младенцев, умирающих во время деревенской страды летом, когда все мужики и женщины находятся в поле.

В рассказе описываются впечатления молодого священника, приехавшего из города на место в село.

Когда он ознакомился с жизнью крестьян в страдное время, когда бабы ежедневно массажи приносили ему своих «упокойничков», он решил не возвращаться более в город, а жить для крестьян, радоваться их радости и страдать их скорбью. Ежедневно он говорил с женою о своих планах для облегчения крестьян. Главное, с чего он хотел начать, это — с устройства яслей для ангелочков, чтобы не пропадало столько жизней безвинных младенцев.

Давно мне не приходилось читать ничего такого, что бы касалось именно этого вопроса. Несколько лет назад в одном из журналов была напечатана повесть г-на Потапенко «На действительной службе». Эта повесть представляла нечто подобное этому рассказу, но в более обширной форме и широких планах. Рассказы, как рассказ Мамина-Сибиряка, напечатанные в газетах, должны принести более ощутительную пользу, они производят сильное впечатление.

23 мая

Сегодня, читая петербургские «Новости» (№ 138, от 21 мая) я встретила статью г-на Лукина, который подписывается «ХII», под названием «Коленкоровая литература». В этой статье разбирается книга Михаила Юрьева, псевдонима, под которым, как оказалось, по словам г-на Лукина, скрывается имя купца, миллионера, торгующего ситцем и подвизающегося на поприще литературы и в газетах. В каких, неизвестно. Боже, боже! Как досталось этому купцу! Книга называется «Карл V и его время». Насколько справедливы исторические мнения г-на Юрьева, я судить не могу, не знаю его сочинения и не считаю себя компетентной в истории, но различные вставки в этой книге, задевающие всех современных критиков, ученых, не только русских, но и западных, несомненно, производят впечатление вполне неблагоприятное по нахальству высказанных г-ном Юрьевым мнений.

Меня поразило не столько нахальство и брань г-на Юрьева всех и вся, сколько едкость г-на Лукина. Чем она объясняется? Несомненно, что он прав во многом относительно купеческого сословия: оно еще до сих пор представляет темное царство, но в его отзывах чувствуется слишком резкая субъективность, сильная личная ненависть, озлобление, и этим ослабляется впечатление от его статей против купцов. Читаешь статью г-на Лукина и думаешь: «Как он обрадовался, что представился случай пощелкать купца, а с ним вместе и все сословие!»

24 мая

Что толковать о нравственном одиночестве в 24 года! Вся жизнь впереди, и одиночество может замениться дружбой, любовью. Вот в зрелом возрасте песня спета и ждать нечего. Опасения и рассудочность, вечный анализ всего окружающего преобладают над всем.

— Газеты пусты и бессодержательны. На третьей странице начинаются уже объявления. Многие повременные издания будут чрезвычайно довольны, если можно будет со 2-й страницы начинать печатать объявления. Писать нечего, и читатель засыпает, крепко спит все общество и пресса. Издания книжные тоже в дремоте, словно в «Роберте Дьяволе»⁸³, когда Роберт всех усыпляет, являясь к Изабелле. Долго ли будет продолжаться подобное состояние животного прозябания? Кто же усыпил нас так крепко и продолжает петь над нами колыбельную песенку? Уж не «Московские ли ведомости» со своим мерным убаюкиванием о том, что все обстоит благополучно. «Живите, добрые граждане, спокойно, плодитесь и множьтесь!»

25 мая

Убийство и самоубийство на романической подкладке в Петербурге наделало много шума. Все газеты за неимением материала бросились развивать эту те-

му с различными вариациями. Убийца — молодая девушка Ольга Палем — крещеная еврейка, она героиня, герой и убитый — г-н Довнар. Молодые люди полюбили друг друга, сошлись, потом начали ссориться, а потом он пришел к убеждению, что им надо разойтись. Одним словом: «Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu»⁸⁴. Он умер, она умирает, но подает надежды на выздоровление. Вот и все.

Некоторые газеты, как например петербургские «Новости», обратились к женщинам с просьбой написать свое мнение по этому поводу. Многие написали и обвинили ее, некоторые его, а некоторые нашли корень зла в воспитании, среде и наследственности. Может быть, последние и правы. Наблюдения и опыт показывают, что две стороны, соединившие себя любовными узами, никогда не находятся в полном равновесии в своем чувстве; одна сторона любит, а другая позволяет себя любить. Большею частью любящая сторона — женщина, а дозволяющая себя любить — мужчина. При возникновении чувства все симптомы любви на стороне мужчины. Страсть кипит в нем, бушует, он увлекается, любит и этими порывами любви увлекает и женщину. Становясь женою, уже она обращается в любящую сторону, а он, удовлетворив свои порывы страсти, охладевает и дозволяет себя любить, в силу, пожалуй, привычки, семейных связей, приличия, общественного мнения и проч. Большинство женщин покоряются своей участи; одни плачут, стонут, делают мужьям или любовникам сцены, обвиняют их в охлаждении; другие все силы своей души направляют на детей; третьи заболевают, а некоторые даже и умирают. А к 4-й категории принадлежат такие, как Ольга Палем. Она не могла отрешиться от своей любви и в минуту аффекта или самозабвения она решается на убийство и самоубийство. Месть женщины. Она верила ему, она любила и расстаться с этим чувством не может без борьбы. Такая самоотверженная и безумная любовь надоедает мужчинам, и такие женщины в

глазах их подвергаются насмешкам и т.д., и т.д. Выигрывают лишь те, которые сами не любят, а позволяют себя любить.

Мораль сей басни такова: или люби и страдай, или не люби совсем и показывай, что любишь, или же люби и тщательно скрывай свою любовь.

26 мая

Люди, живущие под влиянием минуты, интересные, пожалуй, люди, но многое зависит от среды, в которой они живут. Если с ними ласковы, то нередко они забываются и позволяют себе слишком сильно проявлять свои порывы и тем самым оскорблять других. При других условиях их искренность и непосредственность очень симпатичны, если все направлено в хорошую сторону. Иначе все гибнет как для них самих, так и для окружающих. Очертя голову бросаются они в пучину и влекут за собой и других в силу обстоятельств, семейных связей и проч., проч.

27 мая

Каким холодом веет от людей. Я иногда теряюсь в догадках, почему это так. Все как будто и ничего, когда отношения завязываются на интересах хозяйственной или быденной жизни. Как только выйдешь из этого круга, как холодный тон, и начинаются изрекания истин, давно всем известных. «Скучно и грустно и некому руку подать».

Что же ныть об одиночестве? Должно быть, и все так живут люди, сродные мне по характеру, обстоятельствам сложившейся жизни и по духу убеждений и взглядов.

Дни текут однообразно. Всегда в мае и июне месяцах я скучаю. Занятия не спорятся; сказывается утомление зимы, а без занятий скучно, а порою и тяжело. Всплывает в памяти все прошлое, горькое, глупое; прозябание настоящего давит, а в будущем представляется бесплодная пустота, с добавлением, пожалуй,

какой-нибудь хронической болезни, которая поведет в могилу. Начнется, конечно, сопротивление, борьба жизни со смертью, с помощью докторов, а конец один — смерть, как ни борись.

— Кто же об этом спорит, что одна природа не может заменить людей, но что же делать, когда нет их, а если и есть, то это — люди скучные и изведенные, как прочитанная книга. Какую страницу ни открой — все знакомо, все известно! Природа не может быть так изведена, как человек, живущий под одним кровом; одна и та же картина природы, смотря по освещению, меняется не только ежедневно, но и ежечасно, с какой стороны ни взглянуть на нее. Одно небо, а какое разнообразие форм и красок в вечно изменчивых облаках, тихо плывущих по своду небесному. Люди также интересны по своему разнообразию типов, но они не могут меняться перед глазами, как камни в калейдоскопе.

29 мая

Система воспитания и образования Эразма Роттердамского («Северный вестник», 1894 г., № 3. Статья профессора Шепелевича «Первый публицист в Европе»).

Первоначальное обучение должно начинаться, по мнению Эразма, с раннего детства. Руководитель, наставник или учитель должен обладать мягкостью в обращении, кротостью и педагогическим тактом. «Надо учить ребенка, — говорит Эразм, — исподволь и выбирая образцовые произведения, применяться к возрасту, который более любит удовольствия, чем тонкости. Надо искусно стараться сделать из обучения игру, а не утомление. Учителя должны быть любимы учениками. Это первый шаг к успешному обучению. Любя учителя, ученик полюбит и предмет». Чтобы успешно влиять на детей, Эразм рекомендует ровное и ласковое обращение, поощрение самолюбия, развитие чувства стыда и категорически отрицает телесные нака-

зания. «Если ребенка можно заставить учиться лишь с помощью розог, то лучше отправить его на мельницу или обучать ремеслу». Свои взгляды на обучение наукам Эразм попытался систематически изложить в руководстве для учителей «о способах преподавания». Обучение, по Эразму, следует начинать с языков, к которым у детей особенная способность. Затем читать с ними басни и сказочные рассказы, отличающиеся образцовым слогом; потом перейти к музыке, арифметике и географии. Сведения по зоологии и ботанике должны быть сообщаемы при помощи рисунков.

— Все эти мнения высказывались Эразмом Роттердамским в XVI веке, а мы живем в конце XIX века, и поднимается вопрос о пользе телесного наказания, конечно, только в России и князем Мещерским в его издании «Гражданин».

30 мая

С утра встала, а слезы так и подступают. М.М. говорит, что она одинока. Боже, что же я должна сказать про себя! Ей 54 года и у нее есть муж, который ее любит и всем готов для нее пожертвовать. Должно быть, это одиночество она видит в том, что дети не близки с ней. Так и должно быть; она давно его любила, и все помыслы сосредоточивались на нем одном. Для детей был лишь долг, а для мужа чувство, а дети почувствовали это и оценивают мать со стороны долга и только, тем более что этот муж не отец их.

И это называют одиночеством, когда на склоне дней есть человек, друг, которому близка, дорога, а у меня никого нет. Я одна, одна и одна. Ну, довольно распускать себя!

— Как надоели однако эти письма женщин, под названием: «Суд женщин», помещаемые в «Новостях» по поводу трагедии г-на Довнара и г-жи Палем. Нечего писать в газетах, вот и помещают письма дам, желающих видеть свои слова напечатанными в газетах. Именно слова, так как действительно судить о

таких предметах — нужно быть не только образованной, но и ученой, да и то не всегда можно разобраться в таких фактах современной жизни, которые имеют свое начало в душевном строе человека, наследственности и проч., что далеко еще не исследовано наукой. Судят обыкновенно все по фактам, не вникая в причины, по которым человек, быть может, и не мог не поступить так, как он и поступил в данную минуту. Душевный мир человека так сложен и так велик, что и сам он не всегда сознает мотивы своих поступков. Самонаблюдения могут, положим, оказать большую услугу в исследовании деятельности нашей души, но для этого нужен интерес, самоуглубление и орудие, в форме образования, широкого развития, серьезного мышления и привычка к последнему. Но обладают ли этим женщины, те именно, которые пишут (эти письма); наверное нет!

1 июня

Статьи Лукина в «Новостях» под названием «Коленкорная литература» гвоздят мой мозг. Название своих статей г-н Лукин определил так потому, что разбираемые им книги написаны фабрикантом ситцев Морозовым под псевдонимом Михаила Юрьева. Несомненно, г-н Морозов стоит быть осмеянным за свои исторические произведения, как нахал. Но зачем же примешивать сюда производство коленкора и начинать первую статью глумлением над всеми купцами, что они двинулись в область литературы, мысли, искусства и меценатства? Неужели, по мнению г-на Лукина, эта каста купечества никогда не должна выходить из своих рамок «темного царства»? Разве действительное образование и развитие не может двинуть эту темную силу на что-либо полезное для своего отечества? Разве тяготеет проклятие над ними? Над этим сословием тяготеет, по моему мнению, одно пятно, это — недостаток настоящего образования и развития действительно. За последнее 25-летие все

же свет, хотя неясным лучом, проник в эту тьму крошечную. Одно уже может служить доказательством этого просветления, это — стремление благотворительствовать на пользу искусств и наук. Пусть это будет также тщеславие, но во всяком случае это тщеславие выше литья колоколов и пожертвований серебра и злата на украшение храмов. Появление таких историков и ученых, как Михаил Юрьев, имеет также свою хорошую сторону, это — стремление тщеславия и честолюбия на научный путь, но не на битие зеркал и проч., и проч. Вреда такой господин, как г-н Юрьев, в своих исследованиях истории, конечно, сделать не может, так как всегда настоящие ученые историки не допустят до искажения научных данных.

2 июня

Барометр падает. Воздух тяжелый. Дождь льет, не переставая. В саду так сыро, так трудно двигаться по дорожкам. Живем в Пушкине, вдвоем, тихо и однообразно. Я, Оля и Ал. М. сидим по своим комнатам, пишем, читаем и играем в две и четыре руки. Дождик разобщает нас с людьми.

— («Новости», 1894 г., № 149). В этом № помещена интересная статья Леонида Е. Оболенского, под заглавием «Искусство — как социальная влюбленность». Это оригинальное определение искусства принадлежит Тарду, который сказал: «l'art c' est l' amour social»⁸⁵.

Оболенский, развивая эту мысль, указывает массу примеров того, что общество способно коллективно влюбляться в различные произведения художественного творчества, например, Шекспира, Байрона, Гёте, Гейне и др. Чувство наше к этим художникам напоминает чувство влюбленных, они при встрече с любимым существом наслаждаются его речами, запоминают выражения, каждый оттенок, чтобы впоследствии повторять и вспоминать все сказанное.

Действительно, это верно. Далее автор говорит, что мы, несмотря на наше поклонение великим художникам, постоянно стремимся к новым впечатлениям, читаем произведения других писателей, посещаем ежегодные художественные выставки. Этим мы как бы изменяем своим кумирам, но эта измена только временная. После всех попыток к новым впечатлениям мы с особенным восторгом возвращаемся к своим прежним богам и восхваляем их, любимы ими. Говоря о чистом искусстве, Оболенский доказывает, что вполне чистое искусство едва ли и может быть, искусство по большей части сливается с другими эмоциями, моральными или общественными.

Художественно может быть изображено и воспето как добро, так и зло, почему и для художественных произведений нужен не только критик-эстетик, но и критик-публицист.

4 июня

— В «Новостях» (1894 г., № 150, 2 июня), в статье Скабичевского «Литературная хроника» помещен разбор статей М. Меньшикова под названием «Думы о счастье» (Книжки «Недели», 1894 г., №№ 3, 4, 5). Меньшиков говорит в начале своей статьи, что счастье зависит от индивидуальной жизни человека. Достаточно, по его мнению, человеку в городе или в деревне собрать около себя группу людей по душе и, живя с ними, стремиться к осуществлению личных идеалов. В последующих статьях Меньшиков приходит к тому заключению, что несчастье русского человека-интеллигента зависит от его разобщенности с народом. Началом этой разобщенности послужили новшества Петра Великого, который насильственно привил к России западную культуру, а все искусственное всегда плохо дает рост, почему и произошел такой разлад в общественных отношениях в настоящее время. Прежде, говорит Меньшиков, русский боярин пел одни песни с народом, выполнял те же религиозные обряды, те же

соблюдал посты, так же веселился, а теперь все идет на иностранный лад.

Скабичевский исторически разъясняет этот вопрос, указывая на культуру народов древних и Средних веков, когда разные племена, приходявшие в страны, сливались с победителями или с побежденными, принимая их культуру. То же самое случилось и с Россией, которая приняла западную культуру. Вначале, конечно, прививается внешняя сторона, а потом уже и внутренняя. Народ русский, в настоящее время, также начинает заимствовать внешнюю сторону городской жизни, подражая горожанам в одежде, увеселениях и проч. Несомненно, что это выходит смешно, но исторический ход событий имеет свою силу, и всякое новшество всегда в своем первоначальном виде является карикатурой, но потом с течением веков принимает надлежащую форму. Скабичевский находит, что и интеллигенция русская не прониклась еще вполне западноевропейской культурой даже с внешней стороны: «Точно так же она упивается до запоя сивухой, тузит до полусмерти жен и детей, не любит что-либо начинать в тяжелые дни, боится просыпать соль на столе и едва успела заменить домовых духами спиритов». Конечно, в эту картинку Скабичевский не включает истинно интеллигентных людей, действительно проникнутых западноевропейской культурой.

5 июня

В России гражданам предписывается, когда веселиться, когда молиться. Сегодня, например, в газетах появилось приказание обер-полицеймейстера Власовского в Москве (а также и в Петербурге и других городах), чтобы полиция смотрела, чтоб сегодня вечером, накануне Духова дня, никто не смел бы веселиться. Повелевается все учреждения увеселительные закрыть, даже бега, и те закрыты. Граждане русские — дети, за которыми необходим надзор, который и исполняет полиция. Чудно, что и религиозные чувства навязываются по приказанию полиции.

Родительская власть восстанавливается так же. При обсуждении новой паспортной системы возник спор, можно ли незамужним девушкам и приемышам женского пола выдавать отдельный вид для прожитья. По новому проекту нельзя: незамужние девушки и приемыши должны быть вписаны в паспорт родителей и без их разрешения выписываться не могут даже при достижении совершеннолетия. Одним словом, бежим назад, и скоро, быть может, мы по приказанию полиции, объявленному в газетах, наденем кафтаны и сарафаны и будем водить хороводы. Меньшиков и «Московские ведомости» возликуют. «Наконец-то,— скажут они,— наступило торжество русской национальности!»

6 июня

У нас все силы употребляют, чтобы восстановить дворянство, возвысить его, образовать, обогатить; одним словом, возвести его на степень прежней силы. За последнее 10-летие предприняты всевозможные меры, в виде учреждения Дворянского банка⁸⁶, запрещения продавать земельные имущества и проч. Остальные сословия в загоне. Вчера, например, опубликованы новые правила Института правоведения⁸⁷ в Петербурге; туда, в настоящее время, могут поступать только потомственные дворяне, и то с ограничением, в виде значительной платы, назначенной за ученье. Но однако возвеличение дворянства ни к чему еще пока не привело.

— Чуть не ежегодно в конце мая месяца и в начале июня начинается скачка с препятствиями прогрессивной и ретроградной печати. Недавно в «Русских ведомостях» появилась статья Ермилова под названием «Муки памяти». Автор разбирает вопрос об экзаменах и говорит, что все эти запоминания имен и событий не дают учащимся никакой пищи для развития их умственного кругозора, а только загромождают память и затемняют ее. Кому нужны и зачем все эти мудреные имена городов, древних воинов и проч.? Потеря време-

ни, которое можно и должно употребить на что-нибудь более полезное и необходимое для развития ума. «Московские ведомости», в форме письма отца к издателю, плачут о том, что статьи, подобные статье Ермилова, не дают молодежи спокойного настроения для экзаменов, а только расстраивают, смущают и т.д., и т.д. В заключение «Московские ведомости» добавляют, что «Русским ведомостям» с Ермиловым нужно, по всей вероятности, чтобы дипломы давали даром. «Новое время» подхватывает тон «Московских ведомостей» и говорит то же самое, а «Киевлянин» дошел уже до того, что начал поэтизировать время экзаменов и отрицать, что это — мука и страда для учащихся. Напротив, по мнению «Киевлянина», экзамены есть удовольствие, которое вызывает столько приятных радостных минут во время и по окончании их, что впоследствии остаются только радостные воспоминания.

Мне кажется, нет ни одного учившегося, давно уже перешедшего юношеские годы, который с удовольствием бы вспоминал экзамены. Большинство говорят о прошлом с отвращением, а некоторые впечатлительные натуры со страхом и невольным бессознательным трепетом вспоминают это тяжелое время.

8 июня

— Статья Иордана «Ученики-ремесленники», помещенная в «Русской мысли» (1894 г. апрель, № 4), представляет интересный и обильный фактами очерк о положении учеников в ремесленных мастерских; действительно, это нечто ужасное! И сколько веков иногда продолжают свое существование известные законы и обычаи, учрежденные при своем основании для пользы граждан, при известных условиях времени, быть может, и приносившие желаемые результаты, а потом, с течением жизни, основания этих законов теряют свою силу и являются иногда, впоследствии, даже вредными.

Прежде нужны были ремесленники, а обучать их было негде, кроме мастерских, где все учение сводилось к таким ужасным мукам и лишениям, что ужасно читать об этом. Но эти муки не были так ощутительны для многих крестьян, находящихся в крепостной зависимости. Родители детей, отданных господами для изучения какого-нибудь ремесла, сами терпели всякие истязания, предполагая, что это так и должно быть, и иначе и не может существовать мир, как он существовал тогда, разделенный на господ и рабов. Потом «порвалась цепь великая», а узаконения о ремесленниках остались те же. Какие картины описывает г-н Иордан житья несчастных детей в учении! Очень многие примеры взяты им из процессов последних лет, во время разбирательства которых выяснились такие возмутительные факты, что приводили в содрогание присутствовавших.

В заключение своей статьи г-н Иордан говорит, что в настоящее время правительство обратило внимание на бедных детей-мучеников... И деятельное вмешательство правительства в ремесленное дело упорядочит его, и вздохнут дети и родители-крестьяне.

10 июня

Во 2-й книжке журнала «Вопросы философии и психологии» помещена статья Э. Радлова «Вольтер и Руссо» (Год I, книга 2, 1890 г.).

По некоторым положениям учения Руссо можно найти однородные мысли и у Толстого, который все зло видит в цивилизации и науке, которую осмеивает: цивилизация и наука есть достояние меньшинства, а большинство далеко от всего этого. Положим, что с одной стороны это верно, но с другой — цивилизация и наука лишь постепенно проникают в человечество и медленно прививаются, как и всякие новшества. Заимствования происходят с внешней стороны, т.е. принимаются только блестящие, мишура, а вслед за тем с веками привьется и настоящая цивилизация.

12 июня

Мы здесь в Пушкине радуемся на природу; восхищаемся деревьями, их очертаниями, пением птиц и прочими прелестями деревенской жизни. И вдруг урядник! Расспрашивает у всех дворников, кто живет на дачах, из каких членов состоит семья, чем занимаются и проч. Возмутительно! Нигде нет покоя: шпионы грубые, невежественные, полуграмотные...

— Вольтер и Руссо были непримиримыми врагами между собою, и первая причина этой вражды была ненависть и оскорбленное самолюбие того и другого. В особенности с непривлекательной стороны описывается Вольтер; его мщение Руссо было жестоко; тогда как последний относился к Вольтеру более объективно, отделяя его деятельность на литературной почве, как мыслителя и философа, от его личности. Вольтер умел вовремя кривить душою и нередко отказывался от своих анонимных произведений, если видел, что они опасны для него. Руссо, напротив, был благороднее и открыто и честно проповедовал свои идеи. Несмотря на ошибочные взгляды Руссо, на его мечтания, фантазии, он симпатичнее Вольтера. Руссо много страдал за свои, и в общем он был, действительно, несчастным мечтателем-неудачником.

13 июня

Хотя и мало грамотности и стремления к чтению в народе, но все-таки в общем получается отрадная картина. Статья в «Северном вестнике» за июнь 1894 г., «Сельские библиотеки» В. Вахтерова, обстоятельно знакомит с некоторыми цифровыми данными о количестве библиотек, книг и читающих малолетних подростках и взрослых. Положим, что всего этого слишком недостаточно по сравнению с хроническим невежеством народа, но все же это луч в темном царстве, и яркий, светлый луч света. Что было лет 25 назад? Как сильно проявились за это время результаты деятельности по народному образованию земств и

интеллигенции! Все эти благие данные еще в зачатке, но когда есть зачаток, то можно ждать и развития плода.

15 июня

Странное явление! По Пушкину носят икону или мощи, которые предлагаются живущим на тех же основаниях, как жизненные продукты. На большое расстояние впереди идет монах и по заборам предлагает принять икону; вследствие дурной погоды окна и двери во многих дачах закрыты, и монах кричит, что икону несут и могут занести к желающим. Кажется, можно было бы сделать иначе, не в такой грубой форме!

— В статье в «Русском богатстве» под названием «Заброшенные дети» В. Биншток знакомит с положением этого вопроса в России («Русское богатство», 1894, № 5, Май) (начало статьи). Закон об исправительных приютах для малолетних преступников обнародован лишь 5 декабря 1866 г. Ранее в России существовало несколько приютов для исправления малолетних преступников, учрежденных частными лицами. Первое воспитательное заведение для нравственно испорченных детей было основано в г. Нарве в 1848 г. Второе такое же заведение открыто в Ревеле в 1850 г. Третье для детей женского пола учреждено в Петербурге в 1864 г. В Москве открыта Московским обществом распространения полезных книг исправительная школа для малолетних преступников в 1864 г. Впоследствии, с обнародованием нового закона от 5 декабря 1866 г., эта школа преобразовалась, и директором ее избран Ник. Вас. Рукавишников. Имея от роду 24 года, Н. Вас. принялся за дело перевоспитания малолетних преступников с такой энергиею и преданностью делу, что результаты не замедлили сказаться очень скоро. Но директор скончался 30-ти лет, через 6 лет своей деятельности. Рукавишников действовал на своих питомцев прежде всего любовью, и это чувство в большинстве воспитанников пробуждало добрые, хо-

рошие чувства и любовь и привязанность к воспитателю.

— Вчера, 14 июня, в газетах появилось известие об убийстве президента Французской республики Карно анархистом-итальянцем, убившим его кинжалом на улице во время его катанья в коляске в Лионе. Карно был всеми любим в своей стране, и его президентство не ознаменовалось никакими дурными событиями во Франции в течение 7 лет. В этом году истекал срок его избрания. Сообщают, что убил его анархист, мстивший за казнь двоих анархистов в нынешнем году, — Анри и Вальяно. Действительно, это прискорбное явление! Интересны причины зарождения анархизма на Западе. За последние годы движение анархистов с их разрушительной манией все усиливается, почему начинается борьба государств против них. Где же корень этого явления? Где его искать? В борьбе ли капитала с трудом и протестах последнего, или в физиологическом перерождении человеческого мозга, как болезненном явлении? Что это, мщенье или болезненная мания разрушения? Быть может, это — известная форма сумасшествия? Не прав ли Макс Нордау со своей теорией вырождения? «Московские ведомости» в № от 14 июня 1894 г. не упустили случая указать, что Франция сама виновата в этом несчастии. Все зло, по мнению «Московских ведомостей», произошло потому, что правительство французское потворствовало различным партиям в стране. Так ли это?

— В «Вестнике Европы» помещен роман г-на Боборыкина под названием «Перевал». Рассказывают, что этот писатель ездил по домам московского купечества, знакомился с более выдающимися из них и описывает их со всеми деталями, как в фотографии. Новая, вполне реальная школа! Реализм г-на Боборыкина близок к сплетне.

16 июня

Дождь льет, не переставая, несколько дней подряд. На душе мрачно. Снова гнетущие мысли свинцовым гнетом охватывают мозг. Вечный страх, в ожидании какого-нибудь нового горя. За последнее время живет-ся покойно; есть возможность и время для занятий. Но не верится в это счастье, что оно может быть продолжительно.

— В понедельник, 13 июня, государь Александр III проехал мимо Москвы на освящение храма на станции Борки по Курско-Харьковской жел. дороге, построенного в память избавления царского семейства от смерти⁸⁸. Очевидцы рассказывают, что по всему полотну железной дороги были расставлены солдаты с заряженными ружьями, направленными на близлежащие дачи. Всем дачникам было приказано не выходить во время проезда государя из своих домов, не отворять окон и балконов, причем было заявлено: в случае непослушания солдаты уполномочены стрелять. В подмосковном селе Царицыне, в одном месте близ полотна ж. д., построены дачи целым рядом; дачи отделяются от полотна ж. д. кустарником, с одной стороны которого стояли солдаты с ружьями, а с другой, ближе к даче, сотские⁸⁹. У одного из живущих дачников 2-летний маленький сын выбежал из дома. Отец и мать не знали, что им делать, т.к. выйти боялись. Один из сотских взял ребенка на руки и принес его на дачу к родителям. Отец обратился к сотскому с просьбой, чтобы он уже построже сам внушил шалуну не выходить из дома, когда не позволено. Сотский ответил, что дитя есть ангельская душа, которой нельзя говорить строго.

В этой же местности, в одной из дач, хозяйка торопила утром кухарку подавать самовар для барина, которому нужно было ехать в Москву, как служащему в одном из учреждений. Кухарка заявила, что барин сегодня в Москву не поедет, т.к. и коров в 4 часа утра не пустила в стадо потому, что государь проедет. Та-

кого рода курьезных случаев наверное было очень много, они передаются с комментариями из уст в уста.

На одной из ближайших станций, занимаемой дачниками по Курской ж. д. близ Москвы, один очевидец рассказывает, что в понедельник 13-го и в среду 15 июня, когда государь проехал обратно, поезд, наполненный пассажирами, отвели на задний путь, заперли окна, двери, завесили шторы и окружили солдатами с заряженными ружьями, направленными на вагоны. Затем по всем вагонам прошел офицер и заявил пассажирам, что кто осмелится отворить окно, в того будут стрелять. Таким образом, т.е. под такой охраной и с такими угрозами, поезд простоял 4 часа. Отведение поезда на задний путь и закрывание окон и дверей во время проезда государя практиковалось лет 8—9 назад, но тогда дело обходилось без солдат, заряженных ружей и офицеров с угрозами.

17 июня

В «Русском богатстве» (1894 г., май, № 5) во «Внутреннем обозрении» помещено сообщение о телесных наказаниях в России; они уже отменены в различных сферах, а за последнее время изъяты из употребления относительно ссыльных женщин и кавказских горцев. Единственно, где они еще остались — у ремесленников под названием обычного права. У ремесленников в контрактах есть пункт, которым передается родительское право телесного наказания хозяевам мастерских; они злоупотребляют этим правом и секут взрослых, даже девушек. Автор описывает много возмутительных примеров подобного права, касаясь вместе с тем и общего положения ремесленников-учеников, отданных на выучку. Примеры все взяты из судебных разбирательств по этим делам. Не особенно красива деятельность ремесленных управ, которые призваны охранять учеников от насилия хозяев: они на стороне хозяев мастерских, а не беззащитных детей.

— «Новое время» № 6567, 1894 г. Письмо в редакцию, содержащее несколько иллюстраций к трудности поступления учащейся молодежи в учебные заведения; за неимением вакансий в них, поступление из года в год становится для молодых людей чуть ли не лотереею.

Сколько отчаяния в письме несчастного отца! Раз в обществе существует потребность к образованию, то обязанность государства расширять среднеучебные заведения путем ли казенных средств или допущением и размножением частных заведений для учащихся. Частной инициативе следует дать полную свободу учреждать учебные заведения, соответствующие спросу данного времени.

Нередко упрекают общество в закоснелом эгоизме, в замкнутости, в стремлении к наживе. Общий строй настоящего времени сложился таким образом, что каждый гражданин отмахивается от всего руками, со страхом говоря: «Моя изба с краю, и я ничего не знаю».

19 июня

Еще рассказы о подробностях проезда государя через Москву на станцию Борки. Многие служащие с фабрики Гужона⁹⁰ живут на даче в Царицыне и каждое утро отправляются на место своей службы по железной дороге. 15 июня они вышли, по обыкновению, на поезд, но их не пропустили, тогда многие из них пошли обратно, но один, чувствуя себя нездоровым, попросил железнодорожного сторожа посидеть у него в сторожке, так как в это время шел дождик. Сторож, не видя в этом ничего противозаконного, пустил молодого человека переждать дождь. В это время появляется околоточный и начинает кричать, употребляя следующие нецензурные слова: «Это что за сволочь здесь сидит?» Молодой человек возмутился подобным обращением и смело ответил: «Я из бывших околоточных». Околоточного этот ответ смутил сначала, но потом он арестовал юношу, который просидел целый

день, пока навели справки и успокоились, что он действительно служащий на фабрике Гужона.

«У страха глаза велики», русская пословица вполне верная. На фабрике Гужона, которая находится вблизи Курской ж. д., в день проезда государя, рабочие не выпускались в 12 часов дня обедать. Ворота были кругом заперты. Одним словом, приняты были все меры, чтобы людей не было на расстоянии нескольких сажен около полотна ж. д. Окна заперли во всех домах, и никто не смел выходить из домов до тех пор, пока проехал государь.

22 июня

По праву родства люди вмешиваются в чужую жизнь, входят в душу и без разумения распоряжаются там, как у себя дома, дотрагиваясь грязными руками до больных мест. Они видят факты тех или иных действий, не понимая причин, для объяснения которых требуется ум, а он отсутствует, почему и происходит нечто отвратительное, издевательство...

— «Очерк внутренней жизни Лермонтова в его произведениях», О. Герасимова («Вопросы философии и психологии», 1890 г., № 3). Мне кажется, что каждый мыслящий, развитый и образованный человек должен пройти эти стадии душевной жизни, которые прошел Лермонтов. Разница только в том, что у гения они проходят с большей силой, выражаясь в художественных образах, а у обыкновенного человека менее рельефно и скрыто от всех. Кто в ранней юности, начиная с детства, не испытывал, под влиянием религиозных идей, стремлений к добру, к самосовершенствованию, и кто постепенно не разочаровался сначала в окружающих, а потом и в других людях? Противоречия слова с делом у старших и близких людей постепенно приводят к потере веры в нравственный идеал. Далее, у одних людей наступает озлобление, у других стремление к наслаждениям согласно уму и развитию, у третьих равнодушие ко всему и ко всем; последнее близко гра-

ничит с бесцветным прозябанием изо дня в день. К четвертой категории принадлежат люди, которые редки, не остывшие в своих стремлениях к добру, к труду на пользу ближних. Но постоянное столкновение с этими ближними ослабляет нередко энергию и у этих редких людей.

Салтыков-Щедрин* на склоне своих дней сомневался в пользе своих литературных произведений для общества. Он жаждал знать, каким образом действуют его мнения на читателя, соглашается ли он с ним и понимает ли его.

— Религия христианская учит людей забывать зло, им сделанное, и прощать все дурное. Это прощение может быть понятно только в смысле недопущения мщения за зло, нанесенное одним другому. Но впечатления, оставленные оскорблением или ненавистью, сгладиться окончательно не могут; след должен остаться... Простить и забыть — громадная разница. Понять, объяснить поступок и простить его можно, но понять, усвоить и даже расчленить факт и затем забыть — невозможно!

23 июня

«Московские ведомости» отвратительны в своей напускной наивности, которой они желают прикрыться. Все замечания и язык «Московских ведомостей» отличаются нередко пошлостью и жаргоном, недостойным литературного органа. «Гражданин», газета вполне любезная «Московским ведомостям», иногда говорит такие несообразности, что голова кругом идет.

«Московские ведомости» защищают учреждение церковно-приходских школ и порицают земские школы, забывая, где правда, где ложь, и часто игнорируют факты всем известные. «Русские ведомости» уличают их в этом, напоминая о том, что вовсе не интеллигенция управляет школами земства, а лица из бюрократии, поставленные самим правительством.

* Умер 28 апреля 1889 г.

26 июня

Мелочность, эгоизм людей являются, по большинству случаев, первым стимулом, руководящим их поступками. Все качества человеческие, все лучшее в человеке — все скрывается и отодвигается на задний план перед эгоизмом. Иногда люди кажутся такими доброжелательными, услужливыми, любящими, и это все искренно, это не ложь, но это только мимолетные порывы, которые проходят, как вода весною. Гуманные речи, забота о людях и проч., и проч. И вдруг одно слово, один жест — и обожгло душу, больно, тяжело...

29 июня

Говорят, говорят, много говорят. На днях рассказывали, что на могиле писателя Астырева, умершего от огорчения, вследствие высылки его из Москвы в северные губернии по подозрению в политической неблагонадежности, кто-то после окончания речей выступил и сказал слово следующего содержания: «Вы желаете знать, господа, кто убийца покойного Астырева? Это — небольшой кружок, называемый правительством!..» Вся речь была в этом духе. Господин, говорящий речь, был уже немолодой, с большой бородой. И все это было только на вид. В действительности говорящий был молодой человек и студент. По окончании речи, которая от неожиданности всех присутствующих ошеломила, некоторые из полицейских бросились схватить дерзновенного, но он замешался в толпе, и вместо говорящего оказался студент, но того, кого искали, не было нигде — у всех другие были лица, а тот исчез*.

— Говорят, что 20 апреля 1894 г. в Петербурге были многочисленные аресты ночью, преимущественно учащейся молодежи. Причины — открытие подкопа в

* Н. М. Астырев (автор «В волостных писарях») скончался 3 июня 1894 г. после тяжелой болезни, задержанный ею в Москве при пересылке в Вологодскую губернию.

Смоленске и тайной типографии. Открыто, официально ничего неизвестно...

4 июля

Пресса делится, в настоящее время, на два лагеря. К лагерю охраняющих принадлежат «Московские ведомости», «Гражданин» и другие газеты, как «Новое время». «Московские ведомости», издаваемые Сергеем Алек. Петровским, получают правительственную субсидию, в форме дозволения печатать казенные объявления. «Гражданин», с князем Мещерским во главе, деятельно защищает дворян, желая восстановить их прежнее величие. От времени до времени раздаются звуки треснувшей лиры о восстановлении, в замаскированном виде, крепостного права. «Новое время», прозванное Щедриным-Салтыковым — газета «Чего изволите», держится золотой середины между двумя газетами крайнего охранительного направления. Правило, — от своих не отстать и к чужим не пристать, соблюдается «Новым временем» свято и непоколебимо: в случае надобности газета склоняет свою голову до полу, а то поднимает ее тихонько, выглядывая из щелей, в какую сторону удобнее повернуться. Излюбленная тема «Нового времени» — гонение евреев. Травля эта разнообразится во всех видах.

Но главные и незыблемые органы охраны — это «Московские ведомости» и «Гражданин». Когда было можно и не стыдно перед Европой, эти газеты открыто восставали против народного просвещения, руководствуясь той великой истиной, что править невежественным народом легче, чем просвещенным. Бессмысленное стадо рогатого скота управляется одним пастухом с кнутом в руках. Кнут есть сила для стада-народа, почему для обуздания последнего необходимо телесное наказание. «Московские ведомости», «Гражданин» сильно проповедуют о необходимости розог, и многие из общества бессмысленно повторяют эти слова...

Недавно в Московской городской думе был поднят вопрос о массе детей, ежегодно ломящихся в двери городских начальных училищ и остающихся за дверьми за недостатком свободных мест. Дума затруднилась этим вопросом, не имея достаточных денежных средств для исполнения желаемого и необходимого. «Московские ведомости» ехидно предложили, соглашаясь, конечно, с думой, назначить плату за учение, и такую, которая бы пополнила недостающие средства. «Русские ведомости» выступили с защитой просвещения, разоблачая невежество «Московских ведомостей» в школьном вопросе. Хотя это вовсе не невежество, а продуманный прием, но «Русские ведомости» показывают вид, что его не понимают и оспаривают лишь по существу дела, с некоторыми насмешками и намеками, ясно указывающими тайную цель «Московских ведомостей» («Русские ведомости», 4 июля, № 181).

К другому лагерю принадлежат «Русские ведомости» и «Новости», к ним отчасти присоединяется и «Русская жизнь». Газеты держатся на тоненькой шелковинке, которая, того и гляди, оборвется: обе газеты имеют уже по два предостережения⁹¹. Из журналов также торжествуют гасительные. К числу просветительных относятся: «Русская мысль» (Москва), «Русское богатство», «Вестник Европы» и «Северный вестник» (Петербург). Далее пойдут уже: «Наблюдатель», относящийся к более индифферентным, и другие ему подобные органы. Затем к торжествующим принадлежат: «Русское обозрение», «Русский вестник» и, наконец, выступает целый длинный ряд чисто специальных журналов и журнальчиков.

8 июля

В Антверпене на выставке состоялся международный съезд журналистов. Представителем от России состоял какой-то Загуляев, которого в печати до сего времени никто и не знал. В «Новом времени», от 6 ию-

ля, помещен отчет Загуляева о конгрессе. Статья написана, положим, дельно и недурно, но странно, что всегда, когда составляются международные конгрессы за границей, нашими представителями прессы фигурируют люди, с такими маленькими именами в литературе или совсем без них, что совестно и смешно делается за Россию. Как будто у нас нет настоящих, действительно известных и заслуженных литературных деятелей! Нет дружной связи между пишущими, нет учреждения, которое бы спланировало литераторов.

9 июля

«Московские ведомости» (9 июля, № 186) печатают статью с целью уверить общество, устами Иоанна Кронштадтского, в зловредности анархистов. «Будь они прокляты,— с силою воскликнул о. Иоанн,— эти злодеи!» Проклинать легче, чем принять и осуществить действительно радикальные меры, клонящиеся к благу человечества, тем более что и результаты этих мер не могут быть осуществимы в короткое время. Образование, воспитание и возвышение труда — вот настоящие орудия для борьбы против анархизма. Воспитание и образование народа, путем наследственной эволюции людей, приведет людей к стремлению к добру, миру и покою; последнее будет прививаться к людям сильнее, когда они не будут принуждены вести борьбу за существование и их труд будет оцениваться по достоинству. Образование будет способствовать богатству страны; через посредство образования улучшатся многие приемы производства, добывание богатств из земли и проч., и проч. При таких условиях немыслимы будут и анархисты.

12 июля

Много было вчера народа у нас, и я люблю людей, но когда я с ними, то всегда чувствую себя совершенно одинокой. Постоянно мне хочется крикнуть: «Опять один, опять один!» Или в мыслях кружится следую-

щий стих: «И скучно, и грустно, и некому руку подать!» Вечно ощущаешь какую-то преграду: то боишься инстинктивно сказать что-нибудь, чтобы не быть смешной, то думается, что меня не поймут и что я малоинтересна с моими душевными движениями; ограничиваешься банальными фразами или такой же улыбкой, когда слушаешь речи совсем чуждые и неинтересные. И всегда это так! Когда же может быть иначе? По всей вероятности, нет. Должно быть, большинство людей, за редкими исключениями, ощущают то же самое, что и я.

19 июля

Гостей много у нас в доме, но как скучно с ними! Изю дня в день они рассказывают всевозможные маленькие рассказы из жизни других людей, и на всякий случай есть у них и соответствующее повествование. На первом плане в рассказах поведение женщин и мужчин. И боже, боже, какой грязью обливаются все эти люди! Будничная и обыденная жизнь, скучная и серенькая, своя и других людей, подвергается разбору. И странно, что у них даже не эгоизм руководит в этом обливании грязью других людей, а просто стремление злословить, которое заменяет им необходимую пищу для ума.

5 августа

«Русские ведомости» частенько помещают сочувственные биографии только что умерших деятелей или живущих и действующих на пользу ближнего или страны. Между прочим следует указать на статью Н.Ал. Каблукова о Колюпанове, В. Острогорском и о Ядринцеве. Несомненно, что такие статьи действуют на читателя и вызывают в нем хорошие, добрые чувства. Из тысячи, быть может, один перейдет от теоретических мечтаний к практическим действиям. И то хорошо! Жаль, что мало примеров в настоящее время; как оазис в пустыне, мелькают.

— Промелькнуло в «Новом времени» известие о том, что в скором времени предполагается ввести обязательное обучение в трех губерниях для пробы. Прогрессивные издания подхватили эту мысль и начали развивать ее. Но «слух оказался преждевременным», и все снова повесили носы.

13 августа

Интересны нравы в купеческой среде и в настоящее время. Меньшая часть этого сословия развивается, образовывается. Большая же половина коснеет в невежестве или схватывает для тщеславия верхушки, отрывки знаний и кичится ими. В одной семье есть дочка, учившаяся в женской классической гимназии г-жи Фишер. Когда эта девица дошла до 5-го или 6-го класса, ее взяли из гимназии. Прошло 3—4 года, пора и замуж выходить; нашли ей жениха, из купеческой среды, но образованного молодого человека, окончившего курс в университете. Состоялось знакомство между девушкой и N. Мать, увидев, что дочка перед «образованным» «оконфузилась», и не желая потерять выгодного жениха, пригласила скорее профессоров, с платой 5—10 рублей в час. Девица начала учиться, и каждый раз, когда видела N., стала передавать ему целиком чуть не весь урок. Но молодой человек не увлекся этими неожиданными знаниями и прекратил свои посещения. Так и кончилось это сватовство, к большому огорчению мамыши.

Традиции прошлого доброго старого времени глубоко вкоренились и в потомстве и переходят из рода в род. Вот сценка из жизни купцов в 1894 г., в конце текущего века.

Он, молодой человек, 31 года, учившийся, но не кончивший среднего образования; не выдержал экзамена зрелости. Она, окончившая курс женской гимназии, 28 лет. Супруги живут в браке 10 лет, и 10 лет он ее тиранит по знаменитому изречению Островского: «Жена, чего моя нога хочет». Весь дом дрожит при по-

явлении самодура, властного, дерзкого, домой. Прислуга не смеет не только шевельнуться, но и вздохнуть. Жена дрожит и постоянно находится в напряженном состоянии, ежеминутно ожидая крика, ругательств, оскорблений, грязных поношений, эпитетов, незаслуженных попреков куском хлеба и проч., и проч. Когда мужа нет дома, она в час приезда прислушивается к малейшему шуму, чтобы выбежать встретить самодура, в противном случае она подвергается таким возмутительным ругательствам, что волос дыбом встанет, а иногда и побоям. В минуты гнева самодура из ушей жены летят и ломаются серьги; лицо последней покрывается синяками. И за что же это такой гнев? Пережарено или недожарено мясо, испорчено пирожное, забыта какая-нибудь мелочь и т.д., и т.д. Такие нравы были в 50-х годах XIX века, такие же существуют и поныне, в 1894 г. Несомненно, что количество этих примеров уменьшается с течением времени, но они есть, они известны, они видимы и осязательны, и это ужасно.

14 августа

Впечатления прошлого ярко восстают в воображении при легком к ним прикосновении. Сердце сжимается, а разум подсказывает: «Зачем воспоминания?» Да, не надо их, не надо! Вспоминать — значит вновь переживать. Слезы подступают к горлу. Все прошло, все пережито, но не забыто. Да и забыть нельзя... Жизнь была полна надеждами, теперь — пустота и пустота. Не нужна была моя душа тогда, никто не понял и не желал понять меня. Всю жизнь просила ласки, любви у близких людей, и никто мне не дал этого нектара... Может быть, во всем виновата я сама, быть может, это — общий удел матерей оставаться в запасе, за штатом, когда дети вылетают из своих гнезд. Я еще в лучшем положении, чем другие матери...

15 августа

Смешно и грустно из года в год читать в газетах в конце лета, что в такое-то учреждение или другое подано 200—300 прошений, а свободных мест 50. Куда же деваться несчастным юношам, окончившим курс среднего учебного заведения? Несомненно, что подобные явления зависят не от недостатка средств в государстве, а прямо от тайного намерения ослабить просвещение, погасить, потушить стремления молодежи учиться. Конечно, в стремлениях молодежи поступать в высшие учебные заведения нельзя видеть лишь жажды в науке: это стремление объясняется и экономическим положением. Но каковы бы ни были мотивы стремления молодых людей к науке, во всяком случае лучи ее часто освещают плодородную почву и производят полное и хорошее зерно.

— В августе были назначены маневры под Смоленском, о которых, по слухам, было известно год или два назад. В начале августа об этих маневрах печатали в газетах, назначались дни для передвижения войск, и вдруг появилось объявление, что маневры отменены. Подкоп под Смоленском, который передавался как слух, по всей вероятности, был не только слух, но и факт.

— Рассказывают, что в Харькове, когда государь Александр III приезжал на освящение храма в Борки, доктора, которые его видели, пришли в ужас от его вида. Полнота его исчезла, появилась скорбленность, мрачность физиономии, темный оливковый цвет лица. Видно, что его нервы разбиты. Доктора пришли к тому заключению, что в таком состоянии долго жить нельзя.

25 ноября

Как я давно ничего не писала! Прошло более трех месяцев, и сколько нового и грустного, и веселого протекло в эти месяцы. Переменился царь. Сколько тревожных ожиданий пережило общество! Сколько пере-

мен и в семье нашей! Сколько прошло и возникло новых впечатлений, прошло, но не исчезло, и сколько слез я пролила!

Весною моей жизни была горечь, лето горечь, и осень встречена горечью и переполнена ею. Слезы льются, льются, и я не в силах удержать их. И все должно быть скрыто, иначе, иначе — я могу показаться смешной. Терпи и молчи! Что кому за дело, что твоя душа изранена, измучена всей жизнью, что каждое грубое прикосновение к ней отражается мучительной болью! Бедная больная душа требует успокоения, требует покоя и молит только всех, чтобы не трогали ее болезненных ран. Нет, люди эгоисты! Если тебе больно, то прикосновением к твоим ранам мы сделаем еще больнее...

1896

24 января

Писать, что чувствуешь — единственное средство для успокоения себя, а главное, — это средство для приведения своих мыслей в порядок.

На черноземной полосе была засеяна нива пшеницы. Семена взошли и обещали обильный урожай. Яркое светило солнце, обдавая своей теплотой засеянную ниву, и семя зрело от тепла, появился колос, и колос тяжелый: все предвещало хорошую жатву. И вдруг на горизонте появилась небольшая тучка. Небо покрылось облаками, тучами, раздался гром, молния, поднялся вихрь, а затем хлынул дождь и град. Застучали градины по стеклам в окнах, по железной крыше, засыпали лес, землю, ниву. Прошла гроза, небо прояснилось, а на ниве глыбы песку, града, соломы — все смешалось в одну массу, и все пропало. И следа не осталось, что было. Взошло солнце и начало делать свое дело — обогреть жалкую ниву своими лучами, но она безмолвна на это тепло. Нет сил подняться — убито все — раздавлено грозой.

Нечего ждать, не на что надеяться — не на чем строить новые иллюзии, надежды; следовательно, и опасаться бесполезно. Все задавлено, все убито.

1897

7 февраля

Силы изменяют мне; усталость доходит иногда до полного равнодушия ко всему, что занимало и интересовало меня. Не умственные занятия утомляют меня; в них я нахожу отдых, а вечное и напряженное состояние, ожидание каких-нибудь неприятностей и забот незаметно подрывают мое здоровье. Часто я стараюсь забыться в разговоре, чтении, все напрасно: на время я достигаю цели, а затем, снова, грозно встают перед мной тени прошлого, прожитая жизнь, вечное одиночество души и борьба, борьба за право быть одинокой во всех отношениях. Мое одиночество духовное создало мне отдельное царство в моих мыслях и помышлениях, и там я свободна от всех пут, налагаемых жизнью. Разве это не счастье, что я могу жить в этом мире и не нуждаюсь ни в ком? Не нужно мне ни ласк, ни сострадания, ни сожаления людей: все равно никто друг друга не понимает.

19 августа. Осорьино⁹²

Лето прошло. Все здесь доставляло мне удовольствие: лес, зелень, вода, свет и воздух. А эта тишина, которая так успокоительно на меня действовала, в особенности вечерняя, при светлых и темных ночах, когда вдали раздавалось пение малороссов-рабочих, строящих вблизи нас Брянскую ж. дорогу. По временам слышен шорох в густом парке, то от пролета птицы, то от шуршания червей на листве, и затем опять все тихо. Днем картины изменялись беспрестанно от световых лучей, направлявшихся то в одну, то в другую сторону. Замечательны эти световые эффекты! Одна и та же местность при них совершенно изменяет

картину и являет новое впечатление. На площадке выстроен каменный флигель с большими каменными колоннами с одной стороны. Стилъ постройки относится к Екатерининской эпохе, концу XVIII века. С другой стороны пристроен к флигелю жалкий балкон с маленькой лестницей и железной крышей. Странное впечатление производит этот балкон, который прилепился к массивному строению. Окна и двери внутри флигеля защищены массивными железными ставнями. Здесь, по словам старожилов, хранилась библиотека Ермолова, которому принадлежало это имение под названием Осорьино. Этот флигель повествует проходящим или живущим в нем о вкусах и свойствах одного владельца, а площадка другого — Катуара. У последних, т.е. у супругов Катуаров, имеется также библиотека, состоящая преимущественно из французских книг беллетристического и исторического содержания. Для этой библиотеки сделан роскошный шкаф в новейшем духе. Книги, по большей части, переплетенные и неразрезанные, за исключением повестей, романов и рассказов. Супруги Катуары — французы купили это имение лет 20 и умерли несколько лет назад. После них остался сын, которому и досталось это имение, но он живет почти постоянно за границей с женой; все, что поддерживалось матерью здесь в Осорьино, уничтожено, т.е. уничтожено то, что требовало расходов, остальное разрушается постепенно. Дом и обстановка носят отпечаток культурности, комфорта, хозяйственности и даже роскоши. Везде в саду перед домом клумбы, посаженные деревья, чистота; но умственная культура не на очень высоком уровне, если судить по массе французских романов и исторических книг, неразрезанных для употребления. Такие издания, как «Фигаро» с премиями и «Нива», преобладают; во многих комнатах развешены премии этих изданий⁹³ и на нижних полках библиотечного шкафа покоятся эти журналы, переплетенные и уложенные друг около друга.

Дом расположен на пригорке, который оканчивается прудом, разделенным плотиной и мостом; на той стороне небольшая роща и на самом краю берега около пруда громадная ива, в несколько стволов. Крупные и густые ветви свешиваются на воду; вода, как зеркало, отражает ветви. Много, много лет прошло с тех пор, как ива и пруд соединились вместе и перешептываются обо всем, что видели и слышали. Рядом с ивой стоят тоненькие березки, но в почтительном от нее отдалении, чтобы не мешать ей раскинуться во всю ширину. Кудрявая, раскидистая ива, как глубоко образ твой врезался в моей памяти! Зимой, когда снег окутает землю, я буду вспоминать тебя...

20 августа

Сегодня мы перебрались в парк, где жизнь потекла по-старому. Мой садик весь обгорел от удручающей жары, которая держалась в нынешнем году все лето. Листья облетели, трава желтая; в общем садик представляет собой картину природы в позднюю осень.

21 августа

Сегодня жарко: в тени 22 градуса тепла. Пыль летит с шоссе и покрывает все целым слоем. Ветер бушует и сметает последние листья с деревьев. Ходынка покрыта пылью густою, как туман. Настроение у меня скверное: тоска, грусть совсем меня с ума свели за последнее время.

1898

13 апреля

Сколько раз собиралась я писать свой дневник и оставляла это намерение! Надо на этот раз не оставлять и продолжать. Интересно проследить свою деятельность белки в колесе, которая мечется, ищет выхода, воображая, что она чего-нибудь добьется в своих хлопотах, а она бьется только в колесе, пока не упадет

от изнеможения. «Что день грядущий мне покажет?» Хлопоты, заботы, угождения всем и исполнение приказаний во всех видах... Как я бываю довольна, когда остаюсь одна со своими думами! Хотела сказать мечтами. Какие могут быть мечты у меня? Единственная мечта не оставляет меня, которая вполне осуществима: оставаться одной и больше работать и читать. Жизнь двигается постепенно и неуклонно к закату, и это сильно поддерживает меня; со смертью окончится и деятельность белки в колесе... Есть и радость у меня: это созерцание, именно созерцание природы. Наступит весна, все оживет, запоют птицы, и я вздохну свободнее.

25 апреля

Как много существует на свете сосудов без содержимого. На вид — видишь благообразный сосуд, именуемый человек, а внутри него нет ничего... И таких людей большинство; одни из них откровенны в своих действиях, другие прикрываются покрывалом, сшитым из кусков добродетели, гуманности и прочих «забытых слов».

— Сегодня «Русские ведомости»⁹⁴ известили, что они наказаны 3-м предостережением и запрещением издания на два месяца. Вина «Русских ведомостей» заключается в том, что они, вопреки запрещению губернатора, осмелились публиковать о пожертвованиях в пользу несчастных и измученных духоборов⁹⁵. Теперь и читать нечего. Одним словом: «Всюду темно, всюду глухо. Что-то будет, что-то будет!»

26 апреля

Слухи о закрытии «Русских ведомостей» циркулируют по Москве в различных вариантах. Одна-единственная газета, «Русские ведомости», за последнее время помещала в своем издании многочисленные сведения о голоде в 13 или 14 губерниях России.

30 апреля

Красивая тетрадь, купленная за границей; изящная внешность, но пустое будет в ней содержание, а писать хочется, и мысли толпятся в голове. О чем писать? Зачем писать? Кому это нужно? Впрочем, пройдут годы, и интересно будет прочесть о том, что волновало, беспокоило и радовало; последнее, впрочем, есть призрачная мечта. Чему радоваться в настоящее время? В деревнях мужики голодают и умирают от голодного тифа, а с ними их жены и дети страдают. Газеты взывают о помощи, но все это далеко от нас... Пожертвования хотя и льются, но недостаточно.

— Деньги, деньги! Всесильна власть их над людьми. Сколько делается на свете всевозможных мерзостей из-за них, унижений и даже преступлений. Но не всегда эти преступления явные, иногда бывают они и тайные, законом не предусмотренные. Паук плетет свою паутину, медленно, прочно и осторожно и достигает цели, ловит мух и питается ими. То же делает и человек, но сети, раскинутые им, опаснее. И жертвы гибнут. Окружающие ищут причин, по обыкновению, в ближайших фактах: в болезни, простуде и проч., и проч., а корень скрыт глубоко в земле, но его никто не видит... И гибнут не только взрослые, но и дети, в особенности если они представляют собою в отдаленном будущем наследников громадного состояния. Как это все старо однако! Сколько романов и рассказов было написано на эту тему! Время бежит, цивилизация растет, прогресс двигается, а люди-пауки живут и множатся, только действия их получают другую окраску, более утонченную, менее заметную для глаз посторонних лиц. Пауки одеваются в мантию добродетели, пропагандируют себя благотворительными делами и проч., и проч.

27 апреля

Сколько на свете живет и благоденствует людей, которые глупы, самонадеянны, нахальны и дерзки!

Какая истина! Кто же этого не знает? Это так же старо, как и мир. Но глупость людская лезет в нос, глаза, в рот, в уши и надоедает и мучит. Рядом с глупостью всегда почти стоит высокомерие, которое признает только свое «Я» непогрешимым...

9 мая

Наконец, всеми правдами и неправдами удалось мне прочесть «Париж» Зола. Иногда я, действительно, превращаюсь в белку в колесе, которая мечется между пустыми разговорами с гостями и интересной книгой. Если гости налетные, тогда еще можно уловить свободные часы, но когда появляются хронические гости, которые посещают на месяц и более, то положение мое делается безвыходным, и я изнемогаю под давлением пустоты, пошлости и проч., проч. Положим, что со многими из них я не церемонюсь и заявляю, при их приезде, о своем исчезновении на несколько часов в день в свою комнату. Но некоторые, под видом любви, поцелуев, объятий, жалких, льстивых слов, деспотически требуют моего присутствия, забивая мою голову...

20 августа

Осень наступает, и деревья изменили свой цвет. Побурела и ива, стоящая на семи корнях. Давно ли было время, когда она резко отличалась цветом от рядом стоящей темно-зеленой сосны, а теперь разница невелика. Листья еще целы, и ветви обременены ими, в виде шапки; также склонились они низко на пруд, еще немного — и ветви будут купаться в воде. Погода хорошая, теплая; небо голубое; тихо, ясно, но солнце не греет, не припекает так, как летом. Все проходит; все временно в природе; одно сменяется другим и так без конца, пока существует мир. Как сменяется растительность, переменяются животные, птицы и насекомые, так и люди, — одни рождаются, другие умирают. Жизнь не ждет, и смена идет быстро. И мысли чело-

века постепенно, смотря по обстоятельствам, также изменяются: мечты и надежды молодости превращаются в зрелости и старости в разочарование и сомнение. Зреет разум и указывает пустоту мечтаний и несбыточных надежд. Идеал свертывается в пропасть, а на месте его образуется пустырь, заросший бурьяном: все серо, туманно и грустно кругом. Одна надежда остается в старости у человека — это то, что он смертен, и путь его уже близок к концу.

— Развивается промышленность, растет и буржуазия с неизменным капитализмом. Дворянство давило крестьянство крепостным трудом и паразитствовало, утопая в роскоши, на его счет, буржуазия также пользуется трудом крестьян и давит их капиталом. Протест первых выражался в убийствах и поджогах, хотя бы в тех только случаях, когда помещики превышали свою власть и доходили до неистовств, а время шло и шло. Вопрос об освобождении рабов от ига дворянства тихо и крепко созревал в сознании правительства и общества, и, наконец, настала минута, когда порвалась великая и тяжелая цепь, связывавшая крестьян и помещиков. Настанет время, когда образование посеет в сознании рабочих, тех же крестьян, семена освобождения от ига капитализма. Что для этого нужно? Прежде всего сознание несправедливости ига, затем материальное благосостояние и коллективная сила протестующих. И в данное время этот вопрос назревает тихо. Сознание этого пробуждается и у правительства, что выражается в различных мероприятиях и постановлениях закона об урегулировании и облегчении рабочего труда в промышленных учреждениях⁹⁶. Промышленники тоже сознают необходимость облегчения труда рабочих, что видно из их стремления устраивать на фабриках и заводах школы, больницы и проч. То и другое, несомненно, вытекает не из человеколюбивых чувств правительства и промышленников, а прямо только из простого чувства самосо-

хранения, тем более что и наша Россия начала подражать Западу в организации стачек...

28 августа

Если счесть, сколько дней останется в месяце, когда я бываю свободна от сюрпризов, налетающих на меня, как ураган, то и 10 не найдешь. Сюрпризы делают свое дело и подтачивают мое существование; они не дают оправиться организму. Образуется в конце концов полное равнодушие ко всему на свете или вечное ожидание чего-то нового, и это новое — дурное, но не хорошее. Смешно было бы ждать чего-нибудь хорошего. Да есть ли оно на свете? Это вопрос. Трудно представить себе это хорошее, когда его не испытал. Обстоятельства жизни осложняются и производят новые мучения, новые заботы, а одиночество всегда остается неизменным...

1899

1 января

Первый день нового года ознаменовался очень печальным известием о смерти писательницы, Екатерины Оскаровны Дубровиной. Она скончалась от разрыва сердца: смерть последовала моментально. На днях я получила письмо, в котором она писала, что в воскресенье, 3-го, она будет в Москве и заедет ко мне. Замечательная была женщина Е.О. по своим убеждениям, взглядам и самоотвержению. Как писательница, она была известна в начале своей литературной деятельности за очень талантливую особу и писала в лучших журналах («Дело», и во многих других). Затем, позднее, она была вынуждена работать наспех...

— Сегодня получила неприятное известие о новых разговорах, раздорах, в которых силой обстоятельств должна принимать участие. Дело идет о наших конторских делах, которые много вызывают неприятно-

стей, вследствие разрозненности интересов компаньонов, связанных между собою договором...

2 января

Сейчас просматривала итоги прошедшего года и бюджет государственных доходов на 1899 год. В ассигновании средств на народное образование произошел ощутительный прогресс. Так, несколько лет назад, на народное образование полагалось 9 000 000, на 1899 г. назначено 28 761 171 р. На Военное министерство ассигнована крупная величина — 323 791 710 р.; на Морское министерство назначено 83 065 000 р. В общем составляет цифра — 406 856 710 рублей. По сравнению сметы, назначенной на народное просвещение, эта цифра очень велика. Но вооружение всей Европы вынуждает и Россию принимать участие в общем концерте. Когда мы доживем до счастливого времени, когда эти суммы будут изменены в своем назначении в обратном направлении? Тогда только наступит настоящий прогресс в европейских странах, когда вооружение заменится просвещением.

Избитая истина, которая повторяется всеми нациями устно и печатно, но факт остается фактом. Каждая страна уверяет другую в мире, согласии и проч., но вооружение идет своим чередом и прибавляется с каждым годом.

3 января

Открываю газеты и читаю, что Е.О. Дубровина жива и здорова. Я очень обрадовалась этому известию.

— 1899 год был встречен, по распоряжению митрополита Владимира, в 12 часов ночи колокольным звоном во всех церквях. Звон призывал всех к молебну. Такая встреча нового года была обыкновенным явлением у наших предков, в допетровской Руси. Этот обычай давно был оставлен, и вдруг, в предпоследний год XIX века, возобновлен снова. Предполагали, что церкви будут пустыни во время молебна, но, к вели-

кому удивлению, оказалось, что они были переполнены народом.

— Прочла рассказ Антона Чехова, под названием «Новая дача» («Русские ведомости», № 3). Этот рассказ напоминает мне одно из произведений Гарина, в котором ярко представлена картина розни и недоверия крестьян к интеллигенции. Чехов, который принадлежит к партии неомарксистов, намеренно подчеркивает невежество крестьян и тщетные усилия интеллигенции к их просвещению. Спасение крестьян и разрешение этого вопроса марксисты видят в привлечении их на фабрики, где они приобщаются к цивилизации и развиваются. Народники говорят, что фабрики, столицы и центральные города развращают крестьян, а неомарксисты толкуют обратное. Не зная этой теории, можно подумать, что этот рассказ написан ярым консерватором и даже крепостником, который с презрением смотрит на крестьян, усматривая в каждом их поступке гадость, низость, обман, пошлость, разврат и т.д., и видит исцеление этих недугов в кулаке и розге. Или же он смеется над интеллигентами, говорящими литературным языком с крестьянами и предлагающими им деньги, школы и больницы. Люди, полагающие все свои надежды на просвещение народа, поймут этот рассказ именно в том смысле, что надо больше заботиться об образовании народа, чтобы не было этой жизни, чтобы народ и интеллигенция больше понимали друг друга.

13 января

Весь день прошел без занятий: точно тяжесть непосильная лежит на моей груди, и нет сил сбросить с себя гнет, который давит меня. Может быть, завтра я буду чувствовать себя лучше. Все эти неожиданные сюрпризы всегда вызывают во мне воспоминания прошлого и страх за будущее. Трудно ждать хорошего, когда его не было. Лучше ждать дурного уже потому,

чтобы легче к нему подготовиться и заранее обдумать план действий для борьбы с ним.

10 февраля

Не писала более месяца: не было времени присесть и поделиться с бумагой своими мыслями и впечатлениями, а последних было не мало.

Писать больше не могу: глаза болят и просят отдыха в вечерний час: сейчас 9 с половиной часов. Слабеют винты в машине от постоянного трения; ослабели и мои глаза от постоянных занятий, и порой усиленных. Я, как пьяница, который заливает свое горе в водке, а я заливаю его в чтении и письме, которые составляют для меня высшее наслаждение.

11 февраля

Удивительно, как люди умеют портить себе жизнь, тонко и бессознательно сплетая паутину, которая в конце концов запутывает их самих.

Искренность есть ценное качество людей, которое несовместимо с чувством самосохранения, присущим всем животным так же, как и роду человеческому. Искренность возможна в детстве и юношестве, а затем она постепенно уничтожается жизненным опытом, который учит слишком многому и часто портит людей, превращая их в фальшивых.

Вчера слышала интересный рассказ. У нас в Москве свирепствует, хотя некоторые его и хвалят, обер-полицеймейстер Трепов. Дело в том, что театр, содержимый Саввой Ив. Мамонтовым⁹⁷, долго не допускался к открытию властями, вследствие нежелания конкуренции с Большим императорским оперным театром. Наконец, разрешение последовало. В день открытия театра управляющие этим учреждением пожелали пропеть на сцене гимн: «Боже царя храни», для чего и обратились за разрешением к обер-полицеймейстеру, но его не оказалось дома; тогда было решено пропеть гимн без разрешения, так как здравый смысл указы-

вал, что противозаконного в этом ничего нет. На другой день содержательница театра К. С. Винтер и заведующий Малинин были вызваны к обер-полицеймейстеру, и им было объявлено, чтобы первая за сопротивление властям закрыла театр, а второй выселился бы в 24 часа из Москвы. Пораженные такой неожиданностью, они вернулись в театр и не знали, что им делать, тем более что время было уже позднее, спектакль объявлен и все билеты распроданы. Один из полицейских, присутствовавших в театре, заявил, что есть выход из такого положения, если принять во внимание трусость Трепова, но просил только не выдавать его. Прежде всего он представил на вид заведующим, что они имеют право объявить публике, почему театр закрывается и она приглашается взять деньги обратно. Затем он предложил отправиться самому к Трепову и под секретом сообщить ему это. Так и было сделано. Трепов испугался. Полицейский объявил, что было одно недоразумение, так как в телефон о запрещении петь гимн было сказано в кассу, а не в театр; артельщик, хотя и сообщил об этом запрещении, но ему никто не поверил, предполагая, что он ошибся или не разобрал сказанного. Все пошло своим чередом.

— Был сейчас у меня доктор Титов. Я его спросила, читал ли он мою статью в «Русских ведомостях» под заглавием: «Новый тип средней школы во Франции». Оказалось, что нет; я дала ему газету. Он выразил одобрение, которое всегда бывает приятно получать от умных людей. Кстати об этой статье. Французский педагог г-н Демолен организует с помощью многих сочувствующих этому делу новый вид средней школы, по типу англосаксонских. Этот вид представляет много нового и интересного и для нас, русских, тем более что наши средние школы поставлены возмутительно.

— Сегодня у О. родилась дочь. Отец не желал иметь дочь, тем более что одна уже есть. Свое нежелание он объясняет трудным положением женщины в мире во-

обще, а в русском обществе в особенности. Несомненно, что он прав. Как ни двигаются женщины вперед везде, так же, как и у нас в России, но это движение слишком незначительно в смысле не только прав, но и образования. У нас открыт, положим, медицинский институт для женщин, но доступ туда очень ограничен. Существуют курсы — одни-единственные, Бестужевские⁹⁸ в Петербурге, затем так называемые коллективные уроки в Москве, и больше ничего нет для высшего образования женщин. И это образование, за исключением медицинского института, никаких прав женщине не дает. Бесспорно, что по сравнению с тем, что было 30—40 лет назад, женщины сильно двинулись по образованию вперед, но из того не следует, чтобы отцам можно было быть вполне спокойными за будущность дочерей. В общем в настоящее время почти все то же, что было и раньше, когда родители стремились отдавать дочерей замуж, не зная другого исхода для их обеспечения. Что нужно девушке? Все то же, что и прежде: хорошенькое личико и деньги; отсутствие того и другого оставляет ее уже за штатом в жизни; одно личико также не имеет большой цены; но без него уже и совсем плохо. Ум и другие душевные качества — все это аксессуары к хорошенькому личику и деньгам. Будем надеяться, что к тому времени, когда подрастут мои внуки, в России будут существовать университеты женские или женщины получают доступ к высшему образованию в мужских университетах. Дело все в том, чтобы женский удел не заключался бы только в одном замужестве, которому не может мешать образование. Пусть выбор профессии будет так же свободен для женщины, как и для мужчины. Пусть и брак будет таким же простым актом и равно необходим, как для мужчины, так и для женщины; последняя, вступая в брак, несомненно, будет понимать свои обязанности воспитательницы своих детей, как понимает это и хороший отец в настоящее время. Желаящие или бездетные будут посвящать

себя тому или другому труду, сообразно образованию и выбору профессии. Пусть девушка некрасивая и старая пользуется уважением общества, согласно своему уму, развитию и образованию.

7 марта

Слишком осложнилась моя жизнь, слишком тяжело быть центром, который должен все нести на своих плечах. Когда же сломится моя несокрушимая сила и меня не станет? Должен же, наконец, наступить вечный покой и для меня! Со всех сторон сыпятся на меня огромные еловые шишки и больно бьют меня по голове, плечам и спине и т.д. Отстраняю их, сбрасываю, закрываю голову, глаза от них, разбрасывая руками, ногами, и все напрасно.

— Последняя студенческая история* изменила взгляды на студентов совершенно в противоположную сторону, сравнительно не только с прошлым, но с недавним временем. 1 января 1899 г. на нашем обеде** присутствовал М., профессор Лазаревского института⁹⁹. Этот господин, состоя в чине генерала, громил все либеральное, выставлял централизацию как нечто совершенное; порицал молодежь; требовал обрусения завоеванных стран; одним словом, говорил все то, что и подобает генералу. Раньше, когда он еще не находился в этом чине, и речь его была сдержаннее, мягче; он сообразовался с мнением лиц, которые были его собеседниками. Теперь — не то; он важная птица, заслуженный профессор, генерал, следовательно, ему все возможно, он чувствует себя столбом Российского государства. И вдруг, во время студенческой последней истории (дело склонилось в пользу студентов), в эту же сторону бросились и все подведомственные служащие, в лице профессоров и проч. Полились ре-

* Студенческие волнения в высших учебных заведениях весной 1899 г. В одной из тетрадей А.И. Волковой записаны сообщения, рассказы и слухи об этих волнениях.

** Традиционный обед 1 января, в день рождения А.И. Волковой.

кой другие речи. Вчерашние ретрограды, ненавидящие молодежь, сегодня толкуют о студенческой организации по факультетам, о невмешательстве полиции, о дозволении сходок. Корпорации, по их мнению, возможны и даже необходимы, так же, как и сходки и университетский суд. Сегодня, 7 марта, все это я слышала из уст М., который горячился и волновался, говоря об этом; точно так же он выходил из себя, как 1 января, когда говорил совершенно противоположное. Я слушала и удивлялась, как быстро меняются взгляды и убеждения у 60-летних старцев под влиянием различных веяний свыше. Окончив свою горячую речь, М. добавил, что он вчера еще говорил об этом в обществе многих профессоров Московского университета. Я уверена, что если бы он слышал что-нибудь подобное, что сам говорит теперь, осенью или зимой от своих коллег, принадлежащих к другому лагерю, то он бы донес о них куда следует, чтобы выслужиться...

8 марта

Мамин-Сибиряк говорит, что история каждого человека есть сказка, интересная для него одного. И это верно. Кому нужны все эти мучения и страдания, которые испытывает человек во всех возможных видах и с различными вариациями. «Зачем мне знать твои печали, зачем ты жалуешься мне?» — говорит Тамара Демону. Люди вообще вполне равнодушны к страданиям ближних: своих много; время только подумать о них. Есть, которые благодаря личным невзгодам, отзывчивы и к несчастьям других. Но такие субъекты редки.

9 марта

День за днем и сутки прочь. Сегодня походила в первый раз по комнатам после бронхита, который терзал меня целый месяц. Хождение продолжалось три четверти часа с тремя перерывами, а к вечеру ноги

снова отекали, в особенности по обыкновению левая. Должно быть, так и будет постоянно: «нос завязил, хвост вытащил и т.д.». Да не все ли равно? Лишь бы не было сильных недомоганий, которые могут мешать занятиям, убивать энергию, а это самое ужасное.

10 марта

Чем ближе подходит лето, тем грустнее для меня, что я не увижу природы в нынешнем году, так как должна жить в Петровском парке, где, кроме пыли и ресторанов, ничего нет. Как надоело мне это слово: «должна!»

Единственное мое утешение и спокойствие духа, это — природа, и этого я лишена в силу обстоятельств. Я даже не могу жить на дачах вроде Останкина, Кунцева и т.д., где все-таки есть что-нибудь, что напоминает природу. В парке, кроме ящика, именуемого садом, ничего больше нет. В самом парке можно еще гулять утром. Впрочем, что же я печалюсь. Из 35 лет моего замужества я жила 30 лет в парке и 5 последних лет в деревне: два года в Пушкине, год в Семенкове и два года в Осорьине; последние две местности представляют собою настоящую деревню, и первая тоже дачное место, которое во всяком случае лучше Петровского парка. И то хорошо, что я 5 лет видела природу.

Сегодня все газеты извещают, что высланные и исключенные студенты в Петербургском и Московском университетах возвращены по приказанию министра народного просвещения Н. П. Боголепова. Молодцы студенты, добились своего. Пора действовать коллективно, а не враспынную. Для нас, граждан, так ново и неожиданно читать в газетах о возвращении студентов. Да когда же это было, чтобы правительство извещало об этом граждан газетами? Родители не знали, где их дети и за что они исключены или высланы. Будем надеяться, что этот первый шаг есть начало конца бесправия и грубости относительно студентов.

8 апреля

Сегодня в «Русских ведомостях» помещены выдержки из статьи Арсеньева о печати. Интересно то, что бесцензурных периодических, еженедельных и ежедневных, изданий почти нет в данное время в столицах. В Москве «Московские ведомости» выходят только без предварительной цензуры, остальные, как например: «Русские ведомости», «Курьер», находятся под цензурой. В Петербурге почти то же самое: «Правительственный вестник», «С.-Петербургские ведомости» освобождены от цензуры; другие, как «Новости» и, кажется, «Новое время», хотя и считаются бесцензурными, но на них лежит два предостережения, а за третьим уже следует по закону цензура.

В Петербурге издается второй год под покровительством В. С. Миролюбова «Журнал для всех». Цена журнала 1 рубль в год, с доставкой и пересылкой. Дешевизна эта имеет целью привлечь большое количество подписчиков, но не с желанием наживы, так как для последней необходимо иметь по меньшей мере 70 000 или 80 000 подписчиков. В 1898 г., по слухам, подписка не достигла более 15 000 человек, почему этот журнал не может даже окупить себя, тем более что участвующие в нем принадлежат к научным и литературным известностям. В. С. Миролюбов из духовного звания; образование окончил, кажется, в университете, хотя я это не наверное знаю. Затем у него оказался голос, почему он учился петь и поступил на сцену, но, за недостатком здоровья, должен был оставить эту карьеру. Основная цель издания «Журнала для всех» очень симпатичная: предполагается доставить разумное чтение всем желающим и за дешевую цену. В этом издании принимают участие профессора, которые помещают в нем статьи по своим специальностям, но в популярной форме, доступной пониманию людей со средним и низшим образованием. Журнал знакомит со строением человека, с воспитанием детей, с естественными науками, с историей и проч. В белле-

тристическом отделе в первых трех книжках был помещен рассказ Н. Тимковского «Среди людей». Отношения людей между собой слишком холодны, черствы, и человек «среди людей» может умереть с голода. Герой этого рассказа некто Еремин, получивший среднее образование, но не окончивший его за недостатком средств, ищет занятий и нигде не находит их; в числе лиц, к которым он обращался, представлены различные слои общества, и везде его преследовала черствость, сухость или смешная, или глупая благотворительность. В конце концов он решил броситься под поезд, но не успел исполнить свое намерение, — он замерз. Этот рассказ наверное заставил многих покраснеть или вспомнить из своей жизни однородные случаи обращения с бедными.

В нынешнем году, т.е. в 1899 г., подписка на журнал увеличилась, хотя достоверных сведений об этом я не имею. Подписка, вследствие дешевизны, проникает и в деревни, что, несомненно, принесет большую пользу всем грамотным. Очень было бы прискорбно, если этот журнал, не достигнув цели, загдох бы за недостатком средств.

— Л.Н. Толстой написал роман под названием: «Воскресение», который он продал Марксу, издателю журнала «Нива», за 12 000 руб. Печатание романа началось с 2 № «Нивы». Благодаря этому роману подписчиков прибавилось в этом 1899 г. громадное количество. В Москве по крайней мере чуть не в каждом доме получают «Ниву». Вначале многие газеты, как: «Курьер», «Новости дня» и некоторые петербургские издания, пользуясь, что Толстой отказался от издательских прав, начали перепечатывать этот роман, но затем Маркс обратился к Толстому за разъяснением вопроса; последний ответил печатно, что он находит это несправедливым, так как Маркс приобрел роман за известную цену. Раз он будет свободно везде перепечатываться, то всякий может читать этот роман во всех изданиях, не подписываясь на «Ниву», и, следо-

вательно, издатель будет в убытке. В настоящее время я прочла только четыре № «Нивы» и могу сказать, что впечатление от начала романа очень сильное. Несмотря на ожидание продолжения в течение недели, все прочитанное не сглаживается в памяти, а все лица стоят как живые перед вами. Иногда кажется, что слышишь разговор, видишь выражение лиц князя Нехлюдова и Катюши. Интерес вырастает с каждым прочитанным номером. Говорят, что в июне роман будет окончен.

10 апреля

Вышла новая книжка под названием: «Воспоминания студенческой жизни». Эти воспоминания принадлежат профессорам Ключевскому, Соловьеву, Кирпичникову, Буслаеву и другим лицам, как, например: Обнинскому, Свербееву, Гольцеву, Деркачеву и Митропольскому. Особенно сильное впечатление производят статьи Ключевского о Соловьеве, Обнинского и Соловьева. Последний, вспоминая о попечителе Московского учебного округа С. Гр. Строганове, разбудил в моей памяти некоторые картины моего детства. Граф Строганов жил в Кунцеве в имении Нарышкиных в течение многих лет, где жил мой отец при жизни матери. У графа были взрослые сыновья, дочери и внучата; к этим последним нас, детей, брата и меня, приглашали играть. Граф был высокого роста, седой и с ласковыми глазами, когда он смотрел на нас, детей. Графиня, старая старушка с седыми локонами, всегда сидела на балконе и при нашем появлении гладила нас по головам и всегда чем-нибудь угощала. Графа я очень боялась и всегда пряталась куда-нибудь в угол или в саду за кусты. Сын графа Строганова, Николай Сергеевич, крестил с моей матерью ребенка у крестьянина из Мазилова, деревни, находящейся близ Кунцева. Молодой офицер в то время, он был веселый, изящный и живой. Часто приходил он к нам, и я до сих пор помню его смех и приятный голос, которые раз-

давались по комнатам. Сильно запечатлелась в детской памяти ласка графини, в первый год после смерти матери, когда мы снова жили в Кунцеве летом и отец был уже женат на Вере Федосьевне Какушкиной. Графиня и няня ее внучат целовали нас с братом, ласкали и даже плакали. Должно быть, эти слезы были вызваны резким контрастом нашего положения при матери и без нее. Контраст этот выражался во всем: в нашей одежде, в поступках, в робости и проч.

4 мая

Облегчил ты когда-нибудь
Скорбь угнетенного?
Осушил ли когда-нибудь
Слезы страдавшего?

Это четверостишие Гёте, думаю, подходит ко многим в буржуазном сословии, в котором, несмотря на XX в., сильно еще господствует принцип: «Нраву моему не препятствуй!» Недавно проф. Овсянко-Куликовский написал статью в «Журнале для всех» (1899) о Чехове, где упомянул о типах Островского и сказал, что они уже почти исчезли в настоящее время. Профессор живет в Петербурге и, конечно, мало знает Москву, почему и говорит так; тем более что он живет и действует в интеллигентной среде и не может даже представить себе той дикости нравов, которая существует и благоденствует в Москве между именитыми купцами. Многие из молодых людей превосходят старых Тит Титычей по своему деспотизму. Разница только в том, что старики свои действия считали в порядке вещей и не скрывали их от людских взоров, а молодые прикрывают все внешним блеском, который выражается как роскошью их обстановки, так и умением болтать на иностранных языках, и проч., и проч.

8 мая

Конец XIX в. ознаменовался событием великой важности, мирною конференциею в Гааге, в Голлан-

дии, в текущем месяце¹⁰⁰. Несомненно, что решение держав относительно разоружения последовать не может в данное время. Трудно себе даже представить, чтобы могло совершиться подобное явление. Знаменательно то, что все державы собрались на эту конференцию для обсуждения вопросов о всеобщем мире. Многие газеты высказывали опасения, как бы эта мирная конференция не привела к вооружению. Действительно, это была бы горькая насмешка. Люди собрались обсуждать мир, а пришли к соглашению относительно войны...

9 мая

Сегодня годовщина смерти моей матери, которой я обязана всем, что я есть, несмотря на то, что мне было только 9 лет, как она умерла. Мать скончалась в 1856 г., следовательно, сегодня 43 года, как ее нет, а память о ней живет во мне. Эти 9 лет моей жизни протекли совсем иначе, чем последующие до моего замужества 7 лет. Тогда трудно было понять изменение жизни, которое отражалось во всех мелочах, а теперь оно ясно и понятно. Контраст был слишком резкий, чтобы не заметить его. Грустно и горько вспоминать обо всем, что было и прошло, но след этого прошлого остался и глубоко запечатлелся в памяти.

5 июня

Невеселый, несладкий мой удел. Кто окружает меня? Ненужные, ископаемые древности, как говорит В. Везде ископаемые древности бывают интересны, а у меня и этого нет. Собеседники мои дорогие — это книги и тетрадки. У детей моих свои семьи, и все озабочены своим делом, да иначе и быть не может...

5 сентября

Дрейфуса снова осудил военный суд, и вся Европа возмутилась по поводу этого тяжелого события¹⁰¹. Невиновный осужден, а виновный торжествует. Чудное

письмо Зола уясняет положение дел после Ренского приговора. Какое чудное письмо, какая горячая защита чести нации и справедливости в мире! Такое письмо может успокоить и обновить душу человека, измученную равнодушием людским. «К добру и злу постыдно равнодушны». О, это равнодушие, как оно мучительно отзывается на сердечных людях и как оно распространено между людьми. Все выходящее из рамок равнодушия считается ненормальным, болезненным, эксцентричным. Медицина нашла даже название этому состоянию: в данное время все такие люди называются неврастениками и истеричными; первый эпитет налагается на мужчин, второй для женщин. Несомненно, что в наш нервный век эти болезни существуют, но под них подводят и здоровых людей, но горячих, отзывчивых и энергичных. О Зола тоже говорят, что он ненормален, в смысле общего шаблона людей. Это равнодушие прикрывают, называя его умом, спокойно и хладнокровно разбирающим события дня.

— Какое странное чувство ощущаю я сегодня! Точно я от чего-то отрешилась и что-то пережила. Это ощущение я почувствовала еще вчера. Несомненно, что это — реакция после тяжело и мучительно проведенной недели. Чувство отступило назад, и на первом плане выступил разум, который все взвесил, рассудил и успокоил. Но иллюзия, за которую я цеплялась, рассыпалась, как песок, и разметалась ветром в разные стороны. Неужели я опять создам себе иллюзию и затем опять стремительно слечу с облаков?..

13 сентября

За последнее время я сильно поддавалась влиянию семейных невзгод и погружалась в это чувство с головой, если так можно только выразиться. Сегодня я опомнилась под впечатлением прочитанного рассказа Вильгельма Либкнехта под названием «Комедия смерти». Сущность в том, что одна жена, любившая своего

мужа и прожившая с ним более 25 лет, скрыла свою болезнь, исход которой она хорошо знала, ради любви к семье («Русские ведомости», 13 сентября 1899). Давно известно, что женщина более способна на самоотвержение, нежели мужчина, но я слишком утонула в горестях. Надо жить и терпеть, ничего не требуя и ни о чем не помышляя. Между мною и женою доктора разница только та, что она была любима своим мужем и срок ее страданий был ограничен, а у меня нет ни того, ни другого. Моим мучениям нет также другого исхода, как смерть; каторга без выслуги лет. Но я стала озлобляться за последнее время, приходить в отчаяние, а этот рассказ умиротворил меня. Я точно нашла отклик своим мучениям и вздохнула свободнее.

22 сентября

Как мелки и пусты разговоры женщин во всех слоях общества. Сейчас за столом со мною сидели две дамы: одна старая, вдова инженера, другая, молодая, вдова офицера, и о чем же они говорили? Та и другая перебирали чуть не всех живущих в Пятигорске, и не только их, но и всех родственников, которые только приезжали по временам в этот город. И какая память! Все мельчайшие подробности в отношениях этих лиц между собою, их родословные и проч., все это высыпалось из их уст с необыкновенной быстротой; по временам они спорили, доказывая друг другу ошибку, например в том, что тот-то жил с этой-то, а не с той и т.д. И как оживленно велся этот спор, как горели их глаза, как усердно жестикулировали эти дамы! Положим, что обе дамы — провинциалки. Но и в Москве такие экземпляры совсем не редки. Чем интересуются женщины, что они читают? В лучших случаях романы без разбора, а в худших — и совсем ничего. Есть дельные женщины, но как их еще мало! Хотелось бы видеть их, слышать в возможно большем количестве, но, видно, скоро ничего не делается. И то хорошо, что есть, сравнительно с тем, что было 30—40 лет назад.

Тогда умные, развитые женщины встречались только единицами.

Сегодня погода изменилась к худшему: затуманился горизонт, и затем пошел дождь. Но с 15 сентября до настоящего дня мы пользовались летней температурой и ясными солнечными днями. Ежедневно мы путешествовали с Д. И. в парк, совсем пустынный в настоящее время, что особенно нам было приятно, так как свободно можно было ходить по аллеям и дышать хорошим воздухом, не обращая на себя внимания других людей. Многие деревья облетели, как, например, липы, но зато тополя, березы еще только пожелтели. Хвойные гиганты стоят во всей своей красе, лиственница, сосна, пихта и ель. Какие чудные есть аллеи в парке из елей и лиственницы; первая, положим, небольшая, но очень красивая. Взглянешь на вершины этих деревьев и вздохнешь свободнее. Невольно хочется поведать свое горе этим немым свидетелям человеческих драм. Гордо стоят эти пирамиды и снисходительно смотрят на жалкого человека внизу: иногда налетит ветерок, и громадные, тяжелые ветви закачаются в ответ и снова затем примут прежнее положение. Вот заходит осеннее солнце, превращая окружающее небо в золотой ковер, с ярко-красным блеском, который передвигается по верхушкам деревьев. И какая это чудная картина!

24 сентября

Чудная погода последних дней сменилась сегодня дождем и туманом, который висит над землей. Барометр падает. Должно быть, придется нам перебираться из Петровского парка в Москву на Волхонку, где шумно, суетливо. Нервы и без того плохи, а неистовый шум городских улиц еще более раздражит их.

25 сентября

Люди, преследующие свои интересы в жизни, всегда счастливее тех, которые ставят целью своего суще-

ствования интересы других. Странно, действительно, что человек с бóльшим уважением относится к первым, нежели к последним: их хотя и бранят за глаза, но осторожны с ними, в силу страха или чего другого; последние же всегда подвергаются эксплуатации или даже насмешкам, когда их самоотвержение в пользу других переходит условные границы.

29 сентября

Кончилась хорошая погода; наступила настоящая осень, и пронесся циклон над Москвою в ночь на 27 сентября и принес с собою много бед в городе и в окружающих городах. Поломаны телефонные и телеграфные столбы; разорваны сети, и сообщение между Петербургом и Москвой остановилось. Ветер или, скорее, ураган, снег и дождь соединились вместе и произвели нечто невообразимое. Мы сидели на даче в парке и боялись, что ураган сорвет крышу, но рощица сада спасла от этого. Выйти на двор было немыслимо, так как все крутило, вертело, и снег залеплял глаза. С ужасом смотрели мы из окна на разбушевавшуюся природу. На следующий день появились снова снег и мороз, но теперь мы вступаем в мокрую осень с неизменной изморозью, темнотою и сыростью. Завтра переезжаем из Петровского парка в Москву на Волхонку, на зимнее сиденье.

Что-то будет, что-то будет?!

10 октября

Прочла какой-то рассказ, где героиней является забытая, но любимая когда-то жена, и поднялись в душе воспоминания своей жизни, в которой ничего не было хорошего. Поились горькие, неудержимые слезы. Зачем это? Как это глупо! Да, наконец, смешно и поздно плакать о том, чего нет и никогда не было. Давно, давно пруд зарос тиной, а рассказ явился, в виде камня, брошенного в пруд.

Тина заколебалась, замутилась; на момент вострепелся пруд, и опять все заглохнет. Как велика и сильна жажда ласки, нежности, забот людских, если и годы не могут заглушить этой потребности, и разум бывает иногда бессилён со своими логическими рассуждениями и требованиями! Одиночество очень тяжело во все возрасты жизни, а на склоне дней оно ещё сильнее ощущается, так как впереди нет надежды ни на что: все иллюзии давно исчезли, как метеор в летнюю ночь.

1900

12 марта

Люди очень часто относятся друг к другу — с совершенным почтением, вместе с совершенным равнодушием. Эту смесь отношений я давно подметила у многих людей, стоящих даже на высокой ступени умственного развития. Это отношение давно душит мой внутренний мир...

Кто-то позвонился, и я должна оставить исследование причин этого вопроса и заняться пустыми разговорами, показывая вид, что их слушаешь, а самой думать совсем о другом. Сегодня воскресенье, следовательно, нужно выносить эту пытку.

18 марта

Англичане воюют с бурами¹⁰² или с голландцами. Эту войну называют войной капиталистов. В Трансваале оказалось золото, и буржуа пожелали им воспользоваться. Интеллигенция английская возмущается этой резней мирных бюргеров, живущих в Южной Африке, но правительство и капиталисты делают свое скверное дело на посрамление себе перед всем цивилизованным миром. Однако как ни привыкли люди к тому, что добродетель наказывается, а порок торжествует, а в данном случае совершается наоборот. Бедные буры так стойко отстаивают свою независимость,

что англичане не могут сладить с ними. Одно время, и очень непродолжительное, победа была на стороне англичан, но ненадолго, буры снова одержали верх.

В настоящее время в Москве только и разговоров во всех слоях общества, что на Страстной неделе придет государь Николай II и объявит войну*. Военные приготовления не скрываются: Брестский вокзал переполнен войском, которое отправляется на западную границу. Многие утешают себя и других, что это неправда, что все эти слухи не имеют никакого основания, но людская молва, как морская волна, бежит вперед без оглядки и пугает всех. Нет семьи, где не будет слез. Прольются слезы, быть может, и у нас...

Как горько, грустно и вместе с тем смешно вспоминать про Гаагскую конференцию, обсуждавшую всеобщий мир по инициативе нашего государя. Давно ли это было? Еще года нет. Не успела окончиться конференция, как англичане начали свое вопиющее дело с бурами. С самого начала этой войны (с октября 1899 г.) мне казалось, что будет в конце концов общая европейская война. Такое усиленное вооружение и безумная трата на него денег чуть не всех держав не может, наконец, не дойти до крайних пределов и не разразиться над всеми, как грозовая туча, повисшая над землей. И сколько лет продолжается это безумное вооружение? Почти 30 лет, без нескольких годов для России, и ровно 30 для Франции и Германии, которые воевали в 1870 г., а в 1873 г. немецкие войска возвращались с ликованием в Германию¹⁰³, что мне пришлось видеть случайно, когда я жила на курорте в Крейцнахе. Путь от Меца в Пруссию идет через Крейцнах. Надо было видеть безумие ликующих немцев: войска проезжали по железной дороге и махали в окна платками, а жители неистовствовали, падали на землю, прыгали, плакали и проч. Все дома в Крейцнахе были убраны в этот день флагами, а хозяйки угощали своих жильцов, больных, особенно лакомыми блюдами, вро-

* Слухи оказались неосновательны.

де «Lachfisch» (лососина), или разными необыкновенными пудингами. Мы, иностранцы, невольно участвовали в этом торжестве, хотя многие, быть может, из нас и не разделяли этого ликования. Кончилось ликование, и началось вооружение. Французы не могут забыть своего унижения и глубоко таят в душе «revanche», а германцы тоже готовятся к войне из года в год.

В течение моей жизни я была свидетельницей двух войн, в которых участвовала Россия. Первая была Севастопольская, когда мне было 6 лет, т.е. в 1853 г., во время объявления войны. Воспоминания этой войны очень смутны; одно запечатлелось только в памяти слишком резко, это — щипание корпии для раненых; этим занимались в то время буквально везде*. Вторая война с участием России была в 1876 г., когда мне было 29 лет. Эта война, хотя и производила на меня впечатление ужаса, горя и слез, но душа не проникалась таким глубоким чувством жалости и отвращения, как в данное время, при одних только еще разговорах о войне России с англичанами. В то время я слишком была поглощена семейством и болезнями, почему и театр военных действий был далек от меня, тем более что я не могла даже следить за всем ходом событий по газетам, т.к. мало приходилось читать их по нездоровью. Общий дух патриотизма, несомненно, был и выражался только в желании, чтобы русские победили, а чего эти победы стоят, и сколько слез и горя рассеяно в стране победителей и побежденных, этого в голову не приходило, и наверное потому, что эгоистические убеждения преобладали. Иной раз в тишине ночной и представлялись картины плачущих матерей, жен и сестер о погибших сыновьях, мужьях и братьях, но эти картины были слабы, сравнительно с настоящим временем, когда одни только слухи волнуют и заставляют трепетать сердце.

* См.: «Воспоминания детства», с. 77—78.

19 марта

Время бежит, не останавливаясь. Молодое поколение вытесняет старых, и так без конца, пока существует мир. «Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu!»

— Капитализм делает свое дело и не знает никаких других интересов, за исключением приращения собственных капиталов. Вчера, 18 марта, в газеты проник слух, что писчебумажные фабриканты намереваются устроить между собою синдикат и набавить 10% лишних на стоимость бумаги. Возвышая цену на бумагу, они тем самым возвысят цену и на книги и, следовательно, уменьшат их распространение. Фабриканты мотивируют этот проект недостатком леса, из которого делается бумага, и новым лесоохранительным законом, препятствующим истреблять древесину. За границей эти законы давно существуют, но бумага дешевет, а не делается дороже. Капитализм растет, положим, везде, и на Западе даже более, чем в России, но там растет и просвещение, а у нас господствует косность и невежество, а последнее вообще склонно не только распространять просвещение, но смеяться над ним и препятствовать ему.

20 марта

Вчера прочла рассказ Михеева «На выставке» («Русское богатство», № 1, 1900 г.). Автор описывает Нижегородскую выставку, рядом с различными впечатлениями и типами¹⁰⁴. Между прочим он указывает один очень интересный тип молодого человека, который вынес сильное горе, нужду и разом преобразился из живого веселого студента в аскета. Этот молодой человек находит красоту жизни в сознании своей правоты перед всеми людьми. Это сознание проникает его душу настолько, что он чувствует себя выше своего горя. Рядом он занимается самоусовершенствованием и сдерживанием. Это все, вместе взятое, поддерживает его дух и не дает погибнуть. Положим, этим

сознанием, что я никому не сделал зла, что никто не плакал от меня, можно жить и дышать, но только в молодости. Мне кажется, что многие люди, испытавшие горе, поддерживают себя этим сознанием. Я это испытывала и испытываю доныне, хотя в данное время, на склоне дней моих, это сознание тускнеет; нет в нем той силы и яркости, как это было в молодости. Теперь моментами появляется озлобление рядом с равнодушием, и сознание своей правоты перед людьми не вызывает подъема духа, как прежде. Все равно скоро умирать. В старости сознание близкого конца больше поддерживает, чем сознание своей правоты перед людьми.

21 марта

Вчера окончился съезд ремесленников в Петербурге; этот съезд был первым в России, и результаты его оказались довольно плачевными. Съезд, состоявший из 1500 членов, довольно ярко указал, как низок уровень нравственного и умственного развития ремесленников в данное время. Да оно и неудивительно! Кто составляет ряды ремесленников в России в настоящее время? Крестьяне, пришедшие в города учиться ремеслам еще в детском возрасте и вынесшие всю муку ремесленного обучения. Люди эти состарились и закалились в жизни, сознавая только одно, что деньги все, почему и цель оправдывает средства, следовательно, если меня давили, то и я буду давить слабых и тем приобрету средства к существованию. Ремесленник по опыту видел, что сила не в грамоте, а в деньгах, почему и на съезде все, что касалось ремесленных учеников, их обучения и лучшего с ними обращения, ему казалось пустяками, или «философией», как выражались некоторые, когда кто-нибудь из интеллигенции говорил об образовании ремесленных учеников. Интересно описывают этот съезд газеты. Всякое умное слово, раздающееся с кафедры, осыпалось со стороны ремесленников следующими словами:

«Довольно!», «Будет болтать!», «Похерить!» и т.д. Многие ревнители просвещения и защитники малолетних преступников должны были на полуслове остановить свои речи и удалиться с кафедры. Положим, что удалось добиться постановлений об отмене телесного наказания, о позволении обучаться ремесленникам-ученикам по воскресеньям, о требовании, чтобы поступающие в ремесленное заведение окончили курс в начальном одноклассном училище. Но каких усилий потребовалось на это со стороны интеллигенции! Ремесленникам до этого нет дела, что будет впереди; они живут настоящим, своим личным «я», а «après nous déluge»¹⁰⁵. Борьба ремесленников с механическим трудом многих производств и сейчас дает себя знать, но орудий для этой борьбы ремесленники ищут не в грамоте, не в образовании, не в сплочении друг с другом, а во всем постороннем, как, например, в эксплуатации ремесленных учеников, в яркой конкуренции между собою и т.д. Все указания в этом направлении были плохо поняты ремесленниками.

В общем съезд был дикий, ясно выразилась рознь интеллигенции и ремесленного класса.

1901

14 февраля

Наступил новый век, и все осталось по-старому для каждого, кто нес свой крест так или иначе...

15 февраля

Если бы я вздумала записывать свои впечатления ежедневно, то, мне кажется, это было бы ужасно для меня. Переживать приходится так много неприятного и тяжелого, что не выдержали бы и нервы. Лучше забываться и переносить свои мысли на что-нибудь другое. Самое лучшее средство в этом случае — это чтение, но серьезное. Мысль начинает работать в другом направлении и легче на душе, так как незаметно для

себя попадаешь в другую сферу и отдыхаешь. Не всегда бывает полезно выливать свое горе на бумагу. Есть горе, которое лучше тушить в душе...

14 декабря

Сейчас прочла некролог Лидии Парменовны Лесевич. Много грусти навеял на мою душу этот некролог, в котором я нашла много общего со своей жизнью, со своими стремлениями. И лета Лид. Пар. почти одинаковы; она родилась в 1844 г., а я в 1847 г., следовательно, жили и росли в одну эпоху. Разница только в том, что она была дочь директора кадетского корпуса, а я купца. Она вышла замуж за В. В. Лесевича, известного писателя в настоящее время. В то время Лесевич был еще молодой человек, только что выступивший на литературное поприще, но уже с прочно сложившимися общественными воззрениями. Я вышла замуж за купца Волкова без всяких воззрений. Лид. Парменовна пошла вперед под руку с мужем, и я тоже пошла вперед, но одна и тихонько, чтобы не загромождали путь. Сколько было пережито, пока я сознательно вступила на этот путь, хотя и тайком. Помощи, поддержки ждать было не от кого, почему масса была ошибок при чтении книг. Самообразование получалось на этом основании лишь только каплями, а стремление все росло и росло, а рядом и росла борьба с окружающими...

16 декабря

Сейчас прочла содержание новой драмы С. Найденова, под названием «Дети Ванюшина». Эта драма поставлена в театре Корша и взята из жизни купцов, которая так хорошо описана в комедиях Островского и в разборе последних Добролюбовым. Драма изображает то же «темное царство», но в новейшей формации. Годы, неизменно текущий прогресс, цивилизация отразились и на представителях «темного царства», но только внешним образом. Дети в таких семьях

учатся в гимназиях, в университетах; отцы стремятся дать образование своим потомкам, но в общем, в сущности, все тот же деспотизм господствует в тихих семейных очагах, тот же гнет, как и прежде. Разница только в том, что прежде дети за недостатком развития и образования признавали этот деспотизм, хотя и страдали от него. Родительская власть была освящена религией. Теперь разлад в семье между членами обрисовывается еще резче, чем прежде. Душевной связи между старшими и младшими не существует; нет ни дружбы, ни единения между детьми. Везде разлад, и всякий в семье сам по себе. В конце концов дети вырастают и оказываются безнравственными людьми. Отец удивляется такому явлению. Разве он не думал о них, не старался образовать их? И какие же результаты получились? Отец недоумевает и не может понять причины. А причины ясны. Прежде был деспотизм грубый, выражавшийся в ударах хлыста, розог и проч., ради блага детей, а теперь в молчании, отчуждении и видимом равнодушии к детям — и тоже ради их пользы. Разве не для детей сколачивает отец капиталы, обманывая, обмеривая и обвешивая кого попало? Или не для них он служит и занимает разные посты в различных общественных учреждениях? И все ничего не выходит. Дети не понимают трудов отца, а отцы не понимают, что детям нужно нечто другое. Отцы и дети — чужие друг другу. Отцы не интересуются детьми, не вникают в их души, не приближают к себе, а, напротив, отталкивают своим величием. Как прежде, дети не смели пикнуть перед отцом, так и теперь то же самое. Но тогда дети были приказчиками в лавке отца, а теперь они студенты, техники и проч.

В общем же выходит одно и то же. Мало желать только образовать детей, надо уметь развить их душевные способности, руководить ими, направлять к добру не только словами, но и собственным примером. Но для этого нужно самому развиваться и уметь любить ближнего. Надо постоянно следить за собой и вы-

работать себя; тогда только может получиться пример, достойный подражания. А в этом и вся сила!

Тот же метод воспитания господствует не только в современном «темном царстве», но и в других слоях общества. Мать и отец, в большинстве случаев, разве только за очень редкими исключениями, живут для себя, почти не сознавая своей обязанности и ответственности перед детьми; они их рожают, кормят, учат и только; остальное все делается само собою...

30 декабря

В Москве существует общество покровительства животным, которое издает или, скорее, издавало журнал «Друг животных». В этом журнале и я участвовала около двух лет, в качестве сотрудницы и редактора. Хотя идея, положенная в основу общества и журнала, очень высокая, гуманная, но не для России; для нас еще она преждевременна. Если у нас на Руси в начале XX века бьют мужика, по приказанию начальства, то смешно и странно требовать, чтобы этот мужик не колотил бы свою лошадь или вообще домашнюю скотину. Кажется, достаточно известно, что чем культурнее страна, тем лучше обращение с животными. Там, где заботятся о людях, там пожалеют и животное.

Мне пришлось работать в этом журнале из деликатности и вежливости перед лицами, которые просили меня принять участие в этом деле. Но каждый раз, когда мне приходилось за недостатком времени оставлять мои педагогические занятия, я чувствовала себя виноватой перед детьми, учащимися и женщинами, к которым притягиваются моя симпатия и сила. Несчастные дети — фабричные, ремесленники, сироты, брошенные, значительно несчастнее животных. Члены этой категории детей так же безответны и бессильны в борьбе с взрослыми, как и животные. Детей мучат и эксплуатируют, как и животных, для наживы, а также и для удовольствия и проч., и проч. Масса причин, которыми руководятся мучители в примене-

нии своей силы над слабыми. Вот, например, факт. В Петербурге показывают детей-великанов.

«Знаете ли вы, что это за улыбающиеся дети-толстяки, которым «художественная реклама» соорудила такие румяные, круглые, как у трубачей, щеки? Это несчастнейшие в мире дети. Это маленькие мученики, терпящие ежедневно пытку. Сироты, отданные жестокосердыми опекунами, или дети голодных, холодных, нищих родителей, эти дети по контракту закабалены антрепренеру, увеселителю зевающей, коптящей небо и бременящей землю уличной части рода человеческого. Это просто доведенные до чудовищного ожирения, путем особого откармливания, обыкновенные дети. Так откармливают каплунов, уток, индеек, свиней и т.д. Их лаской и хлыстом заставляют проглатывать огромные количества по особому рецепту заготовленной пищи. В их «меню» входит между прочим рубленое сырое мясо, разные жирные, сладкие и мучнистые составы. Понятно, что они должны глотать через силу, давясь от отвращения. Им запрещают двигаться. К тому же всякое движение вызывает удушье. Они сидят неподвижно. Тяжкая сонливость овладевает ими. И так влачат они свое жалкое существование. Хозяин таскает их из города в город, но жизнь их недолга. Лет пять-шесть показываются дети-великаны и умирают» («Курьер», № 359, 1901 г.).

Кого же больше следует жалеть? Детей или животных? Дети — это будущие люди, которые и могут быть только тем, что посеют в них старшие. А что же могут посеять такие образцы людей, которых мы видим в этой заметке? Большинство детей, поставленных таким образом, или умирают, или превращаются в озлобленных бродяг и преступников. Надо устроить общество и журнал, под названием «Друг детей». Обществ, которые заботятся о детях, у нас много, но мало они делают сравнительно с тем, что надо делать. С нынешнего года появилось объявление о журнале «Друг детей», но что это будет за журнал, пока еще

неизвестно. По всей вероятности, он будет предназначен для детского чтения, а не для защиты детей, не для смягчения общества и не для того, чтобы рассеять равнодушные сильные ко всему окружающему, а также и к детям. Если бы больше сплотилось лиц, сочувствующих детскому горю и детским слезам, то меньше было бы несчастных. Надо смотреть и вперед. Нельзя же жить по знаменитому изречению Людовика XIV «après nous le déluge». Забывают эти люди в своем эгоизме, что эти дети вырастут порочными людьми и будут вредить их потомкам. Затем, когда же, наконец, общество сознает свой долг относительно бедных и несчастных детей? Но это, должно быть, будет не скоро.

А учащие мужчины и женщины, разве не плебеи в обществе? Если что и делается для них в последнее время, то это только капли. Учебный персонал во всех учебных заведениях, начиная с низших и кончая высшими, должен бы быть особенно уважаем обществом и правительством. Учитель — великое слово, и каждый, носящий это имя, должен соответствовать этому названию по своим умственным и нравственным качествам, а для этого и образование должно быть поставлено иначе, чем это существует в настоящее время. Заниматься учительством — честь, а не бесчестье и не унижение. А в учителя идут люди не из любви к этому делу, а только ради стремления пристроиться к тепленькому местечку, примазаться к начальству, попасть в чиновники и вскарабкаться по карьерной лестнице. Конечно, все это говорится о среднеучебных и высших заведениях. В низших учат, чтобы не умереть с голода. Несомненно, есть лица, преданные делу, но при плохих материальных условиях и недостатке умственной пищи трудно устоять, и немногие остаются честными борцами до конца своей жизни. Многие плывут по течению, другие спиваются и погибают.

А женщины, разве они не требуют поддержки общества в их стремлении учиться и пользоваться одинаковыми правами с мужчинами?

1902

21 января

В последнее время в литературе часто встречаются призывы к страданию, которое дает величие душе и покоряет властных и грубых людей, заставляя их преклоняться перед страдающими. Такая идея проведена в рассказе Л. Авиловой «Нервы», помещенном в «Русских ведомостях» (20 января 1902 г.). Замужняя дочь старого военного, изнывая от тоски, капризничая и ищущая чего-то нового, бежит за границу, под предлогом страдания нервов, оставляя мужа и детей. Балованная эгоистка, не знавшая отказа своим желаниям, она требует все нового и нового от жизни и ищет развлечений, не понимая тоски и грусти любящего ее мужа. Отец героини, долго молчавший по просьбе своей жены, раздражается наконец... Общий смысл его речи, обращенной к дочери: умеи страдать, умеи любить, и тогда твоя жизнь осветится ярким лучом солнца, и тогда только будет тебе ясен смысл твоей жизни. Действительно, страдания очищают человека, смягчают его душу по отношению к другим. Но многих страдания и ожесточают, и превращают в жестоких людей, желающих выместить свои невзгоды на других...

3 апреля

Как трудно находиться постоянно в общении с людьми малоразвитыми, но желающими казаться передовыми и первенствовать во всем, и даже в пустяках. Как это надоедает, наконец! Давно известные истины приходится толковать и получать дикие возражения, которые потому только и появляются, что люди желают показать себя знающими. Самые невинные предметы могут возбудить уже споры, глупые, ничем не обоснованные... И сколько таких людей! Имя их — легион.

5 мая

...В конце концов можно даже дойти до того, что или разучишься совершенно выражать свои мысли, так как говорить о пустяках не есть обмен мыслей, или же говорить одной в пустой комнате, что я иногда и делаю, когда устаю читать или писать. Скучно и грустно так жить, но ничего не сделаешь; верно, так и придется кончить свое существование. Впрочем, ведь все люди одиноки. О чем же я тоскую? «Так надо, так надо!»

27 октября, Алушта

Вот уже скоро два месяца, как я здесь живу на покое, после тяжелой болезни. Сегодня прочла стихи Ф. Черниговца в «Новом времени». Как много дум и мыслей вызвали эти стихи, тем более что картина вечно бушующего моря раскинулась широко перед моими окнами.

(Выписано стих. «Море» Ф. Черниговца).

30 октября, Алушта

Вот уже скоро будет 4 месяца, как я была больна уремией, или отеком мозга. До сих пор я еще не приступала к занятиям, по совету доктора. Читаю, пишу письма и смотрю на море, которое всегда привлекает мое внимание так же, как и горы. Тишина, спокойствие вокруг сегодня. Море тихо, спокойно. Парусные лодки, баркасы рыболовов скользят по поверхности моря в разных направлениях. Муэдзин кричит в мечети и сзывает правоверных на молитву. Эхо разносит зывание муэдзина далеко за пределы Алушты. С гор подул ветерок, и закачались стройные кипарисы, наклоняя свои вершины по направлению моря. По склону пригорка кипарисы растут один ниже другого, образуя аллею, которая почти одновременно наклоняется своими верхушками вперед. Вдали над горизонтом появились облака, которые быстро соединяются между собой, образуя причудливые формы с разно-

образной окраской. Хорошо сидеть на балконе в Алуште и днем и вечером, и ни о чем не думать. Здесь все далеко от меня; нет ни забот, ни хлопот, ни мук, ни страданий. Наступила полная реакция после тяжелой болезни, и энергия моя словно дремлет около меня и в горах или, скорее, у подножья их, когда сойдешь с горы, где я живу. Моментами чувствуешь, что нет мыслей у меня, нет и сил для борьбы. Все промчалось с годами и парализовалось болезнью. Но это только временное затишье; окрепнет организм, восстановятся силы, и снова закипит моя энергия и потребует деятельности, без конца.

2 ноября

Сегодня день рождения Вани, моего сына. Сколько связано воспоминаний с этим днем... Сколько было мечтаний! И где же все это? Все прошло! С годами ушли мечты и надежды, и осталась лишь пустота в душе.

КОММЕНТАРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

¹ *С. Х. Пансион* — частное платное воспитательно-учебное заведение с проживанием и питанием в городах для детей имущих родителей — помещиков, чиновников, купцов. Нередко содержались бывшими или действующими учителями или профессорами, ведшими здесь преподавание большинства или всех дисциплин. Преподавание было ограниченным, особенно для девочек, а особое внимание обращалось на воспитание. Пансионы для девочек, как правило, содержали женщины.

² *Сандрильона* — в русской традиции — Золушка.

³ *Молодец* — среди купечества жаргонное название младших приказчиков и других служащих (кроме «мальчиков»), которые, проживая в доме хозяина, обычно исполняли и хозяйственные обязанности.

⁴ *Бельэтаж* — парадный 1-й этаж жилого дома, над служебным цокольным этажом или полуподвалом.

Образница — треугольная полочка или такой же шкафчик в красном углу для образов, икон.

⁵ *Олеин* — жидкая составляющая различных животных, растительных и минеральных жиров, получаемая химическим путем из глицерина. Использовалась для освещения в масляных лампах.

⁶ *Позумент* — узкая золототканая тесьма, использовавшаяся для обивки гробов, обшивки форменной одежды и проч.

⁷ *Тельное* — в русской кухне любой фарш, мясо без костей, прежде всего из т. н. частиковых рыб, особенно из судака и щуки. Употреблялся на пироги, рубленые котлеты.

⁸ *Голицынская больница* — ныне Первая городская клиническая больница им. Н. И. Пирогова. Открыта в 1802 г. на средства князя Д. М. Голицына.

⁹ *Кормилица* — женщина в детородном возрасте, чаще всего из крестьянок, имевшая собственного младенца и выбиравшаяся для выкармливания грудью детей из богатых семейств: считалось, что кормление грудью портит женский бюст — главное достоинство женщины. Связь между кормилицей и выкормышем нередко была теснее, чем связь ребенка с кровной матерью, и сохранялась надолго.

¹⁰ *Девичья* — в большом доме — специальное жилое помещение, комната для постоянного пребывания женской прислуги.

¹¹ *Фосфорные спички* — вошедшие в употребление с 30-х гг. спички, в которых основным составляющим веществом головки был фосфор. Зажигались от трения о любую шершавую поверхность. Представляли большую опасность, как с противопожарной точки зрения, так и ввиду большой ядовитости фосфора: растворенные в воде головки были популярным средством для самоубийства. В 70-х гг., в т. ч. с применением искусственных правительственных средств (повышенное обложение и проч.), стали быстро вытесняться безопасными, т. н. шведскими серными спичками.

¹² «...*приехать из города, т. е. из городских рядов...*» — в Москве «городом» называли Китай-город, район сосредоточения торговли. В описываемое время здесь были Верхние (в советское время — ГУМ), Средние и Нижние торговые ряды с каменными лавками.

¹³ Несмотря на сильное оживление религиозной жизни, очень многие наши современники, включая людей воцерковленных, недостаточно разбираются в деталях церковного быта. Представляется уместным поместить здесь некоторые пояснения.

Последнее воскресенье Масленой недели, предшествующей Великому посту, называется *Прощёным*. Его следует проводить в тишине и смирении, вспоминая свои прегрешения, и полагается просить прощения у ближних за причиненные им обиды. Затем начинается 40-дневный (семидельный) Великий пост, который должно проводить в воздержании и молитве. Употребляется исключительно постная (растительная) пища. В связи с этим в Москве открывался т. н. грибной рынок на Москворецкой набережной, где в огромных количествах и продавались грибы, капуста,

редька и прочие постные снеди. Снисходя к человеческим слабостям, верующим дозволяется держать строгий пост не все 40 дней (а в некоторые, праздничные, дни этих семи недель существуют отступления от поста), а лишь первую, четвертую (т. н. Преполование, перелом поста) и Страстную седмицы; это относится и к посещению богослужений. Следует иметь в виду, что среды и пятницы в православии — и без того постные дни, и в указанные недели пост по этим дням должен быть особенно строгим. Верующим в период поста рекомендуется говение, т. е. приготовление к восприятию Св. причастия, но опять-таки многие говели только на Страстной седмице, когда вообще строгость поста возрастает. Скоромная, т. е. животная пища, включая материнское молоко, допускается только для сущих младенцев и тяжелобольных, ослабление поста допустимо для находящихся в пути (особенно для солдат в походах).

Дни Страстной недели носили особые названия. Приготовление к Пасхе включает и достижение повышенной чистоты не только внутренней, но и внешней, и в Чистый понедельник в жилищах шла интенсивная уборка и мытье, иногда затягивавшиеся до четверга, равно как в Чистый четверг считалось необходимым посетить баню. Со Страстной пятницы, в память о страданиях Христа, всякие подобные действия, всякая суэта исключались.

Святая неделя, т. е. празднование Светлого воскресенья Христова, также традиционно обставлялось особо. После возвращения от торжественной ночной пасхальной службы и крестного хода верующие христосовались: поздравляли друг друга, обмениваясь поцелуями и крашеными яйцами. На столе полагалось наличие кулича, т. е. специального белого хлеба с инициалами Иисуса Христа, и творожной («сырной») пасхи с цукатами и пряностями, имевшей форму пирамидки и также украшенной инициалами Спасителя; пасха и кулич украшались также бумажными розанами. Кроме того, русская традиция требовала наличия на праздничном столе окорока, украшенного бумажными кружевами. Нередко на столе находился и сделанный из коровьего масла барашек — аналог Агнца Божьего. Разговевшись, т. е. отведав кулича, пасхи, окорока и прочих снедей, ложились отдохнуть до праздничного обеда.

¹⁴ *Мефимоны* — искаженное «ефимоны» — Великое повечерие, вечерняя церковная служба на первой неделе Великого поста, когда читается канон св. Андрея Критского.

¹⁵ *Преждеосвященная обедня* — обедня, или литургия, не включавшая в себя проскомидию, т. е. приуготовление Св. Даров, которые освящались ранее, на предшествовавшей обедне.

¹⁶ *Говение* — в православии приготовление верующих к таинству причащения. Заключалось в посте и воздержании, посещении всех богослужений в продолжение хотя бы одной недели и чтении всех домашних молитв по молитвослову.

¹⁷ *Сандал* — красно-коричневая краска, получаемая из древесины красных красильных тропических деревьев.

¹⁸ «...горит Большой театр» — пожар, в результате которого театр сгорел дотла, произошел 11 марта 1853 г. Отстроенный вновь театр был открыт в 1856 г.

¹⁹ «...много было рассказов о крестьянине, который с опасностью жизни спас несколько человек» — во время пожара один из театральных рабочих оказался отрезанным огнем на крыше театра. Находившийся в толпе зевак крестьянин Ярославской губ. Василий Гаврилович Марин взобрался наверх по водосточной трубе, захватив с собой веревку, и спас человека.

²⁰ «Цвет» — диатез.

²¹ *Антонов огонь* — старинное название гангрены, омертвления тканей тела в результате заражения ран и действия гнилостных бактерий; как правило, заканчивалась смертью. Название от св. Антония, молитва которому якобы помогала от гангрены.

²² *Корпия* — нащипанные из старого тряпья нитки, широко использовавшиеся вместо ваты при перевязках ран. Щипание корпии составляло патриотическое занятие дам во время войн.

²³ *Бедная невеста* — официальное название бедных девушек, получавших из специального капитала Московского купеческого общества пособие в 150 руб. на приданое на основании свидетельства о бедности от духовника и двух известных купцов. Пособие выдавалось по жребию, не всем, но со свидетельством можно было ходить по лавкам и торговым рядам, собирая подаяние на приданое.

²⁴ *Ратник-ополченец* — во время Крымской войны в дополнение к усиленным наборам рекрутов были проведены наборы морского и сухопутного ополчений. Солдаты ополчения, носившие название ратников, одевались в форму, воспроизводящую традиционный мужской крестьянский

костюм. Однако Волкова ошибается, говоря о сером казакине: в состав формы входил не казакин, а зипун. Такая форма до 1917 г. сохранялась в л.-гв. Стрелковом Императорской фамилии батальоне, первоначально составленном из крестьян-ополченцев.

²⁵ *Частный дом* — здание полицейской части в городе. При нем содержались арестованные на короткий срок, здесь пожарными солдатами совершались телесные наказания по решению частного пристава или по жалобе помещиков, родителей непокорных сыновей и т. п.

²⁶ «...Говорили, что Николай I... приказал своему доктору отравить себя...» — такие упорные слухи, действительно, ходили, и возле Зимнего дворца собиралась толпа простонародья с требованием выдать на расправу лейб-медика императора Мандта, так что его пришлось тайком переправлять через границу. На самом деле царь, лично отправлявший на театр военных действий воинские части, простудился и, не долечившись, в одном мундире, как было положено по уставам, в мороз вновь отправился на смотр. Воспаление легких, которое в ту пору лечить не умели, и свело этого крепкого человека в могилу.

²⁷ *Тальма* — сначала мужская, с середины XIX в. женская одежда в виде легкой накидки длиной ниже талии, с небольшим стоячим воротником, завязывавшаяся лентой.

²⁸ «Мать моя и Александра Ивановна обращались с ней полуснисходительно, ласково, но с удивлением и недоумением» — брак купеческого сына из богатого семейства и гувернантки-бесприданницы был мезальянсом. Поэтому вполне естественно хотя и по-родственному ласковое, но все же полуснисходительное обращение с непрошеной родственницей, и удивление и недоумение: как же это такое ничтожество сумело «захомутать» себе такого мужа и втереться в такую семью. Это при том, что мать мемуаристки все же была женщиной достаточно образованной и начитанной, выделяясь из всей купеческой родни.

²⁹ «В Благовещение... мать послала купить птиц и вышла с нами на крыльцо, чтобы выпустить их» — в Москве существовал старинный обычай выпускать на волю птиц в день Благовещения, для чего мелкие певчие птицы в огромном количестве продавались на специальном Птичьем рынке.

³⁰ *Характерные танцы* — в отличие от чинных балльных танцев — выразительные, с живыми телодвижениями,

обычно народные, и не только русские, но и итальянские (например, тарантелла), английские (например, джига), французские и др.

³¹ *Бонбоньерка* — конфеты (писалось и говорилось «конфекты») изготавливались без бумажных оберток, и в торговле их насыпали в бумажные фунтики, а в кондитерских — в специально изготовленные кустарным способом фигурные, ярко украшенные картонные коробочки-бонбоньерки.

³² «...перепоясаны коленкоровыми кушаками» — т. е. белыми кушаками из коленкора, недорогой ткани, фактически полуфабриката в ткацком производстве: сочетание черного и белого цветов было знаком траура.

³³ *В церкви прихода Иоакима и Анны...* — приходская церковь Иоакима и Анны стояла в нижней части Большой Якиманки, между 1-м Голутвинским и Полянским переулками.

³⁴ *Лития* — общее моление нескольких разновидностей. Особый род литии устанавливался при выносе покойного из дома и при церковном поминовении о нем в иное время.

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

³⁵ «Окончившие семиклассный курс вятской женской гимназии...» — окончание специального, седьмого класса классической гимназии давало право преподавания в начальной школе.

³⁶ *Епархиальное духовное училище* — женское училище ведомства Русской православной церкви. Были созданы в епархиях (церковных областях) для воспитания и образования дочерей духовенства на счет Русской православной церкви. Воспитание и образование было ориентировано на подготовку сельских «матушек», включая некоторые практические сведения и учитывая участие в обучении детей.

³⁷ *Уездная прогимназия* — начальное 4-классное учебное заведение, дававшее однако некоторые права, в отличие от таких же народных училищ. Гимназии, классические и реальные, находились обычно в губернских городах, а в уездных — прогимназии.

³⁸ *Альфонс* — мужчина, находящийся на содержании женщины, обычно немолодой, но богатой.

³⁹ *...винтят и винтят все с утра до вечера* — т. е. играют в винт, коммерческую карточную игру. В переносном смысле — играют в карты.

⁴⁰ *«Il faut savoir vouloir»* — «нужна сила воли» (фр.).

⁴¹ *Женские курсы* — в 60-х гг. XIX в. в России началось общественное движение за высшее женское образование. В 1872 г. открылись Высшие общеобразовательные курсы Герье в Москве и Высшие курсы акушеров в Петербурге, в 1878 г. — Бестужевские курсы. Курсы постоянно подвергались нападкам консервативной части общества и печати, как рассадник нигилизма, развратитель молодых женщин и т. п. В 1886 г. был запрещен прием на все женские курсы, и в 1889 г. возобновился прием только на Бестужевские курсы. На рубеже XIX—XX вв. возобновляется и реорганизуется женское медицинское образование. Никаких прав свидетельства об окончании курсов, в сравнении с гимназическими аттестатами, не давали, и только с 1910 г. началось постепенное уравнивание в правах высших женских курсов и мужских высших учебных заведений.

⁴² *«Детей в гимназию тоже нельзя отдавать без того, чтобы директор не осведомился о состоянии, звании отца будущего ученика»* — т. н. циркуляр «о кухаркиных детях» министра народного просвещения Деянова (1887 г.) рекомендовал гимназическому начальству не принимать в гимназии или исключать из них детей прислуги, ремесленников и т. п. небогатого люда, хотя по закону сословный принцип обучения не допускался, кроме нескольких специальных средних и высших учебных заведений. Дело доходило до опроса учеников, сколько комнат у них в квартире, сколько окон в доме, есть ли прислуга и проч.: точных указаний не содержалось, и все передавалось на усмотрение директоров. Общество было возмущено циркуляром, и во многих гимназиях, если не в большинстве их, рекомендации не соблюдались или соблюдались плохо.

⁴³ *«Катков умер, а ополчение на новые суды продолжается, а также и движение вспять»* — чрезвычайно авторитетный публицист М. Н. Катков в 60-х гг. постепенно переходит на охранительные позиции и активно выступает против Великих реформ 60—70-х гг., видя в них причину разворачивающегося революционно-демократического движения. С 80-х гг. началась эпоха контрреформ, урезавших и без того половинчатые реформы.

⁴⁴ «...Александр II насаждал на русскую почву одну реформу за другой» — вслед за отменой крепостного права 1861 г. и реформами в государственной и удельной деревне была проведена серия реформ, получивших название Великих: судебная, земская, городская, военная, полицейская, запрещены телесные наказания, совершен ряд преобразований в экономике. В результате был разрушен сословный строй. В стране началось быстрое развитие капиталистической экономики и буржуазного общества, основанного на равенстве людей перед законом.

⁴⁵ *Крестьянский банк* — Крестьянский поземельный банк учрежден в 1882 г. для выдачи долгосрочных ссуд крестьянам на приобретение частновладельческих земель. Главными покупателями вначале были сельские общества и товарищества. В 1895 г. банк получил право покупки имений у помещиков для распродажи их крестьянам. За 1883—1895 гг. крестьяне купили на ссуды банка 2,3 млн десятин земли, за 1896—1905 гг. — 5,9 млн.

⁴⁶ *Первые два сословия* — во Франции до буржуазных революций — дворянство и духовенство. Буржуа составляли третье сословие.

⁴⁷ *Сиделец* — наемный торговец в лавке или кабаке по доверенности от хозяина.

⁴⁸ «*Энергичный приказ нижегородского губернатора, генерала Баранова...*» — генерал Баранов отличался решительными действиями, особенно во время беспорядков — еврейского погрома и холерных беспорядков. При этом он прибегал к мистификациям. Порка розгами лиц, во время холерной эпидемии 1892 г. распускавших слухи о закапывании больных живыми в землю, об отравлении врачами воды и т. п., была выдумкой Баранова. Призывая виновных в кабинет для беседы с глазу на глаз, он угрожал выпороть, если собеседник не будет сам повсюду рассказывать, как его выпороли; после этого публиковался приказ о том, что таким-то лицам было дано по 100 розог. Поскольку телесные наказания были незаконны, в Нижний Новгород для расследования был направлен специальный представитель правительства, выяснивший всю подоплеку слухов.

⁴⁹ «...переутомление учащихся в гимназиях, которое соединено с бесцельным забиванием мозга классическими языками...» — вопреки распространенному нынче мнению, классическая гимназия ориентирована была не на преподавание гуманитарных наук (литературы и истории). Упор

делался на изучение математики и мертвых языков (латыни, древнегреческого и церковнославянского), в которых особое внимание обращалось на грамматические правила и переводы, в т. ч. с русского на них. Предполагалось, что эти науки дисциплинируют учащегося и будут преградой на пути распространения разрушительных идей в умах юношества. История и литература, которые как раз могли способствовать распространению этих идей, напротив, преподавались в сильно урезанном виде. Только в начале XX в. положение немного изменилось, и на уроках латыни стали читать античных авторов, изучая при этом античную историю и культуру.

⁵⁰ «...на Ходынском поле играет солдат на трубе...» — на Ходынском поле находились летние лагеря войск Московского гарнизона.

⁵¹ «Удел русских женщин по Каткову и Толстому...» — авторитетный публицист М. Н. Катков был главным идеологом охранительного консервативного курса правительства, в т. ч. в сфере народного просвещения, а граф Д. А. Толстой — министром народного просвещения, реализовавшим эти идеи: введшим классическое образование, способствовавшим закрытию женских курсов и т. д.

⁵² «...циркуляр попечителя Московского учебного округа...которым рекомендуется не злоупотреблять данным им правом относительно приема и исключения учеников» — даже не все высшие чиновники Министерства народного просвещения встретили циркуляр «о кухаркиных детях» с воодушевлением.

⁵³ *Либеральные профессии* — т. н. свободные профессии: адвокатура, журналистика и т. д.

⁵⁴ *Инспектор* — в российских Императорских университетах на каждый курс назначался особый инспектор из чиновников, следивший за дисциплиной студентов, их внешним видом и проч. и обладавший большими дисциплинарными правами.

⁵⁵ *Полицеймейстер* — в губернском городе, с 1862 г. — во всех городах начальник полиции. В столицах по 3 полицмейстера, возглавлявших отделения, находились в подчинении обер-полицмейстера.

Обер-полицеймейстер — обер-полицмейстер — глава петербургской или московской полиции.

⁵⁶ «...избил собственноручно нескольких мясников, которые пришли с ножами и топорами бить студентов за

«царя, веру и отечество» — торговцы и мясники Охотного Ряда, располагавшегося на нынешней Манежной площади напротив Московского университета, составляли социальную опору консерватизма и великорусского шовинизма. Во время частых студенческих волнений они нередко самовольно являлись бить «скубентов». Поскольку любые самовольные действия «скопом» запрещались, полицейское начальство нередко обрушивалось на охотнорядцев, прибегая к кулачной расправе.

⁵⁷ *Педели* — в университетах — надзиратели, контролировавшие поведение и внешний вид студентов и профессоров и подчинявшиеся инспектору.

⁵⁸ *Губернатор В. А. Долгоруков* — Волкова ошибается: князь В. А. Долгоруков был не губернатор, а генерал-губернатор, т. е. он не управлял губернией, а контролировал управление, одновременно являясь командующим (в старину носил название «главнокомандующего») войсками округа и столичным гарнизоном.

⁵⁹ *«Буточки»* — будочки, т. е. полицейские солдаты, дежурившие в специальных будках на перекрестках главных улиц и на площадях. В данном случае анахронизм, поскольку будочки были упразднены по полицейской реформе 1862 г. Очевидно, «буточниками» по привычке Волкова называет городских.

⁶⁰ *Участок* — полицейский участок, аналог современного отделения полиции.

⁶¹ *Солодовниковский пассаж* — торговое заведение, принадлежавшее купцам Солодовниковым и находившееся на Кузнецком Мосту, сзади нынешнего ЦУМа.

⁶² *«...сидишь в обществе пятигорской аристократии, драгунов...»* — в состав Кавказского корпуса входили Нижегородский и Переяславльский драгунские полки. Кавалерия всегда считалась «благородным» родом войск, а кавалерийские офицеры были несколько богаче пехотных (были большими расходы по службе) и воспитаннее их; в кавалерии было меньше офицеров из разночинцев и выслужившихся солдат.

⁶³ *Noblesse oblige* — «положение обязывает» (фр.).

⁶⁴ *Реомюр* — имеется в виду термометр с предложенной французским естествоиспытателем Р. Реомюром шкалой, где $1^{\circ} = \frac{5}{4}^{\circ} \text{C}$.

⁶⁵ *«Яр»* — самый известный московский загородный ресторан, названный так по имени открывшего его француза

Яра. В описываемое время находился в районе Петровского парка, дачной местности. Сейчас это перестроенное здание театра «Ромэн», гостиницы «Советская» и ресторана, принявшего прежнее имя.

⁶⁶ *Околоточный* — околоточный надзиратель, младший полицейский офицер, возглавлявший околоток (от слова «около», рядом, вблизи) — подразделение полицейской части. Околоточные сменили прежних квартальных надзирателей.

⁶⁷ «*В Москве новый голова, Рукавишников*» — градский голова — глава городского самоуправления, выборный председатель городской думы.

⁶⁸ *Пристав* — т. е. частный или участковый пристав, полицейский офицер, возглавлявший полицейскую часть или участок.

⁶⁹ «*Permettez moi de sortir*» — позвольте мне отлучиться (фр.).

⁷⁰ *Excuser du peu* — извините немного, слегка (фр.).

⁷¹ «*Как смешна молодежь, которая... одевается в тогу пессимизма*» — в конце XIX в. под влиянием консервативного направления правительственной политики, серии контрреформ и спада оппозиционно-либерального и революционно-демократического движения в России нарастала волна пессимизма среди молодежи, нашедшая отражение не только в поэзии (Апухтин, Фофанов и др.), но и в серии внешне беспричинных самоубийств.

⁷² «*Уездные училища, называемые Мариинскими...*» — значительная часть начальных и средних учебных заведений находилась в ведении IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, т. н. Ведомстве императрицы Марии Федоровны. Отсюда и названия этих заведений — Мариинские.

⁷³ *Коммерческое училище* — среднее специальное учебное заведение, с 6—8-летним курсом, создававшееся на средства купеческих городских обществ для обучения детей купцов, мещан и других городских сословий началам коммерции. Готовили к исполнению должностей бухгалтера, контролера, приказчика в торговых заведениях или на фабриках. Изучались техническая химия, товароведение, законоведение, политэкономия, история торговли, коммерческая география и проч.

⁷⁴ «*...овации русским морякам, приехавшим в Тулон...*» — в 80-х гг. наметилось сближение России и Фран-

ции, видевших в объединенной Германии своего основного врага. В виде мирной демонстрации в 1891 г. в Кронштадт прибыла французская эскадра, а в 1893 г. русская эскадра под командованием адмирала Авелана отдала визит в главную военно-морскую базу Франции, средиземноморский порт Тулон, где огромная толпа восторженно встречала русских моряков, в честь которых был дан длинный ряд официальных и полуофициальных торжеств.

⁷⁵ *Урядник* — с 1878 г. младший полицейский чин, находившийся в крестьянской волости. Назначался из отставных унтер-офицеров действительной службы. Как обычные «мужики», к тому же прошедшие суровую школу военной службы, отличались невежеством, суровостью нравов и отсутствием деликатности.

⁷⁶ «...сын графа Льва Толстого...» — Лев Львович Толстой, занимавшийся литературным творчеством.

⁷⁷ «*Армия спасения*» — массовая благотворительная организация, возникшая в Англии и частично распространившая свою деятельность на континент и в Америку. Для сбора пожертвований устраивала на улице и в помещениях собрания с речами, пением гимнов в сопровождении небольшого оркестра. Воспроизводила армейскую организацию: добровольные служащие, не получавшие содержания, но сами вносившие пожертвования, имели систему чинов и форменные мундиры.

⁷⁸ «*Savoir vouloir*» — «иметь волю».

⁷⁹ *Публичная читальня Островского в Москве* — общедоступная библиотека-читальня им. А. Н. Островского, открытая в 1888 г. Для нее было построено специальное здание на Смоленской-Сенной площади.

⁸⁰ «*Статья... по поводу... установления всеобщей воинской повинности...*» — в результате военных реформ, закончившихся в 1874 г. введением всеобщей воинской повинности и проводимых военным министром Д. А. Милютиным, ликвидирован был сословный характер воинской службы. Все лица мужского пола, достигшие 21 года, независимо от происхождения, призывались на военную службу рядовыми. Призыву не подлежало духовенство всех вероисповеданий, учителя народных школ, единственные сыновья в семействе и нерусские народности Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии, Кавказа и Русского Севера, не знавшие русского языка. Предпринимателям давалась отсрочка на 1 год для подыскания управляющего.

⁸¹ «Льготы по образованию... в отбывании воинской повинности» — по закону 1874 г. наличие образования, хотя бы начального, сокращало срок 7-летней военной службы (при среднем законченном образовании — 1 год, при высшем — 6 месяцев). Лица с законченным средним и высшим образованием могли поступать на службу вольноопределяющимися: исполняя обязанности рядовых, они обучались в полковой школе и по окончании действительной службы получали чин прапорщика запаса. Все рядовые должны были проходить во время службы обучение началам грамотности.

⁸² *Синель* — толстая ворсистая нить, применявшаяся в узорном ткачестве, вышивке и проч.

⁸³ «Роберт Дьявол» — опера Дж. Мейербера по либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня, 1831 г.

⁸⁴ «*Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu*» — «Это старая история, которая всегда остается новой» (нем.).

⁸⁵ «*l'art c'est l'amour social*» — «искусство есть социальная любовь» (фр.).

⁸⁶ *Дворянский банк* — Государственный дворянский земельный банк учрежден в 1885 г. Выдавал ссуды помещикам на льготных условиях: предельный срок ссуд был доведен до 66 лет, а процентная ставка по ссудам была на полтора-два процента ниже, чем в акционерных земельных банках; сроки ежегодных платежей нередко отодвигались, а проценты время от времени списывались, что являлось субсидией помещикам в скрытом виде.

⁸⁷ *Институт правоведения* — точнее, Училище правоведения, открытое в 1835 г. привилегированное высшее учебное заведение в Петербурге для сыновей потомственных дворян и высшего чиновничества. Было создано для подготовки чиновников. Курс сначала 6-, затем 7-летний, с тремя специальными классами. Давало образование высокого качества, и из него вышло много выдающихся деятелей.

⁸⁸ *Станция Борки* — 17 октября 1888 г. возле станции Борки Курско-Азовской железной дороги царский поезд потерпел катастрофу: слабое железнодорожное полотно не выдержало тяжести состава, шедшего на слишком большой скорости под двойной тягой. Пострадало 58 человек, из них 21 погиб. Царская семья, сидевшая за обедом в вагоне-столовой, практически не пострадала, хотя вагон был полностью разрушен (остались рама и крыша).

⁸⁹ *Сотский* — младший агент полиции в сельской местности, избиравшийся крестьянами на 1 год от 100—200 дворов. Подчинялся уряднику. Знаком различия была большая бляха на булавке на груди и палка. Наблюдал за порядком богослужения в храмах, чистотой в деревнях, на реках и озерах, противопожарной безопасностью, порядком на базарах и т. д. Служба была натуральной повинностью, за что сотские освобождались от иных повинностей.

⁹⁰ *Фабрика Гужона* — Товарищество Московского металлического завода, ныне завод «Серп и молот».

⁹¹ «...имеют уже по два предостережения» — см. примеч. 94.

⁹² *Осорьино* — точнее — *Осоргино* Звенигородского уезда Московской губ.

⁹³ «...во многих комнатах развешены премии этих изданий...» — массовые издания типа «Нивы» для привлечения подписчиков высылали премии в виде хороших олеографических репродукций наиболее знаменитых картин и рамки к ним. Такой, упоминавшейся многими современниками, премией была вездесущая картина Бёклина «Остров мертвых».

⁹⁴ «Сегодня «Русские Ведомости» известили, что они наказаны 3-м предостережением и запрещением издания на два месяца» — во второй пол. XIX в. действовала предварительная цензура для толстых журналов и книг, предназначенных для широкого распространения, т. е. цензор предварительно просматривал текст и давал разрешение на выпуск или не давал. Книги известного объема, а также периодика подчинялись карательной цензуре: цензором просматривалось вышедшее в свет издание и за цензурное преступление автор, редактор или издатель преследовались в судебном порядке. Кроме того, для повременных изданий существовала система предупреждений «за вредное направление», причем издание должно было извещать читателей о вынесенном предупреждении. После третьего предупреждения издание приостанавливалось на некоторый срок и при возобновлении подчинялось уже предварительной цензуре, что лишало периодику оперативности.

⁹⁵ *Духоборы* — религиозная секта рационалистического направления, возникшая в середине XVIII в. В начале XIX в. переселены на р. Молочную Таврической губ. (отсюда второе название — *молokane*), а затем в Закавказье. Рай и ад понимали духовно, признавали 10 заповедей, причаще-

ние понимали духовно, брак таинством не считали, святых и Богородицу почитали, но на помощь не призывали, икон не признавали, богослужение совершали в обычной комнате или даже в поле, читая псалмы и молитвы. Подвергались гонениям церковных и светских властей.

⁹⁶ «Сознание этого... выражается в различных мероприятиях и постановлениях закона об урегулировании и облегчении рабочего труда...» — в конце 80-х — 1-й половине 90-х гг., в значительной степени под влиянием известной Морозовской стачки, зачинщики которой были оправданы по всем статьям обвинения судом присяжных, правительство приступило к созданию рабочего законодательства. Был ограничен рабочий день, запрещены некоторые виды детского и женского труда, запрещено расплачиваться с рабочими товарами из фабричной лавки, требовалась еженедельная выплата заработка, введены рабочие книжки и проч., а для наблюдения за соблюдением законов и приема жалоб рабочих создана фабрично-заводская инспекция. С другой стороны, ряд предпринимателей, в основном наиболее крупных (Морозовы, Прохоровы, Коншины и др.), стали строить для своих рабочих благоустроенные жилища, больницы, детские учреждения, начальные и ремесленные школы, организовывать досуг и проч.

⁹⁷ «Театр, содержимый Саввой Ив. Мамонтовым» — частная русская опера, созданная в Москве в 1885 г. на средства купца, железнодорожного и банковского дельца, мецената С. И. Мамонтова. Ориентировалась на репертуар русских композиторов преимущественно из Могучей кучки. Сам Мамонтов, отличавшийся высоким художественным вкусом, принимал участие в ее работе, привлек в свой театр лучшие силы, в т. ч. Ф. Шаляпина.

⁹⁸ *Бестужевские курсы* — высшие женские курсы, созданные в 1878 г. профессором А. Н. Бекетовым в Петербурге. Во главе курсов стоял профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, давший им свое имя. «Бестужевки» получали гуманитарное образование и право преподавания в средней школе. Высшего женского образования в России не существовало, и женские курсы были его суррогатом, постоянно подвергаясь нападкам реакционной части общества и администрации. В 1886 г. были закрыты под предлогом революционной пропаганды на них, в 1889 г. возобновлены.

⁹⁹ *Лазаревский институт* — Институт восточных языков в Москве (в старинной усадьбе в Армянском пер.), соз-

данный на средства армянских купцов Лазаревых. Основан в 1815 г. как училище для детей из бедных армянских семей, с 1835 г. — гимназия, с 1846 г. — институт с 8-летним курсом. Готовил чиновников и драгоманов (переводчиков) для Закавказья и дипломатической службы в странах Востока, а также учителей восточных языков.

¹⁰⁰ *Конференция в Гааге* — по инициативе российского императора Николая II в 1899 г. в Гааге открылась первая конференция европейских стран по разоружению. На ней Николай II предложил державам ограничить расходы по вооружению, а затем и начать их сокращение; был предложен ряд иных мер (запрещение бомбардировок с воздушных шаров, снарядов с отравляющими газами и др.). Хотя принцип разоружения был одобрен в целом, результаты были ничтожны: были систематизированы и расширены принятые ранее обычаи и законы войны, запрещено применение разрывных пуль, уточнены принципы третейского суда при возникновении конфликтов между державами.

¹⁰¹ *«Дрейфуса снова осудил военный суд, и вся Европа возмутилась по поводу этого тяжелого события»* — офицер французского Генерального штаба, еврей по национальности, Дрейфус (см. именной указатель) был обвинен в шпионаже в пользу Германии, и против него открылся долго длившийся судебный процесс. Основания для обвинения были крайне шаткими, и осужденный на каторгу Дрейфус, в конце концов, был освобожден, а затем и реабилитирован. Суд, вызвавший бурное возмущение либеральной европейской общественности, был проявлением характерного для эпохи роста национализма и антисемитизма.

¹⁰² *«Англичане воюют с бурами...»* — в 1899 г. небольшой английский отряд наемников, финансируемый крупным предпринимателем Сесилем Родсом, вторгся на южноафриканские территории республик Трансвааль и Оранжевого Свободного государства, с XVII в. заселенные бурами, голландскими фермерами-протестантами (boer — крестьянин): на бурских землях были открыты залежи алмазов. Бандиты были отброшены бурской милицией (ополчением). Британское правительство воспользовалось этим, обвинив буров в жестокостях по отношению к английским поселенцам, и открыло правильные боевые действия. Британская агрессия возмутила мировую общественность, и к бурам в большом количестве стали собираться волонтеры из всех стран, в т. ч. России; о популярности народно-осво-

бодительной войны буров свидетельствует появление исполнявшейся шарманками песни «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» Армия буров, ведших партизанские действия в привычных им условиях, наголову разгромила англичан в первой англо-бурской войне. Однако к 1902 г. буры были должны уступить, и южноафриканские земли были превращены в английские колонии.

¹⁰³ «...в 1873 г. немецкие войска возвращались с ликованием в Германию...» — в результате Франко-прусской войны 1870—1871 гг. по Франкфуртскому миру от Франции была отторгнута значительная часть Лотарингии и почти весь Эльзас. Речь идет о возвращении немецких войск с присоединенных территорий.

¹⁰⁴ Нижегородская выставка — грандиозная Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка, прошедшая в 1896 г. в Нижнем Новгороде на территории Нижегородской ярмарки в ее городке.

¹⁰⁵ «*après nous le deluge*» — «После нас хоть потоп», — известное выражение французского короля Людовика XV.

СПИСОК печатных трудов А. И. Волковой

Сокращенные названия изданий

В.— Восход. В. Б.— Вестник благотворительности. В. В.— Вестник воспитания. В. Т.— Вестник трезвости. Г. и С. У.— Городской и сельский учитель. Д. жен.— Друг женщин. Д. жив.— Друг животных. Д. Н. У.— Для народного учителя. Д. П.— Детская помощь. Д.— Деятель. Ж. Д.— Женское дело. Ж. В.— Женский вестник. З.— Земледелец. К.— Курьер. М. И. Г.— Московская иллюстрированная газета. М. Х.— Молочное хозяйство. Н. У.— Народный учитель. Н. П. М.— На помощь матерям. П. Ж.— Псковская жизнь. П. Л.— Педагогический листок.	Р. Г.— Ремесленная газета. Р. В.— Русские ведомости. Р. Н. У.— Русский начальный учитель. С. В.— Свободное воспитание. С.— Слепец. Т. Н. У.— Таврический народный учитель. Т. С. и В. П.— Технический сборник и вестник промышленности. Т. О.— Техническое образование. Т. и Б.— Трезвость и бережливость. Ш. Х.— Школьное хозяйство. Э. О.— Этнографическое обозрение. Б. К.— Библиографический кружок.— В «Библиогр. кружке» А.И. Волкова работала преимущественно над библиографией по женскому вопросу.

1880 г.

Баронесса Мироель Эрнеста Додэ/пер. с фр. (без подписи). Изд. А. С. Вишнякова.

1882 г.

1. Разумное воспитание. «Д. жен.» № 4, 5, 6 (с подписью: А. Волкова).
2. Саморазвитие. «Д. жен.» № 8 (с подписью: А. Волкова).
3. Понятие о дисциплине. «Д. жен.» № 7 (А. Волкова).
4. О женских арабско-французских школах и рукодельнях в Алжире. «Д. жен.» № 9 (с подписью: А. Волкова).

1883 г.

1. О соучастии женщин в инспекции начальных училищ во Франции. «Д. жен.» № 1 (с подписью: А. Волкова).
2. Сведения о высшем, среднем, начальном и ремесленном женском образовании. «Д. жен.». В 12 № (без подписи).
3. О деятельности женщин в России и за границей. «Д. жен.». В 12 № (без подписи).

1884 г.

1. Сведения о высшем, среднем начальном и ремесленном образовании женщин. «Д. жен.», в 8 № (без подписи).
2. О деятельности женщин в России и за границей. «Д. жен.». В 8 № (без подписи).

1885 г.

1. Филантропическое общество в Париже. «Д. П.» (с подписью: А. Волкова).
2. Женские ночлежные детские приюты и детская лечебница. «Д. П.» (с подписью: А. Волкова).
3. Детские приюты во Франции. «Д. П.» (с подписью: А. Волкова).
4. Воспитательные дома в Рио-[де]-Жанейро. «Д. П.» (с подписью: А. Волкова).
5. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях в России. «Д. П.». В 24 № (без подписи).
6. Сведения о профессиональном образовании и о ремесленниках в России. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

1886 г.

1. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и о призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).
2. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России; о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

1887 г.

1. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и о призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).
2. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России; о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

1888 г.

1. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и о призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).

2. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России и о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

1889 г.

1. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).

2. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России и о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

1890 г.

1. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).

2. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России и о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

3. Сведения по педагогике и гигиене в России. «В. В.». В 12 № (без подписи).

4. Сведения по библиографии и книговедению в России. «Б. К.». Ноябрь и декабрь. 1 том (без подписи).

1891 г.

1. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).

2. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России и о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

3. Сведения по педагогике и гигиене в России. «В. В.». В 12 № (без подписи).

4. Сведения по библиографии и книговедению в России. «Б. К.». 12 т. (без подписи).

5. Сведения по этнографии в России. «Э. О.». Для хроники (без подписи).

6. Искусство в первоначальном образовании. «В. В.». № 2 (с подписью: А. Волкова).

7. О воспитании (Перепечатано в измененном виде из журн. «Друг женщин». «В. В.». № 6 (с подписью: А. Волкова.)

8. О дисциплине (Перепечатано в исправленном виде из журнала «Друг женщин») «В. В.» (с подписью: А. Волкова.) № 8.

9. О позднем пробуждении детей от сна. «В. В.». № 8 (с подписью: А. Волкова.)

10. Воспитание и образование ненормальных детей на Скандинавском полуострове. «Д. П.». № 22, 23 (с подписью: А. Волкова.)

1892 г.

1. Оригинальность и память. «М. И. Г.». № 67 (с подписью: Ан. В.)

2. По вопросу о воспитании. «В. В.». № 3 (с подписью: А. Волкова.)
3. Обучение бережливости. «В. В.». № 3 (с подписью: А. Волкова).
4. Французские стипендиаты за границей. «М. И. Г.». № 75 (с подписью: Ан. В.).
5. Сарра Мартин. «М. И. Г.». № 94 (с подписью: Ан. В.).
6. Заботы о детях в Швейцарии. «Д. П.». № 7 (с подписью: А. Волкова).
7. Военная повинность для девушек. «М. И. Г.». № 111 (с подписью: Ан. В.).
8. Руководство для воспитания и образования слепых детей. «Д. П.». № 9 (с подписью: А. Волкова).
9. Приюты для учеников городских училищ в Париже во время занятий и каникул. «Д. П.». № 9 (с подписью: А. Волкова).
10. Летние школьные караваны во Франции. «Д. П.». № 10 (с подписью: А. Волкова).
11. Из школьной статистики Берлина. Народная школа в Австрии. «Д. П.». № 12 (без подписи).
12. Школьная статистика в Германии, Австрии, Англии и Ирландии. «М. И. Г.». № 193 (с подписью: А. Волкова).
13. Разные известия: 1) Конгресс учителей слепых. 2) Общество покровительства несчастным детям. 3) Пожертвование бельгийца Карла Годшалка. «М. И. Г.», № 193 (без подписи).
14. Луи ВиВ. «М. И. Г.», № 213 (без подписи).
15. Заботы об учащихся и учащихся в Бельгии. «Д. П.», № 14 (без подписи).
16. Провинциальная благотворительность: 1) Вятское общество земледельческих колоний и приютов для малолетних преступников. 2) Новое общество в Твери. «Д. П.», № 14 (без подписи).
17. Праздники и прогулки для учащихся в начальных парижских школах. «М. И. Г.», № 224 (с подписью: Ан. В.).
18. Дружественная ассоциация бывших учеников общественной начальной школы в Париже. «М. И. Г.», № 226 (с подписью: Ан. В.).
19. Разные известия: Обучение письму прямым почерком. «М. И. Г.», № 226 (без подписи).
20. Летние школьные дачи для учащихся в Бельгии. «М. И. Г.», № 228 (с подписью: Ан. В.).
21. Бесплатное элементарное обучение в Англии. «Д. П.», № 15 (без подписи).
22. Учреждение для рабочего и бедного населения в Лондоне «Toynbee Hall». «М. И. Г.», № 235 (с подписью: Ан. В.).
23. Педагогические конгрессы в Бельгии. «М. И. Г.», № 239 (с подписью: Ан. В.).
24. Разные известия: 1) Пожертвование с научной целью в Бельгии.

2) Совместное обучение глухонемых и нормальных детей во Франции. «М. И. Г.», № 239 (без подписи).

25. Товарищеское общество бывших учеников общественной начальной школы в Париже. «Д. П.», № 16 (без подписи).

26. Конгресс французской лиги для распространения образования. «М. И. Г.», № 242 (с подписью: Ан. В.).

27. Разные известия: 1) Вознаграждения учащим в Саксонии. 2) Студентки в Лейпцигском университете. «М. И. Г.», № 242 (без подписи).

28. Международная лига для распространения образования. «М. И. Г.», № 248 (с подписью Ан. В.).

29. Учреждение для рабочих и бедных в Лондоне. «Д. П.», № 17 (с подписью: А. Волкова).

30. Сельскохозяйственная школа для мальчиков при учебной практической ферме в Вятской губернии. «Д. П.», № 17 (без подписи).

31. Причуды в современном воспитании детей. «В. В.», № 5 (с подписью: А. Волкова).

32. Французская лига для восстановления общественной нравственности. «В. В.», № 5 (с подписью: А. Волкова).

33. Женщина-астроном. «М. И. Г.», № 265 (без подписи).

34. Загородные дома для учащихся в начальных школах в Германии. «Д. П.», № 18 (с подписью: А. Волкова).

35. Общество вакационных колоний в Бордо.— Совместное обучение глухонемых и нормальных детей во Франции.— Пожертвование в пользу распространения образования в Киле.— Пожертвование в пользу учащихся. «Д. П.», № 18 (без подписи).

36. Школьные кассы во Франции. «М. И. Г.», № 281 (с подписью: Ан. В.).

37. Разные известия: конкурс плавания. «М. И. Г.», № 287 (без подписи).

38. Школьные праздники для учеников начальных училищ в Париже. «В. В.», № 6 (с подписью: А. Волкова).

39. О школьной гигиене в Германии. «В. В.», № 6 (без подписи).

40. Благотворительные кассы в пользу школ во Франции. «Д. П.», № 19 (с подписью: А. Волкова).

41. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и о призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 №. (без подписи).

42. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России; о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 №. (без подписи).

43. Сведения по педагогии и гигиене в России. «В. В.». В 12 №. (без подписи).

44. Сведения по библиографии и книговедению в России. «Б. К.». 12 томов (без подписи).

45. Сведения по этнографии в России. «Э. О.». Для хроники (без подписи).

46. Московское общество содействия здоровому воспитанию детей. «М. И. Г.», № 292 (с подписью: Ан. В.).
47. Сельскохозяйственное образование в Бельгии, Франции и Австрии. «М. И. Г.», № 297 (с подписью: Ан. В.).
48. Общество для содействия начальному образованию в России «Д. П.», № 20 (без подписи).
49. Физическое воспитание детей во Франции и в Бельгии. «М. И. Г.», № 305 (с подписью: Ан. В.).
50. Разные известия: циркуляр против телесных наказаний в школах Аргентинской республики. «М. И. Г.», № 312 (без подписи).
51. Разные известия. Обучение ручному труду в Бельгии. «М. И. Г.», № 315 (без подписи).
52. Идеализм. «В. В.», № 7 (с подписью: А. Волкова).
53. Страна с замечательным земледельческим образованием. «М. И. Г.», № 280 (с подписью: Ан. В.).
54. Разные известия: Правила для служащих в банке Ротшильда. «М. И. Г.», № 323 (без подписи).
55. Разные известия: Необыкновенные часы. «М. И. Г.», № 325 (без подписи).
56. Разные известия: Железные дороги в Мексике. «М. И. Г.», № 338 (без подписи).
57. Разные известия: Султан Абдул-Гамид и его двор. Прил. к «М. И. Г.», № 345 (без подписи).
58. О телесных наказаниях. «В. В.», № 8 (без подписи).
59. О вакационных колониях и экскурсиях в Париже в 1892 году.— О школьных колониях в Испании.— Конкурс на соискание премии в искусстве плавания. «В. В.», № 8 (без подписи).

1893 г.

1. Благотворительное учреждение для учащихся в Швейцарии.— Товарищеские ассоциации во Франции.— Вакационные колонии в Париже и в Испании. «Д. П.», № 5 (без подписи).
2. Воспитание и образование глухонемых в Североамериканских Штатах. «Д. П.», № 7 (с подписью: А. Волкова).
3. Бюджет по народному образованию в Германии.— Обеды для учащихся во Франции.— Общество взаимопомощи для учащихся в Руане.— Народное образование в Эквадоре.— О школьных кассах во Франции.— Первоначальное образование в Англии.— Союз учащихся во Франции. «Д. П.», № 12 (без подписи).
4. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).
5. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России; о ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 №. (без подписи).
6. Сведения по педагогике и гигиене в России. «В. В.». В 12 № (без подписи).

7. Сведения по библиографии и книговедению в России. «Б. К.». 12 томов (с подписью на каждом переплетенном томе: А.И. Волкова).

8. Сведения по этнографии в России. «Э. О.». Для хроники (без подписи).

9. Профессиональное образование в Румынии. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

10. Техническое училище в Цюрихе.— Рисование в начальных школах в Соединенных Штатах. «Р. Г.», № 27 (без подписи).

11. Учреждение для покинутых детей во Франции.— Попечение о покинутых детях в Базельском кантоне в Швейцарии.— Народное и профессиональное образование в Румынии.— Снабжение учеников швейцарских школ бесплатными учебными пособиями.— Приюты для учащихся в бернских школах.— Заботы о беспризорных и порочных детях в Швейцарии.— Школы в Берлине.— Народное образование в Пруссии.— Школы и питейные заведения в Бельгии.— Пожертвование.— Учреждение для сирот учителей и учительниц в первоначальных школах в Париже.— Общество покровительства учащимся в начальных школах во Франции.— Помощь учащимся в Германии. «Д. П.», № 14 (без подписи).

12. Летние временные ясли в деревне. «Д. П.», № 18 (без подписи).

13. Сведения о первоначальном образовании в Америке.— Из статистики по первоначальному образованию во Франции.— Товарищеские союзы учащихся во Франции. «Д. П.», № 19 (без подписи).

14. О призрении и обучении слепых и глухонемых в Петербурге. «Д. П.», № 20 (без подписи).

15. Краткий исторический обзор дела призрения детей в Европе. «Д. П.», № 23 (с подписью: А. Волкова).

1894 г.

1. Педагогический конгресс в Швейцарии. О покинутых детях. «Д. П.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

2. Профессиональное образование в Швейцарии. «Р. Г.», № 2 (без подписи).

3. Английский и прямой почерк при обучении письму. «Р. В.», № 28 (с подписью: Ан. В.).

4. О призрении и воспитании несчастных детей в Швейцарии. «Д. П.», № 2, 3 (с подписью: А. Волкова).

5. Международный конгресс в Швейцарии.— Бесплатное образование в средних французских школах.— Профессиональное образование в Швейцарии.— Горячая пища для бедных учеников первоначальных школ в Швейцарии.— Школьные сберегательные кассы во Франции.— Касса взаимопомощи учащихся в Баварии.—

Количество глухонемых и слепых в Австрии.— Пожертвования в Германии и Швейцарии. «Д. П.», № 2 (без подписи).

6. Обучение кройке в первоначальных школах в Париже.— Технические школы для взрослых в Германии.— Бесплатные курсы коммерческих наук в Париже. «Р. Г.», № 6 (без подписи).

7. Союз для распространения научных сведений в Бельгии. «Р. В.», № 47 (с подписью: Ан. В.).

8. Слепота и гигиена зрения.— Детский фабричный труд в Соединенных Штатах.— Грамотность в Бельгии.— Две женские школы в Бельгии.— Школьная статистика в Германии. «Д. П.», № 4 (без подписи).

9. Сведения о благотворительных и просветительных учреждениях для детей в России; о начальном образовании и о призрении слепых и глухонемых. «Д. П.». В 24 № (без подписи).

10. Сведения о профессиональном и ремесленном образовании в России. О ремесленных учениках. «Р. Г.». В 52 № (без подписи).

11. Сведения по педагогике и гигиене в России. «В. В.». В 12 № (без подписи).

12. Сведения по библиографии и книговедению в России. «Б. К.». 12 месяцев по 2 т. в каждом месяце (с подписью: А.И. Волкова на переплете).

13. Сведения по этнографии в России. «Э. О.». Для хроники (без подписи).

14. Общество для предупреждения детей от нищенства в Париже. «Д. П.», № 5 (с подписью: А. Волкова).

15. Призрение покинутых детей. Издание журнала «Д. П.» (с подписью: А. Волкова).

16. Общество народной пользы в Нидерландах.— Народное образование в Соединенных Штатах.— Деятельность Французской лиги.— Первоначальные школы в Норвегии.— Народное образование в Италии.— Союз взаимной помощи женщин в Брюсселе.— Ассоциация для доставления одежды учащимся в Брюсселе.— Детские сады в Великобритании и Ирландии.— Школьная столовая в Германии. «Д. П.», № 6 (без подписи).

17. Бесплатные детские лечебницы во Франции. «Д. П.», № 7 (с подписью: А. Волкова).

18. Образовательные школы для слабоумных детей в Германии. «Д. П.», № 9 (с подписью: А. Волкова).

19. О слепых.— Нью-Йоркское общество помощи детям. «Д. П.», № 9 (без подписи).

20. Женские профессиональные школы в Бельгии. «Р. В.», № 192 (с подписью: Ан. В.).

1895 г.

1. Образовательные учреждения для народа во Франции. «Р. В.», № 204 (с подписью: Ан. В.).

2. Передвижная библиотека для сельских школ во Франции. «Р. В.», № 234 (с подписью: Ан. В.).

3. Совместное обучение учащихся обоего пола в Соединенных Штатах. «В. В.», № 6 (с подписью: А. Волкова).

4. Частная школа для совместного обучения учащихся обоего пола в Гельсингфорсе. «В. В.», № 6 (с подписью: А. В.).

5. Ребенок должен иметь ум, свойственный его возрасту. «В. В.», № 7 (с подписью: А. Волкова).

1896 г.

1. Частное училище для образования учительниц средне-учебных заведений в Кембридже. «В. В.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

2. О бесплатном обучении в среднеучебных заведениях в Швейцарии.— Конгресс учителей на Скандинавском полуострове.— Присуждение наград за содействие оспопрививанию. «В. В.» № 1 (без подписи).

3. Влияние ручного труда на развитие воли у детей. «В. В.», № 4 (с подписью: А. В.).

4. Обряды и обычаи у некоторых народов по случаю рождения детей. «Э. О.», № 1 (с подписью: А. В.).

5. Проект нового периодического издания для подростков во Франции.— Педагогический музей в Париже.— Народный кружок.— Поощрение учащихся земледелию и сельскому хозяйству в первоначальных школах во Франции.— Оспопрививание в начальных школах во Франции.— Уведомление родителей об успехах их детей в школе. «Р. Н. У.», № 8—9 (без подписи).

6. Образование взрослых во Франции. «Р. В.», № 312 (с подписью: Ан. В.).

7. Некоторые статистические сведения о начальных образованиях во Франции в 1894—1895 учебном году. № 11 «Р. Н. У.» (без подписи).

1897 г.

1. Значение памяти. «В. В.», № 2 (с подписью: А. В.).

2. О воспитании детей в школе. «Р. Н. У.», № 6—7 (с подписью в оглавлении: А. Волковой).

3. О начальном образовании в Швеции. «Р. В.», № 165 (с подписью: Ан. В.).

4. Женская практическая школа в Милане. «Р. Г.» № 32 (без подписи). О затратах на обучение рисованию в Англии, Германии и Франции.

5. Общество для распространения профессионального образования во Франции.— Профессиональное образование в Англии. «Р. Г.», № 31 (без подписи).

6. Сообщения о школах за границей.— Обязательное обучение и статистические сведения по народному образованию в Европе.—

Некоторые сведения о начальном образовании во Франции.— Народное образование в Японии.— Нравственное воспитание юношества в Швейцарии.— Прогресс начального образования в Англии.— Вечерние курсы в Англии. «Р. Н. У.» № 8—9 (без подписи).

7. Как основываются университеты в Америке. «Р. В.», № 300 (с подписью: Ан. В.).

1898 г.

1. Подготовка к ремесленному труду в Швейцарии.— Общества для распространения профессионального образования в Швейцарии.— Две профессиональные школы для мальчиков в Фрибурге.— Профессиональная школа в Мадагаскаре. «Р. Г.», № 1 (без подписи).

2. Обучение рисованию во Франции.— Стипендии для изучения торгового дела в Италии. «Р. Г.», № 2 (без подписи).

3. Общество для попечения о бессемейных ремесленных учениках в Берлине.— Фрейбургская ремесленная школа в Швейцарии. «Р. Г.», № 3 (без подписи).

4. Разные известия: Сберегательные кассы в Пруссии. № 26 «К.» (без подписи).

5. Сообщения о школах за границей.— Организация начального образования в Румынии.— Школы домашнего хозяйства для девочек при начальных училищах в Германии. «Р. Н. У.», № 1 (без подписи).

6. Женская профессиональная школа в Брюсселе. «Р. Г.», № 6 (без подписи).

7. Женское профессиональное образование в Австрии. «Р. Г.», № 7 (без подписи).

8. Женские профессиональные школы в Мюнхене и Вюртемберге. «Р. Г.», № 8 (без подписи).

9. Сообщения о школах за границей.— Нормальная школа в Будапеште.— Педагогические ассоциации в Венгрии.— Отчет по народному образованию в Невшательском кантоне в Швейцарии в 1896 году. «Р. Н. У.», № 2 (без подписи).

10. Женская кулинарная школа и домашнего хозяйства в Брюсселе. «Р. Г.», № 9 (без подписи).

11. Разные известия.— Некоторые статистические сведения о народном образовании взрослых во Франции в 1896—1897 гг.— Уменьшение народонаселения во Франции. «К.», № 60 (без подписи).

12. Распространение общественного воспитания во Франции. «Р. В.», № 63 (с подписью: Ан. В.).

13. Распространение рисования в Индии.— Женская профессиональная школа в Амстердаме.— Выставка в школе промышленных искусств в Женеве. «Р. Г.», № 10 (без подписи).

14. Нормальное училище рисования в Париже. «Р. Г.», № 11 (без подписи).

15. Женская профессиональная школа в Женеве. «Р. Г.», № 12 (без подписи).

16. Воскресные женские курсы в Гавре.— Практическая литературная женская школа в Милане.— Курсы для взрослых девушек в Германии.— Женские профессиональные школы в Париже.— Школа домашнего хозяйства в Швейцарии.— Женские работы учениц начальных школ в Индии.— Новая отрасль труда для женщин.— Профессиональная женская школа в Женеве. «Т. О.» Хроника женского профессионального образования. № 2 (без подписи).

17. Профессиональное образование в Бельгии. «Р. Г.», № 13 (без подписи).

18. Сообщения о заграничных школах.— Нравственное воспитание детей в Англии.— Физическое воспитание детей в Италии.— Проект международного конгресса педагогических писателей в Париже.— О народном образовании во Франции. «Р. Н. У.», № 3 (с подписью: Ан. В.).

19. Курсы обойного ремесла в Женеве.— Художественная школа в Швейцарии. «Р. Г.», № 15 (без подписи).

20. Сообщения о заграничных школах.— Охранительные классы для учащихся в начальных школах во Франции.— Ассоциация педагогической прессы и международный конгресс в 1900 г. в Париже.— Вредное влияние порнографической прессы на подростков и детей.— Школьные экскурсии в Германии.— Школьные сберегательные кассы в Швейцарии.— Центральная педагогическая библиотека в Лейпциге.— Перепись учеников в начальных школах в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 4 (с подписью: Ан. В.).

21. Хроника женского профессионального образования.— Женский земледельческий институт в Нью-Йорке.— Женское профессиональное образование в Бельгии.— Обучение кулинарному делу в г. Майнце.— Школы домоводства в Упсале.— Некоторые статистические данные об учительницах в Соединенных Штатах. «Т. О.», № 3 (без подписи).

22. Сообщения о заграничных школах.— Бюджет народного образования г. Лейпцига на 1898 г.— Ассоциация немецких учительниц.

23. Сообщения о заграничных школах в Цюрихском кантоне.— Надзор за детьми школьного возраста в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 5 (с подписью: Ан. В.).

24. Хроника иностранной благотворительности.— Вакационные колонии для учащихся в начальных школах Германии. «В. Б.», № 5 (без подписи).

25. Заботы о распространении профессионального образования в Швейцарии. «Р. Г.», № 25 (без подписи).

26. Хроника иностранной благотворительности.— Институт для глухонемых в Швейцарии.— Помощь бедным учащимся в начальных школах в Швейцарии. «В. Б.», № 6 (без подписи).

27. Профессиональная школа садоводства в Женеве. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

28. Частная школа ручного труда во Франции. «Р. Г.», № 28 (без подписи).

29. Обучение рисованию во Франции. «Р. Г.», № 29 (без подписи).

30. Хроника иностранной благотворительности.— Частная благотворительность в Швейцарии.— Товарищеская ассоциация бывших учеников начальной школы во Франции.— Общество для доставления одежды отставным солдатам в Париже.— Учреждение приюта для женщин в Париже. «В. Б.», № 7 (без подписи).

31. Профессиональное образование в Австрии.— Промышленный музей и ремесленное образование в г. Фрибурге. «Р. Г.», № 32 (без подписи).

32. Курсы по столярному делу в Париже.— Пособия на содержание профессиональных школ в Швейцарии. «Р. Г.», № 33 (без подписи).

33. Сообщения о заграничных школах.— Нововведение в начальных школах.— Дополнительные классы для умственно отсталых детей при начальных школах в Берлине.— Начальное образование в Японии.— Школьные сберегательные кассы в различных странах.— Педагогическая пресса в Германии.— Начальное образование в Италии. «Р. Н. У.», № 8—9 (с подписью: Ан. В.).

34. Хроника иностранной благотворительности.— Приюты для беременных женщин в Париже. «В. Б.», № 8 (с подписью: А. Волкова).

35. Хроника иностранной благотворительности.— Призрение детей в Париже.— Пожертвования во Франции и Швейцарии. «В. Б.», № 9 (с подписью: А. Волкова).

36. Профессиональная академия в Женеве.— Коммерческая школа в г. Невшателе в Швейцарии. «Р. Г.», № 43 (без подписи).

37. Сообщения о заграничных школах.— Конгресс лиги образования во Франции.— Педагогический факультет при университете в Нью-Йорке.— Школьная выставка в Алансоне.— Гигиена в начальной школе.— Педагогический музей в г. Фрибурге в Швейцарии.— Школьные сберегательные кассы в Нью-Йорке.— Средства для содержания школ в Америке.— Обязательное обучение в Голландии. «Р. Н. У.», № 10 (с подписью: Ан. В.).

38. Хроника иностранной благотворительности.— Благотворительное учреждение для устройства вакационных колоний в Бельгии.— Попечение о детях в разных странах. «В. Б.», № 10 (с подписью: А. Волкова).

39. Школа часового мастерства в г. Женеве.— Учебные мастерские в г. Берне в Швейцарии.— Распространение профессионального образования в Невшательском кантоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 45 (без подписи).

40. Хроника женского профессионального образования.— Высшие начальные школы и профессиональные училища в Турине.— Образцовая школа домоводства в Реймсе.— Обучение сельскому и домашнему хозяйству учительниц в нормальной школе в Канне.— Высшая женская школа в Берлине.— Частная школа труда для евреек в Париже.— Профессиональная школа музыки в Париже.— Высшая женская школа в Китае.— Обучение домоводству в Америке.— Женская профессиональная школа домоводства в Лозанне.— Женские профессиональные школы в Париже. «Т. О.», № 6 (с полной подписью: А. Волкова).

41. Хроника иностранной благотворительности.— Общество для попечения о сиротах-учащихся в начальных школах.— Летние колонии для детей в Англии.— Новые благотворительные учреждения в Париже.— Школьные попечительства в Италии. «В. Б.», № 11 (с подписью: А. Волкова).

42. Хроника иностранной благотворительности.— Приют для детей рабочих в Париже.— Благотворительный союз учащихся в Париже. «В. Б.», № 18 (с подписью: А.И. Волкова).

1899 г.

1. Мужские профессиональные школы в Париже. «Р. Г.», № 4 (без подписи).

2. Новый тип средней школы во Франции. «Р. В.», № 25 (с подписью: Ан. В.).

3. Начальное образование за границей.— Начальное образование в Китае.— Воспитательное общество в Швейцарии.— Международный конгресс учителей в Голландии.— Связь школы и семьи в Америке.— Прогресс начального образования в Америке.— Дополнение к закону об обязательном обучении в Швеции. «Г. и С. У.». Вып. 6 (с подписью: А. В.).

4. По поводу общества учителей профессиональных школ в Швейцарии.— Расходы на профессиональное и промышленное образование в Швейцарии. «Р. Г.», № 7 (без подписи).

5. Новое благотворительное учреждение в Париже.— Общество попечения о детях в Германии.— Попечительство о детях в Париже. «В. Б.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

6. Профессиональные курсы для ремесленников в г. Лозанне, Вене и Монтрё в Швейцарии. «Р. Г.», № 8 (без подписи).

7. Педагогический конгресс в Германии в 1898 году.— Конгресс учительниц в Германии.— Конгресс по народному образованию в Германии в 1897 и в 1898 гг.— Народное образование в Италии.— Дополнительные курсы для подростков и юношей в Германской империи.— Школьные лиги против злоупотребления спиртными напитками во Франции.— Искусство в начальных школах во Франции. «Р. Н. У.», № 2 (с подписью: А. В-ой).

8. Выставка работ учеников профессиональных курсов в г. Лозанне в Швейцарии. «Р. Г.» (1899 г.), № 11 (без подписи).

9. Хроника женского профессионального образования.— Проект обязательного обучения женщин поваренному искусству в Германии.— Школа и мастерская в Париже.— Профессиональная академия в Женеве. «Т. О.», № 1 (без подписи).

10. Хроника иностранной благотворительности.— Общество покровительства малолетним трубочистам в Милане.— Сбор пожертвований в пользу бедных в Италии. «В. Б.», № 2 (с подписью в оглавлении: А. Волковой).

11. Городская школа практического рисования в Париже. «Р. Г.», № 13 (без подписи).

12. Выделка ковров в Алжире.— Профессиональная школа в Судане. «Р. Г.», № 15 (без подписи).

13. Ясли и детские приюты во Франции и в других странах. «В. Б.», № 3 (с подписью: А. Волкова).

14. Из текущей литературы: 1) Ассоциация взаимного спокойствия учащихся во Франции. 2) О самообразовании учителей. 3) Учительские кружки для чтения во Франции. 4) Графология как пособие в педагогике. 5) Влияние библиотек на нравственность народа в Англии. 6) Статистические сведения о народном образовании юношества и взрослых во Франции в 1897—1898 гг., «П. Л.», № 4 (без подписи).

15. Ремесленные курсы для рабочих в Париже. «Р. Г.», № 17 (без подписи).

16. Школы часового мастерства в г. Порантрю и в г. Солотурне в Швейцарии.— Техническое училище в Бургдорфе в Бернском кантоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 18 (без подписи).

17. Частные профессиональные школы для мальчиков в Париже.— Пособия для распространения профессионального образования в Бернском кантоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 19 (без подписи).

18. Сообщения о заграничных школах: 1) Школьные ассоциации для содействия народному образованию в Соединенных Штатах и в Италии. 2) Национальный педагогический конгресс в г. Турине в Италии. 3) Конгресс по народному образованию во Франции. 4) Школьная выставка в Тессинском кантоне в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 5 (с подписью в оглавлении: А. В-ой).

19. Начальное образование за границей (заметки).— Новый проект для общения между собою членов учебного персонала по начальному образованию в разных странах.— Народное образование в Пруссии.— Начальное образование в Венгрии.— Вспомогательные школы для умственно отсталых детей в Германии.— Вакационные школы в Соединенных Штатах.— Расход на бесплатные учебные пособия в Невшательском кантоне в Швейцарии.— Библиотеки-копейки во Франции.— Поощрение учащихся в разведении цветов в английских начальных школах. «Г. и С. У.». Вып. 2 и 3 (с подписью: А.И. Волкова).

20. Новое техническое училище в кантоне де-Во в Швейцарии. «Р. Г.», № 20 (без подписи).

21. Хроника иностранной благотворительности.— Вакационные колонии во Франции.— Общество друзей детства в Берлине.— Пожертвование. «В. Б.», № 5—6 (с подписью: А. Волкова).

22. Сообщения о заграничных школах.— Школы в Судане.— Медицинская инспекция начальных школ в Берлине.— Школы практической педагогики во Франции.— Преподавание естественных наук в начальной школе.— Куклы как педагогическое пособие в школах в Америке.— Родительские вечера в начальных школах Германии и Франции.— Воспитание умственно отсталых детей и эпилептиков в Англии. «Р. Н. У.», № 6—7 (с подписью в оглавлении: А. В-ой).

23. Национальная профессиональная школа в г. Нанте во Франции. «Р. Г.», № 25 (без подписи).

24. Внешкольное образование во Франции в 1897—1898 году. «Р. В.», № 182 (с подписью: Ан. В.).

25. Коммерческая школа в г. Невшателе в Швейцарии.— Профессиональные школы в Невшательском кантоне в Швейцарии.— Национальная школа садоводства в г. Женеве. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

26. Бесплатная школа профессионального рисования и лепки в г. Невшателе в Швейцарии.— Профессиональная выставка в г. Фрейбурге в Швейцарии.— Международный конгресс по обучению черчению и рисованию в Париже. «Р. Г.», № 27 (без подписи).

27. Технические школы в Швеции. «Р. Г.», № 28 (без подписи).

28. Женская коммерческая школа в г. Женеве.— Женские народные курсы и кружки для взрослых во Франции.— Вечера для матерей детей, учащихся в начальных школах.— Курсы кухонного искусства в Берлине.— Новая школа домоводства во Франции.— Новые начинания в области обучения шитью во Франции.— Хроника женского профессионального образования. «Т. О.», 1899, № 4 (без подписи).

29. Обучение рисованию в Швеции и Норвегии. «Р. Г.», № 29 (без подписи).

30. Возникновение и распространение профессионального образования в Париже.— Посещение австрийскими учителями ремесленных школ Парижской выставки в 1900 году.— Проект распространения ремесленного образования в Швейцарии. «Р. Г.», № 30 (без подписи).

31. Хроника женского профессионального образования.— Пожертвование для распространения обучения хозяйству во Франции.— Воскресные собрания фабричных девушек и женщин в г. Шамбери во Франции.— Практическое обучение.— Обучение хозяйству в Бельгии. «Т. О.», № 5 (без подписи).

32. Художественно-ремесленное училище в г. Фрейбурге в Швейцарии.— Школы для ремесленников в кантоне Берн в Швейцарии.— Профессиональные курсы для взрослых в Швейцарии. «Р. Г.», № 40 (без подписи).

33. Сообщения о заграничных школах.— Народное образование в Голландии.— Статистические сведения о начальном образовании в Англии.— Конгресс учителей в Швейцарии.— Участие школы в борьбе с пьянством в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 8—9 (с подписью в оглавлении А. В-ой).

34. Начальное образование за границей.— Медицинский осмотр школ в Соединенных Штатах.— Объединение школы и семьи в Соединенных Штатах, Англии и Германии.— Статистические сведения по начальному образованию в Пруссии.— Упразднение послеобеденных классов в начальных школах в Пруссии.— Начальное образование в Саксонии.— Международный конгресс по начальному образованию в 1900 г. в Париже. «Г. и С. У.». Вып. 4 и 5 (с подписью: А. Волкова).

35. Некоторые сведения о художественно-промышленных школах в разных странах. «Р. Г.», № 45 (без подписи).

36. Хроника женского профессионального образования.— Фермы-школы для девушек во Франции.— Студентки во Франции.— Журнал для матерей в Америке.— Профессиональное образование женщин в Швеции. «Т. О.», № 6 (без подписи).

37. Профессиональное образование в Бельгии. «Р. Г.», № 46 (без подписи).

38. Международный конгресс общественного призрения и частной благотворительности в Париже.— Муниципальные субсидии в Париже в пользу благотворительных учреждений.— Благотворительное учреждение в Париже: «Помощь матерям». «В. Б.», № 11 (С полной подписью: А. Волкова).

39. Международный женский конгресс в Париже в 1900 году.— Обучение плаванию женщин.— Участие женщин в школьных комиссиях в Бернском кантоне. «Ж. Д.», № 12 (без подписи).

40. Ассоциация для призрения бедных детей в Англии.— Хроника иностранной благотворительности. «В. Б.», № 10 (С полной подписью: А. Волкова).

41. Сообщение о заграничных школах.— Наглядное обучение истории в английских начальных школах.— Народное образование в кантоне Во в Швейцарии.— Общественное воспитание юношества во Франции.— Школа и семья.— Общежитие для больных учеников начальных школ во Франции.— Влияние школы на уменьшение преступности в Пруссии. «Р. Н. У.», № 12 (с подписью: А. В-а).

42. Хроника иностранной благотворительности.— Общество покровительства освобожденным преступникам во Франции. «В. Б.», 12 (с подписью: А.И. Волкова).

43. Смесь.— Предохранительные шляпы для лошадей от летнего зноя.— Влияние света и солнца на животных.— Общество покровительства собакам в Нанте.— Статистика собак во Франции.— Собаки, как упряжные животные на Западе.— Употребление попон для рогатого скота. «Д. жив.», № 10 (без подписи).

44. Школьные союзы покровительства животных во Франции и в других странах.— Животные-алголики.— Смесь.— Приюты для животных. «Д. жив.», № 11 (без подписи).

45. Начальное образование за границей.— Вакационные колонии для учеников начальных школ в Париже.— Конгресс лиги для распространения образования во Франции.— Картины в начальных школах во Франции.— Бани для учащихся в начальных школах в Германии.— Меры для предупреждения страха у детей. «Г. и С. У.». Вып. 6 (с подписью: А. Волкова).

1900 г.

1. Попечение о ремесленных учениках во Франции.— Профессиональная школа портных в Бельгии. «Р. Г.», № 1 (без подписи).

2. Постановка ремесленного дела на Западе. «Р. Г.», № 2 (Начало) (без подписи).

3. Постановка ремесленного дела на Западе. «Р. Г.», № 3 (Окончание) (без подписи).

4. Из текущей литературы.— Совместное обучение обоего пола в Финляндии.— Объединение школы и семьи в воспитании детей во Франции.— Воспитание детей через посредство игр в Лондоне. «П. Л.», № 1 (без подписи).

5. Профессиональные школы живописи в некоторых государствах. Конгресс о профессиональном образовании в Париже в 1900 году. «Р. Г.», № 5 (без подписи).

6. Хроника иностранной благотворительности.— Общество для приготовления приданого бедным девушкам в Париже.— Общество для распространения благотворительности между юношеством.— Гардеробная для бедных детей в Париже. «В. Б.», № 1 (с подписью: А.И. Волкова).

7. Народное образование в Трансваале и Оранжевой республике. «Р. В.», № 35 (с подписью: Ан. В.).

8. Воспитание животных. Выдержки из статьи Л. Оболенского в «Педагогическом листке» за 1899 г.— О посещении зверинцев детьми всех возрастов. «Д. жив.», № 1 (без подписи).

9. Сведения о коммерческом образовании в некоторых европейских государствах. «Р. Г.», № 8 (без подписи).

10. «Женское движение в разных странах». Брошюра в пользу общества для доставления средств высшим женским курсам. С.-Петербург (с подписью А. Волковой) Сост. по соч. К. Ширмахер.

11. Хроника женского профессионального образования.— Женские практические школы во Франции.— Женские народные курсы во Франции.— Организация музеев для обучения хозяйству в парижских женских школах.— Женские хозяйственные школы в Бельгии. «Т. О.», № 1 (без подписи).

12. Сообщения о заграничных школах.— Общество школьной гигиены в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 2 (с подписью А. В-ой).

13. Образовательные курсы для ремесленников во Франции.— Школа для обучения кузнечному ремеслу в г. Метце. «Р. Г.», № 9 (без подписи).

14. Конгресс по профессиональному образованию в Париже в 1900 г. (Из «Ремесленной газеты»). «Т. С.», № 2 (без подписи).

15. Ассоциации для постройки домов для рабочих и бедных в Познани.— Заботы о бедных учениках начальных школ в Бернском кантоне в Швейцарии. «В. Б.» (с подписью: А. Волкова), № 2.

16. Смесь — Бой петухов в разных странах.— О животных в Италии. «Д. жив.», № 3 (без подписи).

17. Художественные промышленные школы в Германии и Англии.— Общество бывших учеников профессиональной школы в г. Канне во Франции.— Общество для поощрения ремесленного образования во Франции. «Р. Г.», № 12 (без подписи).

18. Хроника иностранной благотворительности.— Конгресс ассоциации бывших учеников народных школ во Франции.— Благотворительность в Швейцарии.— Санаториум в г. Бордо во Франции.— Институт для глухонемых во Франции.— Общество попечения о детях в Лондоне.— Врачебная ассоциация в Сенском департаменте во Франции. «В. Б.», № 3 (с полной подписью).

19. Городские стипендии для ремесленных учеников в г. Бордо во Франции. «Р. Г.», № 14 (без подписи).

20. Профессиональные школы в Бернском кантоне и профессиональные курсы в Ивердоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 17 (без подписи).

21. Хроника иностранной благотворительности.— Пенсия вдовам и сиротам учителей начальных школ в Германии.— Бесплатное пользование стерилизованным молоком в Лионе. «В. Б.», № 4 (с подписью: А. Волкова).

22. Сообщения о заграничных школах.— Начальное образование в Англии.— Оценка школьных зданий в Цюрихском кантоне в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 5 (с подписью: А. В-ой).

23. Практические училища во Франции.— Товарищеское общество бывших учеников профессиональной школы в г. Бресте во Франции.— Высшие коммерческие училища во Франции. «Р. Г.», № 22 (без подписи).

24. Хроника иностранной благотворительности.— Исправительная колония для несовершеннолетних преступников в Англии.— Общество для учреждения яслей во Франции.— Санатории для бедных детей во Франции.— Журнал для глухонемых в Париже. «В. Б.», № 5—6 (с подписью: А.И. Волкова).

25. Коммерческие школы в Швейцарии. «Р. Г.», (без подписи), № 25.

26. Промышленная школа в г. Вьене во Франции.— Профессиональная школа пекарного дела в Париже.— Общество попечения о ремесленных учениках-сиротках в Париже. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

27. Сообщения о заграничных школах.— Новое педагогическое общество в Париже.— Новые постановления школьной комиссии в г. Невшателе в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 6—7 (с подписью: А. В-ой).

28. О ремесленных учениках в Швейцарии. «Р. Г.», № 27 (без подписи).

29. Влияние матери в воспитании чувства милосердия к животным у детей.— О праве уничтожения хищных зверей во Франции.— Общество покровительства животным в Антверпене.— Исчезновение птиц во Франции.— Общество покровительства птицам во Франции.— О попугаях.— Состязание скорпиона с божьей коровкой.— Истребление слонов. «Д. жив.», № 6 (без подписи).

30. Женская практическая школа и женщины, служащие в коммерческих учреждениях в Париже.— Французская профессиональная школа для обучения сиделок.— Профессиональные курсы и школа домоводства во Франции.— Обучение женщин кулинарному искусству во Франции.— Гигиенические беседы для учащихся в женских школах во Франции.— Стипендии для ремесленных учениц в Париже и в Бордо.— Хозяйственные школы и вечерние курсы для обучения шитью в Лотарингии и Страсбурге.— Хозяйственные школы в Берлине.— Профессиональные курсы для взрослых девушек в Берлине.— Общество для распространения женского профессионального образования в г. Женеве в Швейцарии.— Новая практическая школа хозяйства и домоводства в Англии.— Школы домоводства и хозяйственные классы в Бельгии. «И. О.», № 4 (апрель—июль) (с подписью: А. В.). Общее название статьи: Хроника женского профессионального образования.

31. Чистота и опрятность у животных (с подписью: А. В.).— Слоны в Сиаме и Камбодже (с подписью: А. Вишнякова). Смесь: Запрещение охоты с ружьем учителям начальных школ в Германии (без подписи). «Д. жив.», № 7.

32. Сон, беллетристика (с подписью: А. В.). Смесь: Священные голуби в мечети султана Баязета.— Собаки в Константинополе (без подписи). «Д. жив.», № 8.

33. Премии для рабочих-изобретателей в Америке.— Закон о ремесленных и торговых учениках в Эльзасе и Лотарингии.— Джон Рескин, друг ремесленников.— Борьба с пьянством во Франции. «Р. Г.», № 31 (без подписи).

34. Школы часового мастерства в Париже.— Общество для распространения профессиональных курсов в г. Цюрихе в Швейцарии.— Практическая и техническая школа в Великом герцогстве Баденском. «Р. Г.», № 32 (без подписи).

35. Международный конгресс обществ покровительства животным (с подписью: А. В.).— Смесь: — Будьте милостивы к животным.— Пожертвование.— Ассоциация покровительства живот-

ным в г. Труа во Франции (без подписи).— Гигиена лошади (без подписи). «Д. жив.», № 1.

36. Борьба с пьянством.— Швеция.— Борьба с алкоголизмом во Франции.— Борьба с алкоголизмом в Париже и во Франции.— Международный конкурс для присуждения премий по вопросам о злоупотреблении алкоголем в Бельгии.— Живые картины против пьянства в Бельгии.— Город как образец трезвости.— Борьба с алкоголизмом в Невшательском кантоне в Швейцарии (с подписью: А. Волкова). «Д.», № 8—9.

37. Профессиональные курсы для часовщиков в г. Безансоне.— «Ежегодник» ремесленного обучения и профессионального образования в Невшательском кантоне в Швейцарии.— Профессиональная школа для флотских механиков во Франции.— Общество для распространения профессионального образования в г. Лионе во Франции.— Курсы промышленного электричества в г. Безансоне во Франции.— Технические и профессиональные школы в Бельгии.— Общество покровительства ремесленным ученикам во Франции.— Коммерческая школа в г. Кельне в Германии.— Количество учащихся в коммерческих школах в некоторых государствах.— Профессиональная и художественная ювелирная школа в г. Брюсселе в Бельгии. «Р. Г.», № 34 (без подписи).

38. Исторические данные о художественных и ремесленных школах во Франции.— Профессиональная школа в Тонкине. «Р. Г.», № 35 (без подписи).

39. Промышленное образование в Англии.— Профессиональная школа в г. Хануа в Тонкине.— Организация управления национальными профессиональными школами во Франции.— Общество учеников промышленной школы в г. Нанте во Франции.— Школа башмачного производства в г. Брюсселе в Бельгии. «Р. Г.», № 36 (без подписи).

40. Помощь трудом в Париже.— Обязательное призрение престарелых во Франции.— Проект закона о призрении престарелых в Англии. «В. Б.», № 9 (с подписью: А. Волкова).

41. Сообщения о заграничных школах.— Школьные попечительства.— Обеды для учеников начальных школ во Франции. «Р. Н. У.», № 8—9 (с подписью А. В-ой).

42. Из иностранной жизни. Конгресс лиги для распространения образования во Франции.— Конгресс в 1900 г. в Париже.— О злоупотреблении табаком в разных странах, «П. Я.», № 6 (без подписи).

43. О состязании животных во Франции (с подписью А. В.).— Кто любит животных, тот любит и людей (без подписи).— Воспитание львов в Ирландии (без подписи). «Д. жив.», № 10.

44. Хроника женского профессионального образования.— Статистические данные о количестве студенток в швейцарских университетах.— Женский университет в Японии.— Женское фармацевтическое образование в России.— Женская сельскохозяй-

ственная школа в Канаде.— Общество для распространения ручного труда в Швеции.— Сельскохозяйственные школы в Германии.— Школа домоводства в Лотарингии.— Хозяйственные школы в Фрибургском кантоне в Швейцарии.— Хозяйственная школа в г. Женеве, в Швейцарии.— Зрение учащихся и ручной труд в начальных школах в г. Антверпене в Бельгии.— Официальная программа школ домоводства в Бельгии.— Профессиональная и хозяйственная школа в г. Брюсселе в Бельгии.— Женские коммерческие курсы в г. Марселе во Франции.— Международный конгресс попечения о ремесленных ученицах и бедных женщинах, работающих в Париже.— Профессиональная и хозяйственная школа в Париже.— Хозяйственная школа в г. Абвиле во Франции.— Женские профессиональные курсы в г. Лионе во Франции.— Женское профессиональное и ремесленное образование во Франции.— Проект организации повсеместного хозяйственного воспитания женщин во Франции. «Т. О.», № 5 (с подписью: А. В.).

45. Нервные болезни у животных (А. В.).— Любовь людей к животным.— Морская болезнь у животных. «Д. жив.», № 11 (без подписи).

46. Профессиональная школа шорного ремесла в Париже. «Р. Г.», № 43 (без подписи).

47. Хроника иностранной благотворительности.— Убежище Св. Гертруды для престарелых рабочих в Бельгии.— Страхование от болезни в Германии.— Первые ясли в Великом герцогстве Люксембургском.— Благотворительное общество для предупреждения чахотки и ее распространения во Франции. «В. Б.», № 10 (с подписью: А.И. Волкова).

48. Из иностранной жизни.— Женское педагогическое общество в Швейцарии.— Кружок родителей и воспитателей в Швейцарии.— Вакационные курсы для учителей в Германии.— Международная школа на французской выставке в Париже. «П. Л.», № 7 (с подписью: В-вой).

49. Устав школьного общества покровительства животным во Франции (с подписью: А. Волкова).

50. Смесь. Бой быков в Испании.— Общества попечения о животных во Франции и приют для них в Цюрихе.— Собаки-сборщики милостыни в Англии и в Америке (без подписи). «Д. жив.», № 12.

51. Национальный, корпоративный и промышленный конгресс в Париже. «Р. Г.», № 48 (без подписи).

52. Хроника иностранной благотворительности.— Конгрессы для глухонемых в Италии.— Общества воспитания и призрения глухонемых в Париже.— Общество посетителей бедных в Париже.— Общество покровительства матерям в Париже. «В. В.», № 11 (с подписью: А.И. Волкова).

53. Из иностранной жизни.— Какая цель образования и воспитания.— О пользе рекреации для учеников и учителей.— О со-

хранении зубов у учащихся в различных школах во Франции и в Англии. № 8, «П. Л.» (с подписью: А. Волкова).

54. Профессиональная школа рыбного промысла в г. Остенде в Бельгии. «Р. Г.», № 50 (без подписи).

55. Хроника иностранной благотворительности.— Работный дом для детей, подростков и юношей.— Общества взаимопомощи во Франции. «В. Б.», № 12 (с подписью: А. Волкова).

56. Сообщения о заграничных школах.— Конгрессы по начальному образованию в 1900 г. в Париже. «Р. Н. У.», № 12 (с подписью: А. Волкова).

1901 г.

1. Из иностранной жизни.— Ассоциация учителей в Германии.— О чтении книг. «П. Л.». Книжка первая (с подписью: А. Волкова).

2. Сообразительность животных. (Подпись: А. В.).—Смесь.— Собаки-рабочие в разных странах.— Приют для старых лошадей в Англии.— Предохранение голубей от хищных птиц в Пекине (без подписи). «Д. жив.», № 1.

3. Профессиональная школа в г. Нанси во Франции.— Механическая школа в г. Лютихе в Бельгии. «Р. Г.», № 2 (без подписи).

4. Школа для ремесленников-учеников в Магдебурге в Германии.— Промышленное и коммерческое общество в Швейцарии. «Р. Г.», № 3 (без подписи).

5. Сообщения о школах за границей.— О введении ручного труда в начальных школах в Германии.— Народное образование в Трансваале и в Оранжевой республике.— О заикании и лечении детей в начальных школах в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

6. Слезы животных (с подписью: А. В.).— Смесь: лошади и собаки в новом цирке в Париже (без подписи). «Д. жив.», № 2.

7. Хроника иностранной благотворительности.— Меры для предупреждения и лечения чахотки в Бельгии и в Швейцарии.— Глухонемые в Турции.— Школа для глухонемых в Индии.— Убежище для старых, больных глухонемых в Огио в Соединенных Штатах.— Некоторые статистические сведения о количестве идиотов в разных странах. «В. Б.», № 1 (с подписью: А.И. Волкова).

8. Хроника иностранной благотворительности.— Профессиональная школа домашних сиделок в Париже.

— Благотворительные обеды в Берлине.— Профессиональная школа д'Аламбер для детей, покинутых родителями, во Франции. «В. Б.», № 2 (с подписью: А. Волкова).

9. Сообщение о заграничных школах.— Борьба с алкоголизмом в Бельгии.— Украшение картинами начальных школ во Франции.— Лига друзей детства в Англии и детские игры в Америке.— Народное образование в Лозанне, в Швейцарии.— Общество для распространения народного образования в Германии.— Статисти-

ческие сведения о начальном образовании в Берлине.— Преподавание морали в начальных школах во Франции. «Р. Н. У.», № 2 (с подписью А.И. Волковой).

10. Причуды людей относительно животных.— Привязанность современных императоров и королей к животным. «Д. жив.», № 3 (без подписи).

11. Хроника иностранной благотворительности.— Благотворительная ассоциация барона Тайлора в Париже.— Общество помощи рыбакам во Франции. «В. Б.», № 3 (с подписью А.И. Волковой).

12. Как умирают животные (с подписью: А. В.). «Д. жив.», № 4.

13. Хроника иностранной благотворительности.— Помощь детям-сиротам учащихся во Франции.— Приют для женщин-работниц в Берлине.— Благотворительная деятельность негритянок в Соединенных Штатах. «В. Б.», № 5—6 (с подписью: А.И. Волкова).

14. Столярная школа Буль в г. Париже. «Р. Г.», № 23 (без подписи).

15. Обучение рисованию в начальных школах во Франции.— Заботы о ремесленных учениках в Швейцарии. «Р. Г.», № 24 (без подписи).

16. Слесарные курсы в Париже.— Союз для распространения обучения рисованию в Нидерландах. «Р. Г.», № 25 (без подписи).

17. Профессиональная школа для парикмахеров в г. Брюсселе в Бельгии.— Технические школы в Лондоне.— Обучение рисованию в Америке. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

18. Хроника женского профессионального образования.— Женское сельскохозяйственное образование в Бельгии.— Международный женский союз для распространения сельского хозяйства и садоводства.— Женские сельскохозяйственные школы во Франции. «Т. О.», № 2 (без подписи).

19. Ремесленные курсы в Ивердоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 27 (без подписи).

20. Бесплатное образование в средних школах во Франции. «Р. В.», № 201 (с подписью: Ан. В.).

21. Профессиональное училище и курсы промышленного искусства в г. Берне, в Швейцарии.— Институт художественного образования в г. Женеве, в Швейцарии.— Библиотека промышленного училища в г. Люттихе в Бельгии. «Р. Г.», № 28 (без подписи).

22. Школа часового мастерства в г. Безансоне во Франции.— Общество для распространения технического и профессионального образования в Марселе во Франции. «Р. Г.», № 31 (без подписи).

23. Хроника иностранной благотворительности.— Профессиональные школы общественного призрения в Париже.— Помощь раненым и союз женщин во Франции. «В. Б.», № 7—8 (с подписью: А.И. Волкова).

24. Из заграничной жизни.— Общество для психического изучения детей в Париже.— Опросный лист.— Товарищеская ассоциация учителей рисования в Париже.— Дополнительное образова-

ние для учителей в Соединенных Штатах.— Начальное образование в Трансваале. «П. Л.», № 5 (с подписью А. Волковой).

25. Расходы по техническому образованию и количество учеников промышленных и профессиональных школ в некоторых государствах.— Новая организация профессиональных школ и попечительные комитеты в Париже.— Общество для вспомоществования сиротам типографов и литографов в Париже. «Р. Г.», № 34 (без подписи).

26. Школа для образования подмастерьев электриков в Париже. «Р. Г.», № 35 (без подписи).

27. Сообщения о зарубежных школах.— О психологических наблюдениях в начальных школах во Франции.— Школьные столовые во Франции.— Дополнительные курсы в начальных школах в Германии.— Начальное образование в Португалии.— Вакационные курсы для учителей в Норвегии.— Народное образование в Швеции и в Норвегии.— Начальное образование в испанских колониях в Америке. «Р. Н. У.», № 8—9 (с подписью А. Волковой).

28. Хроника женского профессионального образования.— Высшее женское образование в Японии.— Обучение гигиене в школах домоводства во Франции.— Женская профессиональная школа в Париже.— Женская профессиональная исправительная школа в Париже.— Проект учреждения специальной школы для поварих и экономок.— Курсы кухонного производства в г. Канне во Франции.— Школа домоводства в г. Лилле во Франции.— Женская муниципальная школа ручного труда в г. Метце во Франции.— Обучение домоводству в начальных школах в Швейцарии.— Библиография. «Т. О.», № 5 (с подписью: А. Волкова).

29. Хроника иностранной благотворительности.— Благотворительность в Вене. «В. Б.», № 9 (с подписью А.И. Волковой).

30. Хроника иностранной благотворительности.— Детские ясли в г. Бремене во Франции.— Ассоциация семейств моряков и солдат в Англии. «В. Б.», № 10 (с подписью А. И. Волковой).

31. «Тити-Лоло». Рассказ. Пер. с фр. «Д. жив.», № 6—7 (без подписи).

32. Школы для каменщиков в Германии.— Профессиональные вечерние курсы Компанейского союза в Париже. «Р. Г.», № 44 (без подписи).

33. Школы для маляров в г. Люттихе в Бельгии.— Школы для булочников во Франции.— Профессиональные курсы Общества северных железных дорог в Париже. «Р. Г.», № 45 (без подписи).

34. Исправительные учреждения и промышленные школы в Англии.— Убежище для девочек в Париже.— Учреждение для солдат в Сент-Этьене, во Франции (с подписью А.И. Волковой). «В. Б.», № 11.

35. Профессиональное образование в Саксонии. «Р. Г.», № 46 (без подписи).

36. Сообщения о заграничных школах.— Начальные школы и народные учителя в Венгрии.— Близорукость в английских школах.— Медицинская инспекция школ в Германии. «Р. Н. У.», № 11 (без подписи).

37. Из заграничной жизни.— Школьные столовые во Франции.— Вакационные классы для учеников в начальных школах.— Награды и наказания в начальных школах Франции.— Народное образование в Венгрии. «П. Л.», книжка восьмая. Декабрь (с подписью: В.).

38. Профессиональные школы в г. Люттихе в Бельгии. «Р. Г.», № 48 (без подписи).

39. Техническое образование во Франции. «Р. Г.», № 49 (без подписи).

40. Хроника иностранной благотворительности.— Организация помощи бедным чахоточным больным в Бельгии.— Попечение о детях в г. Женеве, в Швейцарии.— Медико-педагогический институт в г. Турине в Италии.— Ассоциация для вспомоществования бедным в Нью-Йорке. «В. Б.», № 12 (с подписью: А. Волкова).

41. Практическое сельскохозяйственное образование во Франции и в других странах.— Проект сельскохозяйственного обучения в начальных школах во Франции. «Ш. Х.» или «З.», № 12 (с подписью: Ан. В.).

1902 г.

1. О ремесленных учениках на Западе. «Р. Г.», № 2 (без подписи).

2. Профессиональное образование в Пруссии (без подписи). «Р. Г.», № 3.

3. Величайшая школа в мире. Газета «В.», № 3 (с подписью: А.В.).

4. Ассоциации взаимопомощи учителей во Франции.— Клубы для учительниц во Франции и в Англии.— Педагогический конгресс в Бельгии.— Мнение Нансена о воспитании юношества. «Р. Н. У.», № 1 (с подписью А. Волковой).

5. Из жизни заграничной школы.— Конгрессы германских учителей.— Общественное воспитание во французских школах. «П. Л.», № 2 (с подписью: А. В.).

6. Хроника иностранной благотворительности.— Семейное попечительство о детях во Франции. «В. Б.», № 1 (с подписью А.И. Волковой).

7. Профессиональная школа бумажного производства во Франции.— Общеобразовательная и профессиональная школа в Гранвилле во Франции.— Кондитерское и кулинарное производства в Париже.— Преобразование промышленного обучения в Бельгии. «Р. Г.», № 13 (без подписи).

8. Хроника иностранной благотворительности.— Благотворительное общество при лицее в Канне во Франции.— Школа для

идиотов и калек в больнице Сальпетриер в Париже. «В. Б.», № 3 (с подписью: А. Волкова).

9. Коммерческое образование в Дании, Швеции и Норвегии. Отдельная брошюра. В пользу общества распространения коммерческого образования (с подписью А. Волковой).

10. Хроника иностранной благотворительности.— Королевское филантропическое общество в г. Брюсселе в Бельгии.— Курсы для обучения филантропическому делу в г. Нью-Йорке.— Ассоциация благотворительных учреждений в г. Бостоне, в Америке.— Школа для детей-калек в г. Нью-Йорке. «В. Б.», № 2 (с подписью: А. Волкова).

11. Сообщения о заграничных школах.— Сельские школьные библиотеки во Франции.— Общество друзей книги во Франции.— Прогресс народного образования в Германии.— Цель и задача учителя в школе. «Р. Н. У.», № 4 (с подписью А.И. Волковой).

12. Хроника женского профессионального образования.— Обучение хозяйству и домоводству в начальных школах во Франции.— Женская коммерческая и промышленная школа в г. Нанте во Франции. «Т. О.», № 2 (без подписи).

13. Общество помощи матерям во Франции. «В. Б.», № 4 (с подписью А.И. Волковой).

14. Сообщения о заграничных школах.— Проект реформ в нормальных школах в Германии.— Конгресс учительниц начальных школ в Италии в 1901 г.— Школа без книг в Америке. «Р. Н. У.», № 6—7 (с подписью А.И. Волковой).

15. Хроника иностранной благотворительности.— Дешевые жилища для бедных и рабочих во Франции, в Бельгии и в Пруссии.— Ночлежные приюты в Берлине.— Больницы, приюты и другие учреждения для бедных в Германии.— Бюро благотворительности в Антверпене, в Бельгии. «В. Б.», № 5—6 (с подписью А. Волковой).

16. Обучение гигиене в профессиональных школах в Австрии.— Профессиональные школы г. Парижа. «Р. Г.», № 23 (без подписи).

17. Конфедерация и профессиональные курсы в Швейцарии. «Р. Г.», № 27 (без подписи).

18. Машинно-вязальная школа во Франции. «Р. Г.», № 28 (без подписи).

19. Политехнические институты и школы в Англии. «Р. Г.», № 22 (без подписи).

20. Профессиональное образование в г. Цюрихе в Швейцарии. «Р. Г.», № 30 (без подписи).

21. Женское сельскохозяйственное образование в Швейцарии, в Германии, в Австрии, в Дании и Голландии. «З», № 8 (с подписью: А. В.).

22. Курсы рисования в Париже. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

23. Заметки о заграничных школах.— Проект равного вознаграждения учителей и учительниц начальных школ во Фран-

ции.— Лига для распространения образования в Бельгии.— Совместное обучение в начальных школах в Германии. «Р. Н. У.», № 10 (с подписью: А. Волкова).

24. Женское сельскохозяйственное образование во Франции. «З.», № 9 (с подписью: А. В.).

25. Богадельни в г. Брюгге в Бельгии. «В. Б.», № 10 (без подписи).

26. Хроника Ягенского профессионального образования.— Хозяйственное обучение в материнских школах во Франции.— Проект женских дополнительных курсов рисования в г. Париже.— Программа хозяйственного образования во Франции.— Хозяйственная и профессиональная школа в г. Лозанне в Швейцарии.— Хозяйственное образование в Германии. «Т. О.», № 6 (с подписью А. Волковой).

27. Хроника иностранной благотворительности.— Мастерские для детей в Швеции.— Колония труда в штате Кентукки в Америке.— Женское общество благотворительности в г. Нью-Йорке. «В. Б.», № 11 (с подписью: А.И. Волкова).

28. Ремесленные ученицы в г. Милане. Выдержки из журнала «Мир божий» (сентябрь, 1902 г.). Все, сказанное против ремесленных учеников и в защиту хозяев, принадлежит перу редакции. «Р. Г.», № 44 (без подписи).

29. Курсы рисования в Париже. «Р. Г.», № 26 (без подписи).

30. Очерки сельскохозяйственного образования за границей. «З.», № 12 (с подписью: А. В.).

31. Хроника иностранной благотворительности.— Борьба с туберкулезом в г. Нью-Йорке, в Соединенных Штатах.— Частная благотворительность в Глазго в Шотландии. «В. Б.», № 12 (с подписью: А.И. Волкова).

1903 г.

1. Женское профессиональное и хозяйственное образование в г. Париже. «Р. Г.», № 1 (без подписи).

2. Английские технические школы.— Женская переплетная школа в Берлине. «Р. Г.», № 5 (без подписи).

3. Городские курсы рисования во Франции. «Р. Г.», № 10 (без подписи).

4. Хроника женского профессионального образования.— Женская профессиональная школа в Монт-де-Марзане во Франции.— Хозяйственное образование в Бельгии. «Т. О.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

5. Школьное хозяйство.— Назначение наград учащим сельскому хозяйству в начальных школах во Франции.— Зимние сельскохозяйственные школы во Франции. «З.», № 2 (с подписью: А. В.).

6. Потребление спиртных напитков, вина и пива, в Европе и Соединенных Штатах.— Иностранная летопись. Борьба с пьян-

ством в Австрии через посредство начальных школ.— Библиография. «Т. и Б.», № 3 (без подписи).

7. Национальные профессиональные школы во Франции. «Р. Г.», № 16 (без подписи).

8. Профессиональная школа в г. Клермонте во Франции. «Р. Г.», № 17 (без подписи).

9. Статистика слепых в Пруссии. «С.», № 3 (без подписи).

10. Сельскохозяйственное образование:— Школы для изучения молочного хозяйства в Швеции. «З.», № 5 (с подписью: А. Волкова).

11. Сообщения о заграничных школах.— Статистические сведения о начальном образовании в Париже в 1900 году.— Прогресс начального образования в Италии.— Проект для устройства и распространения библиотек во Франции. «Р. Н. У.», № 5 (с подписью А. Волковой).

12. Международный конгресс учителей рисования в Швейцарии. «Р. Г.», № 24 (без подписи).

13. Агрономические опытные станции в Германии. «З.», № 6 (с подписью: А. Волкова).

14. Народный университет в Америке. «Р. В.», № 186 (с подписью: Ан. В.).

15. Технические школы для изучения кожевенного производства в разных странах.— Промышленные школы для изучения игрушечного мастерства в Германии.— Подготовительное училище для электротехников в Париже. «Р. Г.», № 28 (без подписи).

16. Вино. Арабская легенда.— Иностранная летопись.— Борьба с алкоголизмом в Германии.— Алкоголизм и смертность в Швейцарии в 1901 году. «Т. и Б.», № 6—7 (без подписи).

17. Внешкольное образование во Франции за 1902—1903 учебный год. «К.», № 153 (с подписью: Ан. В.).

18. Технические школы в Англии. «Р. Г.», № 30 (без подписи).

19. Подготовительная школа для художественного, промышленного и коммерческого образования во Франции. «Р. Г.», № 31 (без подписи).

20. Женский труд на Всемирной выставке в г. Сен-Луи в Америке. «Р. Г.», № 33 (без подписи).

21. Обязательное профессиональное образование в некоторых европейских государствах.— Вечерняя высшая школа для ремесленников и рабочих в Америке.— Профессиональная школа в г. Смирне в азиатской Турции. «Р. Г.», № 34 (без подписи).

22. Обучение сельскому хозяйству в начальных школах за границей.— Сельскохозяйственные школы во Франции.— Обучение сельскому хозяйству солдат во Франции.— Фермы-школы в Вюртемберге.— Сельскохозяйственная школа в Персии.— Библиография. Земледелие в школе. Соч. М. Анго. «З.» «Ш. Х.», № 8 (без подписи).

23. Школа садоводства для женщин в Германии.— Библиография. Земледелие и школа.— Объяснительные чтения по земледелию. Соч. г. Анго. «З.» «Ш. Х.», № 9 (без подписи).

24. Сообщения о заграничных школах.— Народное образование в Бразилии.— Полезное чтение учащихся в начальных школах в Америке.— Переносные школы в Америке. «Р. Н. У.», № 8—9 (с подписью А. Волковой).

25. Школа слепых массажистов в г. Брюсселе. «С.», № 7 (без подписи).

26. Общество для распространения профессионального образования в г. Лионе во Франции.— Распространение технического образования в Германии.— Профессиональное образование в Бельгии. «Р. Г.», № 36 (без подписи).

27. Обязательное профессиональное образование в некоторых европейских государствах. «Т. С. и В. П.», № 9 (без подписи).

28. Инспектрисы женского и детского труда во Франции. «Р. Г.», № 37 (без подписи).

29. Национальное художественно-промышленное училище в г. Рубе во Франции.— Промышленное образование в г. Люттихе в Бельгии. «Р. Г.», № 40 (без подписи).

30. Конгресс для борьбы с алкоголизмом во Франции.— Алкоголизм и грудные дети. «Т. и Б.», № 8 (без подписи).

31. Борьба с пьянством в Швейцарии через посредство школ.— Конгресс женщин-трезвенниц в Женеве.— Борьба с алкоголизмом в Англии.— Борьба с алкоголем в Норвегии. «Т. и Б.», № 9 (без подписи).

32. Проект организации женской еврейской общины в г. Чикаго в Америке (Библиография). «В.», № 35 (без подписи).

33. Библиография. Учебные учреждения Всемирного еврейского союза на Востоке. «В.», № 36 (с подписью: Ан. В.).

34. Хроника женского профессионального образования.— Хозяйственное образование в Германии.— Женский хозяйственный институт в Баварии.— Женщины-библиотекари в Берлине.— Общество женщин-служащих в Германии.— Обучение женщин ручному плетению кружев во Франции.— Вознаграждение учительниц в профессиональных и хозяйственных школах в Бельгии.— Заботы о зрении учениц в Англии.— Женское профессиональное образование в Америке.— Женские практические школы в Америке. «Т. О.», № 5 (с подписью: Ан. В.).

35. Швейцарское общество для распространения рисования и профессионального образования.— Профессиональное образование на острове Мадагаскаре и в Тунисе. «Р. Г.», № 42 (без подписи).

36. Из иностранной жизни.— Туберкулез у учащихся во Франции и борьба с этой болезнью.— Начальное образование в Германии. «П. Л.», Кн. 7-я (без подписи).

37. Ремесленное ученичество в Америке.— Техническое учебное учреждение в г. Фрейбурге в Швейцарии. «Р. Г.», № 43 (без подписи).

38. Школа часового мастерства в г. Лионе во Франции. «Р. Г.», № 44 (без подписи).

39. Курсы для профессионального образования ремесленников и рабочих во Франции. «Р. Г.», № 45 (без подписи).

40. Общество призрения слепых во Франции. «С.», № 9 (без подписи).

41. Постановление Медицинской академии во Франции относительно алкоголизма.— Потребление спиртных напитков в разных странах. «Т. и Б.», № 11 (без подписи).

42. Профессиональная школа булочного производства в г. Брюсселе в Бельгии. «Р. Г.», № 48 (без подписи).

43. Некоторые сведения о профессиональных училищах в г. Женеве в Швейцарии. «Р. Г.», № 49 (без подписи).

44. Сельскохозяйственное образование за границей.— Сельскохозяйственное образование в Сербии.— Сельскохозяйственное образование в Соединенных Штатах.— Курсы для сельскохозяйственного образования во Франции. «З.», № 11 (с подписью: Ан. В. и А. Волкова).

45. О ремесленных учениках в Швейцарии.— Обучение кузнечному ремеслу в Бельгии.— Профессиональная школа для ремесленных учеников в г. Мюльгаузене в Германии. «Р. Г.», № 50 (без подписи).

46. Алкоголизм в Бельгии.— Женское общество против алкоголизма в Бельгии.— Борьба против пьянства путем рекламы во Франции. «Т. и Б.», № 12 (без подписи).

47. Разные известия.— Слепые в Соединенных Штатах. «С.», № 11 (без подписи).

1904 г.

1. Внешкольное образование народа во Франции. «П. Л.» (с подписью: Волкова), № 1—2—3.

2. Обязательное профессиональное образование в Германии.— Расходы некоторых государств на распространение технического образования. «Р. Г.», № 2 (без подписи).

3. Борьба с пьянством рабочих и ремесленников во Франции. «Р. Г.», № 4 (без подписи).

4. Сельскохозяйственное образование во Франции.— Сельскохозяйственные практические школы во Франции.— Обучение земледелию и сельскому хозяйству взрослых крестьян во Франции.— Сельскохозяйственное образование в разных странах.— Сельскохозяйственное практическое образование женщин в Бельгии. «З.» и «Сел. хоз. образование», № 1 (с подписью: А. Волкова и Ан. В.).

5. Дом для ремесленных учеников в г. Нанси во Франции. «Р. Г.», № 6 (без подписи).

6. Школа прикладных знаний в г. Шарлоттенбурге в Германии.— Профессиональная школа в г. Берлине. «Р. Г.», № 7 (без подписи).

7. Обучение молочному хозяйству в Бельгии. «М. Х.», № 8 (с подписью: А. В.).

8. Известия о заграничных школах.— Лига для введения и распространения гигиены в школах во Франции.— Картины в начальных школах во Франции.— Проект устройства бесплатных столовых в начальных школах во Франции.— Общество взаимопомощи детей в Париже. «Р. Н. У.», № 2 (с подписью А. Волковой).

9. Профессиональная школа в Тонкине. «Р. Г.», № 8 (без подписи).

10. Общество призрения и попечения о слепых в Бургундии во Франции. «С.», № 2 (без подписи).

11. Текущая жизнь.— Борьба с алкоголизмом при посредстве физических упражнений.— Статистические сведения о потреблении абсента во Франции.— Борьба с алкоголизмом в Бельгии. «Т. и Б.», № 2 (без подписи).

12. Из заграницы. Воззвание французских врачей.— Последствие пьянства в потомстве.— Расход общества на одного алкоголика. «В. Т.». 1904, март (с подписью: А.И. В-а).

13. Туберкулез ремесленников в связи с алкоголизмом. «Р. Г.», № 11 (без подписи).

14. Сообщения о заграничных школах.— Педагогическая библиотека в Германии.— Вакационные курсы для учащихся в начальных школах в Швейцарии.— Школьные библиотеки в Невшательском кантоне.— Начальные школы в Лондоне.— Заботы о зрении и слухе учащихся в Англии. «Р. Н. У.», № 31 (с подписью А.И. Волковой).

15. Обучение счетоводству ремесленников в Германии и в Швейцарии.— Конкурс для учительниц корсетного мастерства в г. Париже. «Р. Г.», № 12 (без подписи).

16. Сообщения о заграничных школах.— Начальное образование в Германии.— Ассоциация молодых девушек для устройства вакационных колоний во Франции.— Расходы на народное образование в Пруссии. «Р. Н. У.», № 4 (с подписью: А.И. Волковой).

17. Международный конгресс рисования в г. Берне в Швейцарии. «Р. Г.», № 14 (без подписи).

18. Значение семьи в борьбе с алкоголизмом.— Алкоголизм женщин в Бельгии.— Женский союз для борьбы с алкоголизмом в Бельгии. «В. Т.». Апрель, № 112 (с подписью: А. В. и Ан. В.).

19. Сообщения о заграничных школах.— Расходы на народное образование в разных странах.— Новый школьный закон в Дании.— Начальное образование в Румынии.— Курение табака в школе.— Курсы для учителей специальных классов в начальных

школах в Швейцарии.— Народное образование на острове Куба. «Р. Н. У.», № 5 (с подписью А.И. Волковой).

20. Профессиональное образование для ремесленников-рабочих и ремесленных учеников в Австрии. «Р. Г.», № 17 (без подписи).

21. Профессиональное образование ремесленных учеников в Венгрии. «Р. Г.», № 20 (без подписи).

22. Алкоголь и туберкулез.— Библиография. (Dr. W. Bode. Die Frauen und das Trinken, Bodes Verlag in Weimar). «Т. и Б.», № 4 (без подписи).

23. Промышленная школа во Франции.— Проект ремесленного обучения в Базельском кантоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 22 (без подписи).

24. Передвижные профессиональные школы в Австрии.— Союз для распространения профессионального образования во Франции.— Профессиональная школа в Индокитае.— Промышленное образование в Валлиском кантоне в Швейцарии. «Р. Г.», № 23 (без подписи).

25. Сельскохозяйственное образование за границей.— Проект организации опытных полей при начальных школах во Франции.— Женские сельскохозяйственные школы во Франции.— Сельскохозяйственные курсы и школы для женщин в Германии.— Женские школы огородничества, садоводства и плодоводства в Германии.— Высшее сельскохозяйственное образование в университетах в разных странах.— Школа для изучения сельскохозяйственных машин в Бельгии.— Сельскохозяйственное образование во Франции. «З.», № 6 (с подписью: А. Волкова).

26. Разные сообщения по женскому вопросу.— Новая профессия.— Общество вспомоществования бедным девушкам высшего круга.— Учительницы начальных школ в Германии.— Женский ресторан и гостиницы в Берлине.— Некоторые статистические сведения о женщинах-врачах в разных странах.— Школа для матерей.— Общества помощи образованным женщинам.— Изучение благотворительности.— Служащие в вагонах-ресторанах в Японии. «На П. М.», № 5 (без подписи).

27. Общество учителей и учительниц во Франции для борьбы с алкоголизмом. «В. Т.», № 114—115 (с подписью: А. В—ва).

28. Промышленное и профессиональное образование в Бельгии.— Проект увеличения вознаграждения учебного персонала в профессиональных школах в г. Париже.— Международный конгресс обучения рисованию в г. Берне в Швейцарии. «Р. Г.», 20 (без подписи).

29. Сельское хозяйство за границей.— Кооперативные молочные в Нидерландах.— Земледельцы в Дании. «З.», № 7 (без подписи).

30. Профессиональные курсы в Вюртембергском королевстве.— Художественно-промышленная школа в г. Сараеве в Бос-

нии.— Общество для распространения профессионального образования и обучения рисованию во французской Швейцарии. «Р. Г.», № 30 (без подписи).

31. Общество взаимного попечения о ремесленницах в Италии.— Попечительство о женщинах-ремесленницах в Венгрии. «Р. Г.», № 32 (без подписи).

32. Сельскохозяйственное образование.— Школа для изучения птицеводства во Франции.— Сельскохозяйственные летучие школы в Швейцарии. «З.», № 8 (без подписи).

33. Известия и факты, касающиеся женщин.— Женщины в Голландии (с подписью: Ан. Вол.).— Женщины-астрономы в Англии.— Пожертвование в пользу основания женского университета.— Женщины-студентки в Венгрии.— Женский труд на выставке в Сен-Луи в Америке.— Бюро для приискания мест образованным женщинам в Германии.— Женский банк в Соединенных Штатах.— Женщины-моряки в разных странах. «Ж. В.», № 1, 1904 г. (с подписью: Ан. Вол.).

34. Деятельность женщин в разных странах (с подписью: Ан. Волкова).— Известия и факты, касающиеся женщин.— Избирательный закон для женщин в Дании.— Женщины-избирательницы в Австралии.— Женщины-врачи англичанки.— Женщина-врач в Голландии Алиста Якоб.— Женский клуб в Вене.— Женский клуб в Лондоне.— Деятельность женщин в Норвегии (с подписью: А. Волк.). «Ж. В.», № 2. 1904 г.

35. Женские учреждения в Бельгии (с подписью: А. Волкова). «Ж. В.», № 3. 1904 г.

36. Хроника женского профессионального образования.— Женская профессиональная и хозяйственная школа в Париже.— Женское хозяйственное и профессиональное образование в Бельгии.— Хозяйственное и общественное образование в Баварии.— Женские курсы для взрослых в Германии.— Женские школы сельского хозяйства в Германии.— Общество для распространения элементарного образования между женщинами в г. Париже.— Коммерческое образование в г. Берлине.— Высшая коммерческая школа в г. Базеле в Швейцарии.— Женская коммерческая школа в г. Лимбурге в Нидерландах.— Нормальная хозяйственная школа в г. Лионе во Франции.— Специальные курсы для директрис и учительниц женских профессиональных школ в Швейцарии.— Женская профессиональная школа в г. Шо-де-Бон в Швейцарии.— Женское нормальное училище домоводства в Италии.— Хозяйственные курсы в Германии (с подписью: А. Волкова). «Т. О.», № 5.

37. Ремесла и занятия для слепых. «С.», № 10 (без подписи).

38. Женский труд и смертность детей в Саксонии.— Уменьшение рабочего дня для женщин в Германии.— Союз женщин в Германии.— Женщины, служащие в торговых учреждениях в Берлине.— Женский взаимный союз работниц в г. Турине в Италии.— Постановление закона о женщинах-служащих в Лондоне.—

Семейный дом для девушек работниц в Берлине.— Дом для женщин-работниц в Соединенных Штатах.— Инспектрисы труда в Дании.— Известия и факты, касающиеся женщин. «Ж. В.», № 4 (с подписью: А. Волкова).

39. Из иностранных газет и журналов.— Наследственные болезни от алкоголизма.— Туберкулез и алкоголь.— Турция и алкоголизм. «В. Т.», № 119 (с подписью: А. Волкова).

40. Сообщения о заграничных школах.— Высшие народные школы в Дании.— Школы в Китае.— Физическое воспитание детей в Шотландии. «Р. Н. У.», № 12 (с подписью А. Волковой).

41. Сообщения о заграничных школах.— Проект организации школьных музеев во Франции.— Школьные общества покровительства животным во Франции.— Швейцарское общество школьной гигиены.— Бюджеты начального образования в Германии.— Начальное образование в Италии. «Р. Н. У.», № 6—7 (с подписью: А. Волковой).

1905 г.

1. Известия и факты, касающиеся женщин.— Проект равного вознаграждения учителей и учительниц во Франции.— Женский союз в Бельгии для борьбы с алкоголизмом. «Ж. В.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

2. Женская профессиональная и хозяйственная школа в Швейцарии.— Женская профессиональная школа в г. Бресте во Франции. «Р. Г.», № 1 (без подписи).

3. Известия и факты, касающиеся женщин.— Общество женщин-журналисток в Англии.— Инспектрисы швейных работ в женских профессиональных хозяйственных школах в Швейцарии. «Ж. В.», № 2 (с подписью: А. Волкова).

4. Из текущей жизни.— Профессиональные сельскохозяйственные школы во Франции.— Сельскохозяйственные библиотеки в начальных школах во Франции.— Выставка молочных продуктов в Германии. «З.», № 2 (с подписью: А. В.).

5. Технический университет во Франции. «Р. Г.», № 11 (без подписи).

6. Обязательное техническое специальное образование ремесленных учеников в некоторых странах.— Профессиональная школа парикмахеров в г. Нанте во Франции «Р. Г.», № 26 (без подписи).

7. Промышленная и коммерческая практическая школа в г. Труа во Франции. «Р. Г.», № 27 (без подписи).

8. Женские клубы в Англии и Германии (с подписью: А. Волкова). «Ж. В.», № 9.

9. Профессиональная ремесленная и механическая школы в г. Женеве в Швейцарии. «Р. Г.», № 34 (без подписи).

10. Обучение ремеслам в начальных училищах.— Ремесленная школа для изучения гончарного производства в Баварии.— Женские школьные мастерские в г. Париже. «Р. Г.», № 35 (без подписи).

11. Женский труд за границей.— Хроника. «Ж. В.», № 11 (Первая статья с подписью: А. Волкова; вторая без подписи).

1906 г.

1. Народная библиотека союза пекарей во Франции. «Р. В.», № 22 (с подписью: Ан. В.).

2. Каким образом можно сделаться алкоголиком. «В. Т.», № 134 (с подписью: А. Волкова).

3. Известия и факты, касающиеся женщин. «Ж. В.», № 3 (без подписи).

4. Сообщения о заграничных школах.— Некоторые сведения о начальном образовании в Румынии.— Женская начальная школа в Англии.— Начальное образование в Японии. «Р. Н. У.», № 3 (без подписи).

5. Избирательные права женщин в Норвегии.— Женщина-врач в Бразилии. «Ж. В.», № 4 (без подписи).

1907 г.

1. Женские университеты в Америке. «Ж. В.», № 7—8 (с подписью: Ан. Волкова).

2. Женские тюрьмы в Америке. «Ж. В.», № 9 (с подписью: Ан. Волкова).

3. Сообщения о заграничных школах.— 1) Некоторые сведения о народном образовании в Германии. 2) Бесплатные школьные столовые в Италии. 3) Школьные столовые в начальных школах Лондона. 4) Практическое обучение в начальных школах в Швеции. «Р. Н. У.», № 8 —9 (с подписью в оглавлении: А. Волковой).

1908 г.

1. Воспитательные школы-рукодельни в Швеции. «П. Ж.», № 70 (с подписью: Ан. В.).

2. Женская профессиональная школа в г. Монсе в Бельгии. «Д. Н. У.», № 16 (с подписью: А. Волкова).

3. Внешкольное образование во Франции в 1907—1908 учебном году. «Д. Н. У.», № 18 (с подписью: А. Волкова).

4. О коллекциях картин и рисунков в школе. «Д. Н. У.», № 19 (с подписью: А. Волкова).

1909 г.

1. Из школьной жизни за границей.— Объединение семьи и школы в Голландии.— Частные начальные школы нового типа в Швейцарии.— Обязательное физическое воспитание в начальных школах во Франции. «Д. Н. У.», № 1 (с подписью: А. В. и А. Волкова).

2. Международный конгресс по вопросам нравственного воспитания будущего поколения.— Народное образование в Японии. «Т. Н. У.», № 1—2 (с подписью: А. Волкова).

3. Народное образование в Швейцарии. «Р. Н. У.», № 1 (с подписью: А. Волкова).

4. О разделении имущества супругов во Франции. «Ж. В.», № 3 (с подписью: А. Волкова).

5. Народное образование в Румынии. «Т. Н. У.», № 3—4 (с подписью: А. Волкова).

6. Нормальные школы в Китае. «Д. Н. У.», № 9 (с подписью: А. Волкова).

7. Обменные библиотеки для учащихся в начальных школах во Франции. «Д. Н. У.», № 10 (с подписью: А. Волкова).

8. Заботы о воспитании народа в Швеции и Германии. «Д. Н. У.», № 11 (с подписью: А. Волкова).

9. Народные библиотеки в Норвегии. «Н. У.», № 9—10 (с подписью: А. Волкова).

10. Читальни для детей в Америке. «С. В.», № 11 (с подписью: А. Волковой).

11. Внешкольное образование в Англии. «Д. Н. У.», № 13 (с подписью: А. Волкова).

12. Народные библиотеки в Дании. «Н. У.», № 11—12 (с подписью: А. Волкова).

1910 г.

1. Борьба с порнографической литературой на Западе. «Д. Н. У.», № 4 (с подписью: А. Волкова).

2. Из школьной жизни за границей.— Община-школа в Швейцарии. «Д. Н. У.», № 6 (с подписью: А. Волкова).

3. Библиотечная практика.— Способы и приемы для развития в детях вкуса к чтению. «Д. Н. У.», № 7 (с подписью: А. Волкова).

4. Школьная жизнь за границей.— Конгрессы народного образования и воспитания в Бельгии в 1910 г. «Д. Н. У.», № 7 (с подписью: А.И.).

5. Из школьной жизни за границей.— Борьба с порнографической литературой в Германии. «Д. Н. У.», № 9 (с подписью: А. Волкова).

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Авдеев Михаил Васильевич (1821—1876), русский прозаик и драматург «обличительного» направления. Наиболее известна опубликованная в «Современнике» (1853) трилогия «Тамарин» 26, 222, 223
- Авилова Л.— Лидия Алексеевна (1862—1943), русская писательница умеренно либерального направления. Была дружна с А. П. Чеховым, в мемуарах «Чехов в моей жизни» (первоначально — «Роман моей жизни») даже говорила о близкой их связи 301
- Акимова Софья Павловна (1820—1889), актриса московского Малого театра; была неподражаема в ролях комических старух 93
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), русский публицист и общественный деятель, один из основоположников славянофильства 119
- Александр II — российский император (1855—1881) 84, 103, 137, 164, 207
- Александр III — российский император (1881—1894) 251, 252, 263
- Александра Федоровна — российская императрица, супруга Николая I 105
- Алексис Жасминов — «Граф Алексис Жасминов», псевдоним В. П. Буренина, одного из самых реакционных журналистов, в молодости не чуждавшегося, однако, либерализма 157
- Анисимов — писатель, автор романа «Самцы и самки» 132
- Анри — анархист 250
- Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902), русский скульптор, еврей по национальности, активно занимавшийся исторической тематикой и давший глубокие психологические образы героев русской истории 159
- Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), русский юрист, публицист, земский деятель либерального направления 281

- Арцимович Софья Антоновна (р. 1865) — писательница 212
- Астырев Николай Михайлович (1857—1894), статистик, публицист, народник по взглядам. Отправился в деревню, где служил волостным писарем. Свои впечатления описал в книге «В сельских писарях. Очерки крестьянского самоуправления» (1866 г.). Будучи в ссылке, занимался сельскохозяйственной статистикой, составил статистическое описание Сибири 256
- Байрон Джордж (1788—1824), прославленный английский поэт-романтик 151, 242
- Баранов Николай Михайлович (1837—1901), генерал-лейтенант, петербургский и нижегородский губернатор в 1882—1896 гг. Отличался энергией, кипучей деятельностью, доступностью, пользовался у населения огромной популярностью. Был склонен к мистификациям 144
- Барду Ажерон (1829—?), французский политический деятель и публицист. В 1877—1879 гг. был министром просвещения 140
- Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), русский поэт, глава анакреонтического направления в русской лирике 122
- Баязитов Мударрис Атаул, петербургский мусульманский имам (настоятель мечети), автор книги «Отношение ислама к науке и иноверцам» 132
- Безобразов — вероятно, Владимир Павлович (1828—1889), академик, профессор политической экономии, публицист. Живо откликался с демократических позиций на «злобы дня»: ему принадлежит огромное количество работ по статистике, экономике, финансам, кредиту, сословному строю, общественному движению и проч. 210
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), знаменитый русский литературный критик, публицист 124
- Беранже Пьер (1780—1857), французский поэт-сатирик 141, 160
- Берне Людвиг (1786—1837), немецкий литературный критик и политический публицист демократического направления 160
- Бетховен Людвиг ван (1770—1827), знаменитый немецкий композитор, пианист и дирижер 116
- Биншток Лев Моисеевич (1836—1894), — публицист, педагог 249
- Блохины — родственники Вишняковых: сестра матери А. И. Волковой, Анна Николаевна, была замужем за Блохиным 72, 99

- Боборькин Петр Дмитриевич (1836—1921), известный русский писатель, в основном обращавшийся к описанию жизни русских предпринимателей нового типа (романы «Китай-город», 1882), «Дельцы» (1872—1873) и др.) 161, 250
- Боголепов Николай Павлович (1846—1901), профессор гражданского права, видный цивилист, в 1883—1887 гг. ректор Московского университета, с 1898 г. министр народного просвещения. Осуществлял реакционную политику в деле образования. За отправку студентов в солдаты смертельно ранен студентом П. В. Карповичем 169, 280
- Богуславская Мария Савельевна, редактор-издатель журнала «Друг женщин» 15, 31
- Борисовская Любовь Николаевна, сестра матери А. И. Волковой 72, 97
- Боткин Петр Кононович (1781—1853), московский купец, потомственный почетный гражданин, крупный чаоторговец, отец известных деятелей русской культуры и науки 106
- Брандес Георг (1842—1927), датский литературный критик, возглавил движение против постромантизма, за правдивость и реализм в литературе. Автор 6-томного труда «Главные течения в европейской литературе XIX века». Оказал огромное влияние на европейские литературы. Был популярен в России 154
- Бредихин Федор Александрович (1831—1904), русский астроном, академик 166
- Брок — содержательница московского женского пансиона 74
- Бруно Джордано (1548—1600), итальянский философ-пантеист и поэт. Выдвинул идею о бесконечности и бесчисленном множестве миров. Сожжен инквизицией 160
- Брызгалов Алексей Александрович (1844—1888), педагог-писатель, инспектор студентов Московского университета 164, 165, 167, 168
- Брюнетьер Фердинанд (1849—1906), французский критик и историк французской литературы 221
- Буланже Жорж (1837—1891), французский генерал, в 1886—1887 гг. — военный министр. В 1887—1889 гг. глава шовинистического движения, названного его именем и направленного на развязывание реваншистской войны против Германии, пересмотр конституции и роспуск парламента 131
- Буренин Виктор Павлович (1841—1926), литературный

- и театральный критик, реакционный журналист шовинистского направления, активнейший сотрудник суворинского «Нового времени» 158, 159
- Бурже Поль (1852—1935), французский писатель, популярный в России. Противопоставлял религиозную мораль гуманности разума 142
- Буслаев Федор Иванович (1818—1897), русский филолог и искусствовед, академик. Занимался славянским и русским языкознанием, древнерусской литературой и фольклором, древнерусским изобразительным искусством 283
- Быков — студент, участник студенческих волнений 1887 г. 166
- Валуева — неустановленное лицо 36
- Вальяно — анархист 250
- Вахтеров Василий Порфирьевич (1853—1924), русский педагог, методист начального обучения, один из создателей школ для рабочих и Всероссийского союза учителей 215, 248
- Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861—1928), популярная в свое время русская писательница, обращавшаяся к проблемам семьи, отношения полов 128
- Веселовский Ю. А. — неустановленное лицо 15
- Виардо — Полина Виардо-Гарсиа (1821—1910), французская певица и композитор, в т. ч. автор романсов и комических опер на либретто И.С. Тургенева, ее близкого друга 162
- Виктория — принцесса, дочь английской королевы Виктории (1840—1901), супруга прусского кронпринца Фридриха 147
- Винтер Клавдия Спиридоновна (1860—1924), официальный руководитель Русской частной оперы 276
- Вирхов Рудольф (1821—1902), немецкий патолог и общественный деятель, один из лидеров немецкого либерализма 192, 193
- Вишняков Алексей Семенович — двоюродный брат А. И. Волковой 30, 42
- Вишняков Владимир Петрович — дядя А. И. Волковой 54, 56, 62, 66, 67, 76, 77, 91, 99
- Вишняков Иван Петрович — отец А. И. Волковой 16—20, 54, 85, 89, 105, 106
- Вишняков Михаил Михайлович — брат деда А. И. Волковой 16
- Вишняков Михаил Петрович — дядя А. И. Волковой 18, 54, 56, 62, 66, 76, 99
- Вишняков Николай Петрович — дядя А. И. Волковой

- 15, 18, 54, 56, 63, 68, 69, 76, 99
- Вишняков Петр Иванович — брат А. И. Волковой 17, 20, 54, 61, 69—93, 174
- Вишняков Петр Михайлович — дед А. И. Волковой 15, 16, 25, 54, 55
- Вишняков Семен Петрович — дядя А. И. Волковой 16, 54, 66, 74, 76, 77, 79, 93, 94, 99, 102, 103, 105
- Вишняков Сергей Петрович — дядя А. И. Волковой 54, 66, 92, 99
- Вишнякова Александра Николаевна — урожденная Лухманова, мать А. И. Волковой 16—18, 55, 59—97, 285
- Вишнякова Анна Сергеевна — вторая жена П. М. Вишнякова, бабка А. И. Волковой 17, 54, 56—58, 85
- Вишнякова Елизавета Ивановна — жена Сергея Петровича Вишнякова 66, 93, 97
- Вишнякова Людмила Петровна — тетка А. И. Волковой, по мужу Пащенко-Тряпкина 54
- Вишнякова Надежда Петровна — тетка А. И. Волковой, по мужу Протопопова 54
- Вишнякова Ольга Семеновна — жена Семена Петровича Вишнякова 66, 74, 93, 94, 97, 100, 102, 103
- Владимир — священномученик Владимир Богоявленский, митрополит Московский в 1898—1912 гг. 273
- Влайкова — неустановленное лицо 15
- Власовский Александр Александрович (1842—1899), московский обер-полицеймейстер в 1891—1896 гг. Отличался неутомимой деятельностью, так что среди обывателей прошел слух, что он — антихрист, поскольку никогда не спит и по ночам проверяет полицейских. Наводя порядок в запущенной Москве, под страхом больших (100—300 руб.) штрафов и арестов, приказал вычистить распространявшие заразу выгребные ямы и помойки и ликвидировать т. н. поглощающие колодцы домовой канализации во дворах. Обвинен в Ходынской катастрофе и отправлен в отставку 203, 204, 244
- Волков Гавриил Гаврилович, муж А. И. Волковой, представитель банковской конторы Волковых 23, 24, 296
- Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694—1778), французский писатель и философ-просветитель 247, 248
- Вундт Вильгельм (1832—1920), немецкий психолог, физиолог, философ-идеалист, один из создателей экспериментальной психологии. Главную роль в душевной жизни отводил

- воле. Занимался этнопсихологией, психологически истолковывал религию и мифы 149
- Галилей Галилео (1564—1642), итальянский ученый, один из основателей точного естествознания, занимался астрономией, защищал гелиоцентрическую систему мира 159
- Гарднер Раиса Александровна (1840—1916), писательница 34
- Гартман Эдуард (1842—1906), немецкий философ-идеалист, сторонник панпсихизма («Философия бессознательного»). В этике вслед за Шопенгауэром разрабатывал идею пессимизма 151
- Гейне Генрих (1797—1856), знаменитый немецкий поэт, литературный критик и публицист, сторонник революционных и демократических идей 158, 195, 242
- Герасимов Осип Петрович (1863—1920), писатель, историк, филолог, педагог, государственный деятель; занимался исследованием творчества М. Ю. Лермонтова 254
- Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский мыслитель и писатель, революционер-демократ. В 1853 г. основал в Лондоне Вольную русскую типографию, издавал газету «Колокол» 45
- Гершель — английские астрономы, отец (Уильям, 1738—1822) и сын (Джон, 1792—1871). О ком из них идет речь, неясно 160
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий мыслитель и естествоиспытатель, поэт, основоположник немецкой литературы Нового времени 143, 242, 284
- Гнедич Петр Петрович (1855—1925), русский драматург, переводчик, историк искусства либерального направления 176
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), великий русский писатель 170
- Голицына Мери — неустановленное лицо 79
- Гольцев Виктор Александрович (1850—1906), русский публицист и общественный деятель либерально-демократического направления, участник земского движения. Один из ведущих сотрудников газеты «Русские ведомости» и журнала «Вестник Европы». С 1885 г. фактический редактор журнала «Русская мысль». Писал по вопросам философии, права, искусства и литературы 34, 144, 149, 233, 283
- Горбунова М. К. — см. Каблукова

- Григорий VII (1020/25—1085) — Папа Римский в 1073—1085 гг. Запретил симонию, ввел celibат, добивался верховенства папской власти над светскими государями 160
- Губер Эдуард Иванович (1814—1847), русский поэт и критик, сотрудник «Библиотеки для чтения», переводчик «Фауста» Гёте 18
- Гужон Юлий Петрович (1854/58—1918), русский предприниматель, крупнейший пайщик Товарищества шелковой мануфактуры (Москва), Товарищества Московского металлического завода (ныне з-д «Серп и молот») и других предприятий, бессменный председатель (1907—1917) Московского общества заводчиков и фабрикантов 253, 254
- Гус Ян (1371—1415), идеолог чешской Реформации, ректор Пражского университета, вдохновитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и католического духовенства. Сожжен на костре 160
- Гюго Виктор (1802—1885), французский писатель-романист, сторонник революции и демократии 125, 158
- Д'Аламбер, Жан Лерон (1717—1783), французский математик и философ-просветитель, сторонник сенсуализма и скептицизма 160
- Дарвин Чарльз (1809—1882), английский естествоиспытатель-материалист, создатель учения о происхождении видов — дарвинизма 160
- Демолен Эдмон (1852—1907), французский социолог и педагог, представитель т. н. нового воспитания, реформаторского направления в педагогике, отвечавшего задачам воспитания у детей инициативы и сочетавшего образование с занятиями искусством, гимнастикой, сельским хозяйством и ремеслами 276
- Деркачев Илья Петрович (1834—1916), педагог, последователь К. Д. Ушинского, профессор Московского университета 283
- Джаншиев Григорий Аветович (1851—1900), русский историк, публицист. Наиболее известны труды по истории реформ 60—70-х гг. XIX в., в т. ч. фундаментальная книга «Эпоха Великих реформ» 227
- Диккенс Чарльз (1812—1870), английский романист реалистического направления, автор многочисленных романов социально-актуального содержания 158
- Дмитриева Валентина Ивановна (1859—1947), писатель-

- ница, сотрудница «Друга женщин» 34
- Добров Сергей Васильевич (1837—1902), инспектор студентов Московского университета 167
- Доде Альфонс (1840—1897), французский писатель социально-критического направления 35
- Доде Эрнест (1837—1921), французский писатель, автор романа «Баронесса Мироэль (Угнетенная)», переведенного А. И. Волковой 30
- Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), в 1865—1891 гг. московский генерал-губернатор, пользовался большой популярностью у населения Москвы; в его честь названа ул. Долгоруковская 167
- Доминикино — Доменикино (1581—1641), настоящая фамилия Доменико Цампери. Итальянский живописец Болонской школы 160
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), великий русский писатель 158
- Дрейфус Альфред (1859—1935), офицер французского Генерального штаба, еврей. В 1894 г. реакционной военщиной было сфабриковано «дело Дрейфуса» по обвинению его в шпионаже в пользу Германии. Борьба вокруг дела Дрейфуса, за которого вступилась мировая прогрессивная общественность, привела к политическому кризису 285
- Дубровин Николай Федорович (1837—1904), русский военный историк, академик 127
- Дубровина Екатерина Оскаровна (1840—1913), писательница 34, 272, 273
- Дюма Александр (1824—1895), французский писатель (Дюма-сын) 30
- Дюрер Альбрехт (1471—1528), немецкий живописец и график, основоположник искусства немецкого Возрождения 160
- Ермилов — сотрудник «Русских ведомостей», писавший по вопросам образования 245, 246
- Ермолов Александр Петрович (1777—1861), знаменитый русский генерал от инфантерии 266
- Жаккар Жозеф (1752—1834), французский изобретатель, создатель машины для выработки крупноузорчатых тканей 160
- Жирарден — Эмиль (1806—1884), французский журналист и писатель 30
- Жуков Иван Александрович (1827—1891), редактор-издатель «Нижегородского биржевого листка» 136

- Загуляев Михаил Андреевич (1834—1900), публицист, переводчик, сотрудник «Нового времени», «Сына Отечества», «Голоса», редактор «Journal de S-Petersbourg» 258, 259
- Занд — Жорж Санд, псевдоним французской писательницы Авроры Дюпен (1804—1876), в своих романах показавшей положение женщины в обществе 32, 158, 285, 286
- Зверев — профессор Московского университета 169
- Златовратский Николай Николаевич (1845—1911), русский писатель-народник, автор знаменитого романа «Устои» о крестьянской общине 34, 36
- Зола — Золя Эмиль (1840—1902), французский писатель натуралистического направления. Остро изображал социальные противоречия в обществе 130, 139, 140, 270, 286
- Иванов Гавриил Афанасьевич (1826—1901), филолог, ректор Московского университета 167
- Иванова-Мирович Зинаида — писательница 34
- Иоанн Кронштадтский — см. Кронштадтский Иоанн
- Иордан — публицист 246, 247
- Каблуков Николай Алексеевич (1849—1919), русский экономист, статистик, общественный деятель либерально-народнического направления. Стоял на позициях поддержки мелкого крестьянского хозяйства 15, 41, 260
- Каблукова (Горбунова) Минна Карловна (1840—1931), деятель профессионального образования, первая русская женщина-статистик, писательница 15, 34, 35, 220
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), русский либеральный общественный деятель и публицист, сторонник умеренных реформ 128
- Какушкин — фабрикант 106
- Какушкина Вера Федосьевна — мачеха А. И. Волковой 106, 284
- Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ-идеалист, родоначальник немецкой классической философии 160
- Капнист Павел Алексеевич (1842—1904), граф, попечитель Московского учебного округа, автор ряда статей о классическом образовании 151, 165—167
- Кареев Николай Иванович (1850—1931), русский историк и философ, профессор 155
- Карлейль Томас (1795—1881), английский публицист, историк и философ. Выдвинул концепцию

«культ героев», которые якобы являются единственными творцами истории 154

Карно Мари-Франсуа (1837—1894), французский политический деятель, президент Франции. Был активным и последовательным республиканцем, славился безукоризненной честностью, прямоотой и искренностью. Проводил последовательную политику сближения с Россией. Смертельно ранен итальянским анархистом Казерио 250

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), русский публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856 г.) и газеты «Московские ведомости» (с 1851 г.). В молодости занимал ярко выраженные либеральные позиции, входил в западнический кружок Н. В. Станкевича. В середине столетия — умеренный либерал, ориентировавшийся на английскую политическую систему. С начала 60-х гг. под влиянием революционно-демократических брожений перешел на консервативные позиции. Обладал огромным авторитетом, явился одним из вдохновителей политики контрреформ 80-х гг. 131, 136, 137, 147, 214

Катуар — один из братьев семейства предпринимате-

лей Катуаров, скорее всего, Лев Иванович, потомственный почетный гражданин, коммерции советник. В 1869 г. основал «Торговый дом вдова А. Катуар с сыновьями», ведущий большую торговлю винами и москательными товарами. В 1894 г. на берегу р. Котловки возле села Верхние Котлы открыт кирпичный завод, а в 1896 г. рядом шелкопрядильная фабрика. Семья владела под Москвой несколькими имениями, которые дали название двум железнодорожным подмосковным станциям 266

Кашаев — родственник А. И. Волковой 99

Кирпичников — очевидно, Александр Иванович (1845—1903), филолог и историк литературы 158, 283

Ключевский Василий Осипович (1841—1911), профессор, крупнейший русский историк либерального направления, академик, автор известного «Курса русской истории» 283

Ковалевская Софья Васильевна (1850—1891), русский математик, первая женщина — член-корреспондент Петербургской АН. Автор беллетристических произведений, в которых обращалась к проблемам положения женщины в семье и обществе 195

Колокольников — купец 106

Колумб Христофор (1451—1506), знаменитый мореплаватель, открыл Америку 159

Колупанов Нил Петрович (1827—1894), публицист и общественный деятель, занимавшийся вопросами земского и городского самоуправления, начального народного образования 260

Коперник Николай (1473—1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира 159

Кошка Петр Маркович (1828—1882), матрос, герой Севастопольской обороны 77

Крандиевский — возможно, Василий Афанасьевич (1861—1928), прогрессивный публицист, редактор-издатель «Бюллетеней литературы и жизни», служащий Московской земской управы 144

Крестовский В. (псевдоним) — Надежда Дмитриевна Зайончковская, урожденная Хвоцинская (1824—1889), русская писательница демократического направления, обращавшаяся к теме положения женщины в семье и обществе 34, 173

Кронштадтский Иоанн — в миру Иван Ильич Сергиев (1829—1908), протоиерей, духовный писатель («Катехизические беседы», «Моя

жизнь во Христе», «Богопознание и самопознание» и мн. др.), знаменитый проповедник, собиравший до 5—6 тыс. верующих на проповеди; ежегодно в Кронштадт приезжало до 20 тыс. паломников. Основал несколько монастырей и скитов. Резко осуждал Л. Н. Толстого, в котором видел не только антицерковника, но и представителя избалованного безбожного барства 259

Крылов Виктор Александрович (1838—1906), драматург, постоянный сотрудник театрального отдела «Санкт-Петербургских ведомостей», начальник репертуарной части Дирекции петербургских Императорских театров, автор стихотворных переводов и обличительной книги «Столбы» (1868) об освобождении крестьян, наделавшей много шума 169

Курочкин Николай Степанович (1830—1884), русский поэт, петрашевец, в 1861 г. член общества «Земля и воля». В журнале «Искра» публиковал злободневные сатирические фельетоны и пародии 141

Кушнерев — инженер, знакомый Вишняковых 93

Кювье Жорж (1769—1832), французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеон-

тологии и систематики
животных 160

Ламбер — маркиза де Ланбер
(1647—1733), хозяйка
парижского литературного
салона, французская
писательница XVII в. 162

Лезан — французский писа-
тель 139, 140

Ленский — актер. Под этим
псевдонимом выступало
несколько актеров. Скорее
всего, Дмитрий Тимофее-
вич Воробьев (1805—1860),
автор популярного водеви-
ля «Лев Гурыч Синичкин»
93

Леопарди Джакомо (1798—
1837), итальянский поэт-
романтик, автор философ-
ской лирики и прозаиче-
ских «Диалогов и мыслей»
198

Лермонтов Михаил Юрьевич
(1814—1841), великий
русский поэт 114, 158, 171,
173, 254

Лесевич Владимир Викторо-
вич (1837—1905), философ,
социолог, публицист 296

Лесевич Л. П. — Лидия
Парменовна, жена филосо-
фа В. В. Лесевича 296

Леткова Екатерина Павловна
(1856—1937), писательница,
мемуаристка, переводчица,
сотрудница «Друга жен-
щин» 34

Либкнехт Вильгельм (1826—
1900), немецкий революци-
онер и политик 286

Лопе де Вега — Лопе Феликс
де Вега Карпьо (1562—
1635), видный представи-
тель испанского Возрожде-
ния, знаменитый испанский
драматург, автор более
2000 пьес; наиболее
известны героическая
драма «Фуэнте Овехуна» и
комедии «Учитель танцев»
и «Собака на сене» 117

Лукин Александр Петрович,
журналист (умер в 1905 г.),
писавший в «Русских
ведомостях», а также
ведший «Московские
письма» в газете «Новости»
235, 236, 241

Лухмановы — московские
купцы, родственники
Вишняковых 17, 18, 72, 96,
97

Лютер Мартин (1483—1546),
видный деятель Реформа-
ции в Германии, начало
которой положило его
выступление в Виттенберге
с 95 тезисами против
индульгенций. Основатель
лютеранства 160

Макаровы — купцы, родствен-
ники Вишняковых 93

Мак-Гахан Януарий Алоизий
(1844—1878), американский
военный корреспондент 153

Максимов Сергей Васильевич
(1831—1901), очеркист-эт-
нограф, автор неоднократно
переиздававшихся книг
«Год на Севере», «Куль
хлеба» и др., а также
первого исследования
идиом русского языка

- «Крылатые слова» (1890)
141
- Малинин Михаил Дмитриевич
(1853—1919), артист оперы,
антрепренер, заведующий
Московской русской
частной оперой С. И. Ма-
монтова 276
- Мамин — Дмитрий Наркисо-
вич Мамин-Сибиряк
(1852—1912), известный
русский писатель 124, 212,
234, 235, 279
- Мамонтов Савва Иванович
(1841—1918), русский
предприниматель и видный
меценат. Основал Москов-
скую русскую частную
оперу, владел с. Абрамце-
во, где собирался знамени-
тый Абрамцевский худо-
жественный кружок 275
- Маркс Адольф Федорович
(1838—1904), русский
издатель (работал в
Петербурге), выпускал
популярнейший журнал
«Нива» с приложениями в
виде Собраний сочинений
русских и иностранных
писателей, иллюстрирован-
ные издания, географиче-
ские атласы и проч. Один
из наиболее известных
издателей 282
- Маркс Карл (1818—1883),
публицист, экономист,
философ, создатель
коммунистического учения
35
- Медынцев — фабрикант 102
- Мей Лев Александрович
(1822—1862), русский поэт
и драматург, создатель
исторических драм на темы
русской истории, лириче-
ской поэзии, занимался
переводами 141
- Менделеев Дмитрий Иванович
(1834—1907), выдающийся
русский ученый-энцикло-
педист, педагог и обще-
ственный деятель 133
- Меньшиков М.— Михаил
Осипович (1859—1918),
русский литератор, снача-
ла умеренно либерального
направления («Неделя»), в
1901—1917 гг. ведущий
консервативный публицист
«Нового времени» (рубрика
«Письма к ближним»)
243—245
- Мережковский Дмитрий
Сергеевич (1866—1941),
русский поэт, прозаик,
литературный критик,
философ-идеалист 157, 173
- Мещерский Владимир Петро-
вич (1839—1914), русский
публицист ярко выражен-
ного консервативного
направления, с 1872 г.
издатель ультрареакцион-
ного журнала «Гражданин».
Стоял на позициях незыб-
лемости самодержавия и
дворянских привилегий
204, 240, 257
- Милль Джон Стюарт (1806—
1873), английский обще-
ственный деятель, эконо-
мист и философ, основа-
тель английского
позитивизма 26
- Милютин Дмитрий Алексее-
вич (1816—1912), граф,

- генерал-фельдмаршал, военный теоретик и историк, почетный член Петербургской АН, профессор Военной академии, в 1861—1881 гг. — военный министр, умеренно либеральный общественный деятель. Провел военные реформы 60—70-х гг., выступал за широкое распространение народного образования, в т. ч. обязательного обучения грамотности солдат на действительной службе 227
- Минский Николай Максимович (Виленкин) (1855—1937), русский поэт, драматург, прозаик и переводчик, один из зачинателей символизма. В ряде трактатов сформулировал религиозно-философскую концепцию творчества 162
- Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939), издатель и редактор «Журнала для всех» 281
- Михеев — возможно, Василий Михайлович (1859—1908), беллетрист 90-х гг., автор романов, очерков и пьес из сибирской жизни 293
- Модестов — возможно, Василий Иванович (1839—1907), русский историк и филолог 155, 232
- Мопассан Ги де (1850—1893), французский писатель-реалист, отличавшийся остротой социального анализа 35, 122, 229
- Моргенштерн Лина (1830—1909), немецкая деятельница в области женского движения, писательница 36, 37
- Морозов Михаил Абрамович (1870—1903), представитель знаменитого клана текстильщиков Морозовых, сын Абрама Саввича и Варвары Алексеевны Морозовых; известен как «Мика Морозов» с портрета В. Серова, и «Джентльмен» (московское прозвище от пьесы А. И. Сумбатова-Южина, где герой списан с М. А.). Был хорошо образован, обладал дарованиями, занимался историей литературы. Писал под псевдонимом Юрьев М. 235, 236, 241, 242
- Морозов Петр Осипович (1854—1920), литературовед, историк театра 122
- Мурильо Бартоломео (1618—1682), испанский живописец, создатель идеализированных сентиментальных образов 160
- Надсон Семен Яковлевич (1862—1887), русский поэт, отразивший в стихах гражданскую скорбь честного интеллигента, задавленного политической реакцией 46, 119, 210, 126, 127, 156—158
- Найденев — Алексеев Сергей Александрович (1868—1922), русский писатель (псевдоним — Сергей

- Найденов), русский драматург, обращавшийся к купеческому и мещанскому быту. Наиболее известное произведение — пьеса «Дети Ванюшина» (пост. в 1901 г.) 296
- Нарышкин К. А. или, вероятнее всего, В. Л. Нарышкин, в 1865 г. продавший родовое имение Кунцево К. Т. Солдатенкову 79
- Немирович-Данченко Василий Иванович (1848/49—1936), русский журналист и писатель либерального направления, автор многочисленных художественно-этнографических очерков, военных корреспонденций и рассказов 177, 178
- Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), русский литературный критик, историк литературы, профессор, цензор, автор знаменитых трехтомных «Дневников». Занимал умеренно либеральные позиции 198, 199, 205, 206
- Никитин Иван Саввич (1824—1861), русский поэт т. н. некрасовской школы, мастер пейзажной лирики, стихи которого отличались особой задушевностью, но с сильной нотой пессимизма. Выходец из мещан 112, 113
- Николай II — российский император (1894—1917) 291
- Николай Николаевич, великий князь, т. н. Николай Николаевич Старший (1831—1891), главнокомандующий во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 167
- Николай Павлович — российский император Николай I (1825—1855) 84, 85, 105
- Нордау Макс (1849—1923), чрезвычайно популярный и влиятельный литератор, философ и психолог. Занимал позиции «естественно-исторической философии», затрагивал предметы, которых «не принято касаться», выдвинул теорию вырождения человечества (роман «Болезнь века», психологические этюды «Вырождение», «Движения человеческой души» и др.) 250
- Ньютон Исаак (1643—1727), знаменитый английский математик, механик, астроном и физик, основатель классической физики 159
- Обнинский — возможно, Петр Наркизович (1837—1904), публицист и общественный деятель, юрист, бывший мировым судьей, затем прокурор Московского окружного суда 283
- Оболенский Леонид Егорович (1845—1906), философ, публицист и критик 242, 243
- Овер Александр Иванович (1804—1866), врач-терапевт, профессор

- Московского университета
80, 81
- Овсянко-Куликовский
Дмитрий Николаевич
(1853—1920), русский
литературовед и языковед,
почетный член Петербург-
ской АН. Автор большого
количества работ о русских
классиках XIX в., психоло-
гии творчества, создатель
фундаментальной «Исто-
рии русской литературы
XIX в.» (в 5 т.), книги по
истории русской интелли-
генции 284
- Огановский Николай Петрович
(1874—1938), российский
экономист-аграрник,
статистик, политический
деятель 15
- Огарев Николай Ильич, в
1856 г. в чине подполковни-
ка назначен московским
полицмейстером и умер в
этой должности в 1890 г. в
чине генерал-майора. За
свою распорядительность
пользовался расположени-
ем населения 166
- Ожешко Элиза (1841—1910),
польская писательница,
автор реалистических,
социально заостренных
произведений 35
- Оля — дочь А. И. Волковой
(О. А. Горбунова) 200, 201,
242
- Островский Александр
Николаевич (1823—1886),
знаменитый русский
драматург, большая часть
социально заостренных
пьес которого посвящена
- изображению купеческого
быта 261
- Острогорский Виктор Петро-
вич (1840—1902), русский
педагог, редактор ряда
педагогических журналов,
литератор. Создал первые
воскресные школы в
Петербурге и школы для
крестьянских детей в
Валдае. Писал рассказы
для детей 260
- Парашина А. И. — экономка
Вишняковых 106
- Пащенко-Тряпкин — купец,
родственник Вишняковых
54, 99
- Перфильев Александр Михай-
лович (1895—1973), рус-
ский поэт, публицист, зани-
мался рабочим вопросом
137
- Петр Великий — русский царь
(с 1682), первый россий-
ский император (1721—
1725) Петр I, крупный
реформатор 243
- Петровский С. А. — редактор
«Московских ведомостей»
после смерти М. Н. Каткова
136, 257
- Петрушевский, вероятно,
Дмитрий Моисеевич
(1863—1942), русский
историк, представитель
социально-экономического
направления либеральной
историографии 127
- Плевако Федор Никифорович
(1842—1908/09), знамени-
тый русский адвокат,

- славившийся красноречием 109
- Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), русский поэт некрасовской школы 108
- Позняков, вероятно, Николай Иванович (1856—1910), писатель, автор ряда произведений для детей, а также статей по детской литературе и педагогике в журналах «Женское образование», «Образование» и др. 152
- Полонский Яков Петрович (1819—1898), русский прозаик и лирический поэт 108, 147, 148, 149
- Полушин Н.— знакомый А. И. Волковой 161
- Попов, отец Алексей, приходский священник 70
- Попов — доктор 81, 82
- Попова Ольга, подруга А. И. Волковой 70
- Португалов Вениамин Осипович (1835—1896), русский революционный демократ, член первой «Земли и воли». С середины 60-х гг. земский врач, публицист, сотрудник «Дела» и других демократических изданий 34, 41, 150
- Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929), плодовитый писатель и драматург умеренно либерального направления. Ориентировался на массового читателя, поднимал наиболее актуальные вопросы 235
- Протопопов — купец, родственник Вишняковых 54, 99
- Радлов Эрнест Леопольдович (1854—1928), русский философ-идеалист, занимался вопросами этики и эстетики 247
- Ребристовы — братья актрисы Малого театра С. Ф. Акимовой 93
- Ринг — содержательница пансиона 20
- Розенгейм — возможно, Михаил Павлович (1820—1887), поэт и публицист обличительного направления («Голос», «Русская речь») 173, 174
- Рукавишников Константин Васильевич (1848—1915), русский государственный и общественный деятель, московский городской голова в 1877—1897 гг., благотворитель 196
- Рукавишников Николай Васильевич (1845—1875), директор Московской школы для исправления малолетних преступников, брат Константина Васильевича Рукавишникова 249, 250
- Руссо Жан Жак (1712—1778), французский писатель и философ, просветитель, родоначальник сентиментализма и психологизма в литературе. Активно занимался вопросами воспитания, положения

- детей и женщин в обществе и семье 160, 247, 248
- Рыков Иван Гаврилович (1833—1899), директор «лопнувшего» Скопинского банка. Крах банка и суд над его виновниками, злоупотребившими служебным положением, получили громкий общественный резонанс 109
- Салтыков Михаил Евграфович (1826—1889), русский писатель-сатирик и критик (псевдоним Н. Щедрин), демократ-просветитель 108, 170, 255, 257
- Сердобинские — домовладельцы. В их доме временно жили Волковы 101
- Симон Жюль-Франсуа-Сюисс (1814—1896), французский политический деятель, публицист и философ. Разрабатывал проблемы морали 210
- Скабичевский Александр Михайлович (1838—1911), критик, историк литературы либерального направления. Наиболее значительную часть литературного наследия представляют работы по проблемам «народной литературы» 45, 129, 151, 152, 153, 156, 243, 244
- Склифосовский Николай Васильевич (1836—1904), заслуженный русский профессор, автор трудов по военно-полевой хирургии 169
- Сковронская М. (Мария Савельевна), литературный псевдоним Богуславской, основательницы журнала «Друг женщин» 32
- Смайльс Самуэль (1812—1904), английский врач, общественный деятель и плодовитый писатель-моралист. Почти все, что он написал, было переведено на многие европейские языки, в т. ч. многими изданиями его книги выходили на русском языке 229
- Сократ (470/469—399 до н. э.), древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики 154, 160
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), русский историк, академик, ректор Московского университета в 1871—1877 гг. Основное сочинение — «История России с древнейших времен» в 29 т. 283
- Спиноза Бенедикт (1632—1677), нидерландский философ-материалист, атеист. Оказал большое влияние на развитие материализма и атеизма 160
- Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), русский художественный и музыкальный критик, историк искусства. Выступал против академизма и эстетства, за реализм, народность и национальный характер искусства,

- демократизацию художественной жизни. В т. ч. проявил большое внимание к народному декоративно-прикладному искусству. Его взгляды и манера изложения не лишены крайностей 139
- Стефенсон Джордж (1781—1848), изобретатель паровоза (1814) и железных дорог; возвысился от простого рабочего до директора каменноугольных копей 160
- Столетов, очевидно, Александр Григорьевич (1839—1896), физик, работал в области электромагнетизма, оптики, молекулярной физики 169
- Строганов Николай Сергеевич (1836—1905), граф 79, 283
- Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882), граф, русский государственный деятель, с 1856 г. член Государственного совета, в 1859—1860 гг. московский генерал-губернатор. В 1835—1847 гг. попечитель Московского учебного округа, на этом посту заслужил одобрительные отзывы современников достаточно справедливым и либеральным отношением к студентам университета. Занимался археологией, основал Археологическую комиссию, Строгановское художественное училище 79, 283
- Струнина Александра Ивановна, гувернантка 85—87, 89, 90, 95, 96, 105, 106
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), известный русский журналист и издатель, издавал газету «Новое время», журнал «Исторический вестник», сочинения русских и иностранных писателей, научную литературу и проч. 204
- Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800), прославленный русский полководец 127
- Тард Габриэль (1843—1904), французский социолог. Работал в области социальной психологии и права, психологизировал общественные отношения 242
- Телешев Николай Дмитриевич (1867—1957), русский писатель, критик буржуазных отношений в обществе 42
- Тизенгаузен Мария Давыдовна, по мужу Вишнякова, гувернантка 74—77, 80—82, 85, 91, 92
- Тизенгаузен Татьяна Ивановна, мать Марии Давыдовны Тизенгаузен 74
- Тимковский Н.— Николай Иванович (1863—1922), прозаик и драматург, поднимавший актуальные вопросы («Старая гувернантка» (1894) и др.) 15, 40, 282

- Тихомиров — врач Голицынской больницы 59, 92
- Толстой Лев Львович (1869—1945), сын Л. Н. Толстого, литератор 220, 221
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), великий русский писатель, просветитель, публицист, религиозный мыслитель. Занимался вопросами народной педагогики, положения женщины и проч. 42, 120, 121, 129, 147, 151—153, 158, 224—226, 247, 282
- Торопов А. Д. — неустановленное лицо 15
- Трепов Дмитрий Федорович (1856—1906), представитель известного своими жестко реакционными действиями семейства русских политических деятелей, в 1896—1905 гг. московский обер-полицмейстер 275, 276
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1885), русский писатель, автор социально-психологических произведений; в т. ч. создал образы новых женщин 108, 124, 162
- Тэн Ипполит (1828—1893), французский историк искусства, литературовед и философ, родоначальник культурно-исторической школы 142
- Успенский Глеб Иванович (1843—1902), русский писатель, публицист народнического направления 133—135
- Успенский Николай Васильевич (1837—1889), русский писатель-шестидесятник обличительного направления, изображавший в очерках и рассказах беспросветную жизнь забитого невежественного крестьянства 33
- Феллинг — профессор Базельского университета 210, 211
- Фельдштейн Р. М. (Хин) — неустановленное лицо 34
- Филиппов А. Н. — профессор, сотрудник «Друга женщин» 15, 32, 34, 40
- Фишер — основательница частной женской классической гимназии 261
- Фламарион Камиль (1842—1925), французский астроном, автор чрезвычайно распространенных, в т. ч. и в России, научно-популярных книг 131
- Фруг Семен Григорьевич (1860—1916), поэт и публицист; посвящал свои произведения еврейской тематике, публиковал фельетоны бытового характера в «Восходе» 141, 142, 163
- Фультон Роберт (1865—1918), американский изобретатель, создатель первого в мире парохода 160

- Хлебников Иван Петрович (1819—1881), фабрикант, владелец знаменитой московской ювелирной фабрики 109
- Цирюльников Василий Степанович, студент юридического факультета 93
- Черниговец Ф.— псевдоним генерал-майора Федора Владимировича Вишневого (род. 1838), поэта и переводчика, сотрудника суворинского «Нового времени» 302
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), русский философ и публицист, критик, революционный демократ 222—226, 228, 229, 232
- Ч-ский Ф.— поэт 155
- Чехов Антон Павлович (1860—1904), русский писатель, изображал духовные искания интеллигенции, недовольство обывательским существованием, уродливость буржуазных отношений 233, 274
- Чупров Александр Иванович (1842—1908), русский экономист, статистик, публицист и либеральный общественный деятель 166, 169
- Шапир Ольга Андреевна (1850—1916), писательница, автор работ по женскому вопросу 43, 109
- Шекспир Уильям (1564—1616), прославленный английский драматург и поэт, крупнейший гуманист эпохи Позднего Возрождения, отражавший социально-психологические противоречия в обществе 159, 242
- Шепелевич — профессор 239
- Шестов Андрей Петрович, прадед А. И. Волковой, купец 55
- Шестова Ульяна Ивановна, прабабка А. И. Волковой 55
- Шиллер Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства эпохи Просвещения, основоположник немецкой классической литературы 121, 129, 144
- Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ-иррационалист. В его сочинениях сущность мира предстает как неразумная воля, слепое бесцельное влечение к жизни. Пессимистическая философия Шопенгауэра получила широкое распространение в Европе 151
- Штетке Карл Иванович, гувернер 62, 68, 69
- Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893), русский химик, агроном, публицист, народник по взглядам. В 1866—1870 гг.

профессор петербургского Земледельческого института, в 1871 г. сослан в собственное имение Батищево Смоленской губ., где пытался создать сельскохозяйственную коммуны из интеллигентной молодежи, а затем занялся сельским хозяйством на рациональных основах. Ежегодно публиковал в «Отечественных записках» по объемистому письму о русской деревне, составивших книгу «Из деревни. 12 писем» (1-е изд.— 1882 г.) 138

Эразм Роттердамский (1469—1536), гуманист эпохи Возрождения, писатель. Сыграл большую роль в подготовке Реформации. Осуждал религиозный

фанатизм, лицемерие духовенства, невежество, тщеславие придворных и т. п. 239, 240

Юрьев М.— см. Морозов М. А.

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888), литератор и переводчик, редактор «Беседы», издатель «Русской мысли», умеренный славянофил, либерал 117, 169

Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894), патриот Сибири, общественный деятель, публицист, историк, статистик, этнограф, путешественник (открыл развалины Каракорума); инициатор создания Томского университета 260

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, УПОМИНАЕМЫЕ В ТЕКСТЕ

«Вестник Европы» — выходивший в Петербурге в 1866—1918 гг. ежемесячный литературно-политический журнал либерального направления. Первым редактором-издателем (до 1908 г.) был М. М. Стасюлевич.

«Вопросы философии и психологии» — выходивший в Москве с 1890 г. 4—6 раз в год под ред. проф. Н. Я. Грота орган Психологического общества. Кроме узкоспециальных вопросов, обращался к психологическому анализу наиболее заметных явлений литературы и общественной жизни.

«Гражданин» — выходившая в Петербурге в 1872—1914 гг. политическая и литературная газета-журнал, орган реакционного дворянства. Редактор-издатель — князь В. П. Мещерский.

«Дело» — выходивший в Петербурге в 1866—1888 гг. ежемесячный научно-литературный журнал демократического направления.

«Детская помощь» — выходивший в Москве в 1885—1917 гг. дважды в месяц орган Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях.

«Друг животных» — выходивший в Риге с 1892 г. ежемесячный орган Общества покровительства животным.

«Еженедельное обозрение» — выходивший в Петербурге в 1884—1889 гг. литературно-политический журнал. Затем преобразован в журнал «День». В первые годы в журнале активно участвовал С. Я. Надсон.

«Журнал для всех» — выходивший в 1896—1906 гг. в Петербурге ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал «для семейного чтения», рассчитанный на широкие круги читателей. Либерального направления.

«Заря» — выходивший в Петербурге в 1869—1872 гг. под ред. В. Кашпирева литературно-научный и политический журнал. Консервативного направления: придерживался позднего славянофильства, идеалом нравственности и справедливости считал М. Н. Каткова, усматривая в нем «честнейшего из патриотов». В журнале впервые опубликована «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, здесь печатались Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский,

Ф. И. Тютчев, А. А. Фет и другие видные литераторы, что не мешало ему иметь не более 700 подписчиков.

«Инвалид» — «Русский инвалид» — выходившая в 1813—1917 гг. в Петербурге военная газета. С 1869 г. — орган Военного министерства.

«Киевлянин» — выходившая в Киеве в 1864—1919 гг. реакционно-монархическая газета с сильным черносотенным оттенком, орган русских помещиков на Украине. Издатели и редакторы в разное время В. Я. Шульгин, Д. И. Пихно, В. В. Шульгин.

«Курьер» — выходившая в Москве в 1897—1904 гг. ежедневная политическая и литературная газета демократического направления.

«Московские ведомости» — выходившая в Москве в 1756—1917 гг. газета, с 1859 г. ежедневная. В 40-х гг. XIX в. занимала либеральные позиции, с 1863 г. под редакцией М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева стала знаменем реакции.

«Московский листок» — выходившая в Москве в 1881—1917 гг. ежедневная политико-литературная газета, наиболее характерный представитель бульварной прессы, рассчитанная на самого массового читателя из народных низов.

«Наблюдатель» — выходивший в Петербурге в 1882—1917 гг. ежемесячный журнал умеренно либерального направления, не чуждавшийся однако консервативных ноток, в т. ч. умеренного антисемитизма.

«Неделя» — выходившая в Петербурге в 1866—1901 гг. литературно-политическая газета. В описываемое время под ред. П. А. Гайдебурова, орган либеральных народников.

«Нижегородский листок» — выходившая в Нижнем Новгороде с 1893 г. ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета демократического направления; в ней активно печатались В. А. Гольцев, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович.

«Нива» — выходивший в Петербурге в 1870—1918 гг. еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал «для семейного чтения», рассчитанный на массового читателя. С 1894 г. к нему ежегодно прилагались Собрания сочинений популярных русских и зарубежных писателей, а также олеографии знаменитых картин.

«Новое время» — выходившая в Петербурге в 1868—1917 гг. одна из влиятельнейших русских газет (с 1869 г. — ежедневная). Первоначально — либеральная, с 1876 г., после перехода издания к А. С. Суворину, — оплот консерватизма.

«Новое обозрение» — выходивший в Петербурге в 1881 г. ежемесячный научный, литературный и критический журнал умеренного направления. Всего вышло 3 номера.

«Новости» — выходившая в Петербурге с 1872 г. ежедневная газета. Стояла на позициях либерализма, защищая реформы 60—

70-х гг., право наций на духовную самостоятельность, франко-русское сближение.

«Новости дня» — выходившая в Москве с 1883 г. под ред. А. Я. Липскерова ежедневная иллюстрированная газета. Имела еженедельное бесплатное приложение — иллюстрированный журнал «Семья». Ориентировалась на массового образованного читателя.

«Образование» — выходивший в Петербурге с 1892 г. ежемесячный педагогический и научно-популярный журнал, посвященный мужскому и женскому воспитанию и обучению, родившийся из «Женского образования».

«Одесский вестник» — выходившая в 1827—1893 гг. в Одессе ежедневная (с 1874 г.) газета умеренно либерального направления.

«Отечественные записки» — ежемесячный журнал либерально-демократического направления, выходивший в Петербурге в 1839—1884 гг. под редакцией Г. З. Елисеева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, а после смерти последнего — Н. К. Михайловского.

«Правительственный вестник» — выходившая в Петербурге в 1869—1917 гг. ежедневная официальная газета, орган Министерства внутренних дел. Публиковала правительственные распоряжения и сообщения.

«Ремесленная газета» — выходившая в Москве с 1885 г. еженедельная газета с политическими и рисунками.

«Русская жизнь» — выходившая в Петербурге в 1890—1895 гг. ежедневная газета, прекращенная после ряда цензурных взысканий.

«Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал, выходивший в Москве в 1880—1918 гг. До 1885 г. придерживался славянофильской позиции, затем умеренно либеральный.

«Русские ведомости» — выходившая в Москве в 1863—1918 гг. одна из крупнейших русских газет. С 1870-х гг. — оппозиционный орган либеральной интеллигенции, выступавший с программами политических и экономических реформ.

«Русский вестник» — выходивший в Москве в 1856—1906 гг. литературно-политический журнал, с 1862 г. орган консервативных кругов.

«Русское богатство» — выходивший в Петербурге в 1876—1918 гг. ежемесячный литературный, научный и политический журнал демократического направления. Издавался сначала артелью народников (Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский и др.), с 1893 г. редакцию возглавили Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко.

«Русское обозрение» — выходивший в Москве в 1890—1898 гг. ежемесячный литературно-политический журнал консервативного направления.

«Северный вестник» — выходивший в Петербурге в 1885—1898 гг. ежемесячный литературный, научный и политический журнал либерально-народнического направления, с 1891 г.— орган символистов.

«Санкт-Петербургские ведомости» — выходившая в Петербурге в 1828—1917 гг. старейшая русская газета, с 1875 г. издавалась Министерством народного просвещения и получила официальный характер.

«Современник» — выходивший в 1847—1866 гг. ежемесячный журнал революционно-демократического направления.

«Современные известия» — выходившая в Москве в 1867—1887 гг. ежедневная газета, издававшаяся Н. П. Гиляровым-Платоновым и прекратившаяся с его смертью.

«Ясная Поляна» — педагогический журнал, издававшийся Л. Н. Толстым в 1862 г. в его имении Ясная Поляна. При журнале выходил ряд приложений в виде книг для детей и для взрослых.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕБЕНОК И ЖЕНЩИНА В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ:

воспоминания и дневник Анны Ивановны Волковой. Предисловие Л. В. Беловинского	3
Предисловие к изданию 1913 г.	13
АННА ИВАНОВНА ВОЛКОВА.	
Биографический очерк. Ч. Ветринского	15

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИК АННЫ ИВАНОВНЫ ВОЛКОВОЙ

Воспоминания детства	53
Заметки и впечатления	107
1884	107
1885	109
1886	113
1887	119
1888	169
1889	177
1890	191
1892	192
1893	194
1894	211
1896	264
1897	265
1898	267
1899	272
1900	290
1901	295
1902	301
Комментарии	304
Список печатных трудов А. И. Волковой	321
Указатель собственных имен	357
Периодические издания, упоминаемые в тексте	379

ISBN 978-5-85209-348-6

Подписано в печать 20.03.2015.
Формат 60×84/₁₆. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 500 экз.
Заказ № 3. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1

Анна Ивановна Волкова
(урожд. Вишнякова; 1847–1910),
публицист, переводчица,
благотворительница. Издавала журнал
«Друг женщин», посвященный вопросам
обучения и проблемам женщин
в обществе. В отличие от многих
последовательниц феминизма видела
необходимость женского образования
не в обретении независимости, а
наоборот, рассматривала просвещение
как средство укрепления семьи,
способствующее более ответственному
материнскому воспитанию

